

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 27. № 1

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 27. No. 1

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, Yu.I. Nedelkina*
Editor of English texts *E.A. Agarkova*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Relayed to print Jan. 24, 2022.
Date of publication: Febr. 24, 2022. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 23.4. Published pages 25.2.
Number of copies 500 (1st dublicate 1–31). Order 26. «С» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькина*
Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 24.01.2022 г.
Дата выхода в свет: 24.02.2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 25,2.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.). Заказ 26. «С» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022

Том 27. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2022

Volume 27. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2022. Vol. 27. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Volgograd);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);

Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022. Т. 27. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- Антюхова Е.А., Блохин В.Ф.* Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру 6
- Дубровская Е.Ю.* Политические взгляды и позиции российских военных в Финляндии на заключительном этапе Первой мировой войны (весна – лето 1917 г.) 20

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РОССИИ В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

- Евдокимов В.Б., Степанов М.М., Залошло М.В.* Поиск наиболее эффективных способов охраны правопорядка в годы Гражданской войны в России: становление и деятельность органов милиции основных государственных образований 35
- Шкаревский Д.Н.* Органы пенитенциарной юстиции СССР: особенности функционирования в 1944–1956 годах 46

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СССР В 1930–1940-е ГОДЫ

- Луночкин А.В., Фурман Е.Л.* Организация рабочего питания в Сталинграде в годы первой пятилетки (1929–1933 гг.) 57
- Гоманенко О.А.* Промышленные предприятия речного транспорта Нижней Волги во второй половине 1930-х годов 71
- Косторниченко В.Н.* Нефть в планах наступления германской армии на Сталинград и Кавказ (1940–1943 гг.) 80
- Рябков А.М., Клейтман А.Л.* Служебная записка инженера-конструктора М.И. Кошкина о ходе работ по созданию новых артиллерийских систем в конструкторском бюро Кировского завода (из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга) 90

СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА И СУДЬБЫ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

- Вашкау Н.Э., Легкий Д.М., Беркимбаева А.М.* «Немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять». Положение немецкой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (на примере Кустанайской области Казахстана) 105
- Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М.* Карлаг в судьбе ученого Александры Зайцевой 115

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Жанситов О.А.* Смена власти в Кабарде в период революционных потрясений 1917–1918 годов 129
- Текуева М.А., Коновалов А.А., Гугова М.Х.* Идея национальной независимости в Нальчикском округе в период Гражданской войны 139
- Тарасова М.В., Юрченко И.В., Донцова М.В.* Факторы дестабилизации региональных процессов на Юге России (на материалах Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея) 151

ЗАПАД И ВОСТОК: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

- Салмин А.К.* Вопросы идентичности дунайских болгар с историческими предками чувашей в исследованиях А.А. Куника 167
- Вартамян Э.Г.* Развитие политических, экономических и культурных связей между арабскими странами и Болгарией (конец XIX – XX в.) 174
- Аватков В.А., Прилепский П.А.* Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» 186

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

- Кочетков А.П.* Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества 198
- Панкратов С.А., Морозов С.И., Гаврилов С.Д.* Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики 213
- Макаренко К.М.* Протестный дискурс онлайн- и офлайн-митингов в современной России 225
- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.* Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования 236

CONTENTS

POLITICAL TRANSFORMATIONS DURING THE FIRST WORLD WAR

- Antyukhova E.A., Blokhin V.F.* Transformation of the Public Sphere During World War I: Attitude to War and Peace 6
- Dubrovskaya E.Yu.* Political Views and Positions of the Russian Servicemen in Finland at the Final Stage of the First World War (Spring – Summer 1917) 20

**RUSSIAN LAW ENFORCEMENT AGENCIES
IN THE WAR AND POST-WAR PERIOD**

- Evdokimov V.B., Stepanov M.M., Zaloilo M.V.*
Search for the Most Effective Ways
to Protect Legal Order During the Civil War in Russia:
Formation and Activity of Police Bodies
of the Main State Formations 35
- Shkarevsky D.N.* The Penitentiary Justice of the USSR:
Peculiarities of Functioning in 1944–1956 46

**MANUFACTURING IN THE USSR
DURING THE 1930s – 1940s**

- Lunochkin A.V., Furman E.L.* Organization of Catering
for Workers in Stalingrad
During the First Five-Year Plan (1929–1933) 57
- Gomanenko O.A.* Water Transport Industrial
Establishments in the Lower Volga
in the Latter Half of the 1930s 71
- Kostornichenko V.N.* “Oil Factor” in the Planning
of the German Army’s Offensive on Stalingrad
and the Caucasus (1940–1943) 80
- Riabkov A.M., Kleitman A.L.* The Design Engineer’s
M.I. Koshkin Memorandum on the Progress of Work
of New Artillery Systems Creation in the Kirov’s Plant
Design Bureau (From the Funds of the Central State Archive
of Historical and Political Documents
of Saint Petersburg) 90

**STALIN’S POLICY AND THE FATE
OF THE PEOPLES IN KAZAKHSTAN**

- Vashkau N.E., Legkiy D.M., Berkimbayeva A.M.*
“Do Not Count German Resettlers
Among the Evacuated Population”.
The Position of the German Intelligentsia,
During the Great Patriotic War (On the Example
of Kustanay Region of the Kazakh SSR) 105
- Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M.* Karlag
in the Fate of the Scientist Alexandra Zaitseva 115

**NORTHERN CAUSASUS:
REGIONAL PROCESSES**

- Zhansitov O.A.* Change of Power in Kabarda
During the Revolutionary Upheaval of 1917–1918 129
- Tekueva M.A., Kononov A.A., Gugova M.Kh.*
The Idea of National Independence
in Nalchik District During the Civil War 139
- Tarasova M.V., Yurchenko I.V., Dontsova M.V.*
Factors of Regional Processes Destabilization
in the Southern Russia 151

WEST AND EAST:

ETHNOCULTURAL AND POLITICAL TIES

- Salmin A.K.* Matters of the Danube Bulgars Identity
and the Historical Ancestors of Chuvash
in the Studies of Arist Kunik 167
- Vartanyan E.G.* Development of Political,
Economic and Cultural Relations
Between Arab Countries and Bulgaria
(The End of the 19th – 20th Centuries) 174
- Avatkov V.A., Prilepsky P.A.* Sino-Turkish Relations
in the “New Era” 186

**POLITICAL PROCESSES
OF MODERN SOCIETY**

- Kochetkov A.P.* Formation of the Digital Elite
As a New Stratum
of the Global Information Society 198
- Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D.*
Protest Activity of Modern Youth in the Context
of Institutionalization of Digital Policy 213
- Makarenko K.M.* Online
and Offline Protest Discourse
in Modern Russia 225
- Rostovskaya T.K., Vasileva E.N.* The Presentation
of Family and Demographic Policy in the Media:
Results of the All-Russian Study 236

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

UDC 94(100)“1914/19”:316.653
LBC 63.3(0)532+72*63.3

Submitted: 15.11.2021
Accepted: 17.01.2022

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SPHERE DURING WORLD WAR I: ATTITUDE TO WAR AND PEACE

Ekaterina A. Antyukhova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Valerii F. Blokhin

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper analyses the Russian public sphere during World War I. Special attention is paid to the peculiarities of the functioning of the periodical press under the conditions of military censorship. The paper demonstrates how censorship restrictions regulated the discussion of issues that were of special political importance and transformed the publicity regime in the country. *Methods and materials.* The presented work is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological framework for writing the article is the public sphere model proposed by J. Habermas, as well as special methodological approaches developed in the works of N. Luhmann. With a view to understanding and analysing the processes taking place in the public sphere, the research method of case studies is used. The source base of the study, in addition to publications in periodicals, consists of official documents regulating the activities of military censorship institutions in Russia. *Analysis.* The study reveals and demonstrates the possibilities of the periodical press to create a special sphere of publicity in the country through the information impact on the population. The article states that the press at the early stage of World War I did not differ in the variety of opinions, made no attempt to develop an objective overview of what was going on. First of all, the issues of the “fair war” and “inevitable victory” were brought up, which fueled the atmosphere of patriotic euphoria. At the same time, the military censorship suppressed any attempts to discuss the possibility of making peace between belligerent countries, even if they came from the supporters of military conflict, as it was the case with the article by P.A. Sorokin. The same trend was observed both in 1915 and 1916. Mentioning peace on the pages of the periodical press was equated with violations that the enemies could use to their advantage. *Results.* Thus, the press acted as only one, albeit very important, element of the public sphere within which the formation of public opinion took place during World War I. The mechanisms of the public sphere fulfilled one of the key tasks: due to its influence the population was mobilized in all areas of its practical activity. At the very beginning of the war, the press stood in solidarity with the authorities regarding the inevitability of the future victory of Russia and the need to protect the Fatherland from enemy attacks. The question of the duration of hostilities and the advent of peace was more complicated. However, as the war continued and the internal political crisis grew, the attitude towards the early conclusion of peace was changing, gradually transforming into hatred of all the actors of the war in the public sphere, with its own authorities taking the place of the enemy governments. Throughout the war, the pressure on the media by the censorship striving to maintain a pro-government publicity regime increased. However, at some point the transformation of the public sphere became irreversible and in many ways predetermined the events of 1917. *The authors' contribution.* E.A. Antyukhova has defined the methodological approaches to the interpretation of the documents of the periodical press of World War I in terms of the public sphere, demonstrated its possibilities in the formation of public opinion. V.F. Blokhin has analyzed the existing points of view in the domestic and foreign historiography on the features of the functioning

© Антюхова Е. А., Блохин В. Ф., 2022

of the periodical press under the conditions of World War I, demonstrated the work of military censorship at different stages during the military conflict.

Key words: World War I, periodical press, censorship, public sphere, problem of war and peace.

Citation. Antyukhova E.A., Blokhin V.F. Transformation of the Public Sphere During World War I: Attitude to War and Peace. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

УДК 94(100)“1914/19”:316.653
ББК 63.3(0)532+72*63.3

Дата поступления статьи: 15.11.2021
Дата принятия статьи: 17.01.2022

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И МИРУ

Екатерина Андреевна Антюхова

МГИМО МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Валерий Федорович Блохин

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Аннотация. В работе предпринят анализ российской публичной сферы периода Первой мировой войны. Заметное внимание уделяется особенностям функционирования периодической печати в условиях военной цензуры. Продемонстрировано, каким образом цензурные ограничения регламентировали обсуждение вопросов, обладавших особой политической значимостью, трансформируя режим публичности в стране. Представленная работа основывается на принципах историзма и объективности, методологической основой послужила модель публичной сферы, предложенная Ю. Хабермасом, а также специальные методологические подходы, разработанные в трудах Н. Лумана. Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших деятельность военно-цензурных учреждений России. В ходе исследования выявлены и продемонстрированы возможности периодической печати в формировании особой сферы публичности в стране через информационное воздействие на население. В статье констатируется, что пресса на начальном этапе Первой мировой войны не отличалась разнообразием мнений, а военная цензура пресекала любые попытки рассуждений о возможности заключения мира между воюющими странами. Эта же тенденция прослеживалась и в 1915 г., и на протяжении 1916 года. *Вклад авторов.* Е.А. Антюхова определила методологические подходы интерпретации документов периодической печати периода Первой мировой войны в аспекте публичной сферы, продемонстрировала ее возможности в формировании общественного мнения. В.Ф. Блохин осуществил анализ имеющихся точек зрения в отечественной и зарубежной историографии на особенности функционирования периодической печати в условиях Первой мировой войны, продемонстрировал работу военной цензуры на разных этапах в ходе военного конфликта.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, цензура, публичная сфера, проблема войны и мира.

Цитирование. Антюхова Е. А., Блохин В. Ф. Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

Введение. Для оценок особенностей российской публичной сферы периода Первой мировой войны важен как анализ механизмов официальной пропаганды и особенностей цензурного контроля за суждениями, вызывавши-

ми общественный резонанс, так и учет регулярно проявлявшегося стремления населения прямо или косвенно воздействовать на представления друг друга в рамках существовавшей структуры публичной коммуникации.

Эффект публичности находил выражение в газетах и «толстых» журналах, в художественно-публицистических произведениях, в литературной критике, в трактатах и памфлетах, а также в распространяемых слухах, в салонных и бытовых разговорах.

Применительно к различным этапам войны, когда Россия имела военные успехи или терпела неудачи, формировался соответствующий режим публичности, в рамках которого обострялись цензурные воздействия, следовали административные санкции, или, наоборот, проявлялось очевидное и даже демонстративное равнодушие к обсуждаемым проблемам. Однако и в первом варианте, и во втором существовали темы, обладавшие особым политическим весом и значимостью, претендующие на роль своеобразных социально-политических инструментов.

Из всего их многообразия можно выделить две основные. Лейтмотивом первой было утверждение «победа будет неизбежной», а второй – «война ведется для того, чтобы защитить отечество от неспровоцированного нападения». Эти две позиции сопровождала третья тема, которая обязательно присутствовала в публичной сфере противостоявших сторон – о «способности и необходимости продолжения войны». Если в основе обсуждения двух первых лежало подкрепляемое цензурными ограничениями непоколебимое доверие к верховной власти, то в отношении дискуссий по последней запреты зачастую оказывались бессильными. Ее проблематика обуславливалась степенью готовности населения следовать за своими правительствами в возникшем противостоянии, а формировалась эта готовность на уровне индивидуальных установок, определявшихся социально-экономическими, духовными, семейными и многими другими обстоятельствами. Пропагандистский ресурс оказывался не всегда эффективным в этом многофакторном поле.

Стороны конфликта пристально следили за настроениями в стане противника, а печать, выступавшая в качестве одного из эффективных средств воздействия на общественное мнение, одновременно являлась вольным и невольным способом его отражения. Вот почему со стороны военной цензуры России и

Германии самые жесткие ограничения касались рассуждений о возможностях достижения мира, а периодическая печать обеих стран до поры до времени с удовлетворением констатировала наличие даже малейших проявлений такой «слабости» у противника.

В статье воспроизведена часть текста неизвестной до настоящего времени публикации российско-американского социолога П.А. Сорокина, являвшегося в годы Первой мировой войны сотрудником петроградской газеты «Вечернее звено». Издание целиком не сохранилось, и в ведущих библиотеках страны имеются только отдельные его номера. Текст статьи будущего известного ученого, раскрывающий его отношение к проблеме войны и мира, не был опубликован, но оказался среди изъятий из газеты военным цензором, дойдя до нас в архивных документах. Помимо важности сохранения научного и литературного наследия Питирима Сорокина, его публикация имеет и вторую весомую составляющую, позволяющую проиллюстрировать заявленный политический контекст проблемы отношения к миру.

Историография. Изучение вопросов функционирования печати в условиях военного времени, в том числе опыта информационного воздействия на население в годы Первой мировой войны, активизировалось в рамках советской науки в середине 1920-х годов. В определенном смысле это было обусловлено внешнеполитическим кризисом англо-советских отношений, грозившим перерасти в полномасштабный военный конфликт. Не случайно в изданной в этот период книге бывшего генерал-лейтенанта Российской императорской армии Н.М. Потапова, перешедшего на службу к большевикам, интерпретировались функции печати военного времени [24], что нашло отражение в оглавлении разделов работы: «Роль печати в современной войне», «Военная работа печати», «Руководство печатью во время войны».

Потенциальные противники Советской России были озадачены приблизительно теми же проблемами. В 1927 г. была издана в Лондоне, а в 1929 г. опубликована в СССР книга американского политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла (Harold D. Lasswell) «Техника пропаганды в мировой войне» (в современном

переводе переиздана в 2021 г.). В предисловии от советского издательства отмечалось, что издание займет видное место «в арсенале советского журналиста, агитатора, пропагандиста» [16].

Специальная глава под названием «Печать и война» содержалась в написанной в это же время книге Ф.Л. Блументаля «Буржуазная политработа в мировую войну, 1914–1918: обработка общественного мнения». В ее первой главе пояснялось, что политическая пропаганда и есть та самая «политическая работа», о которой идет речь в заглавии книги [7]. Автор явился также редактором перевода еще одного издания, которое увидело свет на родине в 1920 г., а в СССР было опубликовано в 1928 г. – книги Кэмпбелла Стюарта «Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг.» [28]. Таким образом, в 1920-е гг. в Советском Союзе появились труды, в которых на основе опыта Первой мировой войны анализировались особенности функционирования пропаганды и выявлялся пропагандистский потенциал прессы.

Однако в дальнейшем интерес к массовой периодической печати периода 1914–1918 гг. возродился только в 1970-е годы. Так, участию прессы в политическом военном противостоянии была посвящена монография А.Ф. Бережного «Русская легальная печать в годы Первой мировой войны» [5].

В постсоветской историографии появились исследования периодической печати не только с точки зрения ее роли в агитации и пропаганде, но и как культурной составляющей определенной исторической эпохи, выразительницы интересов и мнений различных слоев населения. Материалы газет и журналов периода Первой мировой войны служили источником для демонстрации общественных настроений. В результате исследований было выявлено, что по мере развития военного конфликта средства печати отказались от функции критического отображения происходившего и превратились в манипуляторов общественным мнением [11].

Однако появившиеся труды в своем большинстве не претендовали на серьезное обобщение, ограничиваясь изучением отдельных газет и журналов. Исключением можно счи-

тать работы известного специалиста в области истории журналистики Г.В. Жиркова [12], который попытался реконструировать своеобразие функционирования периодической печати в условиях военного цензурного режима.

Среди изданий последних лет следует отметить вышедший в 2017 г. заключительный шестой том объемного издания «Первая мировая война 1914–1918 годов» [23]. Материалы книги отразили особенности принятия ключевых решений, связанных с войной, за закрытыми министерскими дверями, но с учетом массовых настроений, заставлявших правительство активно действовать на «информационном фронте».

Многоаспектный взгляд на проблему, в том числе развернутый анализ специфики функционирования цензуры и пропаганды в военный период, содержится в последней книге немецкого историка Эберхарда Демма (Eberhard Demm) [31]. При этом автор констатирует, что рассматриваемая им тема по-прежнему является малоизученной.

Непосредственно деятельности российской военной цензуры посвящено по-прежнему небольшое число научных работ [2; 4; 6; 10; 22]. В настоящее время очевидной необходимостью является выполнение исследовательских проектов по дальнейшему изучению механизмов официальной пропаганды и особенностей режима публичности в условиях войны. Публичная сфера в годы Первой мировой войны была связана с коллективной формой понимания социальной действительности. Она выступала в рамках политической системы в качестве посредника в коммуникации между официальными и неформальными структурами как инструмент давления на государственный аппарат, поэтому нуждалась в особом изучении. Одну из первых попыток в российской исторической науке интерпретировать публичную сферу предприняли авторы сборника статей, подготовленного в 2021 году. Они рассмотрели режимы публичности, существовавшие в России на различных этапах ее истории [21], однако, к сожалению, практически не затронув периоды войн, когда в этой сфере происходили значительные изменения.

Методы и материалы. В статье на основе модели публичной сферы, предложен-

ной Юргеном Хабермасом в работе «Структурное изменение публичной сферы» [29], осуществлена интерпретация некоторых аспектов медийного пространства Российской империи в годы Первой мировой войны. Под «публичной сферой» нами понимается институт (в данном случае ее часть – периодическая печать), в рамках которого происходило обсуждение общественно значимых вопросов и проблем, превращавших его в площадку для формирования общественного мнения. Авторы констатируют, что в отличие от Англии, Франции и Германии публичная сфера в Российской империи начала формироваться только во второй половине XIX века. Введение военной цензуры в начале Первой мировой войны сократило возможности гражданских дискуссий на страницах печати, что привело к ее деформации.

Идеи немецкого социолога Никласа Лумана, изложенные им в работе «Реальность массмедиа», дали возможность авторам рассматривать периодическую печать Российской империи как обособленную социальную систему, в которой происходило «удвоение или конструирование реальности». Н. Луман утверждал, что «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [18, с. 8]. Реальность, созданная в средствах массовой информации, по его мнению, воспринимается как сама реальность, что, как считают авторы, позволяет выявить ее потенциальные возможности по манипулированию общественным сознанием, в том числе в пропагандистском ключе.

Представленная работа основывается на принципах историзма и объективности. Системно-исторический метод позволил комплексно подойти к анализу основной проблемы – отношению к мирному разрешению возникшего широкомасштабного военного конфликта, которое генерировалось в публичной сфере Российской империи с началом Первой мировой войны. С целью понимания и анализа происходивших процессов, протекавших в этой сфере, был использован исследовательский метод кейс-стади (case study).

Отдельные эмпирические кейсы, которые рассматриваются в статье, должны, по мнению авторов, проиллюстрировать особен-

ности режима публичности, который задавался цензурными ограничениями, выявить условия, при которых обсуждение ряда актуальных тем и вопросов становилось политическим действием, влиявшим не только на ситуацию в стране, но и на международную повестку, вплоть до генерирования военного конфликта, то есть превращалось в «коммуникативную власть».

Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших деятельность цензурных учреждений России: материалов фонда «Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати», хранящихся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, а также документов из Российского военно-исторического архива в г. Москве.

Анализ. Первая мировая война, унесшая жизни более пятнадцати миллионов человек, уничтожившая три империи, началась спустя тридцать дней после роковых событий 28 июня 1914 г., когда эрцгерцог Франц Фердинанд, старший из племянников кайзера и наследник престола, и его жена София были убиты в результате покушения в Сараево. С тех пор прошло более ста лет, но, несмотря на столь внушительный временной отрезок, значимость для исторической и политической науки связанных с ней вопросов не утратила своего первоначального звучания.

Современные исследователи справедливо усматривают в этих событиях не только небывалое по числу участников военное противостояние, но и разногласия по поводу различного отношения к жизненным идеалам и даже «конфликт разных философских мировосприятий и принципов» [19, с. 90]. Важным обстоятельством выступает тот факт, что широта последних изысканий основывается на привлечении новых источников самого разнообразного содержания: от солдатских писем до статей в периодической печати, мемуаров и философских трактатов.

Избегая категоричных выводов по вопросу о предубежденности средств печати в условиях начавшейся войны, об их отказе от отражения общественных настроений в пользу манипулирования ими, отметим, что большин-

ство журналистов периодических изданий руководствовало необходимым профессиональным кодексом поведения, не допускавшим полную капитуляцию перед субъективным мнением цензуры или навязанной официальной точкой зрения.

Одновременно признаем, что пресса на начальном этапе войны не отличалась разнообразием мнений, а главное, не предпринимала попыток выработать особое авторитетное представление о происходивших событиях. Запальчивый патриотизм средств массовой информации являлся отражением общих настроений, господствовавших в обществе, и утверждение о неизбежности победы в начавшейся войне, а также разоблачение коварного врага, вина которого в развязывании войны не вызывала ни у кого сомнений, регулярно подпитывался этими настроениями.

В оправдание прессы следует сказать, что возникшая воображаемая реальность общественного единства, вызванного войной, многими оценивалась как своеобразная общественная перезагрузка, старт новых отношений в обществе, страдавшем от острых социально-экономических разногласий. Отсюда действия военной цензуры, пытавшейся пресечь минимальные попытки рефлексий о проблемах войны и мира в формулировках заголовков и новостных материалах даже у тех, кто на первый взгляд не выходил за рамки сформировавшегося режима публичности, не вызывали общественного противодействия.

На наш взгляд, в этом плане показателен эпизод, связанный с неизвестным ранее материалом в газете «Вечернее звено», относящемся к 5 сентября 1914 года. Статья принадлежала перу российского и американского социолога, на тот период являвшегося кандидатом на степень магистра в Петроградском университете, Питирима Александровича Сорокина.

В своей «Автобиографии», написанной позже за границей, он отмечал: «Если в начале войны царское правительство поддержала вся нация, то его неготовность и растущая неспособность успешно вести оборону страны быстро подорвали патриотическую поддержку, доверие к правительству и его престиж» [27, с. 72]. Себя П.А. Сорокин относил к этому большинству, заявляя: «Прав я был

или нет, не знаю, но я одобрял позицию социал-патриотов» [27, с. 74].

В архиве цензурного ведомства сохранились гранки его статьи с «исключениями» (вычеркнутыми местами. – Е. А., В. Б.), сделанными просматривавшим ее цензором. Весь зачеркнутый текст связан с попытками П.А. Сорокина объяснить политические взгляды тех, кто выступал накануне и в начале мировой войны за эскалацию конфликта.

Представляя свое видение проблемы, автор высказал критические суждения о сторонниках и противниках войны. Уже само по себе заявление о наличии таких мнений не допускалось цензурой, тем более если речь шла о довольно подробном освещении позиции этих существовавших сил. Здесь уместно привести слова из книги В.Л. Агапова, одного из авторов исследования, посвященного истории печати: «...знание истории цензуры необходимо, чтобы за тем, о чем писала пресса, видеть то, о чем она была вынуждена молчать...» [1, с. 33].

Примечателен стиль статьи П.А. Сорокина, называвшейся «“Моральные надрывки” (“Легкомысленные трубадуры” и “мнимые праведники”»)» [3, л. 4–4 об.]. В 1914 г. профессия журналиста в значительной степени воспринималась как литературная деятельность, при помощи которой не только продвигались определенные идеи, но и расширялась читательская аудитория. Очевидно, что автор публикации с особым усердием реализовывал такое видение своей задачи, переполняя текст замысловатыми аллегориями, способными в том числе и усыпить бдительность военной цензуры.

П.А. Сорокин задавался вопросами, ««непроизвольно всплывшими на поверхность нашей совести»: “Как быть? Как отнестись к войне? Отказаться ли от мира во имя войны или проклясть войну во имя мира?”» [3, л. 4]. Вслед за этим автор попытался представить взгляды последователей противоположных точек зрения, критически высказываясь и о «бездумных сторонниках войны», и о ее противниках.

Зачеркнутый цензором текст содержал оценку тех, кто безоговорочно поддерживал войну: «Они просто опорожнили свою совесть от старых формул и с легкой душой, и с без-

заботным сердцем, забили в бубны и тимпаны, забряцали оружием и затем дидтрамбы (так в гранках. – Е. А., В. Б.) войне и ее стихийно-кровавой симфонии. Засучив рукава, «заеунув руки в брюки», они, подобно Азову из “Дня”, засвистали легкомысленно: “воевать так воевать”» [3, л. 4].

Со всей очевидностью цензор был категорически против авторской позиции, несмотря на то что П.А. Сорокин в конце публикации однозначно высказывался о близости ему (при определенной корректировке) точки зрения именно этой части общества. По его утверждению, ему были «противны» те, кто активно выступал против войны.

Однако и остальные рассуждения о сторонниках войны также были безжалостно уничтожены цензором: «~~Какое им дело до того, что сотни тысяч здоровых людей сложат свои головы! Что им вопли и стоны раненых! Что им до того, что цветущие поля обратятся в растоптанную грязь, что города и села растают в пожаре огня и меча. Пусть страдают матери и жены, пусть корчатся от боли нежные тела и чистые души детей! Что им до этого!~~

~~Разгильдяйски, бесшабашно они закрыли глаза на все эти явления, забыли вечные заветы, весело оседлали своего игривого Роеинанта и затрубили: “Гром победы раздавайся! Воевать так воевать”. Так решили “надрыть” эти трубадуры легкомыслия, решающие мировые проблемы, “ковыряя в нося”~~ [3, л. 4 об.] (так в тексте. – Е. А., В. Б.).

В заключительной части статьи, раскрывавшей позицию самого автора, также присутствовали цензорские изъятия текста: «Я не люблю ни тех, ни других. ~~Если противны легкомысленно разгильдяйские трубадуры войны, способные только фланировать по проспектам и воинственно бряцать за вынужденным столом, то еще более противны очерченные твердокаменные праведники, жертвующие всем миром во имя мнимой чистоты их маленькой, плюгавенькой совести. Трубадуры легкомысленны и в этом их извинение~~» [3, л. 4 об.].

В концовке текста П.А. Сорокин высказал причины своей поддержки начавшейся войны. Эту его позицию цензор, вероятно, вполне разделял, поскольку на данную часть ста-

ть его карандаш не посягал: «И теперь, как и раньше, истинное решение “надрыва” дали Платоны Каратаевы, те “серые герои”, то “пушечное мясо”, которое устилает своими трупами поля Австрии, Пруссии и нашей окраины. Они знают, что война – бедствие. Но знают также, что теперь это бедствие еще неизбежно: не пробил еще час “мира всего мира”. <...> Поэтому совесть дает одно решение, один императив: принять удары войны на свое тело, подставить свою грудь, наравне с другими под пули и сабли!» [3, л. 4 об.].

Измененный текст статьи практически полностью переиначил ее смысл. Первоначально были рассуждения о позициях двух сторон и авторские сомнения насчет своего собственного выбора между поддержкой войны и ее осуждением. В остатке оказалась критика «мнимой праведности и моральной доблести» в пользу сторонников военного конфликта. Задача, стоявшая перед военным цензором, была успешно решена.

Постепенно, по мере расширения масштабов военного конфликта, значительно возросло число тем, которые подпадали под действие военной цензуры, внутренняя пропаганда обрела масштабные размеры, хотя и в том, и в другом стала проявляться некоторая усталость. Определенные запреты переставали действовать, хотя и не отменялись, но проблема мира не входила в их число и продолжала вызывать резкое противодействие со стороны военной цензуры.

Возможность примирения в условиях обострения конфликта зависела от духовной атмосферы, царившей в различных странах, от готовности отказаться от накопившихся претензий друг к другу. Однако в большинстве государств, занимавших ключевые позиции в набиравшем обороты конфликте, происходили процессы, совершенно противоположные примирению.

Например, в российском иллюстрированном журнале «Лукоморье» рассказывалось о повсеместной «мобилизации» воинствующей поэзии, наблюдаемой практически во всех периодических изданиях, печатавших «пулементные стихи». Это новое явление оценивалось следующим образом: «Еще не засвистели пули, не пролилась кровь, а уже 10,000 поэтов непобедимой армадой двинулись на вра-

га, – иронизировал автор фельетона, – великое единодушие проявила в те дни поэзия. Куда девались акмеизмы с футуризмами, как сквозь землю провалились направления, нет больше вырожденцев, нет отщепенцев, все патриоты, все спасают отечество» [25, с. 16]. Причину активизации (мобилизации) литературных сил журнал видел в появлении новых возможностей, пришедших вместе с развивавшимся конфликтом. До войны – безземье, библиотечная пыль, «а теперь пришли золотые времена. Каждый день что-нибудь и выплывет новенькое – то “Лузитания” (британский трансатлантический пассажирский пароход, затопленный немецкой подводной лодкой. – Е. А., В. Б.), то “обрезанные уши”. А если иной день и без сенсации – все же можно подергать за усы “безумного Вильгельма”» [25, с. 17].

Собственные традиции, культура представлялись в печати исключительно в позитивном ключе и противопоставлялись традициям и культуре потенциальных противников в будущей войне. Например, во Франции немцев называли только пренебрежительно «бошами», в Англии использовали термин «Hun» (варвары), а в российской печати – «обезумевшие тевтоны» [17, с. 7].

Применительно к самой Великобритании во многих странах прилагалось определение «трусливый Альбион», говоря о России, толковали об «азиатском деспотизме» и варварстве. В Германии периодическая печать была полна рассуждений о необходимости борьбы за собственную идентичность, за «место под солнцем», немцы представлялись исключительно «культурной нацией», что служило в свою очередь в странах Антанты обоснованием необходимости борьбы с агрессором.

Призыв к привлечению и концентрации всех материальных и духовных возможностей, которыми располагала Россия для победы над врагом, обретала иногда довольно причудливые формы. Слово «мобилизация» в 1915 г. звучало на всех совещаниях, не сходило со страниц газет. «Мобилизовывалась» промышленность и урожай этого года, чугун, банковский и торговый капитал. В периодических изданиях было отведено место и идее всероссийской интеллектуальной мобилизации, а также «мобилизации печати», которая содержала в каче-

стве ключевой идею сохранения «национального бытия». В отличие от экономической мобилизации, интеллектуальная была в большей степени направлена внутрь страны.

Противостоящие друг другу в войне государства пристально следили за публикациями в периодических изданиях противостоящей стороны, пытаясь уловить общее настроение, господствовавшее в стане соперников, а особенно – возможную смену состояния духа, проявляющуюся в изменении общего настроения печати. Достоверность получаемых таким образом сведений обеспечивалась наличием активно действовавшей в России и Германии военной цензуры, зорко следившей за направленностью публикаций.

В России официально запретили использование немецкой речи в публичных местах, а заодно пытались изъять и речевые заимствования, укоренившиеся в литературном языке. Правительственных решений на этот счет не было, зато за дело принялись периодические издания, рассматривавшие этот вопрос через призму проникновения немецкого влияния в различные области жизни.

Ярким примером может служить подготовленная публикация от «Бюро русских журналистов» за 2 июня 1915 года. В статье «Немецкая шелуха» говорилось о большом количестве немецких слов, внедрившихся в русский обиход: «Русской хозяйке не приходится, например, в голову, что слова кухарка, бутерброд, вафли, крендели, паштеты, клецки, фарш и т. д. – это как раз та немецкая шелуха, без которой русское хозяйство могло бы обойтись совершенно свободно. В области наших развлечений кегли, танцы и фейерверки – настоящий немецкий налет» [20, л. 3 об.]. Далее упоминалось употребление других заимствований из немецкого языка в самых различных сферах: в одежде – галстуки, обшлага, позументы, аксельбанты, канты, кители, лампасы, лацканы, фраки, шлафроки, муфты, рейтузы, шлейфы, шнуры, штиблеты, штрипки; в служебной деятельности – ассесоры, гофгерихты, ратуши, аккредитивы, апробации, акты, проекты, ордера и рапорты; в живописи – абрис, ландшафт, блок, мольберт, масштаб, папка, рейсфедер; в медицине – пластырь и шрамы [20, л. 3 об.]. Автор публикации не только настаивал на замене немецких слов в

русском языке, но и вслед за изгнанием немецких подданных из России предлагал освободить от якобы процветавшего немецкого влияния русскую школу и науку.

В России с началом войны Штаб верховного главнокомандующего предлагал активнее использовать периодическую печать для показа нравственных недостатков, присущих или якобы присущих противнику. Такого рода публикации в итоге должны были способствовать развитию в солдатах «чувства глубокой ненависти к врагу, а вместе с тем подчеркнуть все отрицательные стороны попадания в плен» [9, л. 109]. В результате периодические издания, опережая друг друга, включились в формирование на своих страницах образа врага, используя все литературные и художественные возможности: от фундаментальных романов до карикатур.

Русский поэт и публицист Георгий Владимирович Иванов, критически оценивая особенности литературных произведений начального периода войны, иронизировал: «...огромный роман Сологуба “Острие меча”, где повествовалось о трех генеральских дочерях-невестах. Жених одной – прекрасный француз, другой – джентльмен-англичанин, третьей – немец, исчадие ада. Союзные женихи совершают чудеса доблести и благородства, немец насилует детей, взрывает Реймский собор и “коварно” убивает в бою жениха-француза. Попутно три сестры ходят босыми ногами по предутренней росе и “видят вещие сны”» [15, с. 244].

В конце 1912 г., то есть незадолго до начала войны, для сохранения тайны при освещении важных вопросов обороны страны был утвержден «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается». В январе 1914 г. был опубликован новый «Перечень», а 12 июля 1914 г. в условиях изменившейся внешнеполитической ситуации появился еще один переработанный вариант этого документа. Причем, естественно, каждый раз изменения предполагали увеличение тем, затрагивать которые прессе было категорически запрещено.

Начало войны вызвало к жизни новые запреты на распространение сведений, связанных с численностью и составом воинских частей, с их расположением и возможным пере-

мещением. Печати было запрещено делать описание вооружения, довольствия, санитарного состояния. Не допускались рассуждения о боевых качествах, военных укреплениях, производстве заказов военного ведомства, складах, предстоящей мобилизации. Новые запрещенные темы касались состояния транспорта и связи, а также нельзя было писать о поимке шпионов и суде над ними. Технические достижения предопределили запреты в духе времени: на фотографические снимки, эстампы, рисунки, то есть любые изображения, содержавшие секретные сведения [26, л. 91, 91 об., 92].

«Перечень» должен был служить для военных цензоров ориентиром в запретах на публикацию статей и заметок. Однако, хотя в документе ничего не говорилось о запрете рассуждений о возможностях заключения мира, о необходимости всем странам предпринять шаги к мирному урегулированию конфликта, уже продемонстрировавшего в первые месяцы всю пагубность его для народов, любые рассуждения на эту тему в материалах печати были запрещены как в начале войны, так и вплоть до 1917 года.

Подтверждает сказанное практика функционирования военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати. В журнале заседания общего собрания военных цензоров 23 декабря 1914 г. «генерал-майор Н.Н. Тарасевич доложил о разрешенном для “Петроградского курьера” письме офицера, который между прочим спрашивает: не слышно ли чего о мире. Постановлено: никаких упоминаний о мире ни в коем случае в печати не допускать» [14, л. 22 об.].

Это произошло в конце декабря 1914 г., а в начале февраля 1915 г. председательствующий С.Е. Виссарионов указал, что в № 31 (132) «Маленькой газеты» была напечатана статья под заглавием «Первая анкета “Маленькой газеты” о счастье», в которой на вопрос: «В чем заключается счастье?» – был дан ответ: “Скорое окончание войны” и “8-ми часовой рабочий день”. Эти строки не подлежат пропуску» [14, л. 38 об.].

В «Журнале заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати», относящемся уже теперь к январю 1916 г., были обсуждены допущенные нару-

шения в прессе. «В статье, под названием “По поводу мира”, напечатанной в газете “Голос” от 24 января, остались не исключенными следующие строки: “Союзники желают мира, по крайней мере, столь же страстно, как и германская коалиция, но, к сожалению, момент для заключения мира еще не наступил...”» [13, л. 2]. Таким образом, в начале 1916 г., как и в конце 1914 г. и в феврале 1915 г., упоминание о мире, а точнее, сожаление по поводу того, что еще не наступило время, когда можно рассчитывать на его достижение, приравнивалось к нарушениям, которые мог использовать в своих интересах противник.

Печать всех воюющих стран твердила о миролюбивости своих правительств, вслед за тем, по мере приближения войны, – о несправедливости выдвигаемых противником требований, а перед началом мобилизации – о вынужденности и неизбежности участия в военных действиях [8, с. 72–73]. Однако практически везде собственным противникам войны приписывались только отрицательные свойства, поскольку сформированные представления о врагах в своем населении, об их коварстве, кровожадности, пренебрежении к высшим ценностям не допускали возможности примирения с ними. Исключением являлась лишь Великобритания, в которой военно-цензурные запреты распространялись на попытки пропаганды против призыва в армию, на сообщения о забастовках на военных предприятиях и верфях. Однако не запрещалось выражать мнение о том, что войны можно было бы избежать, что она должна быть немедленно прекращена путем переговоров [30, р. 118].

Результаты. Авторы исследования не исходят из представления, что периодической печати принадлежала решающая роль в обсуждении общественно значимых вопросов и проблем, связанных с участием России в мировой войне. Пресса выступала в качестве лишь одного, хотя и очень важного, элемента публичной сферы, в рамках которой происходило формирование общественного мнения. Однако, очевидно, что в переходные периоды общественного развития важность участия печати в социальных процессах неизмеримо возрастала.

В статье, насколько позволяют ее объемы, представлены факты, свидетельствующие

например, об особой роли командования армии и военной цензуры в становлении особого режима публичности, в том числе «интеллектуальной мобилизации». Поставленная цель достигалась при помощи выработки ряда важных концептуальных подходов к оценке существовавшей структуры публичной коммуникации.

Публичная сфера в годы Первой мировой войны была тесным образом связана с коллективной формой понимания социальной действительности, а значит проблему войны / мира можно и следует анализировать через призму публичности. В итоге механизмы публичной сферы выполнили одну из ключевых задач, стоявших перед правительствами всех воевавших государств. При ее непосредственном участии произошла мобилизация населения во всех областях его практической деятельности: от профессоров университетов, до домохозяек, принимавших участие в благотворительной деятельности на пользу фронта.

Война показала, какую огромную роль может играть пропаганда в мобилизации населения, но она продемонстрировала и способность приносить обратные результаты. Очевидно, что ее шансы добиваться ожидаемого эффекта реализуются только в условиях, когда ограничены возможности источников информации транслировать альтернативные точки зрения.

Как отмечалось, в самом начале войны пресса была солидарна с властью в вопросах о неизбежности будущей победы России и о необходимости защиты Отечества от вражеского нападения. Сложнее обстояло дело с вопросом о продолжительности военных действий и наступлении мира.

Все страны-участники были убеждены, что война завершится уже к началу зимы, но по мере переноса сроков ее окончания и параллельного роста социальных проблем, вызванных войной, менялось и отношение к вопросу скорейшего заключения мира, постепенно трансформируясь в публичной сфере в ненависть ко всем актерам войны. При этом место вражеских правительств, развязавших войну, заняла собственная власть.

Вероятно, если бы население можно было убедить в том, что завтра война будет остановлена и наступит долгожданный мир,

начавшиеся процессы удалось бы затормозить. Однако газеты на этот счет молчали, поскольку цензура не допускала на их страницы подобную информацию. По мере нарастания внутривластного кризиса в стране при помощи пропаганды формировались новые мифы, усиливалась проправительственная риторика, росло давление со стороны цензуры на средства информации, но трансформация публичной сферы обрела необратимый характер, во многом предопределив события 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов, В. Л. Последняя война : Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы / В. Л. Агапов. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. федер. ун-та, 2018. – 456 с.
2. Алферова, И. В. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3 (53). – С. 63–84.
3. Альбомы и корректуры газетных статей и заметок, запрещенных или разрешенных с исключениями // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 1–42.
4. Асташов, А. Б. Военная цензура и настроения солдат в русской армии накануне Февральской революции / А. Б. Асташов, П. Симмонс // Русский сборник. Исследования по истории России. – М. : Модест Колеров, 2015. – Т. XVIII. – С. 423–442.
5. Бережной, А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны / А. Ф. Бережной. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
6. Блохин, В. Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольный») / В. Ф. Блохин // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2017. – С. 169–186.
7. Блументаль, Ф. Буржуазная политработа в мировую войну, 1914–1918 гг.: обработка общественного мнения / Ф. Блументаль. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 168 с.
8. Волковский, Н. Л. История информационных войн : в 2 ч. / Н. Л. Волковский. – СПб. : Полигон, 2003. – Ч. 2. – 736 с.
9. Дежурному генералу штаба армий Северо-Западного фронта – из штаба Верховного главнокомандующего // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2048. – Оп. 1. – Д. 910. – Л. 109–109 об.
10. Жилиякова, Н. В. Цензура периодической печати как предмет междисциплинарных исследований / Н. В. Жилиякова // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума, Санкт-Петербург, 18–19 апр. 2019 г. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. – С. 257–259.
11. Жирков, Г. В. Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики / Г. В. Жирков // Век информации. – 2015. – № 2. – С. 77–97.
12. Жирков, Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1918 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2012. – 98 с.
13. Журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати. 12 января 1916 – 14 июня 1916 // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1–18.
14. Журналы заседаний военных цензоров при Петроградском Комитете по делам печати. 13 августа 1914 – 1 марта 1916 // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1–116.
15. Иванов, Г. В. Собрание сочинений : в 3 т. / Г. В. Иванов. – М. : Согласие, 1993. – Т. 3. – 720 с.
16. Ласвель, Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1929. – 199 с.
17. Лукоморье. – 1914. – № 17. – 6 авг.
18. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М. : Практика, 2005. – 253 с.
19. Меньшиков, А. С. Метафизика и генеалогия: Первая мировая война в оценке философов и литераторов / А. С. Меньшиков // Вестник Пермского университета. – 2018. – Вып. 3 (42). – С. 89–96. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-89-96.
20. Немецкая шелуха // Бюро русских журналистов. К бюллетеню № 739. 2 июня // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 235.
21. Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России : сб. ст. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 744 с.
22. Патрушева, Н. Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России / Н. Г. Патрушева // Журналистика и война. К 100-летию Первой мировой войны. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2015. – С. 155–163.
23. Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. Т. 6 : Итоги и последствия войны. – М. : Кучково поле, 2017. – 848 с.
24. Потапов, Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов. – М. ; Л. : Гос. воен. изд-во, 1926. – 82 с.
25. Поэзия для тугоухих. Расцвет // Лукоморье. – 1915. – № 42. – 17 окт.

26. Приложение к приказаниям по армии № 1. Перечень // РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 715. – Л. 91–92.

27. Сорокин, П. А. Дальняя дорога : автобиография / П. А. Сорокин ; пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. – М. : Моск. рабочий : ТЕРРА, 1992. – 303 с.

28. Стюарт, К. Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. / К. Стюарт. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 124 с.

29. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы : Исследования относительно категории буржуазного общества : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2016. – 342 с.

30. Cook, E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau / E. T. Cook. – L. : Macmillan, 1920. – 164 p.

31. Demm, E. Censorship and Propaganda in World War I. A Comprehensive History / E. Demm. – L. ; N. Y. : Bloomsbury Publishing, 2019. – 348 p.

REFERENCES

1. Agapov V.L. *Posledniaia voina: Rossiia v Pervoi mirovoi voine v zerkale dalnevostochnoi pressy* [The Last War: Russia During World War I in the Mirror of the Far Eastern Press]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2018. 456 p.

2. Alferova I.V., Blokhin V.F. «Gasilnik narodnogo dukha»: tsenzurnye ogranicheniia v osveshchenii geroizma frontovikov vo vremia Pervoi mirovoi voiny [“Extinguisher of the Folk Spirit”: Censorship Restrictions in Highlighting the Heroism of Front-Line Soldiers During World War I]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2017, no. 3 (53), pp. 63-84.

3. Albomy i korrekturnykh gazetnykh statei i zametok, zapreshchennykh ili razreshennykh s isklucheniiami [Albums and Proof Leaves of Newspaper Articles and Paragraphs, Prohibited or With the Exceptions Allowed]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 778, inv. 2, d. 1, l. 1-42.

4. Astashov A.B., Simmons P. Voennaia tsenzura i nastroeniia soldat v russkoi armii nakanune Fevral'skoi revoliutsii [Military Censorship and the Mood of Soldiers in the Russian Army on the Eve of the February Revolution]. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2015, vol. 18, pp. 423-442.

5. Bereznoi A.F. *Russkaia legalnaia pechat v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian Legal Press During World War I]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975. 152 p.

6. Blokhin V.F. Voennaia tsenzura perioda Pervoi mirovoi voiny i periodicheskaia pechat «armeiskikh raionov» (na materialakh gazety «Volyn») [Military Censorship of World War I and the Periodic Press of “Army Districts” (As Exemplified in the Newspaper “Volyn”)]. *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost: sb. nauch. tr.* [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2017, pp. 169-186.

7. Blumental F. *Burzhuznaia politrabota v mirovuiu voinu, 1914–1918 gg.: obrabotka obshchestvennogo mneniia* [Bourgeois Political Work During the World War of 1914–1918: Manipulating Public Opinion]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 168 p.

8. Volkovskii N.L. *Istoriia informatsionnykh voyn: v 2 ch.* [History of Information Wars. In Two Parts]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2003, part 2. 736 p.

9. Dezhurnomu generalu shtaba armii Severo-Zapadnogo fronta – iz shtaba Verkhovnogo glavnokomanduiushchego [To the Duty General of the Headquarters of the Armies of the North-Western Front – From the Headquarters of the Supreme Commander]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)], f. 2048, inv. 1, d. 910, l. 109-109r.

10. Zhiliakova N.V. Tsenzura periodicheskoi pechati kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Censorship of Periodical Press As a Subject of Interdisciplinary Research]. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniia: sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma, Sankt-Peterburg, 18–19 apr. 2019 g.* [Media in the Modern World. The 58th Saint Petersburg Readings. The International Scientific Forum Collection of Papers (Saint Petersburg, April 18–19, 2019)]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, pp. 257-259.

11. Zhirkov G.V. *Pervaia mirovaia voina i transformatsiia paradigmy zhurnalistiki* [World War I and the Transformation of the Journalism Paradigm]. *Vek informatsii*, 2015, no. 2, pp. 77-97.

12. Zhirkov G.V. *Ot «narodnoi» voiny k narodnoi tragedii: istoriia russkoi zhurnalistiki 1914–1918 godov: ucheb. posobie* [From the “People’s” War to the People’s Tragedy: The History of the Russian Journalism of 1914–1918. Textbook]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy, 2012. 98 p.

13. Zhurnaly zasedanii voennykh tsenzorov i chlenov Petrogradskogo komiteta po delam pechati. 12 ianvaria 1916 – 14 iyunia 1916 [Minute Books of

Military Censors and Members of the Petrograd Press Committee. January 12, 1916 – June 14, 1916]. *RGIA* [RSHA], f. 778, inv. 1, d. 4, l. 1-18.

14. Zhurnaly zasedanii voennykh tsenzorov pri Petrogradskom Komitete po delam pechati. 13 avgusta 1914 – 1 marta 1916 [Minute Books of Military Censors of the Petrograd Press Committee. August 13, 1914 – March 1, 1916]. *RGIA* [RSHA], f. 778, inv. 1, d. 6, l. 1-116.

15. Ivanov G.V. *Sobranie sochinenii: v 3 t* [Collected Works. In 3 Vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1993, vol. 3. 720 p.

16. Lasvel G. *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Propaganda Technique During the World War]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Otdel voennoy literatury, 1929. 199 p.

17. *Lukomorye*, 1914, no. 17, August 6.

18. Luman, N. *Realnost massmedia* [Massmedia Reality]. Moscow, Praksis Publ., 2005. 253 p.

19. Menshikov A.S. *Metafizika i genealogiia: Pervaia mirovaia voina v otsenke filosofov i literatorov* [Metaphysics and Genealogy: World War One in the Assessment of Philosophers and Literators]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2018, iss. 3 (42), pp. 89-96. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-89-96.

20. Nemetskaia shelukha [German Husk]. *Byuro russkikh zhurnalistov. K byulletenyu № 739. 2 iyunya* [Bureau of Russian Journalists. To Bulletin No. 739. June 2]. *RGIA* (RSHA), f. 778, inv. 2, d. 235.

21. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii: sb. st.* [Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia. Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 744 p.

22. Patrusheva N.G. *Pervaia mirovaia voina i tsenzurnye uchrezhdeniia Rossii* [World War I and the Censorship Institutions of Russia]. *Zhurnalistika i voina. K 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny* [Journalism

and War. To the 100th Anniversary of World War I]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyi universitet: Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy, 2015, pp. 155-163.

23. *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov. V 6 t. T. 6: Itogi i posledstviya voyny* [World War I, 1914–1918. In 6 Vols. Vol. 6. The Outcome and Consequences of the War]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2017. 848 p.

24. Potapov N.M. *Pechat i voina* [Press and War]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1926. 82 p.

25. *Poeziia dlia tugoukhikh. Rastsvet* [Poetry for the Hard of Hearing. Flourishing]. *Lukomorye*, 1915, no. 42, October 17.

26. Prilozhenie k prikazaniiam po armii № 1. Perechen [Appendix to the Army Orders No. 1. List]. *RGIA* [RSMHA], f. 2019, inv. 1, d. 715, l. 91-92.

27. Sorokin P.A. *Dal'nyaya doroga: avtobiografiya* [Long Road. Autobiography]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., TERRA Publ., 1992. 303 p.

28. Stiuart K. *Tainy doma Krii. Angliiskaia propaganda v mirovuiu voinu 1914–1918 gg.* [The Secrets of Crewe's House. English Propaganda During the World War of 1914–1918]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 124 p.

29. Khabermas Iu. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniia otnositelno kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 342 p.

30. Cook E.T. *The Press in War-time, With Some Account of the Official Press Bureau*. London, Macmillan, 1920. 164 p.

31. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I. A Comprehensive History*. London, New York, Bloomsbury Publishing, 2019. 348 p.

Information About the Authors

Ekaterina A. Antyukhova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, e.ant1507@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Valerii F. Blokhin, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bezhitskaya St, 14, 241036 Bryansk, Russian Federation, blohin.val@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>

Информация об авторах

Екатерина Андреевна Антюхова, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, e.ant1507@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Валерий Федорович Блохин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 г. Брянск, Российская Федерация, blohin.val@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

UDC 94(470.22)“1917/1918”

ЛБС 63.3(4Фин)6

Submitted: 02.09.2020

Accepted: 04.08.2021

**POLITICAL VIEWS AND POSITIONS OF THE RUSSIAN SERVICEMEN
IN FINLAND AT THE FINAL STAGE OF THE FIRST WORLD WAR
(SPRING – SUMMER 1917)¹**

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the spring and summer of 1917 changes in the former autonomous Grand Duchy of Finland determined the history of relations between Russia and Finland for decades to come. The purpose of the article is to show changes in the political views and positions of the Baltic sailors and the army servicemen, who were elected to democratic organizations of the Russian military at the final stage of the First World War. *Methods and materials.* The article is based on the results of long standing study of issues, dealing with the stay of the Russian armed forces in the Grand Duchy of Finland, and follows the theoretical developments of V.D. Zimina, B.I. Kolonitsky, E. Mawdsley, A. Wildman on the problems of the Russian revolution of 1917. It uses a historical and anthropological approach to the research of the role of the military factor in the history of Russia and Finland in the 20th Century. *Analysis.* Reviewed archival documents and published sources indicate that immediately after the February Revolution active party organizations in the units were either a rare exception or experienced a stage of formation, which affected the actions of the primary personnel of the Soviets, as well as soldier's and sailor's committees. During the spring months voters' political sympathies were closely associated with the Socialist Revolutionaries as the most popular party in Russia. However, by the summer of 1917 the readiness of the socialist leaders of the Socialist-Revolutionary Party and the Mensheviks to continue the war increasingly contradicted the interests of ordinary servicemen. The question of how the activities of the Soviets and committees of this period fit into the rope of events that became the “prologue” of the Civil War in Russia has been investigated. It is pointed out, that such measures include the abolition of the old apparatus of power, the refusal to comply with the orders of the military authorities, not agreed with soldier and sailor organizations, assistance in the deployment and strengthening of the political union of the Bolsheviks and left-wing groups of socialist parties, support provided to the radical wing of the Finnish social-democracy. *Results.* The study of socio-political transformations that took place in the Russian military community during the period under review and predetermined changes in the views and positions of the Russian servicemen in Finland allows us to conclude the following. In the spring and summer of 1917 leaders of the Soviets and committees still managed to accumulate a certain experience of “inter-party” interaction. It was first noted that that in the course of the revolution development representative organizations of sailors and the army men just during these months were prepared for an independent line of behavior and sometimes outpaced the protest actions of military personnel in the Russian capital.

Key words: Russian revolution of 1917, Finland, servicemen, Soviets, committees, political views and positions, socio-political transformations.

Citation. Dubrovskaya E. Yu. Political Views and Positions of the Russian Servicemen in Finland at the Final Stage of the First World War (Spring – Summer 1917). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 20-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОЗИЦИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ВЕСНА – ЛЕТО 1917 г.)¹

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

Аннотация. Весной – летом 1917 г. в бывшем автономном Великом княжестве Финляндском рождались перемены, определившие историю взаимоотношений России и Финляндии на десятилетия вперед. Цель статьи – показать изменения политических взглядов и позиций балтийских моряков и армейцев, входивших в выборные демократические организации российских военных на заключительном этапе Первой мировой войны. В статье использован историко-антропологический подход к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX веке. Архивные и опубликованные документы свидетельствуют, что сразу после Февральской революции активные партийные организации в частях были либо редким исключением, либо переживали стадию становления, что отразилось на деятельности первых составов Советов и солдатских, и матросских комитетов. На протяжении весенних месяцев политические симпатии избирателей были тесно связаны с эсерами как наиболее популярной партией в России. Однако к лету 1917 г. готовность лидеров социалистических партий эсеров и меньшевиков к продолжению войны все больше приходила в противоречие с интересами рядовых военнослужащих. Изучение социально-политических трансформаций, происходивших в среде российских военных в рассматриваемый период и предопределивших перемены в их взглядах и позициях, позволяет заключить следующее. Весной – летом 1917 г. руководители Советов и комитетов все же сумели накопить определенный опыт «межпартийного» взаимодействия. Впервые отмечено, что в ходе развития революции представительные организации моряков и армейцев в этот период оказались подготовлены к проведению самостоятельной линии поведения и порой опережали протестные действия военнослужащих в российской столице.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., Финляндия, военнослужащие, советы, комитеты, политические взгляды и позиции, социально-политические трансформации.

Цитирование. Дубровская Е. Ю. Политические взгляды и позиции российских военных в Финляндии на заключительном этапе Первой мировой войны (весна – лето 1917 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 20–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

Введение. Для изучения роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX в. представляет интерес проблема «человек на войне», в русле которой предпринято настоящее исследование. В дальнейшей разработке нуждается ее аспект «революция и человек», связанный с изменением политических взглядов и позиций моряков-балтийцев, солдат и офицеров финляндских гарнизонов в обстановке общественных потрясений Российской революции 1917 года. Революция и Гражданская война в России были вызваны как комплексом масштабных объективных и субъективных причин, обусловленных спецификой предшествующего развития страны, так и Первой мировой войной, а в какой-то мере, по заключению московского

историка С.В. Леонова, и «определенной логикой модернизации, развития политического процесса в мире, преломившегося сквозь призму отечественных условий» [17, с. 20].

В 1917 г. российским войскам, оставшимся в Финляндии, на северо-западном рубеже воюющего государства, суждено было сыграть далеко не последнюю роль акторов революции, повлиявших на ход и исход политических трансформаций на Севере Европы. Общее количество размещенных здесь сухопутных войск во время Российской революции 1917 г. составило около 100 тыс. чел.; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. чел. [41, с. 173, 180].

Воздействие общероссийского революционного процесса на отношения внутри российских войск, дислоцированных в Финляндии, не было односторонним. Военнослужащие финляндских гарнизонов активно включались в движение демократического, антивоенного, антибуржуазного и прочих взаимопроникающих потоков, повлияв на системные изменения в социальных и политических институтах Российского государства. Хотя Финляндская революция и революция в гарнизонах изучались достаточно активно, прежде не делались попытки на материале деятельности Советов и комитетов в финляндских войсках рассмотреть события весны – лета 1917 г. как этап единого процесса, объединившего Российскую революцию 1917 г. и последовавшее гражданское противостояние в российском и финляндском обществе.

Дискуссия. В советской исторической науке было принято оценивать дислоцированные в Финляндии армейские и флотские части, которые именовались финляндскими войсками, исключительно как «боевой резерв революционного Петрограда». Массовая радикализация («большевизация») русских Советов Гельсингфорса (Хельсинки), Або (Турку), Таммерфорса (Тампере), Выборга осенью 1917 г., которая облегчила достижение финляндской независимости, также исследована достаточно подробно [13, с. 111–203].

Долгое время в отечественной науке доминировал тезис о «петроградоцентричности» революционного процесса, и все происходившее в стране рассматривалось как ответ на импульсы из мятежной столицы, полученные в одностороннем порядке. Современные исследователи отмечают самостоятельную революционную линию, осенью 1917 г. проводившуюся матросами балтийских военно-морских баз и солдатами гарнизона бывшей великокняжеской столицы Гельсингфорса [1; 16, с. 279–281]. Историки уделили пристальное внимание первым дням и неделям Февральской революции на Балтике – в Кронштадте и на военно-морских базах в Финляндии, прежде всего, кровавым эксцессам в Гельсингфорсе, которые повлекли за собой гибель десятков офицеров Балтийского флота в начале марта 1917 г. [21, с. 180–191; 37]. Не были обойдены вниманием создававшие-

ся в атмосфере революционной эйфории солдатские и матросские комитеты, Советы, общественно-демократические организации, офицерские союзы [1; 14].

В последние годы в отечественной исторической науке стал утверждаться подход к осмыслению событий Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны в качестве единого революционного процесса [4, с. 41]. Влияние 1917 г. на события Гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. Как и по всей стране, в финляндских войсках после Февральской революции резко ускорилось накопление «горючего материала» для Гражданской войны [14, с. 15].

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в интерпретации фактов, которые свидетельствуют об опережающих действиях руководства выборных армейских и флотских организаций, без согласования с которым не могли выполняться приказания высшей центральной власти, и противоречат устоявшимся представлениям, актуализируя «региональную повестку» развития событий. Автор статьи ставит целью показать изменения политических взглядов и позиций балтийских моряков и армейцев, входивших в выборные демократические организации российских военных весной – летом 1917 г., и проследить, в какой мере их во многом самостоятельная линия поведения, продемонстрированная в начале осени, была подготовлена опытом предшествующих революционных месяцев.

Методы и материалы. В качестве базового для разработки темы применен историко-антропологический подход к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX в., который позволяет обратиться к исследованию социально-политических трансформаций, в том числе в контексте выявления особенностей представительной демократии в финляндских войсках весной – летом 1917 года. В теоретическом плане работа основана на наблюдениях Л.А. Рябовой, заметившей, что социальная трансформация «включает не любой процесс социальных изменений, а лишь переходный по отношению к любой конкретной форме социума» и находит выражение в «явлениях переходного периода» [35, с. 33]. Справедливо заключение боль-

шинства авторов о том, что «в отличие от эволюции, развития, модернизации и других типов изменений, трансформациям присущи характеристики качественных изменений системобразующих элементов, многовекторность, относительно высокие темпы, нередко значительное влияние на них субъективных факторов» [22, с. 6]. Вслед за В.Д. Зиминной мы опираемся на данную ею характеристику политических преобразований в революционной России, которые были направлены «на качественные изменения базовых политических институтов и социальной структуры», проявились в участии и борьбе за власть разнородных слоев населения, «различавшихся как уровнем социального статуса, так и культурно-политическими интересами и ценностными позициями», а также «в преимущественно локальном характере борьбы разнонаправленных сил за свои интересы», что препятствовало «ее перерастанию в полномасштабную борьбу» [11, с. 119–120].

Обширная источниковая основа избранной темы дает возможность привлекать в исследовательской практике не только официальные распоряжения, протоколы заседаний солдатских и матросских комитетов, резолюции и постановления (как опубликованные, так и хранящиеся в фондах РГА ВМФ и Национальном архиве Финляндии). Интересны свидетельства, сохранившиеся в дневниках и воспоминаниях военнослужащих, тех, кто весной – летом 1917 г. были избраны в Советы и комитеты разного уровня. Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, многие из которых имели мандаты представительных демократических организаций, в редакции русских газет, выходивших в финляндской столице, в гарнизонных городах Або и Выборге. Весьма примечательны их обращения в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих», обнаруженные в РГА ВМФ и коллекции «Русские военные бумаги» из Национального архива Финляндии.

Особенностью дел, составивших эту обширную коллекцию, зачастую является отсутствие сплошной нумерации листов, что не позволяет указать их общее количество, порой документы внутри дела не подшиты. Од-

нако в случае с письмами это придает источнику особую ауру, позволяющую острее почувствовать «аромат эпохи» [23].

Анализ. Массовое появление комитетов на кораблях Балтийского флота и в войсках находившегося в Финляндии 42-го армейского корпуса началось с распространением Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 года.

Во главе Петроградского Совета – «альтернативной» власти – с самого начала стояли социалисты – меньшевики и эсеры, которые были радикальны, в том числе и в своей антикапиталистической позиции. В соответствии с Приказом вся власть в воинских частях переходила в руки избранных солдатами комитетов, и выполнение его пунктов последовательно подводило солдат к выборному началу в армии. В принятии Приказа № 1 в ходе Февральской революции была своя логика, это завершало ее победу, но ценой разрушения вооруженных сил.

Почти во всех морских и сухопутных финляндских гарнизонах за несколько недель возникли выборные комитеты, явочным порядком осуществлявшие «демократизацию» войск. Своей основной задачей они считали поддержку совершившейся революции и установление контроля в армейских частях и на кораблях Балтийского флота. Примечательно, что первоначально не существовало ясного разделения полномочий между финляндскими гражданскими властями и русскими военными организациями [39, с. 66]. Поэтому армейские и флотские Советы не только распоряжались в войсках, но и занимались проблемами русского населения в Финляндии, часто даже брали на себя обязанности поддерживать порядок среди финнов. Однако созданная в Гельсингфорсе финская рабочая милиция, во главе которой стоял один из лидеров революционного движения в Финляндии Густав Ровио, отказалась сотрудничать как с органами контрразведки 42-го армейского корпуса, так и с секцией охраны народной свободы Гельсингфорского Совета.

По воспоминаниям унтер-офицера Свеаборгского крепостного пехотного полка Г.Л. Звонарева, также избранного в исполком сразу после создания Гельсингфорского Совета, революционеры, выдвинутые переворо-

том, в первые недели марта работали там «день и ночь, не чувствуя усталости, забывая даже, что нужно иногда и кушать... Тогда не было партий – все представляли из себя одну партию, все были объединены около одного: добытую свободу удержать и не дать восторжествовать нашим врагам». Однако через месяц возник вопрос о недоверии к исполнительному комитету, и выборы в Исполком II созыва состоялись уже с привлечением представителей политических партий. «Начались партийные ссоры, разногласия, появились “инциденты”, – пишет Звонарев, – но уже прежней работы, такой страстности к делу не было» [10, с. 22–23].

Флаг-офицер штаба командующего флотом капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, избранный моряками в исполком Гельсингфорсского Совета в первые мартовские дни, был увлечен идеями о справедливости и социальной эволюции. В его дневниковых записях того периода отразились настроения, разделяемые людьми его круга: «сам, в глубине души, целиком сочувствуешь не только освобождению, но и социальным реформам на основе этого освобождения». Однако уже в середине апреля в дневнике появилась запись: «впечатление анархии». По словам Ренгартена, «в глазах толпы матросов потеряли авторитет не только офицеры, но и “Исполнительный Комитет...”». «Как назвать все это, если не анархией? И что делается в темном мозгу иного матроса. Он знает только, что ему не грозит наказание, что нет над ним больше никакой власти. И как назвать тех, что толкает его на раздор и смуту, – негодует автор дневника. – Вообще все наши благонамерения “о железной дисциплине” полетели кувырком. Послушания нет вовсе, и управлять людьми (конечно, на службе) становится почти невозможным» [7, л. 20 об.–22].

Активные партийные организации в частях были в этот период либо редким исключением, либо переживали стадию становления. Так, 10 апреля на заседании Совета депутатов флота, армии и рабочих района Ганге-Лапвик его председатель Булдырев заявил, что на одном из кораблей выражено недовольство Советом, «поскольку ни он, ни исполнительный комитет не занимаются политическими вопросами». Выяснилось, что Совет и

тем более комитет «за массой текущих дел совершенно не в состоянии решать еще и политические вопросы, да это и не входит в их задачи». Отметив, что подобные вопросы вызывают «общий громадный интерес», Совет признал желательным образование в Ганге (Ханко) партийных организаций, которые как раз могли бы ими заняться. До создания таких организаций решено было «собирать митинги для обмена мнениями и освещения политических вопросов» [31].

В первоначальном составе солдатских и матросских выборных организаций в Финляндии, отразившем соотношение партийных сил, преобладание получили эсеры как самая многочисленная партия на флоте и самая популярная политическая партия в России на протяжении всего 1917 года. В Гельсингфорсской военно-морской базе, как и в гарнизоне, позиции партии были очень сильны. В середине мая здесь оформилась организация левых эсеров. Состав и деятельность гельсингфорсской большевистской организации изучены в советской исследовательской литературе достаточно подробно, поскольку историки имели в своем распоряжении источниковую базу, не сопоставимую по полноте с сохранившимися документами организаций эсеров или меньшевиков. В Гельсингфорсе большевики численно превосходили меньшевиков, но уступали эсерам.

Весной 1917 г. солдатские и матросские Советы и комитеты все больше сознавали себя как власть и решительно вмешивались в жизнь своих частей и соединений, выступали против внешнеполитического курса Временного правительства с его верностью союзническому долгу и ориентацией на продолжение войны, длившейся уже четвертый год. Мартовские резолюции Гельсингфорсского Совета были проникнуты настроениями «революционного оборончества». Такая политика, проводимая умеренным руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, отдавала предпочтение спокойным переговорам для получения уступок от правительства, требованиям мира «без аннексий и контрибуций» и одновременно была нацелена на поддержание боеспособности армии [5, с. 71–72]. К середине апреля становятся заметными перемены в политической

позиции Совета, особенно отчетливо обнаружившиеся на пленарном заседании 21 апреля в ходе обсуждения дипломатической «ноты» министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова.

Опубликованная 18 апреля «Нота Милюкова» заверила союзников, что Россия будет продолжать войну «до полной победы», и вызвала конфликт в российском обществе [38, с. 159–160]. Вслед за рабочими и солдатскими демонстрациями 20–21 апреля на улицах Петрограда возник бурный протест в финляндских войсках. Газета гельсингфорских большевиков «Волна», созданная незадолго перед этим, призывала своих читателей: «Идите вперед как революционные войска и рабочие Петрограда, которые снова выступили первыми на улицы великой столицы... Да здравствует единая власть самого народа через Всероссийский Совет солдатских, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!» [8].

21 апреля на экстренном заседании Совета по вопросу об отношении к правительству в связи с «Нотой Милюкова» обнаружилось открытое противостояние между его руководителями, принадлежавшими к партиям эсеров и меньшевиков, и большевистской фракцией. «Настало время для ухода империалистического правительства, не исполняющего воли народа... Никакие уступки Временному правительству недопустимы», – гласила резолюция, выразившая под влиянием большевиков недоверие правительственной власти и заверившая, что армейские и флотские депутаты ждут «только решения Петроградского Совета» и обещают «в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства». Примечательно единодушно одобренное Общим собранием заявление о возмущении депутатов «Нотой Милюкова», о готовности «всею своей вооруженной мощью поддержать все революционные выступления Петроградского Совета и по первому его указанию свергнуть Временное правительство». В Петроград была отправлена телеграмма с просьбой немедленно известить о положении дел в столице [25].

Нельзя не согласиться с заключением петербургского историка Б.И. Колоницкого о том, что «всякий серьезный политический

кризис чреват революцией», а «любая революция – потенциальная гражданская война». Предчувствуя ее, общество противится братоубийственному конфликту и старается погасить очаги войны [15, с. 107]. Уже на следующий день после принятия резолюции о недоверии Временному правительству исполком Совета запретил манифестации против правительственной «ноты». Депутаты подчинились указанию исполкома Петроградского Совета, потребовавшему от всех Советов, армейских и флотских комитетов воздержаться от самостоятельных выступлений, а решение большевиков организовать демонстрацию встретило в Совете ожесточенный отпор [26].

В эти дни Совет добился разрешения командующего флотом А.С. Максимова о списании с линейного корабля «Гангут» офицеров, причастных к судебному процессу над восставшими моряками в 1915 году. Руководители Совета заявили командующему, представителю правительственной власти на флоте, что деятельность «старой и новой власти» может быть совместной лишь «в той степени, в какой командующий пойдет навстречу Совету» [25]. Конфликт между комитетами и командным составом становился продолжением начавшихся в дни февраля антиофицерских выступлений, которые можно считать необычайно важным политическим процессом, по своему значению сопоставимым с борьбой против «буржуазии» [16, с. 249].

Именно в дни Апрельского кризиса матросская секция исполкома приняла решение о создании выборного демократического органа управления флотом – ЦКБФ. 23 апреля, обсудив вопрос о передаче дел бывшего жандармского военного управления от действовавшей в Совете секции охраны народной свободы судебному следователю и контрразведке 42-го армейского корпуса, исполком постановил: «Дело охраны народной свободы ни в коем случае не может быть передано в руки чиновников, назначенных Временным правительством» [24].

2 мая в российской столице начались переговоры о формировании и программе нового коалиционного правительственного кабинета, в состав которого предполагалось ввести и представителей социалистических партий. С его образованием 5 мая завершился

ся Апрельский политический кризис. В Гельсингфорском Совете прения об отношении к коалиционному правительству длились два дня и закончились 3 мая принятием постановления о полном доверии и поддержке правительства с участием социалистов. Фракция большевиков опубликовала в «Волне» и выпустила отдельной листовкой резолюцию, не принятую Советом. В проекте, предлагавшемся большевиками, решение Петроградского Совета, который поддержал коалиционное правительство, признавалось недопустимым, опасным и ошибочным, поскольку «революция и контрреволюция нигде и никогда не будут иметь точек соприкосновения и соглашения» [26]. «Двоевластие» неизбежно вело к новому взрыву и новым кризисам.

Следует отметить, что в финляндских морских и армейских частях и подразделениях далеко не каждый проявлял интерес к политике. Многие рядовые и офицеры были поглощены исполнением своих служебных обязанностей даже в самые кульминационные моменты революционного взрыва, а для некоторых наступившая свобода означала свободу пренебрегать этими обязанностями ради веселого времяпрепровождения. Однако, как и повсеместно, в войсках, дислоцированных на территории Финляндии, находились люди, чье участие в выборных органах представительной демократии было мотивировано искренним стремлением послужить для общего дела, иногда – надеждой воспользоваться возможностями «социального лифта», которые предоставлялись работой в легитимных органах власти в воинских частях, а порой и желанием избежать трудностей повседневной службы на кораблях и в гарнизонах. В исследованиях американского историка А. Уайлдмана использован термин «комитетский класс», обозначающий сообщество руководителей новоизбранных демократических организаций, которое состояло из подготовленных для такой деятельности представителей интеллигенции и крестьян в верхних эшелонах военных комитетов действующей армии [20; 40; 42].

Б.И. Колоницкий отмечает, что без этого «комитетского класса», сформировавшегося весной – летом 1917 г. и противостоявшего старой элите, нельзя представить приближав-

шуюся Гражданскую войну. Большинство из комитетчиков были беспартийными и политизировались уже в ходе революции, но их военный и революционно-политический опыт, а также управленческие компетенции, приобретенные во время пребывания во власти, становились «важным источником их авторитета в тех местах, где они формировали свои отряды» [14, с. 17]. Примером может служить политический портрет полковника М.С. Свечникова, который с января 1917 г. занимал должность начальника штаба 106-й пехотной дивизии, с февраля работал в партии эсеров, а во время революции стал одним из делегатов от гарнизонного комитета г. Таммерфорсе (Тампере), которым поручалось установить контакты с местными социал-демократами.

«Примерно с июня, – вспоминал Свечников, – началось тайное инструктирование и подготовка к строевой службе финских рабочих, которые велись по ночам в рабочих домах города под моим и русских инструкторов руководством». Для обучения рабочих комитету Социал-демократической партии Финляндии было выдано три сотни сверхкомплектных винтовок [36, с. 12–13]. Во время гражданской войны в Финляндии, вспыхнувшей в январе 1918 г., Свечников командовал добровольческими отрядами, выступавшими на стороне красных [6; 34].

Нельзя не согласиться с американским историком А. Уайлдманом в том, что зачастую руководители комитетов по своему уровню образования, мировоззрению, социальному статусу были намного дальше от рядовых солдат и матросов, избранных в демократические представительные институты, чем от своих «политических оппонентов из привилегированной России» – от кадетов до правых. Таковую естественную отчужденность лидеров Советов и комитетов от основного депутатского корпуса и тем более от массы избирателей в шинелях и форменках исследователь назвал одним из парадоксов Российской революции 1917 года [42, с. 1].

Знакомство с биографией социал-демократа писателя С.А. Гарина (Гарфильда), служившего на флоте с 1905 г. (с 1916 г. в чине прапорщика по адмиралтейству), ставшего мичманом в 1917 г. и весной избранного председателем Гельсингфорского Совета, позво-

ляет увидеть, насколько порой отличалась траектория жизни представителей «комитетского класса» от обычного жизненного пути рядовых военнослужащих [9, с. 142; 18, с. 122].

В сложившейся системе двоевластия заключался огромный риск гражданской войны. Непрочность относительного гражданского мира, установившегося в обществе после Февральской революции, современники особенно остро почувствовали уже в дни Июньского кризиса. Для уставших от войны солдат действующей армии вопрос о мире стал одним из самых жгучих и наболевших политических вопросов. В конце мая солдаты Выборгского гарнизона дважды приходили на заседания I армейского съезда 42-го корпуса, угрожая разогнать «контрреволюционный съезд», если «там хоть один голос будет говорить о наступлении» [13, с. 78].

В это время на Сенатской площади Гельсингфорса регулярно проводились насчитывавшие до 20 тыс. человек воскресные митинги военнослужащих и русских рабочих. 21 июня присутствовавшие на таком митинге «единогласно» высказались против одобренного Петроградским Советом наступления на фронте, которое началось 18 июня по приказу Временного правительства. Участники митинга потребовали удаления из кабинета «10 министров-капиталистов» и немедленной передачи всей власти съезду Советов. В тот же день сходные требования выдвинула команда линейного корабля «Петропавловск», которая также настаивала на заключении отрекшегося Николая II в Кронштадтскую крепость, упразднении Государственной Думы и Государственного Совета как «царских правительственных органов» и опубликовании тайных союзнических договоров. В противном случае через 24 часа моряки грозили направить линкор в Петроград и поддержать свой ультиматум силой оружия [2, с. 101–103]. Характерно занесенное в дневник замечание И.И. Ренгартена о том, что еще 10 июня на демонстрации в Гельсингфорсе матросы «Петропавловска» несли «черное знамя с Адамовой головой и надписью “Смерть буржуям!”» [7, л. 26].

Все пункты резолюции команды «Петропавловска», за исключением последнего, ультимативного требования, 23 июня были поддержаны матросской секцией Гельсинг-

форского Совета. Однако на другой день депутаты Общего собрания 217 голосами против 64 при 32 воздержавшихся одобрили внесенную фракцией эсеров резолюцию капитана К. Термикелова в поддержку начавшегося наступления и вслед за Петроградским Советом обещали свою помощь фронту [27].

«Страстный характер» носили и прения по вопросу об отношении к наступлению, обсуждавшемуся 23 июня на заседании дивизионного комитета 128-й пехотной дивизии. Одни высказывались в поддержку наступления как ведущего «к желанному миру и к укреплению нашей свободы», другие были против «какого бы то ни было наступления, при каких угодно обстоятельствах, против этой человеческой бойни». В резолюции, принятой большинством голосов, подчеркивалось, что начатое наступление «ведет к отвлечению сил и внимания русского народа от революции», «организует и укрепляет контрреволюцию в России». Депутаты выразили протест против наступления и предложили проходившему в эти дни I Всероссийскому съезду Советов остановить его и принять меры к скорейшему окончанию войны [3, с. 60].

Беспокойшее очевидцев предчувствие приближающейся гражданской войны отразилось в дневниковой записи Ренгартена от 25 июня: «после сообщения о наступлении 18 июня в Гельсингфорс из Петрограда пронесся слух, что Керенский убит (он на фронте)». «Теперь я узнал, что это неправда», – отметил офицер, завершив свои рассуждения напряженным вопросом: «Будет или не будет у нас гражданская война? Кажется, избежать ее очень трудно» [7, л. 26 об.]

Отчетливо проявившееся своеобразие политической обстановки в Гельсингфорсе позволило британскому исследователю И. Модсли назвать резолюции, принятые здесь русскими Советами и комитетами уже в конце июня, «настоящим началом Июльских дней на флоте», а события, случившиеся две недели спустя, – его логическим продолжением [40, р. 61]. По справедливому заключению историка, настроения русского Гельсингфорса к этому времени резко приняли влево, хотя большевики чаще следовали за движением рядовых военнослужащих, нежели были его вдохновителями [40, р. 66].

4 июля, когда большевики в Петрограде при содействии анархистов предприняли настоящий штурм власти, состоялось объединенное собрание общественных организаций Гельсингфорса, где Совет был представлен его исполкомом. Оно приняло с незначительными редакционными поправками резолюцию, предложенную большевиками, которая отмечала необходимость перехода всей власти к ЦИК Советов и образования ответственного перед ним исполнительного органа. Подтвердив требование, выдвинутое демонстрантами в российской столице, руководящие военные организации Финляндии вполне определенно выразили стремление воздействовать на политическую позицию центральных органов Советов. Несмотря на численное преобладание эсеров и меньшевиков в составе депутатского корпуса, Гельсингфорский Совет поддержал решение, расходившееся с официальными установками этих социалистических партий. В.Н. Залежский, который представлял на этом заседании городскую большевистскую организацию, подчеркивает факт сильного давления на Совет со стороны «матросской и солдатской массы», что повлияло на результаты голосования [9, с. 168].

Центральное руководство Советов, состоявшее из умеренных социалистов, категорически отказалось создать свое правительство «без буржуазии», поскольку это могло спровоцировать гражданскую войну и привести к власти крайне левых. Совместными усилиями правительства и Советов выступление большевиков, организовавших вместе с анархистами политическую демонстрацию в Петрограде, было подавлено [15, с. 99–100].

Вслед за полученными из столицы разъяснениями Гельсингфорский Совет выступил теперь с осуждением демонстрации и одобрением правительственных мер. 6 июля большинство его депутатов отказалось поддержать решение ЦКБФ (Центробалта) о приостановке издания газеты гельсингфорских кадетов «Общее дело» и «задержании буржуазной прессы», поступающей в финляндскую столицу. 146 голосов против 107 было подано за резолюцию капитана И. Чекоидзе, которая предлагала Центробалту аннулировать свое постановление и просить ЦКБФ и «товарищей большевиков воздержаться от всяких мер

против свободы слова и свободного распространения газет» [28].

Совет выступал организатором важнейших политических кампаний в Гельсингфорсе, в середине августа впервые большинством голосов его депутатов была принята большевистская резолюция по вопросу о независимости Финляндии. Партия эсеров, остававшаяся самой влиятельной в России, продолжала сохранять свои позиции в большинстве армейских частей на территории бывшего Великого княжества, тогда как флот определенно отдавал симпатии блоку большевиков и левых эсеров.

Антиправительственное выступление возглавлявшего тогда русскую армию генерала Л.Г. Корнилова, предпринятое в конце августа 1917 г. и оказавшееся неудачной попыткой ведения в России военной диктатуры для ликвидации двоевластия в стране, окончательно подорвало блок между политическими силами умеренных социалистов и либералов. События 27–31 августа, когда разворачивался заговор консервативных кругов российского общества против советских учреждений и социалистических партий с целью пресечения деятельности левых радикалов, современной исторической наукой расцениваются как трагические. После корниловского мятежа в условиях постоянного ухудшения социально-экономической ситуации в стране, падения авторитета правительства и радикализации Советов и комитетов гражданская война в России стала неизбежной.

Еще до начала корниловского выступления депутаты Гельсингфорского Совета на общем собрании 26 августа заявили об угрозе «как со стороны поднявшей голову контрреволюции», так и со стороны перешедших в наступление германских войск, а также «величайшей опасности – охватившей Россию разрухи, которая грозила стране голодом» [29]. Накануне состоялся многотысячный митинг матросов и солдат на Сенатской площади в Гельсингфорсе. Как записал в дневнике И.И. Ренгартен, он проходил под лозунгами: «Долой Временное правительство, Советы, Керенского, буржуазию – все долой!» [32, с. 11].

В Гельсингфорсе после получения первых известий о начавшемся выступлении Корнилова были приняты экстренные меры, во

многих местах вновь укрепившиеся Советы создавали революционные комитеты (ревкомы). 28 августа при Гельсингфорском Совете, Областном комитете Финляндии и Центробалте создается Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством левого эсера А.И. Ковригина. Комитет направил своих комиссаров во все воинские части и на все военные объекты, где те установили контроль [2, с. 189]. Комитеты по борьбе с «контрреволюцией» были созданы в Выборге, Або, Таммерфосе, Николайстаде (Вааса), Тавастгусе (Хямеенлинна), Лахти, Фридрихсгаме (Хамина) и других гарнизонах Финляндии. Совет депутатов Або-Оландской укрепленной позиции назначил комиссаров местного революционного комитета в штабы позиции и або-оландского авиационного подразделения, в школу мотористов и в службу связи. Предписывалось, чтобы без их согласия не было отдано ни одно распоряжение, поскольку любой генерал или офицер находился под подозрением.

Дислоцированные в Финляндии армия и флот переставали быть силой, способной предотвратить гражданскую войну. По образному выражению Б.И. Колоницкого, «дело Корнилова» поспособствовало «созданию инфраструктуры гражданской войны»: в обстановке кризиса «ревкомы производили самозахват ресурсов, устанавливали контроль над транспортом и телеграфом, запасами оружия, вводили цензуру» [15, с. 110–111]. Вопреки распространенному в советской историографии утверждению об определяющем влиянии большевистского слова на солдатские и матросские массы в период корниловского выступления, отечественные исследователи давно уже признали, что призывы большевиков к организованности зачастую не имели воздействия. Больше десяти высших офицеров Выборгского гарнизона, и в их числе командир 42-го корпуса генерал В.А. Орановский, стали жертвами солдатского самосуда в Выборге и окрестностях города.

В поступившем в части 29 августа обращении капитана Елизарова, временно избранного на эту командную должность, эксцессы в Выборге названы «печальными событиями», ставшими «результатом бессознательности и неорганизованности» солдат. Как корпусной командир, облеченный доверием

Совета рабочих и солдатских депутатов и армейского комитета, он заявил о недопустимости расстрелов и «самочинных арестов» без ведома полковых, бригадных, дивизионных и армейских комитетов [19, л. 2–2 об.]. Примечательно, что решения об арестах было позволено выносить солдатским комитетам не ниже полкового.

В период подавления корниловского мятежа исполком Гельсингфорского Совета был заменен чрезвычайным органом – Гельсингфорским Революционным комитетом, намного более влиятельным, поскольку в ведении Ревкома оказалась вся территория бывшего Великого княжества. Беспорядочные выступления русских солдат и матросов сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений жителей Финляндии [12; 30]. Воздействие русской политической культуры, во многом передававшейся через контакты финляндских социал-демократов с гарнизонными Советами и гарнизонными комитетами, в дальнейшем сказалось и на облике финских красногвардейцев, сохранным на фотографиях периода гражданской войны 1918 г. в Финляндии. Полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулеметные ленты через плечо позволяют безошибочно угадывать сторонников будущих красных – участников братоубийственной войны, которая уже стояла на пороге.

Результаты. Весной – летом 1917 г. солдатские и матросские комитеты стали важнейшим фактором, содействовавшим усилению революционного движения в Финляндии. Большинство их депутатов оставались беспартийными. Рядовые военнослужащие нередко делегировали право представлять свои интересы офицерам, пользовавшимся доверием, так в Гельсингфорский Совет первого созыва были избраны охваченные революционными настроениями капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, мичман С.А. Гарин, унтер-офицер Г.Л. Звонарев. В период своего формирования «комитетский класс», обозначившийся в финляндских войсках, разделял взгляды руководства эсеровской и меньшевистской партий. Эти особенности обусловили первоначальное соотношение сил в гарнизонных демократических организациях.

Со времени Апрельского и Июньского кризисов власти деятельность Советов и ко-

митетов под давлением избирателей все больше подчинялась задачам политического характера, основными из которых стали руководство организованными выступлениями солдат и матросов, установление контроля над командным составом, меры по дальнейшей «демократизации» армии и флота. Размежевание политических сил в финляндских войсках, которое обозначилось в этом противостоянии и стало особенно заметным в «корниловские дни», привело к событиям, которые стали «прологом» Гражданской войны в России.

Если в июльские дни 1917 г. конфликт Временного правительства с политическими элитами Финляндии стал элементом кризиса власти в Российском государстве [33, с. 88–98], то корниловский мятеж особенно осложнил ситуацию, усилив сепаратистские настроения финляндцев. Нараставшее противостояние гарнизонных и флотских комитетов и Советов власти Временного правительства, в свою очередь, обусловило ослабление влияния центральной власти в регионе и во многом проложило путь к финляндской независимости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации» № 121070700117-1.

Financial support for the research was provided from the Federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences “Karelia under conditions of social transformations in 17-21 Centuries: New approaches and interpretations” № 121070700117-1.

СОКРАЩЕНИЯ

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РСДРП – Российская социал-демократическая партия.

СДПФ – Социал-демократическая партия Финляндии.

ЦКБФ (Центробалт) – Центральный комитет Балтийского флота.

КА – Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии, коллекция «Русские военные бумаги»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов, Д. А. Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти / Д. А. Бажанов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / отв. ред. А. Б. Николаев. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – С. 156–166.

2. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. Р. Н. Мордвинов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 454 с.

3. Гаврилов, Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции / Л. М. Гаврилов. – М. : Наука, 1983. – 222 с.

4. Гагкуев, Р. Г. Гражданская война: конфликт без хронологии? / Р. Г. Гагкуев // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 37–42. – DOI: 10.31857/S086956870004218-0.

5. Галили, З. Апрельский кризис / З. Галили // Критический словарь русской революции: 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 71–77.

6. Ганин, А. В. Революционные искания полковника Свечникова / А. В. Ганин // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов. – М. : Модест Колеров, 2020. – Т. XXVIII. – С. 345–456.

7. Дневник И. И. Ренгартена // РГА ВМФ. – Ф. Р-29. – Оп. 1. – Д. 200. – 159 л.

8. Долой! // Волна. – 1917. – 23 апр. – С. 1.

9. Залежский, В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. / В. Н. Залежский // Пролетарская революция. – 1923. – № 5 (17). – С. 115–189.

10. Звонарев, Г. Л. Наши пехотные части в Гельсингфорсе: (Из личных воспоминаний унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка) / Г. Л. Звонарев. – Гельсингфорс : Тип. «Известий Гельсингфорского Совета», 1917. – 31 с.

11. Зими́на, В. Д. Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы в России / В. Д. Зими́на // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века : сб. материалов Всерос. науч. конф. – М. : ИГУМО, 2007. – С. 116–121.

12. Кетола, Э. Русская революция и независимость Финляндии / Э. Кетола // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / отв. ред. В. Ю. Черняев. – СПб. : Глагол, 1994. – С. 294–307.

13. Киуру, М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевист-

ских организаций в Финляндии / М. Х. Киуру. – Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1965. – 223 с.

14. Колоницкий, Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) / Б. И. Колоницкий // *Российская история*. – 2019. – № 1. – С. 3–24. – DOI: 10.31857/S086956870004216-8.

15. Колоницкий, Б. И. 1917: Семнадцать очерков по истории российской революции / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.

16. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Дм. Буланин, 2001. – 349 с.

17. Леонов, С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности / С. В. Леонов // *Российская история*. – 2019. – № 1. – С. 3–24. – DOI: 10.31857/S086956870004217-9.

18. Лурье, В. М. Военно-морская разведка СССР (1918–1960-е гг.): справочник / В. М. Лурье. – СПб. : Дм. Буланин, 2009. – 264 с.

19. Материалы следственной комиссии по делу о расстрелах 29 августа солдатами Выборгского гарнизона офицеров, подозревавшихся в сочувствии корниловским мятежникам // РГВИА. – Ф. 2262. – Оп. 8. – Д. 151. – 214 л.

20. Модсли, И. Солдаты и матросы / И. Модсли // *Критический словарь русской революции: 1914–1921* / сост. Э. Акстон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 558–564.

21. Назаренко, К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. / К. Б. Назаренко. – М. : Эксмо, 2017. – 448 с.

22. Панкратов, С. А. Россия и мир в контексте современных векторов политических изменений / С. А. Панкратов, В. А. Горелкин // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 6–9. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.1>.

23. Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета» // КА. – Раздел 342: 6. – Д. 11970. – (Листы не нумерованы).

24. Протокол № 1 Исполнительного комитета Гельсингфорского Совета от 22 апр. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 28 апр. – С. 1–2.

25. Протокол № 2 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 21 апр. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 26 апр. – С. 1.

26. Протокол № 7 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 3 мая // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 6 мая. – С. 1–2.

27. Протокол № 26 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 24 июня // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 1 июля. – С. 2.

28. Протокол № 31 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 6 июля // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 12 июля. – С. 1.

29. Протокол № 51 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 26 авг. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 7 сент. – С. 1–2.

30. Постановление Областного комитета Финляндии // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 22 сент. – С. 1.

31. Протокол заседания Совета депутатов флота, армии и рабочих района Ганге-Лапвик от 10 апреля 1917 г. // КА. – Раздел 342: 4. – Д. 3214. – 27 л. – (Листы не нумерованы).

32. Ренгартен, И. И. Балтийский флот накануне Октября / И. И. Ренгартен // *Красный архив*. – 1929. – Т. 4 (35). – С. 5–36.

33. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 : сб. док. / отв. сост. М. В. Зеленков. – М. : Науч.-полит. кн. : Полит. энцикл., 2017. – 502 с.

34. Рупасов, А. И. Гражданская война в Финляндии / А. И. Рупасов // *Санкт-Петербургский исторический журнал*. – 2018. – № 3. – С. 171–186.

35. Рябова, Л. А. Социальные трансформации: современные методологические подходы к исследованию / Л. А. Рябова // *Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России*. – Апатиты : Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2005. – С. 31–41.

36. Свечников, М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы : (Воспоминания и материалы) / М. С. Свечников. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – 112 с.

37. Смолин, А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 года и убийство вице-адмирала А. И. Непенина / А. В. Смолин // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы* / отв. ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2007. – С. 22–33.

38. Старцев, В. И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. / В. И. Старцев. – М. : Мысль, 1978. – 277 с.

39. Ketola, E. Kansalliseen kansanvaltaan : Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917 / E. Ketola. – Helsinki : Tammi, 1987. – 520 s.

40. Mawdsley, E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics, February 1917 – April 1918 / E. Mawdsley. – London : Macmillan, 1978. – 228 p.

41. Nähri, M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana / M. Nähri // Venäläiset Suomessa: 1809–1917. – Historiallinen Arkisto. – Helsinki, 1984. – Vol. 83. – S. 161–180.

42. Wildman, A. K. The Soldiers' Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October–November 1917 / A. K. Wildman ; Kenan Institute for Advanced Russian Studies. – 1982. – № 163. – 46 p.

REFERENCES

1. Bazhanov D.A. Sozдание i funkcionirovanie sudovyh komitetov na Baltike v marte – oktjabre 1917 g.: fenomen vlasti [Establishment and Functioning of Ship Committees in the Baltic Fleet in March – October 1917: The Phenomenon of Power]. *Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady* [Revolution 1917 in Russia: New Approaches and Views]. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2017, pp. 156–166.

2. Mordvinov R.N., ed. *Baltiyskiye moryaki v podgotovke i provedenii Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Baltic Sailors in the Preparation and Fulfillment of the Great October Socialist Revolution]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957. 454 p.

3. Gavrilov L.M. *Soldatskie komitety v Oktjabr'skoy revolyucii* [Soldiers' Committees in the October Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 222 p.

4. Gagkuev R.G. Grazhdanskaya voyna: konflikt bez khronologii? [Civil War. Conflict Without Chronology?]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0.

5. Galili Z. Aprelskiy krizis [The April Crisis]. Acton E., Rozenberg W.G., Cherniaev V.Iu., eds. *Kriticheskiy slovar russkoy revolyutsii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 71–77.

6. Ganin A.V. Revoljucionnye iskanija polkovnika Svechnikova [Revolutionary Searchers of Colonel Svechnikov]. Ayrapetov O.R., ed. *Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii* [Russian Collection: Investigations of Russian History]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2020, vol. 28, pp. 345–456.

7. Dnevnik I.I. Rengartena [I.I. Rengarten's Diary]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voyenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive (RSNA)], f. r-29, inv. 1, d. 200. 159 l.

8. Doloy! [Down With!]. *Volna* [Wave], 1917, April 23, p. 1.

9. Zalezhskiy V.N. Gel'singfors vesnoj i letom 1917 g. [Helsingfors in Spring and Summer 1917].

Proletarskaja revolyucija [Proletarian Revolution], 1923, no. 5 (17), pp. 115–189.

10. Zvonarev G.L. *Nashi pehotnye chasti v Gel'singforsе: (Iz lichnyh vospominanij unter-oficera Sveborgskogo pehotnogo polka)* [Our Infantry Units in Helsingfors (From Private Recollections of the Officer of the Sveaborg Infantry Regiment)]. Helsingfors, Tipografiya «Izvestiy Gel'singforskogo Soveta», 1917. 31 p.

11. Zimina V.D. Revolyutsiya 1917 goda v kontekste transformatsii politicheskoy sistemy v Rossii [The Revolution of 1917 in the Context of the Transformation of the Political System in Russia]. *Oktyabr 1917 goda: vzglyad iz XXI veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [October 1917: A Look from the 21st Century. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, IGUMO Publ., 2007, pp. 116–121.

12. Ketola E. Russkaja revolyucija i nezavisimost' Finljandii [Russian Revolution and Finland's Independence]. Chernyaev V.Yu., ed. *Anatomija revolyucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: Masses, Parties, and Power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 294–307.

13. Kiuru M.H. *Boevoj rezerv revoljucionnogo Petrograda. Iz istorii russkih bol'shevistskikh organizacij v Finljandii* [Militant Reserve of Revolutionary Petrograd. From History of Russian Bolshevik Organizations in Finland]. Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe izd-vo, 1965. 223 p.

14. Kolonickij B.I. Ot mirovoy voyny k grazhdanskim voynam (1917?–1922?) [From the First World War to Civil Wars (1917?–1922?)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8.

15. Kolonickij B.I. *1917: Semnadsat ocherkov po istorii rossiyskoy revolyutsii* [1917: Seventeen Essays on the History of the Russian Revolution]. Saint Petersburg, Izd-vo EU v Sankt-Peterburge, 2017. 144 p.

16. Kolonickij B.I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoy kul'tury rossijskoy revolyucii 1917 goda* [Symbols of Power and Struggle for Power: On the Study of Political Culture of Russian Revolution 1917]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2001. 349 p.

17. Leonov S.V. Grazhdanskaya voyna v Rossii: sushchnost, periodizatsiya, osobennosti [Civil War in Russia: Essence, Periodization, Features]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870004217-9.

18. Lurye V.M. *Voенно-morskaja razvedka SSSR (1918–1960-e gg.): spravochnik* [Naval Intelligence of USSR (1918s–1960s). Reference Book]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2009. 264 p.

19. Materialy sledstvennoy komissii po delu o rasstrelakh 29 avgusta soldatami vyborgskogo garnizona ofitserov, podozrevavshikhsya v sochuvstvii kornilovskim myatezhnikam [Materials of the Investigative Commission in the Case of the executions on August 29 Committed by Soldiers of the Vyborg Garrison of Officers Suspected of Sympathy with the Kornilov Rebels]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)], f. 2262, inv. 8, d. 151. 2141.

20. Modсли I. Soldaty i matrosy [Soldiers and Sailors]. Acton E., Rozenberg W.G., Cherniaev V.Iu., eds. *Kriticheskiy slovar russkoy revolyutsii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 558–564.

21. Nazarenko K.B. *Baltiyskiy flot v revolyucii. 1917–1918 gg.* [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 448 p.

22. Pankratov S.A., Gorelkin V.A. Rossiya i mir v kontekste sovremennykh vektorov politicheskikh izmeneniy [Russia and the World in the Context of Modern Vectors of Political Change]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.1>.

23. Pis'ma v redakciju «Izvestij Gel'singforsskogo Soveta» [Letters to Editorship of “The Helsingfors Soviet Proceedings”]. *KA* [National Archive of Finland], 342: 6, d. 11970. (Sheets are unnumbered).

24. Protokol № 1 Iсполnitelnogo komiteta Gelsingforsskogo Soveta ot 22 apr. [Protocol No. 1 Dated April 22 of the Executive Committee of the Helsingfors Soviet]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, April 28, pp. 1–2.

25. Protokol № 2 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 21 apr. [Protocol No. 2 Dated April 21 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, April 26, p. 1.

26. Protokol № 7 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 3 maya [Protocol No. 7 Dated May 3 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, May 6, pp. 1–2.

27. Protokol № 26 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 24 iyunya [Protocol

No. 26 Dated June 24 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, July 1, p. 2.

28. Protokol № 31 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 6 iyulya [Protocol No. 31 Dated July 6 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, July 12, p. 1.

29. Protokol № 51 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 26 avg. [Protocol No. 51 Dated August 26 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, September 7, pp. 1–2.

30. Postanovlenie Oblastnogo komiteta Finljandii [Resolution of the Regional Committee in Finland]. *Izvestiya Gel'singforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochih* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, September 22, p. 1.

31. Protokol zasedaniya Soveta deputatov flota, armii i rabochih rajona Gange-Lapvik ot 10 aprelya 1917 g. [Protocol of the Gange-Lapvik Region Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings Dated April 10, 1917]. *KA* [National Archive of Finland], 342: 4, d. 3214. 271. (Sheets are unnumbered).

32. Rengarten. I.I. Baltiyskiy flot nakanune Oktyabrya [The Baltic Fleet on the Eve of October]. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive], 1929, vol. 4 (35), pp. 5–36.

33. Zelenov M.V., ed. *Rossija i Finljandija: ot protivostojaniya k miru. 1917–1920: sb. dok.* [Russia and Finland: From Standing in Opposition to Peace. 1917–1920. Collection of Documents]. Moscow, Nauchno-politicheskaja kniga Publ., Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017. 502 p.

34. Rupasov A.I. Grazhdanskaja vojna v Finljandii [The Civil War in Finland]. *Sankt-Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2018, no. 3, pp. 171–186.

35. Ryabova L.A. Sotsialnyye transformatsii: sovremennyye metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu [Social Transformations: Current Methodological Approaches to Research]. *Chelovek v sotsiokulturnom prostranstve: Evropeyskiy Sever Rossii* [Man in Socio-Cultural Space: Russian European North]. Apatity, Izd-vo Kolskogo nauch. tsentra RAN, 2005, pp. 31–41.

36. Svechnikov M.S. *Revoljucija i grazhdanskaja vojna v Finljandii. 1917–1918 gody: (Vospominaniya i materialy)* [Revolution and Civil War in Finland. 1917–1918 (Recollections and Materials)]. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 1923. 112 p.

37. Smolin A.V. Vosstanie v Gel'singforsе 3–4 marta 1917 goda i ubijstvo vice-admirala A.I. Nevenina [Uprising in Helsingfors on March 3–4, 1917 and Murder of Vice-Admiral A.I. Nevenin]. Baryshnikov V.N., Krotov P.A., eds. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [Saint Petersburg and States of Northern Europe]. Saint Petersburg, RKhGA, 2007, pp. 22–33.

38. Startsev V.I. *Revoljutsiya i vlast: Petrogradskiy Sovet i Vremennoye pravitelstvo v marte – aprele 1917 g.* [Revolution and Power: Petrograd Soviet and Provisional Government in March – April 1917]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 277 p.

39. Ketola E. *Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssaali-demokratit ja Venäjän vallankumous 1917*. Helsinki, Tammi, 1987. 520 p.

40. Mawdsley E. *The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics, February 1917 – April 1918*. London, Macmillan, 1978. 228 p.

41. Nähri M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. *Venäläiset Suomessa: 1809–1917*. Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1984, vol. 83, pp. 161–180.

42. Wildman A.K. *The Soldiers' Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October–November 1917*. Kenan Institute for Advanced Russian Studies, 1982, no. 163. 46 p.

Information About the Author

Elena Yu. Dubrovskaya, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St, 11, 185910 Petrozavodsk, Russian Federation, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Дубровская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ул. Пушкинская, 11, 185910 г. Петрозаводск, Российская Федерация, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РОССИИ В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.3>

UDC 34
LBC 67.3

Submitted: 31.08.2021
Accepted: 11.01.2022

SEARCH FOR THE MOST EFFECTIVE WAYS TO PROTECT LEGAL ORDER DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA: FORMATION AND ACTIVITY OF POLICE BODIES OF THE MAIN STATE FORMATIONS

Vyacheslav B. Evdokimov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Mikhail M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Maxim V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The legal order as the ordering of public relations on the basis of law is one of the main elements of the state. The problem of its provision was actualized during the Civil War. The presence of a firm legal order meant the stability of the government, and also directly influenced its support from the population, stability in the rear and success at the front. An important role in ensuring the protection of legal order, along with ordinary and emergency bodies, was played by the police. *Methods and materials.* With the help of historical-legal, systematic, formal-legal and comparative-legal methods, the analysis of written sources was carried out, among which the main attention was paid to legislation and other official acts of the authorities of state formations during the Civil War, works and memoirs of its participants, as well as scientific works devoted to the study of this period. *Results.* The article shows that the most radical changes in the organization of the police were carried out by the Soviet government. The flexibility of the leadership in matters of ideology (without affecting the foundations of Marxist doctrine and the construction of socialist statehood in the country) ensured the effectiveness of the activities of the Soviet law enforcement agencies and the significant contribution of the Soviet police to restoring elementary order and countering rampant crime on the territory of the RSFSR.

Key words: Civil War, Soviet power, Soviet Russia, anti-Bolshevik state formations, protection of legal order, police.

Citation. Evdokimov V.B., Stepanov M.M., Zaloilo M.V. Search for the Most Effective Ways to Protect Legal Order During the Civil War in Russia: Formation and Activity of Police Bodies of the Main State Formations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 35-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.3>

**ПОИСК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ
ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Вячеслав Борисович Евдокимов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Михаил Михайлович Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Максим Викторович Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Правопорядок как упорядоченность общественных отношений на основе права является одним из основных элементов государства. Проблема его обеспечения актуализировалась в годы Гражданской войны. Наличие твердого правопорядка означало стабильность власти, а также напрямую влияло на ее поддержку со стороны населения, ее устойчивость в тылу и успехи на фронте. Важную роль в обеспечении охраны правопорядка наряду с обычными и чрезвычайными органами играли органы милиции. С помощью историко-правового, системного, формально-юридического и сравнительно-правового методов проведен анализ письменных источников, среди которых основное внимание уделялось законодательству и другим официальным актам органов власти государственных образований периода Гражданской войны, сочинениям и мемуарам ее участников, а также научным работам, посвященным исследованию данного периода. В статье показано, что наиболее радикальные изменения в организации милиции были осуществлены советской властью. Гибкость руководства в вопросах идеологии (не затрагивая основ марксистского учения и строительства социалистической государственности в стране) обеспечила эффективность деятельности советских органов охраны правопорядка и существенный вклад советской милиции в наведение элементарного порядка и противодействие разгулу преступности на территории РСФСР. *Вклад авторов.* В.Б. Евдокимовым сформулирована основная идея статьи, поставлены цель и задачи исследования, выбрана методология, осуществлено научное редактирование. М.М. Степановым исследованы подходы к организации охраны правопорядка в годы Гражданской войны, проведена работа с архивными источниками и современной научной литературой, осуществлен сравнительный анализ особенностей строительства советской и белой милиции, выявлено влияние на эти процессы политико-идеологических представлений руководителей соответствующих государственных образований. М.В. Залоило исследована категория правопорядка, формы и способы его охраны во время Гражданской войны, проанализированы нормативные документы и литература, в которых получил отражение пересмотр подходов к организации охраны правопорядка в целях повышения их эффективности.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, Советская Россия, антибольшевистские государственные образования, охрана правопорядка, милиция.

Цитирование. Евдокимов В. Б., Степанов М. М., Залоило М. В. Поиск наиболее эффективных способов охраны правопорядка в годы Гражданской войны в России: становление и деятельность органов милиции основных государственных образований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 35–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.3>

Введение. Правопорядок в общем смысле понимается как сложившаяся на основе права система упорядоченных общественных отношений, считается одним из ключевых условий жизни цивилизованного общества [35, с. 7], стоит в ряду основных элементов государства [34, с. 41], выступает средством согласования противоречивых интересов социума в государстве [23, с. 13]. В годы Гражданской войны охрана правопорядка на территории России имела высокую значимость для государственности – как советской, так и антибольшевистской. Среди механизмов комплексного и целенаправленного воздействия на поведение субъектов общественных отношений особое место традиционно отводится правоохранительному механизму [13, с. 93]. Наличие твердого правопорядка означало стабильность власти и давало ей возможность для ведения соответствующей пропагандистской деятельности (в средствах массовой информации всех без исключения государственных образований подчеркивалась сила установившейся власти, способной обуздать преступность и обеспечить общественный порядок, и в то же время слабость противоположной стороны, не способной это сделать). Установление надлежащего правопорядка напрямую влияло на поддержку существующей власти населением, а, значит, ее устойчивость в тылу и успехи на фронте.

С 1918 по 1920 г. подавляющая часть территории России попеременно находилась под властью Советской России и антибольшевистских правительств. Наиболее тяжелым периодом для населения становилось время, когда государственные органы и военные подразделения противоборствующих сторон по каким-либо причинам отсутствовали, и власть фактически принадлежала «зеленым» – бандитским формированиям, основную часть которых составляли профессиональные преступники и дезертиры [6]. «Зеленые» устанавливали свой режим, основанный на насилии, где отсутствовало какое-либо представление о законности и правопорядке.

Методы и материалы. Методологическую основу работы составляют историко-правовой, системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Использование историко-правового метода позволило изучить предпосылки формирования орга-

нов милиции, исследовать закономерности и особенности их трансформации в годы Гражданской войны в России. С помощью системного подхода было определено соотношение между доктриной и практикой охраны правопорядка органами милиции в рассматриваемый период, исследованы имеющиеся между ними взаимосвязи. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормативно-правовую основу формирования органов милиции. Сравнительно-правовой метод применялся для выявления особенностей строительства советской и белой милиции, влияния на эти процессы политико-идеологических представлений руководителей соответствующих государственных образований.

При подготовке статьи были исследованы работы В.И. Ленина, в которых содержалось его видение особенностей строительства органов охраны правопорядка в Советском государстве, законодательство рассматриваемого периода и научные работы современных исследователей государственности России в годы Гражданской войны. Также достаточно информативными являются мемуары непосредственных участников тех событий.

Новизна исследования определяется объектом работы – соотношением между доктриной и практикой охраны правопорядка органами милиции в годы Гражданской войны в России, а также совокупностью использованных при ее подготовке методов. Комплексного исследования теоретических подходов к строительству органов милиции и их воплощения в правоприменительной деятельности в Советской России и антибольшевистских государственных образованиях до настоящего времени в историко-правовой науке не проводилось.

Анализ. Доктрина и практика строительства советской милиции. Важную роль в обеспечении охраны правопорядка в рассматриваемый период наряду с другими как обычными, так и чрезвычайными органами играли органы милиции. Советская милиция была учреждена в 1917 г. [28] и называлась рабочей милицией. Она представляла собой совокупность массовых организаций трудящихся, создавалась местными советами и находилась в их ведении. Ее формирование осуществлялось на основе принципа выборности милиционеров или введения мили-

цейской (красногвардейской) повинности с учетом классового подхода (статья милиционером мог только трудящийся). Организационные формы рабочей милиции установлены не были. Такой своеобразный способ формирования одного из основных органов охраны правопорядка в стране был связан с идеологическими воззрениями пришедших к власти представителей партии большевиков. Идея вооружения и организации пролетариата являлась одним из программных положений марксизма, что видно, к примеру, из Обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов (март, 1850) [17, с. 264]. Первоначально эту идею разделял и В.И. Ленин. В письмах «Новое правительство и пролетариат», «О пролетарской милиции», статье «Удержат ли большевики государственную власть» он писал, что рабочие могут быть привлечены к управлению государством, создать рабочую милицию, а затем расширить ее во всенародную [16, с. 316], охватывающую всех мужчин и всех женщин [15, с. 32], выполняющую «функции народной армии и полиции», и больше того – «функции главного и основного органа государственного порядка и государственного управления», что обеспечило бы абсолютный порядок [15, с. 42, 43].

Однако доктрина строительства новых революционных органов охраны правопорядка вскоре вступила в противоречие с реальностью – ростом преступности, обострившейся классовой борьбой и переходом к активной фазе Гражданской войны. К концу 1917 г. рабочая милиция показала низкую эффективность в охране общественного порядка и борьбе с преступностью, поэтому с начала 1918 г. стали подниматься вопросы ее реформирования, отказа от идеи вооружения трудящихся для охраны правопорядка, создания специальных органов по борьбе с преступностью, на штатной основе «несущих охрану внутренней личной и имущественной безопасности граждан» [20, с. 49].

В связи с этим в середине мая 1918 г. коллегия НКВД приняла решение о разработке проекта организации новой советской милиции. Доктрина вооружения пролетариата была заменена положениями о штатной основе формирования милиции на базе принципа демократического централизма [2, с. 22]. В конце мая 1918 года был разработан про-

ект Положения о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции), который 5 июня был опубликован для обсуждения [4, с. 7]. I Всероссийский съезд председателей губисполкомов и заведующих отделами управления, проходивший в Москве с 30 июля по 1 августа 1918 г., принял резолюцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [5, с. 72].

Изменение подходов к строительству милиции потребовало их юридического закрепления. 21 августа 1918 г. Совет народных комиссаров (СНК), рассмотрев проект Положения о советской милиции, «поручил Комиссариату внутренних дел по соглашению с Комиссариатом юстиции переработать его... в инструкцию, ...приноровив ее преимущественно к борьбе против уголовных элементов, поддержанию санитарного порядка и приведению в исполнение предписаний местных властей» [10, с. 238–239]. Инструкция, установившая единые организационно-правовые формы строительства милиции в РСФСР, была утверждена 12 октября 1918 г. [14].

Решение СНК о выборе формы акта о советской милиции было обусловлено отсутствием у руководства государства новых подходов к ее организации. Инструкция представляла собой практическое руководство, не содержащее теоретических положений и носящее временный характер.

Советская милиция определялась в рассматриваемой Инструкции как исполнительный орган центральной власти на местах, находилась в непосредственном ведении местных Советов под общим руководством НКВД РСФСР. Значение Инструкции для дальнейшего строительства милиции, по мнению С.В. Биленко, заключалось в том, что ее положения оставались неизменными в течение всего периода Гражданской войны, на их основе были разработаны Положения о железнодорожной и речной милиции [2, с. 27].

3 апреля 1919 г. был принят Декрет, а 10 июня 1920 г. Положение о рабоче-крестьянской милиции [8; 9]. Их доктринальную основу составили следующие положения: милиция находилась в двойном подчинении – НКВД и местных советов и являлась специальным штатным государственным органом охраны правопорядка; управление милицией было цен-

трализовано (она входила в структуру государственного органа).

Таким образом, идеологические подходы большевиков к охране правопорядка, сложившиеся до Октябрьской революции, были пересмотрены в ходе Гражданской войны. Идея всеобщего вооружения на классовой основе потерпела поражение в ходе ее реализации. Рабочая милиция была заменена на штатный орган охраны правопорядка – рабоче-крестьянскую милицию, а руководство РКП(б) продемонстрировало идеологическую и политическую гибкость. Для достижения первостепенной цели установления твердого правопорядка оно не только пожертвовало марксистскими догмами, но и при создании советской милиции использовало опыт строительства полиции царской России.

Доктринальные подходы и их воплощение в процессе создания милиции в антибольшевистских государственных образованиях. Строительство милиции в антибольшевистских государственных образованиях осуществлялось с учетом идеологических взглядов их руководителей – членов КОМУЧ (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) П.В. Вологодского, А.И. Деникина, А.В. Колчака и др. Так, официальной идеологией государственных образований демократической контрреволюции (КОМУЧа, Уфимской директории, Временного Сибирского правительства) являлась приверженность завоеваниям Февральской революции 1917 г. и реформам Временного правительства. Главным их постулатом был созыв Учредительного собрания и проведение им дальнейших демократических преобразований в России. В связи с этим они не осуществляли реформирование милиции, ее адаптацию к условиям Гражданской войны. Организация и деятельность милиции в этих государственных образованиях регулировались Положением о милиции, принятым Временным правительством 17 апреля 1917 г. [27], в соответствии с которым она находилась в ведении местных органов власти. Руководители государственных образований авторитарного типа, прежде всего А.И. Деникин и А.В. Колчак, являлись приверженцами идеологии Белого движения, стержнем программы которого была непримиримая борьба с советской властью.

В противоположность лидерам «демократической контрреволюции», принципиально отрицавшим любую форму единоличного правления как «возврат к старому режиму» и допускавшим только власть «олигархии», лидеры Белого движения основой режима считали военную диктатуру [36, с. 60–61]. Милиция в таких государственных образованиях в меньшей степени зависела от местных органов самоуправления, была централизована.

Первым государственным образованием, органы которого претендовали на статус всероссийских, стал Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, возникший в начале июня 1918 г. на территориях, захваченных белочехами. В принятом 8 июня 1918 г. Воззвании КОМУЧа о переходе к нему власти указывалось, что осуществленный им переворот был «совершен во имя великого принципа народовластия» [1, с. 385–386]. Власть КОМУЧа строилась на принципах «народного суверенитета, разделения властей, ответственности исполнительной власти, верховенства закона» [21, с. 25]. В своей деятельности он руководствовался политико-правовой идеей «непредрешенчества» [19]. В связи с этим он не принимал никаких принципиальных решений, ожидая поражения советской власти и созыва Всероссийского Учредительного собрания либо собрания на территории КОМУЧа достаточного для кворума количества его членов. Милицию КОМУЧ попытался восстановить на организационных основах, заложенных Временным правительством весной 1917 года. Она изначально находилась в ведении уездных уполномоченных [30, л. 30], а после создания органов местного самоуправления была передана в их ведение.

В конце января 1918 г. было сформировано Временное правительство автономной Сибири, а 13 февраля 1918 г. был создан его рабочий орган – Западно-Сибирский комисариат. В конце июня 1918 г. после восстания Чехословацкого корпуса было образовано Временное Сибирское правительство под председательством П.В. Вологодского [7], распространившее свою власть на регионы Сибири и Дальнего Востока и ставшее наиболее крупным антибольшевистским государственным образованием. Главным отличием Временного Сибирского правительства от Западно-Сибир-

ского комиссариата стал его внепартийный характер и направленность деятельности на усиление государственности, а не на восстановление достижений Февральской революции на основе демократии и парламентаризма. Изменение идеологии государственной власти привело к изменению подходов к строительству органов охраны правопорядка.

27 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат утвердил Временные правила о порядке охраны личной и имущественной безопасности граждан, проживающих в сельской местности [11, л. 13], где было восстановлено действие Временного положения о милиции от 17 апреля 1917 года. Сибирская милиция находилась в ведении местных органов самоуправления.

Временное Сибирское правительство существенно изменило подходы к организации правоохранительной деятельности. 15 июля 1918 г. оно приняло Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия [26], которые существенно расширили права Министерства внутренних дел (МВД), в том числе и по руководству милицией. Например, в местности, объявленной министром на военном положении, милиция переходила в подчинение должностных лиц, исполняющих обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Кроме того, стал активно обсуждаться вопрос о полной передаче милиции в ведение государства в связи с решением ею задач государственного порядка [22, с. 15]. 2 августа 1918 г. было принято решение о временной передаче милиции из ведения земств и городов в ведение МВД [21, с. 15], а 17 сентября 1918 г. милиция окончательно перешла под юрисдикцию МВД [33, л. 98 об.–101 об.].

В сентябре 1918 г. на проходившем в Уфе Государственном совещании было принято решение об объединении сил антибольшевистских государственных образований востока России. В результате вся полнота власти на подконтрольных им территориях была передана Временному Всероссийскому правительству (Уфимской директории). Главной целью нового государственного объединения стала борьба с большевизмом. В «Акте об образовании Всероссийской верховной власти» на Директо-

рию была возложена обязанность по «принятию мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка» [3, с. 493–497]. Однако Директория не обладала ни реальной властью, ни авторитетом, чтобы провести в жизнь запланированные преобразования созданной и реально действующей сибирской милиции на нормативной основе Временного правительства.

Возникла ситуация, когда формально верховная власть в стране принадлежала демократическому правительству, а фактически ею обладало правое по своим убеждениям Временное Сибирское правительство, которое реформировало милицию по образцу полиции царской России. Это противоречие было разрешено 18 ноября 1918 г., когда в ходе государственного переворота Временное Всероссийское правительство было низложено, и к власти пришел Верховный правитель России А.В. Колчак, установивший режим военной диктатуры.

Установление авторитарного политического режима привело к реформированию правоохранительных органов Белой Сибири. В декабре 1918 г. в составе МВД был образован Департамент милиции (по образцу аналогичного департамента МВД в царской России) [21, с. 19–20]. Было принято новое Положение «Об устройстве городской и уездной милиции» [18, л. 18–22], в соответствии с которым милиция на местах находилась в ведении государства, главным ее руководителем являлся министр внутренних дел.

Другим авторитарным антибольшевистским государственным образованием в годы Гражданской войны являлась Добровольческая армия, впоследствии ставшая основой Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием А.И. Деникина. Идеологической основой добровольческого движения на первом этапе его строительства стала составленная в январе 1918 г. Политическая программа («Конституция») генерала Л.Г. Корнилова [25, с. 285–286], в целом имевшая демократическое содержание. Милиция в этом антибольшевистском государственном образовании получила наименование государственной стражи, осуществлявшей свои функции на основе Временного положения о Государственной страже, утвержденного Главнокомандующим ВСЮР А.И. Деникиным 25 мар-

та 1919 г. [32, л. 65–76]. Государственная стража стала специальным централизованным штатным органом охраны правопорядка и вошла в структуру Управления внутренних дел. В основу ее организации были положены соответствующие начала полиции царской России. Учитывая крайнюю военизацию управления на территории ВСЮР и отсутствие полноценного местного самоуправления, на местах части стражи находились только в ведении государства – губернаторов и начальников уездов – должностных лиц, назначаемых соответственно Главнокомандующим ВСЮР и начальником Управления внутренних дел.

На юге России в годы Гражданской войны возникло и другое авторитарное государственное образование – Всевеликое Войско Донское (ВВД). Среди всех антибольшевистских государственных образований оно отличалось наиболее консервативными взглядами на строительство государственности. После свержения советской власти в ВВД было принято решение о восстановлении милиции [29, л. 22], что шло вразрез с представлениями казачьего населения ВВД, поскольку милиция являлась «плодом» Февральской революции. В Основных Законах ВВД было закреплено временное действие Свода законов Российской Империи – «впредь до издания и обнародования новых законов», а акты, «разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и Советом Народных Комиссаров», были отменены [31, л. 28]. Возникшую коллизию руководство объяснило необходимостью обеспечения безопасности граждан, в связи с чем была «организована полиция, временно названная “милицией”, но с подчинением ее исключительно власти казачьего правительства» [24, л. 3]. Деятельность войсковой милиции регулировалась Положением, утвержденным Войсковым атаманом П.Н. Красновым 27 сентября 1918 г. [12, л. 94]. В соответствии с ним милиция была централизована и входила в структуру Отдела внутренних дел ВВД. После реформирования войсковой милиции она была переименована в войсковую стражу, что «вернее определяет сущность этого института» [24, л. 22]. Название реформированного органа охраны правопорядка не связывало его ни с милицией Временного и Советского правительств, ни с дискредитировавшей себя в глазах насе-

ления царской полицией. Правовой основой организации и деятельности войсковой стражи стало Положение, утвержденное 5 октября 1918 года.

Результаты. В годы Гражданской войны доктрина строительства органов охраны правопорядка пришла в противоречие с практикой этой деятельности. Руководство всех государственных образований на территории России исходило из идеологических взглядов, которые не всегда соответствовали суровым реалиям этого периода. Показательной в данном случае является динамика доктрины Советской России, которая за неполные три года прошла путь от идеи всеобщего вооружения народа (пролетариата) до понимания необходимости создания милиции как специального государственного централизованного штатного органа охраны правопорядка. Однако и в антибольшевистских государственных образованиях происходила смена теоретических подходов к строительству милиции, что вызывало ее постоянное реформирование в годы Гражданской войны.

Наибольшие изменения в организации милиции были осуществлены советской властью. В результате советская милиция как один из основных органов охраны правопорядка внесла существенный вклад в его обеспечение и противодействие росту преступности. Возможно, гибкость лидеров Советской Республики в вопросах идеологии (до определенного момента, не затрагивая основ марксистского учения и строительства социалистической государственности в стране) и стала причиной эффективности деятельности советских органов охраны правопорядка и определила победу Советской России в Гражданской войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XI. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь – октябрь 1918 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 631 с.
2. Биленко, С. В. Советская милиция России: организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и ее деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.) / С. В. Биленко. – М. : Академия МВД СССР, 1976. – 96 с.

3. Болдырев, В. Г. Директория. Колчак. Интервью: воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / В. Г. Болдырев. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.
4. Вестник Народного Комиссариата внутренних дел. – 1918. – № 17. – С. 7.
5. Всероссийский съезд председателей губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов и заведующих отделами управления губернских исполкомов (1; 1918; Екатеринбург). Протоколы 1-го Съезда председателей губернских советов и заведующих губернскими отделами управления. – Екатеринбург : Тип. губ. зем. управы, 1919. – 117 с.
6. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / А. Грациози. – М. : РОССПЭН, 2001. – 95 с.
7. Декларация Временного Сибирского Правительства от 04.07.1918 «О государственной самостоятельности Сибири» // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. – 1918. – № 2. – Ст. 9.
8. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 10.06.1920 «О Рабоче-Крестьянской милиции (Положение)» // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1920. – № 79. – Ст. 371.
9. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 03.04.1919 «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции» // СУ РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 133.
10. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М. : Политиздат, 1964. – 676 с.
11. Дело – организационная переписка по Милиции // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р147. – Оп. 1. – Д. 5. – 392 л.
12. Журналы заседания Совета управляющих отделами Всевеликого войска Донского от 2/VII-31/VII № 37–56 // ГА РФ. – Ф. Р103. – Оп. 1. – Д. 2. – 79 л.
13. Законность: теория и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. – 3-е изд. – М. : ИЗиСП : ООО «Юридическая фирма “Контракт”», 2017. – 400 с.
14. Инструкция Народного Комиссариата внутренних дел и Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» // СУ РСФСР. – 1918. – № 75. – Ст. 813.
15. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 31. – 672 с.
16. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 34. – 585 с.
17. Маркс, К. Собрание сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. – Т. 7. – 669 с.
18. Материалы (закон «Об учреждении в ведение Министерства внутренних дел кадров милиции для обслуживания специальных полицейских надобностей других ведомств» (копия), положения Министерства внутренних дел об устройстве городской и уездной милиции (копии), общие положения о милиции, переписка и др.) об организации милиции на местах // ГА РФ. – Ф. Р147. – Оп. 14. – Д. 1. – 70 л.
19. Медведев, В. Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции: 1928–1920 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук / Медведев Валентин Григорьевич. – Ульяновск, 2004. – 422 с.
20. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.) / Р. С. Мулукаев. – М. : Академия МВД СССР, 1975. – 108 с.
21. Никитин, А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук / Никитин Алексей Николаевич. – М., 2007. – 490 с.
22. Никитин, А. Н. Милиция Российской правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью / А. Н. Никитин. – М. : НИИРИО Моск. ин-та МВД России, 1995. – 77 с.
23. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. – М. : ИЗиСП : ИНФРА-М, 2019. – Т. 1. – 348 с.
24. Отчет Комиссии Большого войскового круга по Отделу внутренних дел и материалы к отчету // ГА РФ. – Ф. Р1258. – Оп. 1. – Д. 96. – 23 л.
25. Политическая программа генерала Корнилова // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. – Берлин : Слово, 1923. – Т. IX. – 308 с.
26. Постановление Временного Сибирского правительства «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // Сибирский вестник (Омск). – 1918. – № 1.
27. Постановление Временного правительства России от 17.04.1917 «Об учреждении милиции» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. Р-131. – Оп. 1. – Д. 1. – 41 л.
28. Постановление Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР от 10.11.1917 «О рабочей милиции» // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 15.
29. Постановления Временного Приамурского Правительства за 31 мая – 23 октября 1921 г. № 1–114 (подлинники и копии) // ГА РФ. – Ф. Р936. – Оп. 1. – Д. 11. – 178 л.
30. Приказы Комитета Членов Учредительного Собрания за № 1–121 – печатные // ГА РФ. – Ф. Р1405. – Оп. 1. – Д. 1. – 47 л.

31. Приказы, постановления и указы Временного Донского правительства и Круга спасения Дона (подлинники, копии, печатные экз.). Приказ войскового атамана Краснова (подлинник) о назначении судебно-следственной комиссии при суде «Защиты Дона» (л. 16 л.с.) // ГА РФ. – Ф. Р1257. – Оп. 1. – Д. 4. – 78 л.

32. Собрание узаконений и распоряжений «правительства» Юга России за 1919 г. // ГА РФ. – Ф. Р439. – Оп. 1. – Д. 94. – 389 л.

33. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства и постановлений колчаковского правительства (печатные) // ГА РФ. – Ф. Р4531. – Оп. 1. – Д. 134. – 243 л.

34. Тихомиров, Ю. А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю. А. Тихомиров // Право и политика. – 2006. – № 11. – С. 37–44.

35. Хабриева, Т. Я. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Общественные науки и современность. – 2017. – № 1. – С. 5–19.

36. Цветков, В. Ж. Белое движение в России. 1917–1922 годы / В. Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 56–73.

REFERENCES

1. Dodonov B.F., ed. *Arkhiv noveishei istorii Rossii. Seriya «Publikatsii». T. XI. Zhurnaly zasedanii, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditelnogo sobraniia, iyun – oktyabr 1918 goda* [Archive of the modern history of Russia. Series “Publications”. Vol. 11. Journals of Meetings, Orders, and Materials of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly, June – October 1918]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 631 p.

2. Bilenko S.V. *Sovetskaia militsiia Rossii: organizatsiia sovetskoi raboche-krestianskoi militsii RSFSR i ee deiatel'nost po okhrane revoliutsionnogo poriadka (1917–1920 gg.)* [Soviet Militia of Russia: Organization of the Soviet Workers and Peasants Militia of the RSFSR and Its Activities for the Protection of the Revolutionary Order (1917–1920)]. Moscow, Akademiya MVD SSSR, 1976. 96 p.

3. Boldyrev V.G. *Direktoriya. Kolchak. Interventy: vospominaniya (iz tsikla «Shest let» 1917–1922 gg.)* [The Directory. Kolchak. Interventionists: Memories (From the Cycle “Six Years” 1917–1922)]. Novonikolaevsk, Sibkrazizdat, 1925. 562 p.

4. *Vestnik Narodnogo Komissariata vnutrennikh del* [Bulletin of the Peoples Commissariat of Internal Affairs], 1918, no. 17, p. 7.

5. *Vserossiyskiy syezd predsedateley gubernskikh Sovetov rabochikh i krestyanskikh*

deputatov i zaveduyushchikh otdelami upravleniya gubernskikh ispolkomov (1; 1918; Ekaterinoslav). Protokoly 1-go Syezda predsedateley gubernskikh sovetov i zaveduyushchikh gubernskimi otdelami upravleniya [All-Russian Congress of Chairmen of Provincial Soviets of Workers and Peasants Deputies and Heads of Management Departments of Provincial Executive Committees (1; 1918; Ekaterinoslav). Minutes of the 1st Congress of Chairmen of Provincial Councils and Heads of Provincial Management Departments]. Ekaterinoslav, Tipografiya gubernskoy zemskoy upravly, 1919. 117 p.

6. Gratsiozi A. *Velikaya krestyanskaya voyna v SSSR. Bolsheviki i krestyane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the Peasants. 1917–1933]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 95 p.

7. Deklaratsiia Vremennogo Sibirskogo Pravitelstva ot 04.07.1918 «O gosudarstvennoi samostoiatel'nosti Sibiri» [Declaration of the Provisional Siberian Government Dated July 4, 1918 “On the State Independence of Siberia”]. *Sobranie uzakonenii i rasporiazhenii Vremennogo Sibirskogo Pravitelstva* [Collection of Laws and Orders of the Provisional Siberian Government], 1918, no. 2, article 9.

8. Dekret Vserossiiskogo tsentralnogo ispolnitelnogo komiteta i Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 10.06.1920 «O Raboche-Krestianskoi militsii (Polozhenie)» [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of Peoples Commissars of the RSFSR Dated June 10, 1920 “On the Workers and Peasants Militia (Regulations)”]. *Sobranie uzakonenij RSFSR (SU RSFSR)* [Code of Justice of the RSFSR (SU RSFSR)], 1920, no. 79, article 371.

9. Dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 03.04.1919 «O Sovetskoi Raboche-Krestianskoi militsii» [Decree of the Council of Peoples Commissars of the RSFSR Dated April 3, 1919 “On the Soviet Workers and Peasants Militia”]. *SU RSFSR*, 1919, no. 13, article 133.

10. *Dekrety Sovetskoi vlasti. T. III. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g.* [Decrees of the Soviet Government. Vol. 3. July 11 – November 9, 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1964. 676 p.

11. Delo – organizatsionnaia perepiska po Militsii [Dossier – Organizational Correspondence on the Police]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)], f. r147, inv. 1, d. 5. 392 l.

12. *Zhurnaly zasedaniia Soveta upravliaiushchikh otdelami Vsevelikogo voiska Donskogo ot 2/VII-31/VII №№ 37-56* [Logs of the Meeting of the Board of Governors of the Departments of the All-Great Don Army from 2/VII-31/VII No. 37-56]. *GARF* [SARF], f. r103, inv. 1, d. 2. 79 l.

13. Tikhomirov Iu.A., Subanova N.V., eds. *Zakonnost: teoriia i praktika: monografiia* [The Rule of Law: Theory And Practice. Monograph]. Moscow, IZiSP, OOO «Yuridicheskaya firma “Kontrakt”», 2017. 400 p.
14. Instruktsiia Narodnogo Komissariata vnutrennikh del i Narodnogo Komissariata iustitsii RSFSR ot 12.10.1918 «Ob organizatsii Sovetskoi Raboche-Krestianskoi militsii» [Instruction of the Peoples Commissariat of Internal Affairs and the Peoples Commissariat of Justice of the RSFSR Dated October 12, 1918 “On the Organization of the Soviet Workers and Peasants Militia”]. *SURSFSR*, 1918, no. 75, article 813.
15. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Complete Collection of Works]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1969, vol. 31. 672 p.
16. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1969, vol. 34. 585 p.
17. Marks K., Engels F. *Sobranie sochinenii. Izd. 2* [Collected Works. Ed. 2]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1956, vol. 7. 669 p.
18. Materialy (zakon «Ob uchrezhdenii v vedenie Ministerstva vnutrennikh del kadrov militsii dlia obsluzhivaniia spetsialnykh politseiskikh nadobnostei drugikh ведомств») (kopiia), polozheniia Ministerstva vnutrennikh del ob ustroistve gorodskoi i uezdnoi militsii (kopii), obshchie polozheniia o militsii, perepiska i dr.) ob organizatsii militsii na mestakh [Materials (The Law “On the Establishment of Police Personnel Under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs for Servicing Special Police Needs of Other Departments” (A Copy), the Regulations of the Ministry of Internal Affairs on the Organization of City and County Police (Copies), General Regulations on the Police, Correspondence, etc.) on the Organization of Local Police]. *GARF* [SARF], f. r147, inv. 14, d. 1. 70 l.
19. Medvedev V.G. *Politiko-pravovaia organizatsiia antisovetskikh gosudarstvennykh obrazovaniy v Povolzhe i Sibiri v gody grazhdanskoi voiny i inostrannoi interventsii: 1928–1920 gg.: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Political and Legal Organization of Anti-Soviet State Formations in the Volga Region and Siberia During the Civil War and Foreign Intervention: 1928–1920. Dr. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2004. 422 p.
20. Mulukaev R.S. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniia sovetskoi militsii (1917–1920 gg.)* [Organizational and Legal Foundations of the Formation of the Soviet Militia (1917–1920)]. Moscow, Akademiya MVD SSSR, 1975. 108 p.
21. Nikitin A.N. *Gosudarstvennost «beloi» Rossii: stanovlenie, evoliutsiia, krushenie (1918–1920 gg.): dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Statehood of “White” Russia: Formation, Evolution, Collapse (1918–1920). Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 490 p.
22. Nikitin A.N. *Militsiia Rossiiskogo pravitelstva Kolchaka i ee rol v borbe s obshcheugolovnoi i organizovannoi prestupnostiu* [The Police of the Russian Government of Kolchak and Its Role in the Fight Against Ordinary and Organized Crime]. Moscow, NIiRIO Moskovskogo instituta MVD Rossii, 1995. 77 p.
23. Chernogor N.N., ed. *Obshchee uchenie o pravovom poriadke: voskhozhdienie pravoporiadka: monografiia* [General Theory of Legal Order. Development of Legal Order. Monograph]. Moscow, IZiSP, INFRA-M, 2019, vol. 1. 348 p.
24. Otchet Komissii Bolshogo voiskovogo kruga po Otdelu vnutrennikh del i materialy k otchetu [Report of the Commission of the Large Military Circle on the Department of Internal Affairs and Materials for the Report]. *GARF* [SARF], f. r1258, inv. 1, d. 96. 23 l.
25. Politicheskaya programma generala Kornilova [General Kornilovs Political Program]. *Arkhiv russkoi revoliutsii, izdavaemyi G.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, Published by G.V. Hessen]. Berlin, Slovo Publ., 1923, vol. 9. 308 p.
26. Postanovlenie Vremennogo Sibirskogo pravitelstva «Vremennye pravila o merakh k okhraneniui gosudarstvennogo poriadka i obshchestvennogo spokoistviia» [Resolution of the Provisional Siberian Government “Temporary Rules on Measures to Protect State Order and Public Peace”]. *Sibirskii vestnik (Omsk)* [Siberian Bulletin (Omsk)], 1918, no. 1.
27. Postanovlenie Vremennogo pravitelstva Rossii ot 17.04.1917 «Ob uchrezhdenii militsii» [Resolution of the Provisional Government of Russia Dated April 17, 1917 “On the Establishment of the Police”]. *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGASPB)* [Central State Archive of Saint Petersburg (CSASP)], f. r-131, inv. 1, d. 1. 41 l.
28. Postanovlenie Narodnogo Komissariata vnutrennikh del RSFSR ot 10.11.1917 «O rabochei militsii» [Resolution of the Peoples Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR Dated November 10, 1917 “On the Workers Militia”]. *SU RSFSR*, 1917, no. 1, article 15.
29. Postanovleniia Vremennogo Priamurskogo Pravitelstva za 31 maia – 23 oktiabria 1921 g. № 1-114 (podlinniki i kopii) [Resolutions of the Provisional Amur Government for May 31 – October 23, 1921 No. 1-114 (Originals and Copies)]. *GARF* [SARF], f. r936, inv. 1, d. 11. 178 l.
30. Prikazy Komiteta Chlenov Uchreditelnogo Sobraniia za № 1-121 – pechatnye [Orders of the Committee of Members of the Constituent Assembly for No. 1-121, Printed]. *GARF* [SARF], f. r1405, inv. 1, d. 1. 47 l.
31. Prikazy, postanovleniia i ukazy Vremennogo Donskogo pravitelstva i Kruga spaseniia Dona (podlinniki, kopii, pechatnye ekz.). Prikaz voiskovogo

atamana Krasnova (podlinnik) o naznachenii sudebno-sledstvennoi komissii pri sude «Zashchity Dona» (l. 16 l.s.) [Orders, Resolutions and Decrees of the Provisional Don Government and the Circle of Salvation of the Don (Originals, Copies, Printed Copies). Order of the Military Ataman Krasnov (Original) on the Appointment of a Judicial Investigation Commission at the Court of “Protection of the Don” (l. 16 l.s.)]. *GARF* [SARF], f. r1257, inv. 1, d. 4. 78 l.

32. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii «pravitelstva» Iuga Rossii za 1919 g.* [Code of Justice and Orders of the “Government” of the South of Russia for 1919]. *GARF* [SARF], f. r439, inv. 1, d. 94. 389 l.

33. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Vremennogo Sibirskogo pravitelstva o postanovlenii kolchakovskogo pravitelstva (pechatnye)* [Code of Justice and Orders of the Provisional Siberian

Government on the Resolutions of the Kolchak Government (Printed)]. *GARF* [SARF], f. r4531, inv. 1, d. 134. 243 l.

34. Tikhomirov Iu.A. Suverenitet v usloviakh globalizatsii [Sovereignty in the Context of Globalization]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2006, no. 11, pp. 37-44.

35. Khabrieva T.Ia., Chernogor N.N. Ukreplenie pravoporiadka i protivodeistvie korruptsii v usloviakh evraziiskoi integratsii [Current Problems of the Strengthening of Rule of Law and Combating Corruption in the Framework of Eurasian Integration]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2017, no. 1, pp. 5-19.

36. Tsvetkov V.Zh. Beloe dvizhenie v Rossii. 1917–1922 gody [The White Movement in Russia. 1917–1922]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2000, no. 7, p. 56-73.

Information About the Authors

Vyacheslav B. Evdokimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 34, 117218 Moscow, Russian Federation, vevdokimov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Mikhail M. Stepanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State Studies, General Legal, Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 34, 117218 Moscow, Russian Federation, theory1@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5203-1867>

Maxim V. Zaloilo, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 34, 117218 Moscow, Russian Federation, z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

Информация об авторах

Вячеслав Борисович Евдокимов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, vevdokimov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Михаил Михайлович Степанов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, theory1@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5203-1867>

Максим Викторович Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>UDC 94(47)
LBC 63.3Submitted: 29.11.2020
Accepted: 15.02.2021

THE PENITENTIARY JUSTICE OF THE USSR: PECULIARITIES OF FUNCTIONING IN 1944–1956

Denis N. Shkarevsky

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

Abstract. Introduction. The activities of the penitentiary justice bodies in the USSR remain practically unexplored. Meanwhile, they were an important element of the mechanism of the Soviet state. The purpose of this article is to highlight the stages and determine the model of functioning of the penitentiary justice bodies. *Methods and materials.* The source base included unpublished documents stored in the funds of the Ministry of Justice, the Prosecutor's Office, the Supreme Court of the USSR and the State Archives of the Russian Federation. The fund of the Penitentiary Court of Chelyabinsk region, which is stored in the United State Archives of Chelyabinsk region, was also used in the study. When writing the article, the following methods were used: historical-genetic, archival-heuristic, source study, method of classification, method of historical description. *Analysis.* During 1946–1956 more than 200,000 people have been convicted by the penitentiary courts. The bulk of the cases (60%) were: cases of escape, refusal to work and self-harm, theft of state and public property, banditry, theft of personal property, hooliganism, robbery and plunder, and premeditated murder. The remaining 40% of cases were formed by the so-called “other” crimes. These included cases of counter-revolutionary crimes, crimes of security officers (military crimes), labor crimes, etc. During 1944–1956 among those convicted by penitentiary courts, there was a significant decrease in the proportion of prison staff and a systematic increase in the proportion of prisoners. Until the early 1950s formal performance indicators of penitentiary courts were lower than those of the people's, regional, line courts and military tribunals. Penitentiary justice was dependent on the leadership of the penitentiary institutions. When considering cases, “simplification” was allowed: cases were considered in batches, in absentia. *Results.* Three stages of activity of bodies of penitentiary justice are highlighted: 1945–1947; 1948–1950; 1951–1954/1956. The model of activity of the penitentiary justice can be defined as “campanian justice”.

Key words: soviet justice, special justice, penitentiary justice, penitentiary courts, crime in penitentiary institutions.

Citation. Shkarevsky D.N. The Penitentiary Justice of the USSR: Peculiarities of Functioning in 1944–1956. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 46-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>

УДК 94(47)
ББК 63.3Дата поступления статьи: 29.11.2020
Дата принятия статьи: 15.02.2021

ОРГАНЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ЮСТИЦИИ СССР: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В 1944–1956 ГОДАХ

Денис Николаевич Шкаревский

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Деятельность органов пенитенциарной юстиции в СССР остается практически не изученной. Между тем они являлись важным элементом механизма Советского государства. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить этапы и определить модель функционирования органов пенитенциарной юстиции. *Методы и материалы.* Источниковой базой послужили неопубликованные документы, хранящиеся в фондах Министерства юстиции, Прокуратуры, Верховного Суда СССР, Государственного архива Российской Федерации. Также был использован фонд лагерного суда ИТЛ Челябинской области, находящийся-

ся на хранении в Объединенном государственном архиве Челябинской области. При написании статьи были использованы такие методы, как: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания. *Анализ.* В течение 1946–1956 гг. пенитенциарными судами было осуждено более 200 000 человек. Основную массу дел (60 %) составляли: дела о побегах, отказах от работы и членовредительстве, хищениях государственного и общественного имущества, бандитизме, кражах личного имущества, хулиганстве, разбое и грабеже, умышленных убийствах. Остальные 40 % дел образовали так называемые «прочие» преступления. К ним относились дела о контрреволюционных преступлениях, преступлениях сотрудников ВОХР (или воинские преступления), трудовые преступления и др. В течение 1944–1956 гг. среди осужденных лагерными судами наблюдалось значительное сокращение доли сотрудников лагерей и систематическое увеличение доли заключенных. Вплоть до начала 1950-х гг. формальные показатели деятельности лагерных судов были ниже аналогичных показателей работы народных, областных, линейных судов и военных трибуналов. Органы лагерной юстиции находились в зависимости от руководства лагерей. При рассмотрении дел допускалось «упрощенчество»: дела рассматривались пачками, заочно. *Результаты.* Выделены три этапа деятельности органов лагерной юстиции: 1945–1947 гг.; 1948–1950 гг.; 1951–1954 / 1956 годы. Модель деятельности органов лагерной юстиции можно определить как модель кампанейского правосудия.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, пенитенциарная (лагерная) юстиция, пенитенциарные суды, преступность в пенитенциарных учреждениях.

Цитирование. Шкаревский Д. Н. Органы пенитенциарной юстиции СССР: особенности функционирования в 1944–1956 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 46–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>

Введение. Органы пенитенциарной (лагерной) юстиции СССР относились к специальным и имели более высокий статус, чем народные суды. Их деятельность остается неизученной. Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить этапы и определить модель их функционирования.

Методы и материалы. По данной теме наберется небольшое количество публикаций. Среди них следует отметить работы Г.М. Ивановой [3] и А.Я. Кодинцева [4]. Зарубежные авторы, как правило, не упоминают о существовании лагерных (пенитенциарных) судов [14; 15; 16; 17]. Источниками для написания статьи послужили материалы центральных (Государственного архива РФ) и местных (Объединенного государственного архива Челябинской области) архивов.

При работе над статьей были использованы такие методы, как: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания.

Анализ. В течение 1944–1953 гг. в СССР действовало от 48 до 77 лагерных судов. После их ликвидации в 1954 г. при 39 отдаленных местах заключения до начала 1957 г. сохранялись постоянные сессии краевых, областных и верховных судов АССР.

Причины создания лагерных судов не вполне ясны. Известно, что И. Сталину регулярно докладывали о различных «безобразиях», творящихся в системе ГУЛАГа. Безуспешные попытки их пресечения предпринимались неоднократно в 1930-х годах. Имели место попытки наладить рассмотрение дел об уголовных преступлениях в местах заключения в административном, внесудебном, судебном порядке. В 1934–1944 гг. в лагерях действовали отделения, постоянные сессии краевых, областных, верховных судов республик со специально определенной компетенцией. Однако все эти мероприятия не изменили ситуацию кардинально, не привели к укреплению режима в местах заключения.

Почему именно в декабре 1944 г. И. Сталин поддержал идею НКВД (Л. Берия, В. Чернышев), Наркома юстиции (Н. Рычков) и Прокурора СССР (К. Горшенин) о создании специальных лагерных судов – до сих пор остается загадкой. Вновь организованная система имела высокий уровень секретности. Даже указ об учреждении лагерных судов до сих пор не опубликован, хотя он и не имел грифа секретности. Практически все делопроизводственные документы системы органов лагерной юстиции были засекречены. Это была система центрального подчинения, то есть

лагерные суды подчинялись напрямую соответствующей коллегии Верховного Суда СССР (Судебная коллегия по делам лагерных судов) и соответствующему Управлению Министерства юстиции СССР (Управление по делам лагерных судов). Материальное обеспечение сотрудников этих органов было более высоким, чем сотрудников народных судов. Оно находилось на уровне обеспечения сотрудников областных (краевых) судов и военных трибуналов. Применительно к сотрудникам системы лагерной юстиции вплоть до начала 1950-х гг. даже не использовался термин «судья». Их называли оперативными работниками (по аналогии с оперативными работниками трибуналов). Лагерные суды обслуживали специально выделенные из органов советской прокуратуры отделы по надзору за местами заключения, которые напрямую подчинялись соответствующему заместителю Прокурора СССР. Все это говорит о высоком статусе данных органов и большом значении, которое руководство страны им придавало.

В течение 1946–1956 гг. лагерными судами было осуждено 201 033 чел. (0,6 % от всего количества осужденных в СССР). Исходя из количества поступивших уголовных дел в лагерные суды представляется возможным выделить три основных периода их деятельности. Первый – 1945–1947 гг. – число уголовных дел увеличивается с около 5 000 в 1945 г. до более чем 25 000 в 1947 году. Второй период – 1948–1950 гг. – этап стабилиза-

ции, количество поступивших дел достаточно устойчиво и колеблется в пределах 22 780–24 342. Третий период – 1951–1954 / 1956 гг. – этап сужения компетенции лагсудов, уменьшения их количества и числа рассматриваемых ими дел с 16 795 в 1951 г. до 4 192 в 1954 г. / 5 604 в 1956 году.

Распределение уголовных дел, поступивших в лагерные суды по годам, приводится на рисунке 1.

Поступление дел в лагсуды было крайне неравномерным. Среднемесячная нагрузка на суд в одних случаях составляла 50–60 дел, а в других – 4–5 дел.

Качество работы этих органов вплоть до начала 1950-х гг. оценивалось руководящими органами как низкое. При этом Управление по делам лагерных судов Министерства юстиции (далее – УДЛС) аргументировано указывало на большое количество приговоров, отмененных или измененных Судебной коллегией по делам лагерных судов (далее – СКДЛС). Так, в 1945 г. было оставлено в силе лишь 66,9 % их приговоров, в 1948 г. – 69,9 %, в 1949 г. – 68,1 % [11, л. 36].

Резкое улучшение формальных качественных показателей рассмотрения дел наблюдается в 1951 году. Вероятно, это связано с кадровым обновлением судейского корпуса лагерных судов в результате избирательной кампании судей специальных судов (1948–1949 гг.). В 1950 г. было оставлено в силе 79,9 % приговоров, в 1951 г. – 91,6 %, в I квартале 1952 г. – 95,9 % [2, л. 63].

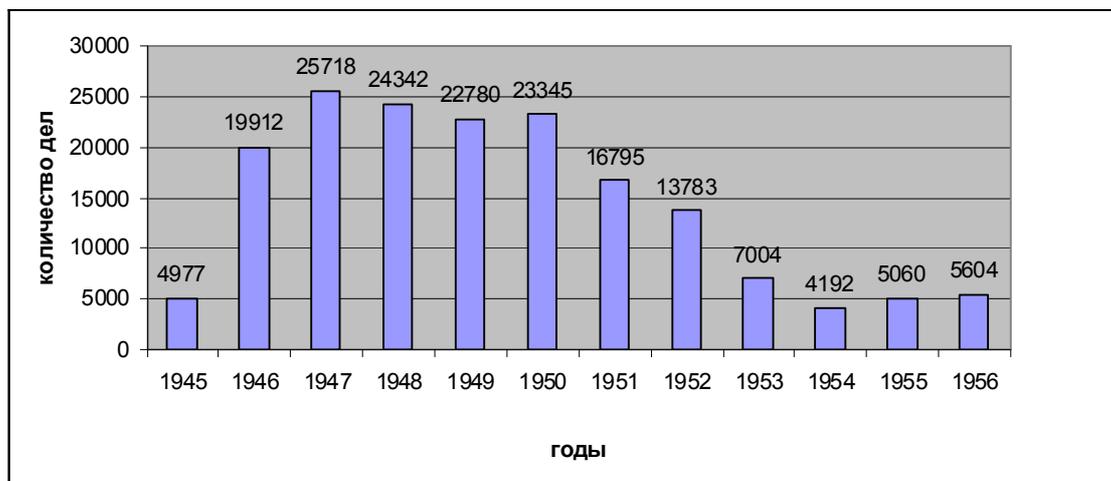

Рис. 1. Количество дел, поступивших в лагерные суды и постоянные сессии (1945–1956 гг.) [6, л. 54]

Fig. 1. Number of cases received by the penitentiary courts and permanent sessions (1945–1956)

Еще одним важным показателем, отражавшим качество деятельности работы судов, являлись сроки рассмотрения дел. По данному показателю лучшим для лагсудов был 1946 г.: 72 % дел было рассмотрено в срок до 10 дней, 23,5 % – в срок от 10 дней до 1 месяца и лишь 4,5 % – в срок свыше 1 месяца.

В дальнейшем сроки систематически увеличивались. Худшим по этому показателю был 1952 г.: лишь 42 % дел было рассмотрено в срок до 10 дней, 45,1 % – от 10 дней до 1 месяца, 12,9 % – в срок свыше 1 месяца.

В целом складывается впечатление, что проблема увеличения сроков рассмотрения дел в лагерных судах обсуждалась не столь активно, как в других органах специальной юстиции. Вероятно, связано это с объективными причинами, на которые указывали судьи: увеличение нагрузки, большие расстояния между лагерными подразделениями и транспортные трудности, несвоевременное укомплектование лагерных судов работниками, несвоевременное конвоирование требуемых лиц в судебные заседания, карантин в зонах и т. п. Таким образом, лагерные суды не выполнили одну из важнейших задач, которая ставилась перед ними руководством страны – быстрое, оперативное рассмотрение уголовных дел, возникающих в местах лишения свободы.

По составу среди осужденных в 1946–1956 гг. увеличивалась доля заключенных – с 64,6 до 88 %. Доля военнослужащих неуклонно снижалась с 29,3 % в 1946 г. до 9,3 % в 1954 г. и 3,1 % в 1956 году. Доля вольнонаемных не была стабильной, что явно говорит о проведении уголовно-правовых кампаний в отношении этих лиц. В течение 1946–1956 гг. их доля среди осужденных лагерными судами составляла от 6,1 до 18 % [5, л. 42].

Основными видами наказаний, выносимых лагерными судами, были: лишение свободы на различные сроки, исправительно-трудовые работы, смертная казнь.

Смертная казнь применялась пенитенциарными судами в 1946–1947 и в 1954–1956 годах. Общее количество казненных по приговорам лагсудов за эти годы составляло 1 044 чел., или 0,5 % от общего количества осужденных лагерными судами.

Динамика приговоренных к исправительно-трудовым работам (далее – ИТР) отражает систематическое ужесточение уголовно-правовой политики по отношению к осужденным этими судами лицам в 1946–1956 годах. Доля приговоренных к данному виду наказания снижается с 14,7 % в 1946 г. до 5,1 % в 1953 г. (в 1954–1956 гг. не применялось вовсе).

Основным видом наказания, применявшегося лагерными судами, являлось лишение свободы на различные сроки. Применение лишения свободы на срок свыше 10 лет непрерывно росло с 1946 г. по 1952 г. (с 0 до 18,7 %). Затем в 1953–1956 гг. наблюдается ее снижение с 16,1 до 5,8 %. Итак, до смерти И. Сталина наблюдалось непрерывное ужесточение в практике применения данного вида наказания, а после – резкое ее смягчение и ограничение в применении лагерными судами.

Широко применялось наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет. Динамика его применения была разнонаправленной. Были периоды роста (ужесточения): 1946–1949 гг. (с 14,9 до 27,3 %), 1953 г. (27,9 %), стабильного применения: 1950–1952 гг. (22,3–24 %), снижения (смягчения): 1954–1955 гг. (16,7–14,1 %). Аналогичной является и динамика применения лишения свободы на срок 6–9 лет.

Применение лишения свободы на срок 5 лет не было значительным. Доля осужденных к этому виду наказания составляла от 6,9 до 12 %. Практика его назначения имеет четко выраженные периоды: 1946–1948 гг. – снижение применения (с 10 до 7,1 %), 1949–1953 гг. – рост (с 7,7 до 12 %), стабильное применение – 1954–1956 годы.

Массовым было использование лишения свободы на срок ниже 5 лет. В первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) этот срок получало до половины всех осужденных лагерными судами. В дальнейшем (1948–1952 гг.) – около 30 %, а в 1954–1955 гг. – половина и более. Исключением стал 1953 г. – лишь 24,2 % были приговорены к этому виду наказания.

Итак, применение наказаний в лагсудах, особенно в 1946–1953 гг., имело ясно выраженный регулируемый характер. Достаточно четко выделяются периоды ужесточения и некоторого смягчения применяемых наказаний.

Примечательно, что такая ситуация соответствует периодам увеличения количества

оправданных лиц. Например, в 1946–1949 гг. наблюдалось увеличение их количества. В то же время режим проводил политику ужесточения применения наказаний в отношении осужденных – увеличивалось число привлеченных на срок 10 и более лет, 6–9 лет, снижалось число привлеченных на срок 5 и менее лет.

Таким образом, в 1946–1953 гг. смягчение уголовно-правовой политики в отношении лиц, привлекаемых к ответственности лагерными судами, было относительным. При смягчении в одном направлении (например, в отношении подсудимых) наблюдалась своего рода компенсация – ужесточение политики в отношении другой категории (например, осужденных). Реальное смягчение «карательной» политики наблюдалось лишь в 1953–1956 годах.

Распределение уголовных дел, рассмотренных лагерными судами в 1946–1956 гг., представлено на рисунке 2.

По делам о побегах, отказе от работы, членовредительстве (ст. 58-14 УК РСФСР) за 1946–1953 гг. было осуждено 32 859 чел.

(16,7 %) [6, л. 7]. В количественном плане выделяются 1947–1949 гг. (ежегодно привлекалось более 5,5 тыс. чел.). Это позволяет предположить, что в данный период была проведена уголовно-правовая кампания. До и после этого периода количество осужденных колебалось от 1 249 до 4 734.

Наибольшую подгруппу в этой группе преступлений составляли дела о побегах. Так, за 1948 – первый квартал 1949 г. из рассмотренных лагерными судами дел этой категории 1 833 дела составляли дела о побегах, 279 – за отказ от работы, 322 дел – членовредительство (самовредительство) [9, л. 48].

При назначении наказаний за эти преступления судьи опирались на совместную директиву Л. Берия, Н. Рычкова и В. Бочкова от 28 апреля 1941 г. о рассмотрении дел о побегах как одной из «наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства». Этого распоряжения оперативные работники лагерных судов придерживались вплоть до конца 1940-х годов. В дальнейшем квалификация данных видов деяний была из-

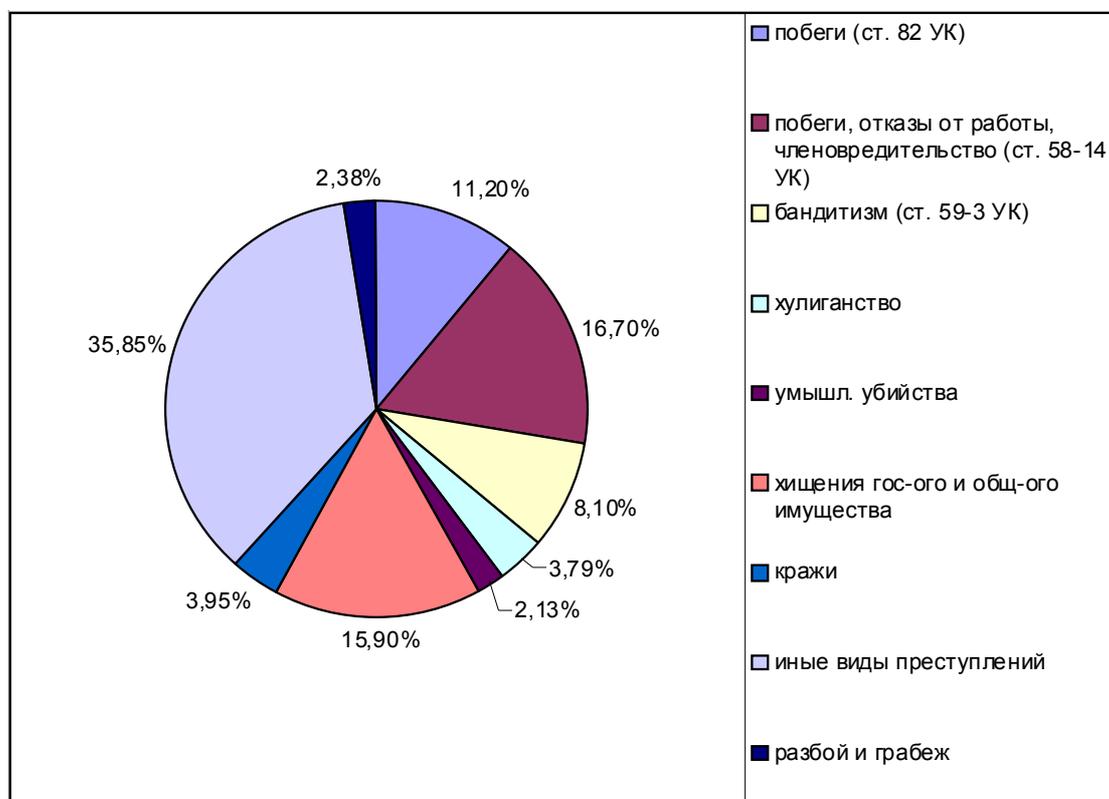

Рис. 2. Виды уголовных дел, рассмотренных лагсудами в 1946–1956 гг. [6, л. 7]

Fig. 2. Types of criminal cases considered by the penitentiary courts in 1946–1956

менена со ст. 58-14 на обычные (не контрреволюционные) статьи УК РСФСР.

Судьи не имели четких указаний о реализации судебной политики по этим видам преступлений. В результате доля отмененных приговоров по этим делам была высока. Так, в IV квартале 1948 г. без изменений СКДЛС оставила лишь 62,1 % таких приговоров. СКДЛС в начале 1949 г. констатировала, что ни лагерные суды, ни сама Коллегия до настоящего времени не имеют определенной ориентировки в части квалификации побегов из лагерей.

Несмотря на ряд указаний, появившихся в начале 1950-х гг., ситуация изменялась медленно. По итогам 1952 г. СКДЛС констатировала, что многие лагерные суды неправильно квалифицируют побег по ст. 58-14 УК РСФСР при отсутствии условий, указанных в этом постановлении. Суды осуждали по этой статье даже в случае отсутствияотягчающих обстоятельств. К ним относились: побег группой, с применением насилия, путем подкупа или лицом, осужденным за контрреволюционное преступление, бандитизм, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, разбой, умышленное убийство.

По этим делам суды допускали большое количество нарушений. Например, по делу Павлова были нарушены: ст. 271 УПК РСФСР (не решен вопрос о возможности слушания дела в отсутствие не явившихся свидетелей), ст. 242 УПК РСФСР (дело рассмотрено в срок свыше месяца). «В протоколе судебного заседания было записано: “Суд, заслушав мнение прокурора и адвоката о возможности слушания дела без не явившихся свидетелей, определил судебное следствие начать без не явившихся свидетелей”. Между тем прокурор и адвокат в суд не вызывались и в судебном заседании не участвовали. Весь протокол судебного заседания по делу Павлова составлен наспех, с недопустимыми сокращениями и грамматическими ошибками» [13, л. 55, 58–59].

Суды были полными хозяевами положения. Так, лагерный суд ИТЛК МВД Грузинской ССР осудил в первой половине 1950 г. Дolidze и Авалиани за побег из лагеря и грабеж, первого к 20 годам и второго к 15 годам заключения в ИТЛ. На суде подсудимые от-

казались от дачи показаний. В связи с этим лагерный суд лишил их права на защиту, а назначенных по делу адвокатов освободил от участия в процессе.

Практика судопроизводства по делам об отказах от работы и членовредительстве была примерно аналогичной.

Доля осужденных по делам о побегах, квалифицированных по ст. 82 УК РСФСР, в 1946–1956 гг. составляла 11,2% (22 526 чел.) [6, л. 7]. В 1946–1950 гг. число осужденных по этой статье УК было достаточно стабильным и находилось в пределах от 2 045 до 2 841 человек. В 1951–1953 гг. наблюдается резкий спад – с 1 488 до 539 человек. В 1954–1956 гг. – вновь произошел рост (с 1 938 до 2 891 чел.). В сталинский период стабильно по данной статье наказывали за побег несовершеннолетних и военнопленных.

Достаточно высокий и стабильный состав осужденных в 1946–1950 гг. объясняется постепенной переквалификацией побегов со ст. 58-14 УК на ст. 82 УК. Резкое снижение осужденных по этой статье в 1952 и 1953 гг. может быть объяснено отсутствием организации кампании и амнистией. Это подтверждается дальнейшим ростом осужденных по данной статье в 1954–1956 годах.

Отмечу, что по этой статье осуждали не только за побег, но и за попытку побега. Так, в январе 1950 г. лагерный суд ИТЛК УМВД Ростовской области приговорил к 25 годам лишения свободы в ИТЛ 9 чел. заключенных за попытку побега.

В начале 1950-х гг. практика по рассмотрению подобных дел смягчается. В пример можно привести дело Замятина, осужденного за побег из лагеря. «Осуждение было признано неправильным, так как Замятин, совершив побег, находясь вне лагеря, занимался общественно-полезным трудом, служил в Советской Армии и к моменту рассмотрения дела не был общественно-опасным» [12, л. 8].

Доля осужденных за бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР) в 1946–1956 гг. составляла 8,1 % (16 359 чел.). Количество таких осужденных непрерывно росло с 853 чел. в 1946 г. до 2 812 в 1952 году. В дальнейшем наблюдается резкое снижение с 1 497 чел. в 1953 г. до 268 чел. в 1956 г. [6, л. 63].

Наказания за этот вид преступлений были жесткими. В 1946 г. 17,2 %, а в 1955 г. 19,6 % осужденных были приговорены к смертной казни. В период с 1948 по 1953 г. смертная казнь к данной категории не применялась. Положение было исправлено секретным Указом ПВС СССР от 19.01.1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях».

Редко ст. 59-3 УК подвергалась расширительному толкованию судей и применялась за неповиновение лагерной администрации, хулиганство, нанесение телесных повреждений.

Основной причиной бандитизма в местах заключения, по мнению Министерства юстиции (далее – МЮ), являлась конкуренция между различными легально существующими в лагерях группировками («воры в законе», «отошедшие от воров», «беспредельщики»). Так, действовавшая в 1953–1954 гг. в Чаун-Чукотском лагере бандитская группировка «воров в законе» имела на вооружении обрезы, винтовки с боевыми патронами, ножи, пики, самодельные гранаты и контролировала ближайший к лагерю поселок. Заключенные имели возможность употреблять спиртные напитки и наркотики.

Категория *дел о разбое и грабеже* была немногочисленной. Число осужденных за эти виды преступлений в 1946–1956 гг. составляло 4 793 чел., или 2,38 %. Прослеживается две основные кампании по борьбе с этими преступлениями – 1948 и 1950 гг. (осуждено свыше 700 чел. в год). С 1953 г. количество осужденных по этим делам существенно сокращается. Основной мерой наказания для осужденных являлось лишение свободы на срок свыше 10 лет.

Количество *дел о хулиганстве* в местах заключения также было небольшим. Всего в 1946–1956 гг. было осуждено 7 621 чел., или 3,79 %. Представляется возможным выделить две основные кампании по борьбе с ними – в 1950 г. (1 247 осужденных) и 1952 г. (1 195 осужденных). В остальные годы количество осужденных колебалось от 328 до 728 человек. Основным видом наказания являлось лишение свободы на срок ниже 5 лет (свыше 60 % всех осужденных).

Число осужденных *по делам об умышленных убийствах* не было высоким. Их доля за 1946–1956 гг. составляла 2,13 % (4 294 чел.). Кампания по борьбе с этим видом преступлений пришла на 1948–1951 гг. (максимум осужденных – 1950 г. – 621 чел.). В остальные годы число осужденных составляло от 144 чел. в 1946 г. до 398 чел. в 1955/1956 году.

С 1954 г. за данный вид преступления стала применяться в виде наказания смертная казнь. Причем в 1955 г. к ней были приговорены 28,1 % осужденных. Основная же их масса приговаривалась к лишению свободы на срок 10 лет.

По делам о хищениях государственного и общественного имущества в 1946–1956 гг. было осуждено 15,9 % от общего числа осужденных лагерными судами (32 078 чел.). Дела о хищениях до 4 июня 1947 г. лагсуды квалифицировали по ст. 162 (тайное похищение чужого имущества (кража)). В 1946 г. доля таких дел составляла 8,4 %. Также до 1947 г. лагсуды квалифицировали крупные хищения государственного имущества по Закону от 07.08.1932 г. В 1946 г. эта группа дел составляла всего 0,64 %.

Среди примеров таких дел можно привести следующий. Лагерный суд Восточно-Уральского ИТЛ МВД СССР рассмотрел дело по обвинению Опарина, который, работая по переборке картофеля на овощехранилище, взял три картошки, пошел в барак и на вахте был задержан и осужден на 1 год лишения свободы [1, л. 48].

Ярко выраженный характер кампанийского правосудия имели дела по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Пик кампании пришелся на 1947 и 1948 гг. (осуждено соответственно 6 617 и 6 663 чел.). В дальнейшем наблюдалось систематическое снижение числа осужденных по этим видам преступлений: с 4 768 чел. в 1949 г. до 773 чел. в 1956 году. Для этого вида преступлений массовым было применение наказания в виде лишения свободы на срок 10 и более лет. В рамках данного указа лагерные суды активно привлекали вольнонаемный состав лагерей за промотание (растрату) вещевого довольствия.

Судебные процессы по делам о хищениях, как правило, организовывались пенитенци-

арными судами непосредственно в лагерных подразделениях по месту совершения преступления (64 % дел в 1948 г.). С участием сторон (прокуратуры и защиты) в 1948 г. было рассмотрено 32 % дел.

Верховный Суд СССР в 1948 г. оставил в силе лишь 71,8 % приговоров по этим делам. Качество следствия по ним признавалось неудовлетворительным. Имело место достаточно широкое неосновательное привлечение к уголовной ответственности. Так, лагерным судом «А3» неосновательно был осужден по ст. 1 Указа Кириллов, признанный виновным в хищении 43 тонн прессованного сена. Кириллов имел разрешение на вывоз сена рассыпного, и, взяв сено прессованное, допустил самоуправство. Приговор лагерного суда был отменен с прекращением дела производством [12, л. 26].

Существенным недостатком в работе лагерных судов являлся слабый контроль за взысканием сумм по возмещению материального ущерба, нанесенного государству в результате хищений государственного имущества. Так, в 1948 г. по разным оценкам было взыскано 3,4–5,7 % сумм, присужденных лагерными судами к взысканию [10, л. 43].

Доля осужденных за кражу личного имущества граждан была незначительной и составляла 3,95 % (7 946 чел.). Динамика распределения осужденных по указу от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» аналогична указу «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Также наблюдается два основных пика – 1947 и 1948 гг. (1 313 и 1 649 осужденных) и последующее падение с 1 075 в 1949 г. до 455 в 1956 году. Преобладающим наказанием для данной категории осужденных являлось лишение свободы на срок от 6 до 9 лет.

Среди дел, которые рассматривали лагерные суды, были *дела о преступлениях сотрудников ВОХР* (до звания младшего лейтенанта). Количество этих дел неуклонно снижалось. Так, если в 1946 г. за совершение всех преступлений лицами военизированной охраны и вольнонаемного состава лагерей было осуждено 8 040 чел. (100 %), то за 9 месяцев 1955 г. – 664 чел. (9,4 %).

Среди них в 1946 г. преобладали следующие: нарушение устава конвойной службы и режима содержания заключенных (ст. 193-15, 193-16 УК РСФСР) – 40,6 %; должностные преступления (193-17 УК РСФСР) – 11,6 %; дезертирство (ст. 193-7 «г» УК РСФСР) – 10,2 %; самовольные отлучки (193-7 «а», «б») – 4,1 %; кражи – 9,9 %, промотание казенного обмундирования – 2,7 %; умышленное убийство – 1,5 %; неявка в срок на службу – 1,4 %; уклонение от несения обязанностей военной службы – 1,1 %; контрреволюционная агитация – 0,6 %; бандитизм – 0,3 %; нанесение тяжких телесных повреждений – 0,4 %.

Среди причин преступности назывались – прием на службу лиц политически неблагонадежных (спецпоселенцев, бывших военнопленных), ранее судимых, лиц старшего возраста, имеющих физические недостатки, незнание устава, неумение обращаться с оружием, пьянство. Основным видом наказания по этим преступлениям было лишение свободы на срок до 3 лет. Такая карательная практика оценивалась как недостаточно жесткая.

Продолжало существовать и такое явление, как *самоохрана*, когда ввиду нехватки сотрудников ВОХР к охране заключенных привлекали самих заключенных. По данным прокуратуры недокомплект работников охраны МВД в 1952 г. составлял свыше 4 000 человек. Поэтому, например, в Сахалинском ИТЛ МВД *самоохрана* составляла до 80 % к личному составу военизированной охраны. Нередко самоохранников за преступления лагерные суды привлекали к ответственности по статьям о воинских преступлениях [8, л. 51].

Отмечу, что суды при рассмотрении этих дел не шли на открытые столкновения с лагерной администрацией, снижали меры наказания, назначая по возможности их условно, не выносили частных определений об устранении недостатков и т. п. В начале 1950-х гг. количество привлеченных к ответственности сотрудников ВОХР резко сокращается – до нескольких сотен человек в год. Этот факт явно говорит о полном контроле за рассмотрением подобных дел со стороны лагерной администрации.

Также эти суды рассматривали *дела о контрреволюционных преступлениях* (в основном о контрреволюционной агитации –

ст. 58-10 УК РСФСР). В 1946 г. по ст. 58-10 УК в лагерные суды поступило 1 065 таких дел (5,3 % от всего количества). По другим статьям о контрреволюционных преступлениях поступило 96 дел (0,5 %). При изучении дел о контрреволюционной агитации в 1946 г. было установлено, что 77,1 % осужденных уже отбывали наказание за контрреволюционные преступления [7, л. 61 об.].

Среди примеров по этим делам можно привести следующие. Так, в 1950 г. лагерный суд ИТЛ «Н» МВД СССР осудил заключенного Петелина за антисоветскую агитацию и систематические отказы от работы к 2 годам лишения свободы, даже не обсудив вопроса о поражении Петелина в правах. СКДЛС данный приговор был отменен за мягкостью [11, л. 39]. Среди подсудимых лагерных судов нередко встречались «политические рецидивисты». Так, заключенная Сибирского ИТЛ М. Карпова осуждалась по ст. 58-10 целых 7 раз, заключенный В. Туров – 6 раз [3, с. 293].

Следует отметить, что лагерные суды принимали к своему производству дела, им не подсудные, например, по ст. 58-1-а-б, совершенные не в лагерях НКВД.

Рассматривали лагерные суды и *дела о трудовых преступлениях* (указы ПВС СССР от 26.06.1940 г. и 26.12.1941 г.). В 1946 г. доля этих дел составляла 19,6 % от всего количества дел. В 1947 г. произошло резкое их сокращение до 8,5 %. В 1948 г. сокращение продолжалось (поступило на 1 817 дел меньше, чем в 1947 г.). Среди примеров можно привести следующий: «Лагерный суд, где председателем т. Вавилов, осудил Юманова – по ч. 2 ст. 5 Указа от 26.06.1940 г. за то, что он после обеда вышел на работу в нетрезвом состоянии. Осуждение признано Верховным Судом СССР необоснованным, так как Юманов от работы не отказывался и работал до конца рабочего дня» [12, л. 8].

Рассматривали лагсуды и *дела о прогулах*. По ним также имело место неосновательное осуждение. Некоторые судьи не добивались выяснения всех обстоятельств. Лагерный суд ИТЛ «Ч» 3.2. 1951 г. осудил гражданина Яблочкина за прогул по ч. 2 ст. 15 Указа от 26.06.1940 г. к 5 месяцам ИТР с удержанием 20 % из зарплаты. По кассационной жалобе осужденного Верховный Суд СССР определи-

ем от 27 марта 1951 г. приговор отменил с прекращением дела производством за отсутствием состава преступления [12, л. 29].

Лагсуды допускали ошибки при рассмотрении *дел о самовольном оставлении работы* рабочими и служащими колоний и лагерей. В 1951 г. дела о самовольном уходе (указы от 26.06.1940 г. и от 14.07.1951 г.) составляли 3 % (517 дел), в первой половине 1952 г. – 3,7 % (254 дела). Дела о прогулах (указы от 26.06.1940 г. и от 14.07.1951 г.) составляли в 1951 г. – 7,6 % (1 285 дел), в первой половине 1952 г. их поступление существенно сократилось – до 2,6 % (184 дела) [2, л. 53–54].

Особняком среди дел, рассматриваемых лагсудами, стояли *дела о досрочном освобождении заключенных*, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом. Их лагерные суды рассматривали на основании так называемой «директивы четырех» – совместный Приказ Министра внутренних дел СССР, Министра Государственной безопасности СССР, Министра юстиции СССР и Генерального прокурора СССР № 00829/000360/0049/193сс от 16.09.1946 года.

Особенность заключается в том, что дела данной категории стали поступать в лагсуды до издания «директивы четырех». К сентябрю 1946 г. в лагсудах на рассмотрении уже находилось 3 087 этих дел. Всего за 1946–1950 гг. было рассмотрено 140 000 дел и освобождено 130 000 чел. [4, с. 42]. По итогам обобщения практики рассмотрения этих дел стало ясно, что их основная масса рассматривается заочно, пачками [10, л. 6].

Результаты. Итак, представляется возможным выделить три основных периода в существовании органов лагерной юстиции:

- 1) 1945–1947 гг. – этап роста, расширения компетенции, увеличения их количества и осужденных лагерными судами;
- 2) 1948–1950 гг. – этап стабилизации и их устойчивого развития;
- 3) 1951–1954/1956 гг. – этап сужения компетенции пенитенциарных судов, уменьшения их количества и числа рассматриваемых ими дел и их ликвидация.

Основную массу дел, ими рассматриваемых, составляли: дела о побеге, отказах от работы и членовредительстве, квалифицируемых по ст. 58-14 УК РСФСР (16,3 %), о хи-

щениях государственного и общественного имущества (15,9 %), побегах, квалифицируемых по ст. 82 УК (11,2 %), бандитизме (8,1 %), кражах личного имущества (3,95 %), о хулиганстве (3,79 %), разбое и грабеже (2,38 %), об умышленных убийствах (2,13 %). Эти дела составляли более 60 % от всех рассмотренных. Значительную категорию (около 40 %) образовали так называемые «прочие» преступления. К ним относились дела о контрреволюционных преступлениях (ст. 58-10), преступления сотрудников ВОХР (или воинские преступления), трудовые преступления и др. Среди осужденных лагерными судами наблюдается значительное сокращение доли сотрудников лагерей и систематическое увеличение доли заключенных.

Качество работы этих органов юстиции оценивалось как невысокое. Взыскание материального ущерба было незначительным. Формальные показатели деятельности лагерных судов были значительно ниже аналогичных показателей работы народных, областных, линейных судов и военных трибуналов.

В начале 1950-х гг. наблюдается улучшение основных показателей их деятельности. Это было во многом связано с обновлением кадрового состава в результате выборов специальных судов.

Органы лагерной юстиции находились в зависимости от руководства лагерей. Во многом с этим связано назначение наказаний ниже низшего предела (так называемых «мягких» или «либеральных») для сотрудников военизированной охраны.

Дела о досрочном освобождении заключенных, потерявших трудоспособность, составляли особую категорию дел, рассматриваемых органами лагерной юстиции. Их рассмотрение отличалось достаточно высокой скоростью, по сравнению с другими категориями дел. При этом допускалось «упрощенчество»: дела рассматривались пачками, заочно.

Модель деятельности органов пенитенциарной юстиции можно охарактеризовать как модель кампанейского правосудия. На это указывают 2 основных признака: регулирование выносимых санкций (периоды ужесточения и смягчения выносимых наказаний) и так называемый «статистический маятник» или «статистические качели» (периоды резкого увели-

чения и последующего резкого снижения количества осужденных). Так, представляется возможным выделить ряд уголовно-правовых кампаний: в 1947–1949 гг. – по борьбе с побегами (по ст. 58-14 УК), в 1948 и 1950 гг. – по борьбе с разбоями и грабежом и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директивное письмо Министерства юстиции // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 9492. – Оп. 1а. – Д. 490. – 98 л.
2. Доклад о состоянии работы лагерных судов // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 145. – 97 л.
3. Иванова, Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 / Г. М. Иванова // Труды Института российской истории. Вып. 5. – М. : Наука, 2005. – С. 287–308.
4. Кодинцев, А. Я. Лагерная юстиция в СССР / А. Я. Кодинцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 2. – С. 41–46.
5. Лагерные суды // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 6. – Д. 111. – 52 л.
6. Лагерные суды // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 6. – Д. 15. – 67 л.
7. Обзор о работе лагерных судов // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 5. – 95 л.
8. Обобщение судебной практики УДЛС // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 76. – 103 л.
9. Отчет о работе Верховного Суда СССР за период с октября 1948 г. по 1 июня 1949 г. // ГАРФ. – Ф. 9474. – Оп. 16. – Д. 338. – 407 л.
10. Председателям лагерных судов // Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 10. – 54 л.
11. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 13. – 67 л.
12. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 16. – 47 л.
13. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 19. – 64 л.
14. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М. : РОССПЭН, 2008. – 463 с.
15. Berg, G. P. The Soviet system of Justice: figures and policy / G. P. Berg. – Dordrecht ; Boston ; Lancaster : Springer, 1985. – 372 p.
16. Conquest, G. Justice and the legal system in the USSR / G. Conquest. – N. Y. ; Washington : A.F. Praeger, 1968. – 152 p.
17. Gorlizky, Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect / Y. Gorlizky // The American journal of comparative law. – 1998. – Vol. 46, № 3. – P. 403–425.

REFERENCES

1. Direktivnoe pis'mo Ministerstva justicii [Directive Letter of the Ministry of Justice]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)], f. 9492, inv. 1a, d. 490. 98 l.
2. Doklad o sostojanii raboty lagernyh sudov [Status Report on the Work of Penitentiary Courts]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 145. 97 l.
3. Ivanova G.M. Lagernaja justicija v SSSR. 1944–1954 [Penitentiary Justice in the USSR. 1944–1954]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Moscow, Nauka Publ., 2005, iss. 5, pp. 287–308.
4. Kodincev A.Ja. Lagernaja justicija v SSSR [Penitentiary Justice in the USSR]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* [Penal System: Law, Economics, Management], 2008, no. 2, pp. 41–46.
5. Lagernye sudy [Penitentiary Justice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 6, d. 111. 52 l.
6. Lagernye sudy [Penitentiary Justice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 6, d. 15. 67 l.
7. Obzor o rabote lagernyh sudov [Overview of the Work of Penitentiary Courts]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 5. 95 l.
8. Obobshhenie sudebnoj praktiki [Generalization of Judicial Practice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 76. 103 l.
9. Otchet o rabote Verhovnogo Suda SSSR za period s oktjabrja 1948 g. po 1 ijunja 1949 g. [Report on the Work of the Supreme Court of the USSR for the Period from October 1948 to June 1, 1949]. *GARF* [SARF], f. 9474, inv. 16, d. 338. 407 l.
10. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *Obyedinennyj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoj oblasti (OGACHO)* [United State Archive of Chelyabinsk Region (USACHR)], f. r.-1410, inv. 4, d. 10. 54 l.
11. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 13. 67 l.
12. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 16. 47 l.
13. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 19. 64 l.
14. Solomon P. *Sovetskaja justicija pri Staline* [Soviet Justice Under Stalin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 463 p.
15. Berg G.P. *The Soviet System of Justice: Figures and Policy*. Dordrecht, Boston, Lancaster, Springer Publ., 1985. 372 p.
16. Conquest G. *Justice and the Legal System in the USSR*. New York, Washington, A.F. Praeger, 1968. 152 p.
17. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades Courts in Retrospect. *The American Journal of Comparative Law*, 1998, vol. 46, no. 3, pp. 403–425.

Information About the Author

Denis N. Shkarevsky, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Surgut State University, Prosp. Lenina, 1, 628403 Surgut, Russian Federation, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>

Информация об авторе

Денис Николаевич Шкаревский, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет, просп. Ленина 1, 628403 г. Сургут, Российская Федерация, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СССР В 1930–1940-е ГОДЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.5>

UDC 94(470.45)“1920/1930”:355.65.004.4
LBC 63.3(2P-4Bor)614-2

Submitted: 29.11.2020
Accepted: 15.02.2021

ORGANIZATION OF CATERING FOR WORKERS IN STALINGRAD DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN (1929–1933)¹

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of organizing public catering for workers of large industrial enterprises in Stalingrad in the late 1920s – early 1930s, during the first five-year plan. *Methods and materials.* In this study traditional methods (historical-descriptive, historical-genetic, historical-comparative) and the principles of historical research (historicism, systemacity) were used, which made it possible to restore the stages of organizing workers' catering in Stalingrad at the first stage of industrial modernization, as well as to identify and analyze reasons for the manifestation of crisis phenomena in the public catering system. *Analysis and results.* As early as the initial stage of industrialization, the food problem sharply worsened. However, largely generated by the problems of industrialization, it was the food crisis that contributed to the development of the public catering system. In the conditions of normalized distribution of food products, the tasks of implementing planned installations for the administration of catering enterprises were simplified as much as possible. Having received standardized food products, workers could get the rest of the products only in canteens, which from the second half of the 1920s were part of the cooperative system, consolidated into a single Central Workers' Cooperative (CWC), which had both its advantages (centralized supply) and disadvantages (lack of close communication with the consumer and, as a result, lack of feedback and direct influence of enterprise management on the process of organizing food for workers). Factory buffets, canteens, and giant kitchen factories created at an accelerated pace were put into operation with a huge number of shortcomings. Unsanitary conditions at public catering enterprises, a chronic lack of kitchen equipment, disruptions in food supplies, a monotonous menu, and, as a result, poor diet of workers have become commonplace. Prices in closed cooperative canteens were often comparable to market prices, while the quality of products did not meet the established requirements. Neither the tightening of control, nor the reorganization of the catering system (the introduction of working supply departments) led to a radical improvement in the situation with catering. Meanwhile, systemic problems with the organization of public catering also determined the degree of public confidence in the authorities. Negative statements about the Soviet government on the basis of problems with public catering have become a very common phenomenon in the working environment and a kind of litmus test for determining the level of public confidence in the government's course.

Key words: industrialization in the USSR, late 1920s – early 1930s, Stalingrad, Lower Volga, public catering, food supply, canteen, kitchen factory.

Citation. Lunochkin A.V., Furman E.L. Organization of Catering for Workers in Stalingrad During the First Five-Year Plan (1929–1933). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 57-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.5>

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО ПИТАНИЯ В СТАЛИНГРАДЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1929–1933 гг.)¹****Андрей Валентинович Луночкин**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема организации общественного питания рабочих крупных промышленных предприятий в Сталинграде в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в период первой пятилетки. Уже на начальном этапе индустриализации резко обострилась продовольственная проблема. В условиях нормированного распределения продуктов питания задачи реализации плановых установок для администрации предприятий общепита максимально упрощались. Получив нормированные продукты питания, остальные продукты рабочие могли приобрести только в столовых, которые со второй половины 1920-х гг. входили в систему кооперации, сведенной в единый Центральный рабочий кооператив (ЦРК), что имело как свои плюсы (централизованное снабжение), так и минусы (отсутствие тесной связи с потребителем и, как следствие, обратной связи и прямого влияния руководства предприятий на процесс организации питания для рабочих). Создававшиеся в ускоренных темпах заводские буфеты, столовые и гигантские фабрики-кухни вводились в эксплуатацию с огромным количеством недоработок. Обыденным явлением стало антисанитарное состояние на предприятиях общепита, хронический недостаток кухонного инвентаря, перебои с поставками продовольствия, завышенные (зачастую сопоставимые с рыночными) цены. Ни ужесточение контроля, ни реорганизация системы общепита (введение отделов рабочего снабжения) не привели в итоге к коренному улучшению ситуации с рабочим питанием. Между тем системные проблемы с организацией общественного питания определяли и градус общественного доверия к власти. Негативные высказывания в адрес советской власти на почве проблем с общественным питанием стали своего рода маркером для определения уровня доверия населения к правительственному курсу. *Вклад авторов.* Выявление, сбор и аналитика документов из Государственного архива Волгоградской области осуществлена А.В. Луночкиным, из Центра документации новейшей истории Волгоградской области – Е.Л. Фурман.

Ключевые слова: индустриализация в СССР, конец 1920-х – начало 1930-х гг., Сталинград, Нижняя Волга, общественное питание, продовольственное снабжение, столовая, фабрика-кухня.

Цитирование. Луночкин А. В., Фурман Е. Л. Организация рабочего питания в Сталинграде в годы первой пятилетки (1929–1933 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 57–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.5>

Введение. Сталинград в годы первых пятилеток стал одним из опорных пунктов индустриализации СССР. Здесь одновременно строились новые гигантские предприятия – Тракторный завод (СТЗ), Химкомбинат, Судоверфь, СталГРЭС – и существенно расширялись уже имеющиеся – металлургический «Красный Октябрь», артиллерийский «Баррикады», деревообрабатывающий «Электрорес», на них трудились десятки тысяч рабочих. Одной из крупных социальных проблем на сталинградских заводах стала организация общественного питания. Важная сама по себе, она особенно усилилась по мере нарастания

трудностей с продовольственным обеспечением населения советских городов в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда для большинства работников именно заводская столовая стала главным источником пищи.

В научных исследованиях проблема организации общественного питания в период первой пятилетки объективно освещаться начала только в постсоветских исследованиях. Так, в отдельных сюжетах она рассматривается в монографии Н.Б. Лебиной [10]. Немало вопросов, связанных с данной проблемой, раскрыты в исследованиях Ш. Фицпатрик [33], Е.А. Осокиной [13; 14], Ю.М. Иванова [8] –

функционирование карточной системы, распределительные механизмы, разрушение и восстановление частного рынка, отдельные вопросы организации общественного питания. Интерес вызывает работа С.А. Нефедова [11], сопоставившего данные статистики о потреблении продуктов с калорийностью. Между тем в региональных исследованиях вопросы общественного питания и в частности организации питания рабочих в Сталинграде на этапе индустриализации на сегодняшний момент не подвергались системному научному анализу.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать функционирование системы общественного питания в Сталинграде на первом этапе социалистической реконструкции на примере организации питания рабочих крупнейших промышленных предприятий. Результаты исследования позволят существенно расширить имеющиеся исторические свидетельства по краеведческой тематике сюжетами из повседневной жизни советских людей в период индустриализации.

Методы и материалы. В процессе исследования авторы обращались к традиционным методам (историко-описательному, историко-генетическому, историко-сравнительному) и принципам исторического исследования (историзма, системности), позволившим восстановить этапы организации рабочего питания в Сталинграде на первом этапе модернизации промышленности, а также выявить и проанализировать причины проявления кризисных явлений в системе общепита.

В работе были использованы постановления высших партийных и государственных органов власти, опубликованные в специализированных сборниках постановлений. Также в процессе исследования привлекались материалы, опубликованные в многотомнике «“Совершенно секретно”»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», в котором представлены данные спецдонесений и сводок органов ГПУ, а также материалы из многотомного сборника «Голод в СССР. 1929–1934».

Неопубликованные источники по данной теме находятся в Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО) в фондах Сталинградского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов (Ф. Р-71), Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-313), а также в Центре документации новейшей истории Волгоградской области в фондах Сталинградского городского комитета ВКП(б) (Ф. 71) и городской контрольной комиссии (Ф. 24). Это постановления органов власти, делопроизводственная документация различных ведомств и организаций. В данной работе также использовались материалы периодической печати – окружных и городских газет «Борьба» и «Сталинградская правда», краевой «Поволжской правды», на страницах которых можно найти распоряжения региональных органов власти, не сохранившиеся в архивах, многочисленные критические заметки об организации общественного питания в Сталинграде.

Анализ. Во второй половине 1920-х гг. столовые на сталинградских предприятиях принадлежали кооперации, сведенной в единый Центральный рабочий кооператив (далее – ЦРК). Это имело как свои плюсы – централизованное снабжение, так и минусы – разрыв связи с потребителем, когда даже руководство предприятия никак не могло повлиять на работу своей столовой. Но пока не возникло больших трудностей со снабжением, нарекания на работу рабочих столовых не выходили за рамки обычных претензий к качеству и ассортименту продукции. Положение изменилось в конце 1920-х гг., когда форсированная коллективизация и кампания по выполнению государственных поставок сельхозпродукции значительно сократили возможности кооперации по заготовке продовольствия. Начавшаяся индустриализация привела к массовому притоку сельского населения в город. Так, с 1926 г. по начало 1930 г. население Сталинграда и рабочих поселков выросло со 128 тыс. до 207 тыс. чел. [9, л. 208]. Сложившаяся кооперативная сеть просто не была рассчитана на такое количество потребителей.

О положении дел с рабочим питанием красноречиво говорят справки и сводки Информационного отдела ОГПУ, направлявшиеся в ЦК ВКП(б). Так, в справке от 20 июля 1930 г. сообщалось: «В Сталинграде, Саратове, Астрахани и др. городах благодаря недостаточному количеству столовых и слабой пропускной способности рабочие бросают работу за 15–20 минут до гудка и простаива-

ют в очереди по 1 часу и больше. Несмотря на это, значительное число рабочих остается без обедов» [26, ч. 1, с. 399]. Сводка от 3 сентября: «Столовая ЦРК № 19 на поселке Баррикады полностью рабочих не обслуживает. Ежедневно остаются голодными 80–100 рабочих, не имеющих возможности добыть продукты на стороне» [26, ч. 2, с. 1050].

Тяжелое положение с организацией общественного питания сложилось по всей стране. Этой проблеме был посвящен целый ряд решений партии и правительства. Так, декабрьский 1930 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) выдвинул задачу создания самостоятельных закрытых кооперативов при крупнейших предприятиях [7]. Это должно было приблизить кооперацию к потребителю и отсеять от снабжения лишних, посторонних лиц. В соответствии с этим уже в начале 1931 г. из Сталинградского ЦРК были выделены три самостоятельных ЗРК² – Союзнефть, Лесобазы и группы заводов Металлопромышленности [16, л. 37].

Объем и основные направления будущих мероприятий по улучшению общественного питания были озвучены в обращении СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза «О потребительской кооперации» от 10 мая 1931 г. [12, с. 301–306]. В нем рекомендовалось в системе потребительской кооперации выделить общественное питание в качестве автономной секции с отдельным паевым капиталом, передав ей объединение «Всенарпит»³. Для успешного осуществления поставленных перед потребкооперацией задач следовало при каждом ЗРК создать цеховые партийчейки, чтобы дело кооперации взять под партийный контроль с партийными группами при каждой хозяйственной единице (ферма, магазин, столовая) [12, с. 305]. Также предполагалось создание в системе потребительской кооперации крупных огородных, свиноводческих, молочных, птицеводческих предприятий, привлечение потребительской кооперации к заготовительной деятельности.

По постановлению ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения общественного питания» от 19 августа 1931 г. общественное питание в Москве, Ленинграде и промышленных пунктах Донбасса и Урала выделялось из системы потребкооперации, с целью чего в этих рай-

онах организовывались государственные тресты и объединения народного питания. Сталинград был отнесен данным постановлением к городам, где организация общественного питания должна была осуществляться через Всекопит⁴ как автономную секцию потребкооперации, с условием улучшения и реорганизации его работы [20, л. 12–13]. Всекопит и тресты народного питания через систему фабрик-кухонь, крупных механизированных столовых должны были первоочередное внимание уделять улучшению общественного питания в ведущих отраслях промышленности, горячих и вредных цехах предприятий, установив круглосуточное обслуживание горячей пищей в первую очередь рабочих этих цехов.

В марте 1931 г. бюро Нижне-Волжского крайкома партии, «констатируя совершенно неудовлетворительное состояние дела общественного питания в крае», постановило реорганизовать систему управления общественным питанием. В Сталинграде, Саратове, Астрахани, Вольске были созданы городские объединения общественного питания как самостоятельные хозяйственные организации со своим балансом, ведущие свою работу на основе хозрасчета. Этим объединениям была передана вся сеть имеющихся столовых и фабрик-кухонь со всеми кадрами, фондами и средствами, имеющимися на местах в ЦРК и ЗРК. Для коренного улучшения положения с общественным питанием при крайисполкоме и горсоветах были созданы краевой и городские комитеты общественного питания [16, л. 18]. В него входили по должности представители РКИ⁵, Крайсовпрофа⁶, Крайсоюза⁷, начальник Горснаба и председатель крайисполкома, особая же важность дела общепита подчеркивалась личностью председателя. Им стал полномочный представитель ОГПУ по Нижне-Волжскому краю П.Г. Рудь.

Жизненная необходимость оптимальной организации системы общественного питания для населения еще более актуализировалась введением в стране карточной системы на основные продукты питания. Все работники были прикреплены к столовым, что потребовало дальнейшего расширения сети общепита. В апреле 1931 г. сеть Крайобщепита в Сталинграде насчитывала 38 столовых и

80 буфетов, где ежедневно обслуживалось 132 650 чел., включая 17 863 школьников. Общественным питанием были охвачены 47,3 % рабочих города [5, л. 190].

Проблему нехватки посадочных мест планировалось разрешить посредством строительства новых гигантских заведений общественного питания. В соответствии с постановлением СНК СССР от 18 июля 1930 г. «О развитии общественного питания» в крупнейших промышленных центрах в 1930–1932 гг. предусматривалось развертывание масштабного строительства фабрик-кухонь с массовым производством готовых блюд. Центросоюз СССР с этой целью планировал выделить на 1931 г. не менее 80 млн руб. на улучшение общественного питания [24, ст. 394]. В Сталинграде первой в сентябре 1931 г. начала работать трехэтажная фабрика-кухня на СТЗ. Помимо нее, Центросоюз построил в 1931–1932 гг. сразу еще четыре объекта: фабрику-кухню при заводе «Баррикады» производительностью 60 тыс. блюд в день и стоимостью 873 тыс. руб., фабрику-кухню на территории завода «Красный Октябрь» на 30 тыс. блюд стоимостью 550 тыс. руб., механизированную столовую в Нижнем поселке при заводе «Красный Октябрь» на 10 тыс. блюд стоимостью 215 тыс. руб. и механизированную столовую у территории Метизного завода на 10 тыс. блюд стоимостью 215 тыс. руб. [22, л. 52].

Однако положение с рабочим питанием оставалось сложным. Прежде всего сказывалась острая нехватка продуктов, даже самых обычных. Так, в апреле 1931 г. председатель краевого комитета общественного питания П.Г. Рудь писал в бюро крайкома партии и крайисполком: «В общем крайне ограниченном фонде продуктов для нужд общественного питания на II квартал особенно остро стоит вопрос об обеспеченности нужд питания картофелем». При потребности общепита Сталинграда на II квартал в 3 900 т картофеля его имелось в наличии всего 1 500 т, но все они были забронированы на посевные нужды, таким образом, для столовых картофеля не было совсем [6, л. 247]. Положение не изменилось и осенью, в пору уборки урожая. В докладной записке в крайком партии и крайисполком от 27 сентября 1931 г. П.Г. Рудь представил

данные о потребности и наличии продуктов в системе общепита Нижне-Волжского края. При потребности 1 639,5 т мяса Наркомснабом было выделено всего 420,8 т, вместо 3 091,2 т рыбы было получено 151,2 т, животного масла из 59,1 т имелось 3,2 тонны. При потребности 126 т растительного масла его не было выделено вовсе. Не хватало даже крупы – из потребных 1 875,3 т общепит края получил только 361 т [4, л. 170].

В сентябре 1931 г. по столовым ЗРК завода «Баррикады» ситуация со снабжением стала совсем критической – было заготовлено в среднем 8,3 % от общего объема необходимого продовольствия. По отдельным продуктам дефицит достигал значительных размеров (по рыбе – 80,7 %, маргарину – 80,7 %, картофелю – 47,9 %, сахару – 83,1 %, молочным продуктам – 66 % и т. д.) [17, л. 62]. При этом цены в ЗРК были сопоставимы с ценами на частном рынке: фунт мяса от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 20 коп., литр молока – 2 руб., яйца – 4 руб. за десяток, литр масла растительного – 12 руб., 16 кг муки пшеничной – 45 руб., 16 кг пшена – 22 руб., буханка калача – 6–7 руб. [32, л. 25–26]. Нехватка продуктов заставляла использовать продукты более низкого качества, пища в столовых была однообразной. В июле и августе 1931 г. столовая завода «Электролес» кормила рабочих изо дня в день одним и тем же меню – «на первое суп с перловкой, на второе перловая каша. В сентябре перловка сменилась горохом» [1, 1931, 9 октября].

Разумеется, причиной тяжелого положения в общепите была не только скудость централизованных фондов. Открывавшиеся в спешке столовые вступали в строй со значительными недоделками и без необходимого инвентаря. Фабрика-кухня завода «Баррикады», которая должна была быть введена в эксплуатацию в 1931 г., оказалась недостроена и недооборудована. На фабрике-кухне СТЗ в августе 1931 г. еще не было холодильника, поэтому скоропортящиеся продукты хранились в обычных помещениях и быстро приходили в негодность. Полученные 3 августа помидоры уже 4 августа были на треть испорченными. Столовая мыла посуду ручным способом, так как присланная из Харькова механическая мойка оказалась негодной.

В результате чистой посуды хронически не хватало [4, л. 170].

Постоянной проблемой всех сталинградских столовых стала острая нехватка посуды и приборов. В городской газете «Борьба» 30 апреля 1931 г. была помещена фотография рабочих, пьющих суп из тарелок, с подписью: «Обед без хлеба, без ложек и вилок... (Столовая СТЗ)» [1, 1931, 30 апреля]. По данным ГПУ, в столовой № 1 СталГРЭС рабочих запускали на обед партиями по количеству ложек, остальные стояли на улице в ожидании, пока не помогут ложки от предыдущей группы. На заводе «Красный Октябрь» рабочие вместо тарелок употребляли бадейки из-под извести и банки из-под консервов [4, л. 173–174]. Словно расписываясь в собственном бессилии, дирекция только что вступившей в строй фабрики-кухни «Красного Октября» вывесила 26 сентября 1931 г. объявление на дверях столовой: «Доводится до сведения всех столоующихся граждан, что с 27 сентября каждый гражданин должен иметь свою ложку. Ввиду того, что ложек на кухне нет» [1, 1931, 4 октября].

Были и причины, зависящие от руководства общепита, – плохая организация производства и слабый контроль за работниками. Организованные при предприятиях подсобные хозяйства работали неудовлетворительно. Так, запланированное ЗРК «Баррикады» строительство свинарника не производилось. В результате закупленные Нарпитом 106 свиной оказались под угрозой гибели [17, л. 60]. Вследствие несоблюдения технологии засолки овощей здесь было отправлено на корм скоту 132 тонны капусты и 100 тонн помидоров, 110 тонн картофеля оказалось подмороженным [17, л. 67]. В столовых не соблюдались элементарные санитарные нормы, отсутствовала плановость, не соблюдались условия хранения продуктов. Так, по результатам проверки ЗРК завода «Баррикады» силами ГорКК и коллегии ГорРКИ в 1931 г. было установлено, что «на складе № 1 (бывшие Гофманские печи) с июня месяца стоят 98 бочек хамсы и уже разложились, с червями, 130 кг варенья с запахом медикаментов, нарзан в количестве 550 литров, ввиду долгого хранения 75 % жидкости осталось и т. д.» [17, л. 66]. На фабрике-кухне завода «в огромном коли-

честве немытая посуда, прибывающая из цехов, лежит сутками, грязная форма на поварах и официантах, полотенец нет, официантка моет руки не мылом, а песком» [17, л. 70]. Антисанитарное состояние было характерно и для других предприятий. Как отмечал в своей докладной записке П.Г. Рудь, «столовая завода “Красный Октябрь” (в Сталинграде) содержится грязно, много мух, особенно много последних в столовой № 2, где мухи буквально заполонили всю кухню. На заводах «Электrolеса» в столовых посуда моется в грязной воде и не вытирается» [4, л. 169].

Обычным явлением были нарушения технологии приготовления пищи. Внимание контролирующих органов привлекали совсем уже вопиющие случаи. Так, 20 мая 1931 г. в термосе с супом, привезенном с фабрики-кухни СТЗ в механосборочный цех, при раздаче обедов был обнаружен кожаный чувак [27, л. 350–351]. На заводе «Баррикады» строителям был подан обед, «в котором плавали полотенце и две тряпки», «в столовой № 2 в гуляше была обнаружена часть прямой кишки животного с калом» [17, л. 68–69]. На фабрике-кухне СТЗ 4 и 5 сентября 1931 г. при подаче пищи в первом блюде были обнаружены черви. На заводах «Электrolес» в столовой № 4 6-го сентября во втором блюде также оказались бараньи кишки с калом [4, л. 171].

Большой проблемой для администрации столовых стала необходимость организации отдельного улучшенного питания для передовиков производства. В условиях острой нехватки продуктов это могло быть реализовано только за счет ухудшения питания обычных работников. Отдельные залы и особое меню для ударников вызвали массовое недовольство рабочих. По отчету ОГПУ, на заводе «Электrolес» рабочие кричали ударникам: «Вас кормят, как свиной на зарез, а нас голодом морят». Впрочем, в этом же отчете признавалось: «Бывают случаи, когда приготовленная пища для ударников по качеству хуже пищи, приготовленной для неударников». Так, в столовой «Электrolеса» 5 сентября 1931 г. ударникам был подан «борщ без жиров, картофельное пюре горькое, компот же был похож на помой» [4, л. 174]. По результатам проверки ЗРК завода «Баррикады» качество пищи было недопустимо низким, калорийность

пищи для горячих цехов в среднем составляла около 50 % от положенной нормы (588–962 вместо 1 500 кал), только около 25 % ударников были охвачены улучшенными обедами [17, л. 60].

Власти пытались навести порядок – только за 1931 г. к суду в Сталинграде по инициативе ОГПУ было привлечено 20 работников общественного питания, введена система штрафов за «антисанитарные беспорядки» [4, л. 175]. Положение с рабочим питанием в Сталинграде было замечено на республиканском уровне. Президиум ВЦИК РСФСР 30 октября 1931 г., заслушав доклад Сталинградского горсовета, отметил, что тот «не обеспечил скорейшей перестройки работы потребкооперации» и «не добился решительного улучшения» в деле общественного питания [2, л. 191]. Однако в условиях все более ухудшавшегося положения с продовольствием в стране никакие грозные постановления не помогали. Чтобы сохранить количество выпускаемых блюд, общепит был вынужден увеличивать долю доступного и малопитательного сырья. В результате резко упала калорийность.

27 августа 1932 г. Президиум Нижне-Волжского крайисполкома рассмотрел доклад Сталинградского горсовета «О состоянии общественного питания основных предприятий». В докладе прозвучали удручающие факты. Калорийность обедов на «Красном Октябре» за август-месяц в среднем составила 475 калорий (с хлебом). На Тракторном заводе по горячим цехам – 662 кал, по основным цехам – 570 калорий. В связи с ухудшением качества обедов и повышением стоимости происходило резкое снижение количества столовющихся. На СТЗ вместо 40 тыс. чел. во втором квартале контингент в августе сократился до 21 тыс., на «Красном Октябре» с 21 тыс. до 14 700 чел., на «Электролесе» с 12 тыс. до 5 тыс. и на фабрике-кухне «Баррикад» вместо 12 тыс. теперь готовили только 4 тыс. обедов [21, л. 45].

Страницы газет пестрели сигналами рабочих корреспондентов о беспорядках в общественном питании. Так, 17 апреля 1932 г. в столовую 1-го строительного участка СТЗ привезли с фабрики-кухни 1 800 вторых блюд, которые оказались прокисшими и представляли «жидкое месиво, издающее зловоние». Вре-

мя доставки обедов было настолько неопределенным, что строители были вынуждены простаивать целыми часами в их ожидании. Так, писал рабкор, на строительстве СТЗ «4 апреля обед вместо 11 час. был привезен в 12 час., к тому же 400 порций не хватило, в результате – простой 1 000 рабочих часов. 26 апреля по этой же причине простой 900 рабочих был в течение целых 2 часов» [1, 1932, 18 мая].

Если же система общепита закупала дефицитные продукты в порядке самозаготовки, за них приходилось платить рыночную цену, что приводило к быстрому удорожанию обедов. Так, в июле 1932 г. газета «Борьба» писала: «Свистопляска цен на обеды по всем предприятиям города продолжается. Если в мае обед и завтрак на фабрике-кухне СТЗ обходился рабочему в 35 руб. в месяц, то в июне 72, а в июле уже 125 руб.» [1, 1932, 28 июля]. В августе 1932 г., согласно докладу Горсовета, стоимость обедов горячих цехов на Тракторном заводе в среднем составляла от 60 коп. до 1 руб. 05 коп. и по основным цехам от 55 до 90 коп. На «Красном Октябре» обеды для горячих цехов стоили от 70 коп. до 95 коп., обеды основных цехов – от 50 до 80 коп., на «Электролесе» от 45 до 85 коп. [21, л. 45]. При этом качество и ассортимент предлагаемых блюд по-прежнему оставляли желать лучшего. Так, по данным ГПУ, на Химкомбинате 14 июля на второе рабочим дали пирог, начиненный отрубями, приготовленный отвратительно: «Этот обед отпускали за 75 к., тогда как до этого по качеству лучший обед стоил 53 к. С 4 по 14 июня (1932 г.) обеды состояли: на первое – суп с крупой, а на второе – рулек из крупы» [27, л. 150–151].

Органы ГПУ постоянно фиксировали проявления недовольства рабочих своим питанием. При этом среди важнейших факторов, определяющих политические настроения рабочих, отмечалась «безобразная постановка общественного питания рабочих на производстве» [31, л. 73]. В сводке от 3 ноября 1931 г. сообщалось: «СТЗ. 2 ноября обед на фабрике-кухне был очень плохого качества, рабочий пролета Литвинов говорил: “Долго ли будет такое безобразие с питанием, обед дают одну капусту да воду, и на второе сухую лапшу, а работать, особенно в колесном отделении на

горячих работах, очень тяжело». Максимов говорил: «Кормят нас, как свиней, помоями, вот до чего мы дожили!» [3, с. 162]. Согласно сводке № 5 от декабря 1931 г., рабочие «Баррикад» заявляли: «Только работай, ликвидируй прорыв, а придет конец месяца – нет денег. <...> Разве это правильно – пойдешь обедать в столовую – надо 2 рубля, а заработаешь несчастных 2 р. 50 к. Какая это черт жизнь, только и работаешь на одни харчи (Кузнечный цех)» [23, л. 75].

Между тем проблемы присутствовали и там, где питался руководящий состав и партийная элита города, несмотря на то что требования по калорийности для них изначально устанавливались повышенные по сравнению с рабочими. По итогам проверки работы столовой партактива «Люкс» г. Сталинграда отмечались: задержка в подаче блюд, отсутствие овощей (несмотря на сезон), однообразный гарнир, антисанитарное состояние помещения, оборудования и кухонного инвентаря, отсутствие медицинского осмотра сотрудников [18, л. 126–127].

В обстановке усиливающегося продовольственного кризиса власть еще раз поменяла систему управления рабочим снабжением. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 04.12.1932 «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы» обеспечение рабочих продовольственными и промышленными товарами в Сталинграде на наиболее крупных предприятиях – СТЗ, «Баррикадах» и «Красном Октябре» – сосредоточивалось в руках заводоуправлений [25, ст. 489]. С этой целью им передавался весь аппарат ЗРК, действующие столовые Всенарпита и подсобные хозяйства ЗРК. При заводоуправлениях создавались отделы рабочего снабжения (далее – ОРСы) во главе со специальными заместителями директоров предприятий по рабочему снабжению, которые должны были назначаться из состава председателей ЗРК. На остальных предприятиях, где ЗРК оставались в системе потребительской кооперации, они подчинялись заводоуправлениям, наряду с общим подчинением Центросоюзу. Возник порядок, при котором председатели ЗРК назначались заместителем директора по рабочему снабжению [25, ст. 489].

Однако, как показывают источники, беспорядка и злоупотреблений от новой системы меньше не стало. В марте 1933 г. произошел нашумевший скандал с ОРС завода «Баррикады». В качестве второго блюда рабочим здесь давали консервированную гречневую кашу из расчета одна 400-граммовая банка на три порции, причем при стоимости банки 70 коп. в столовой одна порция стоила 90 копеек. После возмущения рабочих вышло специальное постановление крайкома партии, руководство ОРСа было привлечено к суду. Открытый процесс происходил в заводском клубе и транслировался по заводскому радио. Подсудимые получили 3 и 2 года лишения свободы [15, 1933, 14 апреля]. Несмотря на постоянные проверки контингента столоующихся, к системе рабочего снабжения снова и снова подключались посторонние лица. В марте 1933 г. краевая газета писала, что к фабрике-кухне СТЗ «присосалось три тысячи прихлебателей, не предусмотренных производственным планом» [15, 1933, 21 марта].

Организация ОРСа на СТЗ проходила крайне медленно и беспорядочно. Работников в течение двух месяцев 1933 г. перебрасывали с одного участка на другой по 2–3 раза. «В результате бездействия и непрофессионализма бухгалтерии (путавшей аккредитивы) агентура сидела на местах без денег, а по союзу плавали около полутора миллионов рублей три месяца». Фабрика-кухня имела не только громадный убыток, но и элементарно отсутствовали необходимые продукты. В это же время фабрика-кухня раздавала обеды, завтраки, ужины сверх контингента. Отдел сбыта раздавал прикрепительные талоны без учета, они продавались открыто около фабрики-кухни, боны на питание ходили на частном рынке в обращении, как деньги [29, л. 35–36]. В итоге пошли уже испытанным путем. Снова стала снижаться калорийность отпускаемых рабочими столовыми обедов. В целом по материалам контролирующих организаций калорийность не превышала 50–60 % от установленной нормы [28, л. 25].

Понижение калорийности было вызвано не только очередным ухудшением снабжения. В самый разгар голода по понятным причинам усилилось воровство работников общепита. Так, 17 марта 1933 г. директор СТЗ

К.Е. Трегубенков впервые в истории завода издал приказ о нормах калорийности обедов для отдельных групп рабочих. По этому приказу обед ударника горячего цеха должен составлять не менее 1 224 кал, рабочего горячего цеха – 1 002 кал, ударника основного цеха – 816 кал, рабочего основного цеха – 725 калорий. Однако первая же проверка показала, что 23 марта «в котел, в котором варился обед ударникам горячих цехов, было заложено продуктов в 1 258 калорий, а на стол ударнику подали обед в 808 калорий. “Возникает вопрос, – риторически заявлял корреспондент газеты, – куда девались 450 калорий, куда девались продукты? Усушка? Утруска? Естественные отходы? Нет, не может быть ни этого, ни другого. Продукты расхищают работники фабрики-кухни в сыром виде прежде, чем попасть на стол – вот в чем причина”» [15, 18 апреля].

В марте 1933 г. вопросы рабочего снабжения в Сталинграде вновь стали предметом обсуждения на секретариате Нижне-Волжского крайкома ВКП(б). Принятое постановление в который раз грозно требовало от руководства Крайпотребсоюза, городских ЗРК и директоров предприятий «ликвидировать имеющее место совершенно недопустимое состояние общественного питания в Сталинграде и добиться уже в начале апреля реального улучшения руководства и постановки общественного питания и его расширения». Это означало: «а) доведение во II квартале числа обслуживаемых закрытой сетью общественного питания ЗРК, ЗСК и ГорПО⁸ г. Сталинграда до 55 000 чел. (вместо 32 000 чел.), в том числе 43 тыс. рабочих предприятий; б) довести средне-суточный выпуск в день до 87 тыс. блюд вместо 54 000 в первом квартале». Однако прилагавшийся к постановлению план снабжения показывал, что большей части требовавшихся продуктов просто не было в наличии. Так, из требуемых 172 т мяса из централизованных фондов была получена 71 т, вместо 185 т рыбы поступило 70 т, из 162 т крупы имелась только 101 тонна. Овощей и капусты не поступило совсем. Недостающие продукты должны были, согласно решению крайкома, заготавливаться «в децентрализованном порядке», то есть самостоятельно [19, л. 64–65].

Тяжелое положение с рабочим питанием в Сталинграде сохранялось еще долго. На бумаге все выглядело прекрасно. В октябре 1933 г. краевая газета с гордостью сообщила читателям среди прочих достижений индустриализации: «Пять фабрик-кухонь, ежедневно готовящих 338 тысяч блюд, имеет Сталинград» [15, 1933, 28 октября]. Однако в декабре корреспондент вынужден был признать: «Калорийность обедов на фабрике-кухне завода “Баррикады” вместо 1 200 калорий по плану составляет 400–600 калорий» [15, 1933, 23 декабря]. Система централизованного приготовления пищи на гигантских фабриках-кухнях с последующим развозом по цехам, на которую делалась ставка в начале индустриализации, себя не оправдала. Рабочим доставались обеды остывшие, часто не соответствовавшие количеству едоков, а все претензии рабочих выслушивал раздатчик, не имевший отношения к приготовлению пищи. В результате начался стихийный переход к децентрализации. В марте 1934 г. «Поволжская правда» приводила в качестве примера столовую кузнечного цеха СТЗ, где была устроена собственная кухня: «Продукты получает кузнечный цех те же, а обеды улучшились вдвое и втрое против того времени, когда их привозили с фабрики-кухни». Столовая кузнечного цеха, по мнению корреспондента, могла служить образцом рабочей столовой, но «к сожалению, она пока единственная на СТЗ» [15, 1934, 26 марта]. Видимо, этот пример так и остался единичным. Даже через четыре года, в феврале 1938 г. «Сталинградская правда» рисовала безрадостную картину: «Буфет тракторного цеха СТЗ. В тесной комнате за столом сидят рабочие и пьют из тарелок чай. В очереди у “Титана” тоже стоят с тарелками» [30, 9 февраля].

Результаты. Эффективная организация общественного питания стала одной из центральных социальных проблем в ходе индустриализации Сталинграда. За это время сеть общественного питания существенно расширилась, появилось несколько крупных фабрик-кухонь, столовые имелись на большинстве предприятий. Можно отметить, что была создана именно система общественного питания, позволившая организовать регулярное горячее питание большинства рабочих горо-

да. В условиях острой нехватки продуктов на потребительском рынке рабочие столовые стали существенным подспорьем для трудящихся. Однако становление системы общепита происходило непросто. На первом этапе столовые на сталинградских предприятиях принадлежали кооперации, сведенной в единый ЦРК. Это имело как свои плюсы – централизованное снабжение, так и минусы – разрыв связи с потребителем, когда даже руководство предприятия никак не могло повлиять на работу своей столовой. Рабочие в условиях существования карточной системы могли получить питание после погашения карточек только через столовую предприятия, на котором работали. Отсутствие конкуренции и прямой зависимости от потребителя, умноженное на общую нехватку продовольствия, ЗРК привело к плачевным результатам. На организованных при крупнейших сталинградских заводах фабриках-кухнях, столовых и буфетах наблюдались многочисленные нарушения – крайний дефицит кухонного инвентаря, антисанитарное состояние помещений, хищения, растраты, повышение стоимости блюд при одновременном снижении калорийности, однообразный и скудный рацион питания рабочих. Создание на предприятиях собственных закрытых рабочих кооперативов не привело к кардинальным улучшениям. На третьем этапе реорганизации ЗРК были напрямую подчинены заводоуправлениям, а на крупнейших предприятиях вместо них созданы заводские отделы рабочего снабжения. Однако общая ситуация с рабочим питанием улучшилась ненамного, основные недостатки системы общепита сохранились. В условиях голода и затяжного продовольственного кризиса централизованное выделение ресурсов было абсолютно недостаточным, а закупки своими силами наткнулись на узость местного рынка и нехватку средств. Несовершенство системы организации общественного питания приводило к массовому недовольству рабочих, фиксировавшемуся органами ГПУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-

340003 р_а «Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project №19-49-340003 r_a «Stalingraders at the turning point of the era (mid-1920s – end of the 1930s): socio-economic situation and cultural life».

² ЗРК – закрытый рабочий кооператив, одна из организационных форм кооперации, основанная на принципе классового распределения товаров.

³ Всенарпит (Нарпит, Союзнарпит) – всесоюзное объединение по организации общественного питания в СССР.

⁴ Всекоопит – всесоюзная автономная секция по общественному питанию Центросоюза СССР (центрального органа потребительской кооперации).

⁵ РКИ (КК РКИ – контрольная комиссия РКИ) – рабоче-крестьянская инспекция. Орган государственного контроля в Советском государстве. РКИ действовала на правах наркомата и имела свои органы на местах, опираясь в своей деятельности на широкий актив из рабочих, крестьян, специалистов.

⁶ Крайсовпроф (КСПС) – краевой совет профессиональных союзов.

⁷ Крайсоюз – краевой союз потребительской кооперации.

⁸ ГорПО – городское потребительское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба : окр. газета. – Сталинград, 1931–1933.
2. Выписка из протокола № 25 заседания Президиума ВЦИК РСФСР 30 октября 1931 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 191.
3. Голод в СССР. 1929–1934 гг. В 3 т. Т. 2. Июль 1932 – июль 1933. – М. : Международный фонд «Демократия», 2012. – 907 с.
4. Докладная записка полномочного представителя ОГПУ по Нижне-Волжскому краю П.Г.Рудь 27 сентября 1931 г. // ГАВО. – Ф. Р-321. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 169–175.
5. Докладная записка председателя краевого комитета по общественному питанию 12 апреля 1931 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 1786. – Л. 190.
6. Докладная записка ЭКО ПП ОГПУ НВК в бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) 18 апреля 1931 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 1786. – Л. 247.
7. Дударь, Л. А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928–1934 гг. / Л. А. Дударь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1061–1065. – Электрон. текстовые дан. – Режим

доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.

8. Иванов, Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 28–43.

9. Конъюнктурный обзор состояния народного хозяйства и культуры Сталинградского округа на I полугодие 1929/1930 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 472. – Л. 48–466.

10. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб. : Журн. «Нева» : Летний Сад, 1999. – 316, [1] с., [8] л. ил.

11. Нефедов, С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2012. – № 12. – С. 71–78.

12. Обращение СНК СССР, ЦК ВКПб и Центросоюза «О потребительской кооперации» от 10 мая 1931 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. В 16 т. Т. 2. 1929–1940 гг. – М. : Политиздат, 1967. – С. 301–306.

13. Осокина, Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. / Е. А. Осокина. – М. : Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.

14. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

15. Поволжская правда : газета. – Сталинград, 1933–1934.

16. Постановление бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) по докладу об общественном питании 24 марта 1931 г. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 534. – Л. 18–55.

17. Постановление выездного президиума ГорКК и коллегии ГорРКИ по результатам проверки выполнения партийных директив по перестройке потребкооперации и рабочему снабжению по ЗРК завода «Баррикады». 26.12.1931 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 60–66.

18. Постановление выездного президиума Сталинградской ГорКК ВКП(б) и коллегии РКИ № 60. 25.10.1931 (докл. Ершова «Об обследовании бригадой ГорРКИ столовой партактива «Люкс»») // ЦДНИВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 126–136.

19. Постановление секретариата Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) «Вопросы кооперации» 22 марта 1933 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 64–65.

20. Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения общественного питания» от 19.08.1931 г.: Приложение №3 к п.12/25 протокола политбюро № 55 // Российский государственный архив соци-

ально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 841. – Л. 12–13.

21. Проект резолюции Нижне-Волжского крайисполкома по докладу Сталинградского горсовета «О состоянии общественного питания основных предприятий» 27 августа 1932 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 1817. – Л. 45.

22. Протокол совещания при Центросоюзе по вопросу об изменении плана капитального строительства на 1931 г. в г. Сталинграде // Постановления ВЦИК и Сталинградского горсовета о перестройке работы кооперации и общественном питании // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 534. – Л. 52.

23. Сводка № 5 по заводу «Баррикады» по материалам на 18-е декабря 1931 г.: настроения рабочих и ИТР. 20.12.1931 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 75–82.

24. Собрание законов СССР. 1930 г. № 36. Ст. 394.

25. Собрание законов СССР. 1932 г. № 80. Ст. 489.

26. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. : в 10 т. – М. : ИРИ РАН, 2001–2017. – Т. 8, ч. 1 : 1930 г. – 2008. – 868 с. ; Т. 8, ч. 2 : 1930 г. – 2008. – 884 с.

27. Спецсводка «О настроениях рабочих Нижне-Волжского края в связи с продзатруднениями по состоянию на 10 июля 1932 г.» // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 346–355.

28. Спецсводка «О состоянии работы ОРСа завода «Баррикады» по данным СПО ПП ОГПУ НКВ на 1-е июля 1933 года» // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 14. – Л. 23–27.

29. Спецсправка о состоянии общественно-го питания на СТЗ по состоянию на 15 марта 1933 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 12. – Л. 34–40.

30. Сталинградская правда : газета. – Сталинград, 1938.

31. Сталинградский оперсектор ОГПУ и горротдел ОГПУ г. Сталинграда Нижне-Волжского края секретарю ГК ВКП(б) тов. Кучмину докладная записка о политнастроениях рабочих по промпредприятиям г. Сталинграда за февраль месяц 1931 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 73–90.

32. Сталинградский оперсектор ОГПУ по Нижне-Волжскому краю: Информационный обзор по городу по состоянию на 31.01.1931 г.: Снабжение // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 1–29.

33. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2008. – 336 с.

REFERENCES

1. *Bor'ba: okr. gazeta* [Bor'ba. Newspaper]. Stalingrad, 1931–1933.

2. Vypiska iz protokola № 25 zasedaniya Prezidiuma VTsIK RSFSR [Extract from Protocol No. 25 of the Meeting of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR, October 30, 1931]. *GAVO* [SAVR], f. r-313, inv. 1, d. 98, l. 191.

3. *Golod v SSSR. 1929–1934 gg. V 3 t. T. 2. Iyul' 1932 – iyul' 1933* [Famine in the USSR. 1929–1934. In 3 Vols. Vol. 2. July 1932 – July 1933]. Moscow, Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 2012. 907 p.

4. Dokladnaja zapiska polnomochnogo predstavitelja OGPU po Nizhne-Volzskomu kraju P.G. Rud' 27 sentyabrya 1931 g. [Memorandum Report of the Plenipotentiary Representative of the OGPU for the Lower Volga Region P.G. Rud', September 27, 1931]. *GAVO* [SAVR], f. r-321, inv. 1, d. 20, l. 169-175.

5. Dokladnaja zapiska predsedatelja kraevogo komiteta po obshhestvennomu pitaniju 12 aprelya 1931 g. [Memorandum Report of the Chairman of the Regional Committee on Public Catering, April 12, 1931]. *GAVO* [SAVR], f. r-313, inv. 1, d. 1786, l. 190.

6. Dokladnaja zapiska JeKO PP OGPU NVK v bjuro Nizhne-Volzskogo krajnoma VKP(b) 18 aprelya 1931 g. [Memorandum Report of the ECO PP OGPU for the Lower Volga Region in the Bureau of the Lower Volga Regional Committee of the AUCP(b), April 18, 1931]. *GAVO* [SAVR], f. r-313, inv. 1, d. 1786, l. 247.

7. Dudar' L.A. Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnyh kategorij naseleniya SSSR v 1928–1934 gg. [Card System of Supply of Various Categories of the Population of the USSR in 1928–1934]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific-Methodological Electronic Journal “Koncept”], 2014, vol. 20, pp. 1061-1065. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (accessed 28 December 2020).

8. Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 20-h – nachale 30-h godov [The Situation of the Workers of Russia in the 20s – Early 30s]. *Voprosy istorii*, 1998, no. 5, pp. 28-43.

9. Konjunktornyj obzor sostojaniya narodnogo hozjajstva i kul'tury Stalingradskogo okruga na 1 polugodie 1929/1930 g. [An Opportunistic Review of the State of the National Economy and Culture of the Stalingrad District for the First Half of 1929/1930]. *GAVO* [SAVR], f. r-71, inv. 1, d. 472, l. 48-466.

10. Lebina N.B. *Povsednevnyj zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii: 1920–1930 gody* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies, 1920–1930]. Saint Petersburg, Zhurnal «Neva», Letnyj Sad Publ., 1999. 316, 1 p., 8 l., ill.

11. Nefedov S.A. Prodovol'stvennoe potreblenie sovetskih trudyashchihsya v 1930-e gg. [Food Consumption of Soviet Workers in the 1930s]. *Voprosy istorii*, 2012, no. 12, pp. 71-78.

12. Obrashchenie SNK SSSR, TsK VKPb i Tsentrosoyuza «O potrebitel'skoj kooperacii» ot

10 maya 1931 g. [Appeal of the SNK of the USSR, the Central Committee of the AUCP(b) and the Tsentrosoyuz “On Consumer Cooperation” Dated May 10, 1931]. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam: sb. dok. V 16 t. T. 2. 1929–1940 gg.* [Decisions of the Party and the Government on Economic Issues. Collection of Documents. In 16 Vols. Vol. 2. 1929–1940]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, pp. 301-306.

13. Osokina E.A. *Ierarhija potreblenija: Ozhizni ljudej v uslovijah stalinskogo snabzhenija. 1928–1935 gg.* [The Hierarchy of Consumption: On the Life of People in the Conditions of Stalin's Supply. 1928–1935]. Moscow, Izd-vo MGOU, 1993. 144 p.

14. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941* [Behind the Facade of “Stalin's Abundance”: Distribution and the Market in the Supply of the Population During the Years of Industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 271 p.

15. *Povolzhskaya pravda: gazeta* [Povolzhskaya Pravda. Newspaper]. Stalingrad, 1933–1934.

16. Postanovlenie bjuro Nizhne-Volzskogo krajnoma VKP(b) po dokladu ob obshhestvennom pitanii 24 marta 1931 g. [Resolution of the Bureau of the Lower Volga Regional Committee of the AUCP(b) on the Report on Public Catering, March 24, 1931]. *GAVO* [SAVR], f. r.-71, inv. 1, d. 534, l. 18-55.

17. Postanovlenie vyeznogo prezidiuma GorKK i kollegi GorRKI po rezul'tatam proverki vypolnenija partijnyh direktiv po perestrojke potrebkooperacii i rabochemu snabzheniju po ZRK zavoda «Barrikady». 26.12.1931 g. [Resolution of the Visiting Presidium of the City Control Commission and a Collegium of the City Workers and Peasants Inspectorate Based on the Results of Checking the Implementation of Party Directives on the Restructuring of Consumer Cooperation and Workers' Supply for the Air Defense System of the Barrikady Plant. December 26, 1931]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of Volgograd Oblast (CDCHVO)], f. 24, inv. 1, d. 27, l. 60-66.

18. Postanovlenie vyeznogo prezidiuma Stalingradskoj GorKK VKP(b) i kollegii RKI № 60. 25.10.1931 (dokl. Ershova «Ob obsledovanii brigadoj GorRKI stolovoj partaktiva «Lyuks») [Resolution of the Visiting Presidium of the Stalingrad City Control Commission of the VKP(b) and the Collegium of the Workers and Peasants Inspection No. 60. October 25, 1931 (Ershov's Report “On the Survey of the Canteen of the Party Activist ‘Lux’”). *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 24, inv. 1, d. 27, l. 126-136.

19. Postanovlenie sekretariata Nizhne-Volzskogo krajnoma VKP(b) «Voprosy kooperatsii»

22 marta 1933 g. [Resolution of the Secretariat of the Lower Volga Regional Committee of the AUCP(b) "Cooperation Issues", March 22, 1933]. *GAVO* [SAVR], f. r.-313, inv. 1, d. 39, l. 64-65.

20. Postanovlenie TsK VKP(b) «O merah uluchsheniya obshhestvennogo pitaniya» ot 19.08.1931 g.: Prilozhenie №3 k p.12/25 protokola politbjuro №55 [Resolution of the Central Committee of the AUCP(b) "On Measures to Improve Public Catering" Dated August 19, 1931. Appendix No. 3 to Clause 12/25 of the Politburo Protocol No. 55]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)], f. 17, inv. 3, d. 841, l. 12-13.

21. Proekt rezoljucii Nizhne-Volzhsogo krajispolkoma po dokladu Stalingradskogo gorsoveta «O sostojanii obshhestvennogo pitaniya osnovnyh predpriyatij» 27 avgusta 1932 g. [Minutes of the Lower Volga Regional Executive Committee on the Status Report of the Stalingrad City Council "On the State of Public Catering of the Main Enterprises", August 27, 1932]. *GAVO* [SAVR], f. r.-313, inv. 1, d. 1817, l. 45.

22. Protokol soveshhanija pri Tsentrosojuze po voprosu ob izmenenii plana kapital'nogo stroitel'stva na 1931 g. v g. Stalingrade: Postanovlenija VTsIK i Stalingradskogo gorsoveta o perestrojke raboty kooperacii i obshhestvennom pitanii [Minutes of the Meeting at the Tsentrosoyuz on Changing the Capital Construction Plan for 1931 in Stalingrad. Resolutions of the All-Russian Central Executive Committee and the Stalingrad City Council on Restructuring the Work of Cooperation and Public Catering]. *GAVO* [SAVR], f. r.-71, inv. 1, d. 534, l. 52.

23. Svodka № 5 po zavodu «Barrikady» po materialam na 18-e dekabrja 1931 g.: nastroyeniya rabochih i ITR. 20.12.1931 g. [Summary No. 5 on the "Barrikady" Plant Based on Materials As of December 18, 1931: The Mood of Workers and Engineers. December 20, 1931]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 5, l. 75-82.

24. *Sobranie zakonov SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1930, no. 36, article 394.

25. *Sobranie zakonov SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1932, no. 80, article 489.

26. «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): sb. dok.: v 10 t.* ["Top Secret". Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934). Collections of

Documents. In 10 Vols.]. Moscow, IRI RAN, 2001–2017, 2008, vol. 8, part 1: 1930. 868 p.; 2008, vol. 8, part 2: 1930. 884 p.

27. Spetssvodka «O nastroyenijah rabochih Nizhne-Volzhsogo kraja v svjazi s prodzatrudnenijami po sostojaniju na 10 ijulja 1932 g. [Special Summary "On the Mood of the Workers of the Lower Volga Region in Connection with Food Difficulties As of July 10, 1932"]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 9, l. 346-355.

28. Spetssvodka «O sostojanii raboty ORSa zavoda «Barrikady» po dannym SPO PP OGPU NVK na 1-e ijulja 1933 goda» [Special Summary "On the State of Work of the Department of Workers' Supply of the Plant 'Barrikady' According to the Secret-Political Department of the Plenipotentiary Office of the OGPU of the Lower Volga Region Dated July 1, 1933"]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 14, l. 23-27.

29. Spetsspravka o sostojanii obshhestvennogo pitaniya na STZ po sostojaniju na 15 marta 1933 g. [Special Certificate on the State of Catering at the Stalingrad Tractor Plant As of March 15, 1933]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 12, l. 34-40.

30. *Stalingradskaya pravda: gazeta* [Stalingradskaya Pravda. Newspaper]. Stalingrad, 1938.

31. Stalingradskiy opersektor OGPU i gorotdel OGPU g. Stalingrada Nizhne-Volzhsogo kraja sekretaryu GK VKP(b) tov. Kuchminu dokladnaya zapiska o politnastroyeniyakh rabochikh po prompredpriyatijam g. Stalingrada za fevral' mesyats 1931 g. [The Stalingrad Operative of the OGPU and the City Department of the OGPU of Stalingrad in the Lower Volga Region to the Secretary of the City Committee of the AUCP(b) Comrade Kuchmin. A Memorandum on the Political Attitudes of Workers in the Industrial Enterprises of Stalingrad for the Month of February 1931]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 2, l. 73-90.

32. Stalingradskiy opersektor OGPU po Nizhne-Volzhskomu kraju: «Informacionnyj obzor po gorodu po sostojaniju na 31.01.1931 g.: Snabzhenie [Stalingrad Operator Sector of the OGPU for the Lower Volga Territory: Information Review of the City As of January 31, 1931: Supply]. *TsDNIVO* [CDCHVO], f. 71, inv. 3, d. 2, l. 1-29.

33. Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 30s: City]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p.

Information About the Authors

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторах

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.6>

UDC 94(470.45)“1930”:355.691.31
LBC 63.3(2P-4Bor)614-2

Submitted: 03.08.2021
Accepted: 29.12.2021

WATER TRANSPORT INDUSTRIAL ESTABLISHMENTS IN THE LOWER VOLGA IN THE LATTER HALF OF THE 1930s¹

Olesya A. Gomanenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper deals with the condition of industrial establishments of the Lower Volga water transport before the Second World War. The goal of the work is to establish the technical and economic condition of these Lower Volga steamship line facilities in the second half of the 1930s. All objects were studied in detail. **Materials and methods.** The study is based on the principles of objectivity, it applies both general scientific and specific historical methods. The paper is based on unpublished archival materials, as well as on scientific publications on river transport. **Analysis and results.** In 1934 the Upper Volga, Middle Volga and Lower Volga steamship lines were organized. They were big economic entities in the Volga region. At that time industrial facilities of the river transport infrastructure were developed. Those were shipyards, repairing facilities, and workshops. In the latter half of the 1930s, the Lower Volga ship repairing establishments were in the middle positions in terms of their output among the other Volga steamship lines. The Lower Volga steamship line did not have a shipyard. The equipment was mainly run for ship repairing (in winter as well) and for making spare parts. The balance of the Volga transport industrial establishments was changing. The facilities were repeatedly exchanged among the steamship lines and agencies. When the Lower Volga steamship line was just formed it had 10 industrial establishments. By the beginning of the Great Patriotic War there were half as many. The facilities were ranked in classes. The biggest establishment during the entire period studied was the Stalingrad ship-repairing works. The production capacity of the ship-repairing facilities made possible to increase workload, but the facilities needed renewal, required renovation, as well as the entire material base of the Lower Volga steamship line. When the war began the condition of the industrial establishments aggravated.

Key words: river transport, the Lower Volga, facilities, ship-building and ship-repairing establishments, the Second World War.

Citation. Gomanenko O.A. Water Transport Industrial Establishments in the Lower Volga in the Latter Half of the 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 71-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.6>

УДК 94(470.45)“1930”:355.691.31
ББК 63.3(2P-4Bor)614-2

Дата поступления статьи: 03.08.2021
Дата принятия статьи: 29.12.2021

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НИЖНЕЙ ВОЛГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ¹

Олеся Александровна Гоманенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается состояние промышленных объектов речного хозяйства Нижней Волги накануне Второй мировой войны. В 1934 г. были организованы Верхневолжское, Средневолжское и Нижневолжское речные пароходства, являвшиеся крупными хозяйствующими субъектами Поволжья. В этот период происходило развитие промышленных объектов волжской речной инфраструктуры, к которым относились верфи, судостроительные и судоремонтные заводы, а также мастерские. Во второй половине 1930-х гг. нижневолжские судоремонтные предприятия занимали промежуточное положение по выпуску продукции среди остальных волжских пароходств. Своей судостроительной верфи Нижневолжское пароходство (далее – НВРП) не имело. Основная работа промпредприятий заключалась в судоремонте, в том числе зимнем, а

также изготовлении запасных частей и деталей. Цель настоящей статьи состоит в выяснении технического и экономического состояния промпредприятий НВРП. Подробно рассматривается развитие промышленных объектов пароходства на протяжении второй половины 1930-х годов. Баланс волжских речных промпредприятий постоянно менялся. Происходило перераспределение производственных мощностей между смежными пароходствами и ведомствами. Если при образовании Нижневолжского пароходства на его балансе числилось 10 промпредприятий, то к началу Великой Отечественной войны – в два раза меньше. Предприятия делились на разряды. Наиболее крупным на протяжении всего исследуемого периода являлся Сталинградский судоремонтный завод. Производственная мощность судоремонтных заводов и мастерских давала возможность увеличивать нагрузку, но требовалось существенное их обновление, как и всей материально-технической базы НВРП. С началом войны положение промпредприятий осложнилось.

Ключевые слова: речной транспорт, Нижняя Волга, объекты хозяйства, судостроительные и судоремонтные предприятия, Вторая мировая война.

Цитирование. Гоманенко О. А. Промышленные предприятия речного транспорта Нижней Волги во второй половине 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 71–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.6>

Введение. В первой половине 1930-х гг. происходила реорганизация в системе Народного комиссариата водного транспорта (далее – НКВТ). В 1934 г. были образованы Верхневолжское (далее – ВВРП), Средневолжское (далее – СВРП) и Нижневолжское (далее – НВРП) речные пароходства. В своем составе пароходства имели различные объекты хозяйства, в том числе промышленные. Во второй половине 1930-х гг. происходило развитие промышленных предприятий речной инфраструктуры Нижней Волги. Цель статьи – выяснить техническое и экономическое состояние промпредприятий НВРП и рассмотреть развитие объектов на протяжении данного периода.

Методы и материалы. Научное исследование основывается на принципах объективности и историзма. В статье применялись общенаучные и специальные исторические методы. К последним относятся историко-системный, историко-сравнительный и историко-генетический. Работа базируется на неопубликованных документах преимущественно федеральных архивов. Историографию составили труды по изучению речного транспорта накануне Второй мировой войны [1; 2; 5; 6].

Анализ. В первой половине 1930-х гг. в структуре НКВТ находились специализированные объединения судоремонта и судостроения: Всесоюзное объединение по капитальному строительству на водном транспорте (далее – Водстрой), Всесоюзное объединение судоремонтных и судостроительных заводов (далее – Судостройремонт) и Всесоюзное

объединение деревянного судостроения (далее – ВОДС). Эти объединения действовали как самостоятельные хозрасчетные предприятия. Водстрой объединял 28 строительных управлений. В Судостройремонт входило 14 наиболее крупных заводов. ВОДС объединял более 20 верфей [2, с. 21]. В 1934 г. произошла коренная перестройка в системе НКВТ с образованием четырех центральных производственно-территориальных управлений речного транспорта (далее – ЦУРТ): Волжско-Камское (далее – ВКЦУРТ), Северное, Южное и Восточное. В Волжско-Камское ЦУРТ вошли в том числе и новые речные пароходства на Волге: ВВРП, СВРП и НВРП.

Существовавший функциональный принцип управления на речном транспорте имел большие недостатки. С реорганизацией в 1934 г. НКВТ все функциональные хозяйственные объединения были ликвидированы. Это коснулось и Водстроя, осуществлявшего до этого наиболее крупное строительство. После реорганизации капитальное строительство было возложено непосредственно на пароходства, которым передавались стройки ликвидированного объединения. Судостройремонт и ВОДС также были упразднены. Находившиеся в их системе заводы и мастерские первого и второго разрядов, а также верфи перешли соответствующим морским и речным пароходствам. Мастерские, заводы и верфи делились на три разряда по стоимости выработки валовой продукции. Первый разряд составляли предприятия с годовой продукцией стоимостью более 1 500,0 тыс. руб., второй – от

500,0 тыс. до 1 500,0 тыс. руб., третий – до 500,0 тыс. руб. [6, с. 46].

В этот период в составе НВРП находилось 10 промышленных предприятий. Перворазрядными являлись заводы им. Ленина (1849 г. ввода в эксплуатацию), им. Сталина (1930 г.), им. III Интернационала (1889 г.) и Сталинградский затон (1930 г.). Первые три располагались в Астрахани и являлись самыми крупными производственными объектами Нижневолжского пароходства. Так, валовая продукция завода им. III Интернационала в 1935 г. доходила до 4 785,0 тыс. руб. (в ценах 1926/27 г.). Среднее число рабочих на этом объекте составляло 1 430 чел. [11, л. 2–4 об., 44а]. Остальные два астраханских завода немногим уступали по этим показателям. Валовая продукция, как и среднее число работников Сталинградского затона, примерно в два раза уступала другим перворазрядным заводам. Ко второму разряду относились ремонтные мастерские им. Урицкого (1923 г.), располагавшиеся в Астрахани. Самыми многочисленными были производственные предприятия третьего разряда: реммастерские «Красные Баррикады» (1933 г.), им. А. Сергеева (1934 г.), затон Владимировка (1931 г.) и временные ремонтные (зимние) пункты в Камышине (Соляной затон), основанные в 1930 году. Остальные ремпункты действовали в Дубовке (1931 г.) и Красноармейске (последние входили в состав Сталинградского затона) [10, л. 4]. Еще одним производственным предприятием являлась Нефтепристань с валовой продукцией в 1935 г. на 106,0 тыс. руб. [11, л. 44 а].

Своего судостроительного предприятия НВРП не имело. Основная работа промпредприятий заключалась в зимнем ремонте флота, изготовлении запасных частей и деталей, навигационном, предупредительном, восстановительном, капитальном, среднем, текущем и аварийном судоремонте.

В 1934 г. производственную программу промпредприятия НКВТ СССР выполнили на 98 %. Недовыполнение плана относилось в основном к деревянному и металлическому судостроению и капитальному ремонту. Причинами являлись плохая организация труда, недоиспользование судоподъемных средств, отсутствие четкого заводского планирования, затягивание по некоторым заводам сроков

ремонта судов. Все это вело к удорожанию ремонта и влияло на темпы перевозок, что в той же мере относилось и к волжским речным пароходствам [14, л. 3].

Так, кроме завода им. Сталина остальные промпредприятия НВРП не имели годового плана на 1934 год. Точнее, ВКЦУРТ отправило план НВРП в октябре 1934 г. на 17 619,7 тыс. рублей. Заводы выполнили задание на 110 % (19 289,27 тыс. руб.) [11, л. 7]. Половина средств отводилась на текущий и средний ремонт (9 978,1 тыс. руб.). 20 % приходилось на капитальный и 5 % на восстановительный ремонт. Треть финансирования приходилась на завод им. Сталина (5 404,3 тыс. руб.), по 20 % отводилось для заводов им. Ленина и им. III Интернационала, по 10 % для реммастерских им. Урицкого и Сталинградского завода [10, л. 4 об.]. Оборудование промпредприятий НВРП в основном было старое и маломощное. Следует отметить, что в летний период 1934 г. промпредприятия не были нагружены в полную силу, вследствие чего росли накладные расходы по ним. Выполнение плана определялось также фактическим наличием рабочей силы, с которой пароходство испытывало постоянные трудности по причине текучести из-за неудовлетворительных материально-бытовых условий.

Однако здесь получалась двоякая ситуация, связанная со специфическими условиями работы водного транспорта (сезонностью). С одной стороны, необходимо было сохранить жилую площадь для плавающего состава в течение семи месяцев навигации для удержания рабсилы и своевременного обеспечения ее квартирами в период зимнего судоремонта. С другой стороны, содержание и ремонт свободной от эксплуатации площади являлось убыточным для промпредприятий. Себестоимость текущего ремонта такой жилплощади увеличивалась в силу того, что помещение более полугода не эксплуатировалось и постепенно ветшало. Кроме того, большинство зданий было устаревшим и требовало особого ремонта. Помимо этого, наблюдалось несоответствие получаемой квартплаты с жильца и себестоимостью содержания квартиры. Однако это зависело от коммунальных ставок в соответствии с получаемыми окладами работников (зарплата речников была низкой).

Так, только по заводу им. Ленина в НВРП ущерб за содержание жилплощади в 1934 г. составил более 200,0 тыс. рублей. В результате деятельности всех промпредприятий убыток (около 600,0 тыс. руб.) был связан именно с эксплуатацией жилищно-коммунального хозяйства НВРП [10, л. 8 об.].

В силу расстановки флота на зимний ремонт волжские промпредприятия осуществляли ремонт судов из соседних пароходств, если те оставались на зимовку в затонах не в пределах своих акваторий. Кроме судоремонта заводы и затоны волжских пароходств выполняли заказы сторонних организаций (вне системы НКВТ). Из отходов производства изготавливались предметы широкого потребления. В тот период основным показателем качества работы промпредприятий была постановка судов на повторный ремонт.

Промышленные предприятия НВРП в 1935 г. на 19 % перевыполнили свою производственную программу и выпустили продукции на 26 млн руб. [7, л. 13]. По сравнению с 1934 г. удалось снизить цеховые расходы, стоимость среднего, текущего и навигационного ремонта, но против плана 1935 г. произошел перерасход средств [16, л. 58 об.]. Задание 1935 г. на четверть превосходило план предыдущего года. Однако задание по капремонту не было сделано. Имелся перерасход по восстановительному и капитальному ремонту флота. В результате деятельности промпредприятий НВРП за 1935 г. накопления составили около 290,0 тыс. рублей. Могло быть и больше, но только по ЖКХ (все по тем же причинам, что и ранее) убытки составили свыше 840,0 тыс. руб., в 1936 г. чуть меньше – 644,0 тыс. руб. [11, л. 13; 15, л. 7]. Потери складывались и из-за неполадок в производстве, вызывавших брак и переделки. Стахановское движение на промпредприятиях на тот момент не могло существенным образом нивелировать ситуацию с производственными убытками. Главными причинами все же являлись недофинансирование и недостатки планирования.

Нижневолжские судоремонтные заводы занимали промежуточное положение по выпуску продукции среди остальных волжских пароходств. В 1935 г. по промпредприятиям НВРП объем валовой продукции (18 248,0 тыс. руб. в ценах 1926/27 г.) [11, л. 44 а] был в

1,5 раза меньше, чем у ВВРП, но в 1,5 раза больше, чем у СВРП. В следующем году соотношение немного изменилось. Сократилось «отставание» от ВВРП и увеличился «отрыв» от СВРП.

В 1936 г. заводы НВРП практически справились с увеличенной годовой программой на 34,0 млн руб., что на треть больше, чем в 1935 году. Однако потери по промпредприятиям составили около 3 000,0 тыс. руб. [12, л. 2; 15, л. 7]. Нечеткость планирования сыграла в этом случае определяющую роль. Следует учесть, что пароходство получало в течение 1936 г. три разных задания от ВКЦУРТ. Если первый вариант плана (в январе) был занижен, то второй (в апреле) – слишком завышен. Выполнив программу по третьему варианту плана (в июле), НВРП перевыполнило задание по судоремонту (особенно капитальному). С планом по судостроению промпредприятия справились менее чем на треть [12, л. 3 об.].

Производственная мощность судоремонтных заводов и мастерских давала возможность увеличивать нагрузку, но требовалось дооборудование цехов и замена устаревших станков. Например, загрузка промпредприятий НВРП в 1936 г. составляла около 70 % их мощности. Другими словами, по своей производственной силе заводы могли выполнить годовое задание на 49,0 млн руб. вместо 34,0 млн руб. [12, л. 3]. Однако с каждым годом материально-техническая база нуждалась в обновлении, что позволило бы еще больше увеличивать свои показатели. Если в 1935 г. на оборудование судоремонтных предприятий Нижней Волги было израсходовано 600,0 тыс. руб., то в 1936 г. при заявке на 800,0 тыс. руб. было отведено лишь 300,0 тыс. рублей. Но на 1937 г. требовалось уже 2 800,0 тыс. руб., так как был принят заказ на строительство пяти землечерпательных шаланд и трех барж-гаражей [7, л. 13–14]. Существенных капвливаний не происходило, как в целом и по остальным объектам хозяйства НВРП, несмотря на точечные вложения.

Количество производственных предприятий, находившихся на балансах пароходств, менялось вследствие их перераспределения. В конце 1936 г. на речном транспорте была введена новая классификация судоремонтно-

судостроительных предприятий: заводы, верфи и мастерские. Все прочие наименования, в том числе затоны, отменялись. Последние не отражали производственный профиль и мощность предприятий, а назывались случайно и закреплялись в обиходе. К заводам относились крупные машиностроительные предприятия, изготовлявшие отдельные судовые механизмы, детали корпуса или осуществлявшие капитальный и средний ремонт крупных транзитных судов. Верфи были заняты строительством и ремонтом, главным образом, деревянных судов. Мастерские проводили в основном средний и текущий ремонт. Сохранялась разрядность предприятий в зависимости от специализации, мощности и объема выпускаемой продукции. Всего в СССР насчитывалось 156 предприятий: 49 заводов, 21 верфь, 86 мастерских [2, с. 188].

Капиталовложения на судостроение составляли 40 % всех ассигнований на речной транспорт СССР. Однако этого было недостаточно. Судостроительная промышленность имела ограниченные возможности и не могла обеспечить речной флот более скоростными судами. Это, в свою очередь, ограничивало увеличение скорости перевозок. Для улучшения технологии судостроения и уменьшения затрат, в том числе в последующей эксплуатации, минимизировалось количество типов судов для постройки. На 1936–1937 гг. новая сетка включала в себя 16 типов самоходного флота и 10 типов несамоходных барж. Так, в 1936 г. Сормовская верфь сдала НВРП семь новых буксирных пароходов мощностью 1 200 л. с. [2, с. 180–181]. Эти буксиры по сравнению с предыдущими сериями обладали лучшими технико-экономическими характеристиками. Следует отметить, что еще с 1931 г. на Волге проходили испытания по толканию судов. По сравнению с буксировкой этот способ вождения барж был более экономичен, но требовал дальнейшей разработки. Однако в то время инициативу волжских инженеров и экономистов не поддержали в НКВТ и Центральном научно-исследовательском институте водного транспорта.

Все деревянное судостроение СССР и более половины металлического тоннажа осуществлялось на верфях НКВТ. Остальная часть выполнялась на предприятиях Нарко-

мата тяжелой промышленности (далее – НКТП). В 1937 г. в общем объеме несамоходного судостроения деревянный флот занимал около 87 %. В это время началось строительство речного рефрижераторного флота, что было очень актуально для Нижней Волги. В НВРП отмечался большой недостаток тоннажа, в том числе деревянного сухогрузного с грузоподъемностью до 200,0 тыс. тонн. Что касается металлического нефтеналивного флота, то пароходство нуждалось именно в крупном тоннаже [7, л. 8–9].

За вторую пятилетку в СССР было построено не так много новых речных судов (больше всего в 1937 г.). Острой стала нехватка грузопассажирского флота. За 1933–1937 гг. удалось спустить на воду 73 такие единицы (24 370 л. с.). Этот показатель соответствовал среднему числу (мощности) грузопассажирских судов в НВРП и ВВРП. В этот период больше строился буксирный флот – 411 ед. (113 329 л. с.), что могло бы полностью обновить этот вид по всем трем волжским пароходствам. Очевиден был и недостаток в металлическом тоннаже. За вторую пятилетку вышло 108 ед. (194 575 т) нового наливного металлического тоннажа по стране. На балансе только НВРП находилось около 160 судов (1 037 000 т) этого вида флота. Не лучше обстояло дело и с выпуском сухогрузного металлического тоннажа [3, с. 435]. Строительство самоходных барж проводилось в основном только в 1936 г. (41 ед.) на заводах НКВТ (в волжских пароходствах таких барж не было). Катера и сухогрузный деревянный тоннаж также выпускались на промпредприятиях НКВТ. Остальные виды флота строились, как на заводах НКВТ, так и НКТП.

В марте 1938 г. было организовано самостоятельное нефтеналивное пароходство Волготанкер (с Управлением в г. Астрахани). Волготанкеру переходил весь самоходный и несамоходный нефтеналивной флот волжских пароходств, а также астраханские судоремонтные заводы им. Ленина, им. Сталина и им. III Интернационала [17, с. 166].

Баланс промпредприятий постоянно менялся. Как отмечалось выше, происходило перераспределение производственных мощностей между пароходствами (в том числе новыми) и ведомствами. Часть заводов пере-

ходила в прямое подчинение Центральному управлению промышленных предприятий НКВТ. Если при образовании НВРП на его балансе числилось 10 промпредприятий, то к 1937/38 г. – уже шесть. К ним относились (по величине валовой продукции): Сталинградский судоремонтный завод, Судоремзавод им. Урицкого, Владимирские судоремонтные мастерские, реммастерские им. А. Сергеева, Красноармейские реммастерские, ремонтные пункты в Камышине (Соляной затон).

Сталинградский судоремонтный завод находился на левом берегу Волги в Красной Слободе напротив Сталинграда. Судоремонтный завод им. Урицкого располагался на левом берегу Волги в Астрахани на одной территории с Астраханской транзитной сухогрузной пристанью. Владимирские судоремонтные мастерские располагались на левом берегу Волги на 170 км ниже Сталинграда на одной территории с одноименной пристанью. Ремонтные мастерские им. А. Сергеева находились в Астрахани на правом берегу Волги. Красноармейские судоремонтные мастерские располагались в затоне на правом берегу Волги на одной площади с одноименной пристанью на 27 км ниже Сталинграда по течению реки. Выше Сталинграда находились только ремонтные пункты в Камышине (Соляной затон) [8, л. 4, 75, 81, 83, 86, 89].

В 1937 г. валовая продукция судоремонтных заводов и реммастерских НВРП составила свыше 7 000,0 тыс. руб. (в ценах 1926/27 г.), в 1938 г. на 6 % больше [13, л. 20]. В ценах 1937 г. судоремонтные предприятия НВРП в этом же году выполнили план по валовому выпуску продукции на 97 % (около 33 млн руб.), что немного меньше, чем в 1936 году. План 1937 г. остался на уровне предыдущего года. Однако не был учтен ряд сделанных работ за текущий период. В этом случае промпредприятия перевыполнили бы годовое задание 1937 г. [9, л. 1].

В 1939 г. вновь было произведено разукрупнение ряда наркоматов. В апреле 1939 г. Наркомат водного транспорта был разделен на комиссариаты речного и морского флота [17, с. 170]. В системе НКРФ действовало 33 речных пароходства, 20 бассейновых управлений пути, 20 инспекций судоходства, 14 инспекций Речного регист-

ра СССР, шесть строительных контор и восемь крупных заводов, не входивших в состав пароходств [1, с. 15].

В феврале 1940 г. было создано Центральное управление деревянного судостроения, которому перешли крупные верфи. В 1940 г. из около 200 промышленных предприятий НКРФ непосредственно судостроением, в основном деревянным, занималась только треть [1, с. 15]. Это не покрывало потребностей водного транспорта, особенно буксирного самоходного флота. Частично речные суда выпускались на судостроительных заводах Главречпрома, входившего в НКТП (с 1939 г. в Наркомат судостроительной промышленности). Однако в связи с началом расширенного выпуска в 1938–1939 гг. боевых и вспомогательных кораблей Военно-морского флота с 1940 г. речное строительство прекратилось [18, л. 11, 12].

Результаты. При рассмотрении развития производственных объектов Нижневолжского пароходства на протяжении всего исследуемого периода удалось выяснить техническое и экономическое состояние промышленных предприятий. За вторую половину 1930-х гг. количество промпредприятий НВРП сократилось вдвое. К 1940 г. в систему Нижневолжского речного пароходства входило пять судоремонтных пунктов: Сталинградский судоремонтный завод, Красноармейские судоремонтные мастерские, судоремонтные мастерские во Владимировском затоне, Судоремонтный завод им. Урицкого, ремонтные мастерские им. А. Сергеева [5, с. 231]. Промпредприятия, как и вся материально-техническая база НВРП, нуждались в коренном обновлении и испытывали недостатки в планировании. С началом Второй мировой войны существенно сократился капитальный ремонт судов. Значительная часть флота Нижней Волги не имела возможности капитально ремонтироваться вплоть до 1944 г. [4, л. 4, 5]. Промышленным предприятиям НВРП на это не выделялись средства. Судоремонтные заводы и мастерские проводили только текущий ремонт, который из-за отсутствия материалов был минимальным и носил поддерживающий характер. Война значительно ухудшила положение промобъектов Нижневолжского пароходства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках научного проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов». Материалы статьи были апробированы в докладе на III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации» (Волгоград, 30 сентября – 1 октября 2021 года).

The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project No 0633-2020-0004 “Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects”. The materials of the article were tested in the report at the III International scientifically-practical conference “Military and Historical Aspects of Life in the South of Russia in 17th– 21st century: The Issues of Investigating and Museumification” (Volgograd, September 30 – October 1, 2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амусин, Б. М. Использование речного транспорта на прифронтовых речных и озерных бассейнах в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Б. М. Амусин. – Калининград : Калинингр. высш. воен.-мор. училище, 1997. – 201 с.

2. Амусин, М. Д. Речной транспорт в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1933–1937 годы) / М. Д. Амусин. – М. : Речной транспорт, 1963. – 238 с.

3. Водный транспорт в 1937 г. Статистические сведения о речном и морском транспорте НКВТ. – М. : Водный транспорт, 1938. – 435 с.

4. Годовой отчет об эксплуатационной деятельности НВРП за 1944 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 9469. – Оп. 6. – Д. 72. – 118 л.

5. Гоманенко, О. А. К вопросу о пострадавших объектах хозяйства Сталинградского участка Нижне-волжского речного пароходства в ходе Великой Отечественной войны / О. А. Гоманенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 229–237. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.20>.

6. Гоманенко, О. А. От функционального к производственно-территориальному принципу управления на водном транспорте (на примере волжского речного флота начала 1930-х годов) / О. А. Гоманенко // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 43–48.

7. Докладная записка начальника НВРП и рапорт начальника пристани Сталинград о выполнении плана и состоянии пароходства и пристанского хозяйства. 1936 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 2817. – 25 л.

8. Краткое описание НВРП и Сталинградского речного порта за 1940 г. // Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 557. – Оп. 19. – Д. 1. – 191 л.

9. Отчет НВРП по основной деятельности за 1937 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 4273. – 103 л.

10. Отчет НВРП по промпредприятиям за 1934 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 1626. – 67 л.

11. Отчет НВРП по промпредприятиям за 1935 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 2403. – 53 л.

12. Отчет НВРП по промпредприятиям за 1936 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 3565. – 63 л.

13. Отчет НВРП по промпредприятиям. 1938 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 4923. – 23 л.

14. Отчет НКВТ по предприятиям за 1934 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 1308. – 50 л.

15. Постановления и заключения по утверждению отчета НВРП за 1936 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 3567. – 80 л.

16. Протоколы заседаний балансовых комиссий по утверждению отчетов по ВВРП, СВРП, НВРП и др. за 1935 г. // РГАЭ. – Ф. 7458. – Оп. 1. – Д. 2380. – 125 л.

17. Речной транспорт в директивах коммунистической партии, законодательных актах и постановлениях Советского правительства (1918–1959). – М. : Речной транспорт, 1959. – 230 с.

18. Справка секретарю ЦК ВКП(б) т. Г.М. Маленкову от зав. транспортным отделом ЦК ВКП(б) т. Голубева «О речном судостроении и организации Главного управления речной судостроительной промышленности НКРФ». Март 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 124. – Д. 11. – 174 л.

REFERENCES

1. Amusin B.M. *Ispol'zovanie rechnogo transporta na frontovykh rechnykh i ozernykh bassejnah v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Use of River Transport on Front River and Lake Basins in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kaliningrad, Kaliningradskoe vysshee voenno-morskoe uchilishche, 1997. 201 p.

2. Amusin M.D. *Rechnoj transport v period zavershenija socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR (1933–1937 gody)* [River Transport in the Final Stage of the USSR Economy Reconstruction (1933–1937)]. Moscow, Rechnoj transport Publ., 1963. 238 p.

3. *Vodnyj transport v 1937 g. Statisticheskie svedeniya o rechnom i morskome transporte NKVT* [Water Transport in 1937. Statistical Data on River and Sea Transport of NKVT]. Moscow, Vodnyj transport Publ., 1938. 435 p.

4. Godovoj otchet ob jekspluacionnoj dejatel'nosti NVRP za 1944 g. [Annual Report on the Lower Volga Steamship Line Operations in 1944]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economy (RSAE)], f. 9469, inv. 6, d. 72. 118 l.

5. Gomanenko O.A. K voprosu o postradavshih obyektah hozjajstva Stalingradskogo uchastka Nizhnevolzhskogo rechnogo parohodstva v hode Velikoj Otechestvennoj vojny [On Damages Inflicted upon the Stalingrad Section of the Lower Volga Steamship Line in the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 229-237. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.20>.

6. Gomanenko O.A. Ot funkcional'nogo k proizvodstvenno-territorial'nomu principu upravlenija na vodnom transporte (na primere volzhskogo rechnogo flota nachala 1930-h godov) [From Functional to Production-Territorial Principle of Water Transport Management (The Case of the Volga River Fleet in the Early 1930s)]. *Vestnik VGU. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2019, no. 3, pp. 43-48.

7. Dokladnaja zapiska nachal'nika NVRP i raport nachal'nika pristani Stalingrad o vypolnenii plana i sostojanii parohodstva i pristanskogo hozjajstva. 1936 g. [Memorandum Report by Director of the Lower Volga Steamship Line and Report by Stalingrad Landing Chief on Plan Execution and the Condition of the Steamship Line and Landing Facilities. 1936]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 2817. 25 l.

8. Kratkoe opisanie NVRP i Stalingradskogo rechnogo porta za 1940 g. [Short Review of the Lower Volga Steamship Line and Stalingrad River Port in 1940]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti* [State Archive of Volgograd Region], f. 557, inv. 19, d. 1. 191 l.

9. Otchet NVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1937 g. [Lower Volga Steamship Line Report on the Basic Activities in 1937]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4273. 103 l.

10. Otchet NVRP po prompredpriyatijam za 1934 g. [Lower Volga Steamship Line Report on Industrial Establishments in 1937]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 1626. 67 l.

11. Otchet NVRP po prompredpriyatijam za 1935 g. [Lower Volga Steamship Line Report on Industrial Establishments in 1935]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 2403. 53 l.

12. Otchet NVRP po prompredpriyatijam za 1936 g. [Lower Volga Steamship Line Report on Industrial Establishments in 1936]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 3565. 63 l.

13. Otchet NVRP po prompredpriyatijam za 1938 g. [Lower Volga Steamship Line Report on Industrial Establishments in 1938]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4923. 23 l.

14. Otchet NKVT po predpriyatijam za 1934 g. [People's Commissariat for Water Transport Report on Industrial Establishments in 1934]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 1308. 50 l.

15. Postanovlenija i zakljuchenija po utverzhdeniju otcheta NVRP za 1936 g. [Resolutions and Conclusions on Approval of the 1936 Lower Volga Steamship Line Report]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 3567. 80 l.

16. Protokoly zasedanij balansovyh komissij po utverzhdeniju otchetov po VVRP, SVRP, NVRP i dr. za 1935 g. [Minutes of the Balance Committees Meetings on Approval of the Reports of the Upper Volga, Middle Volga, Lower Volga Steamship Lines and Others in 1935]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 2380. 125 l.

17. *Rechnoj transport v direktivah kommunisticheskoj partii, zakonodatel'nyh aktah i postanovlenijah Sovetskogo pravitel'stva (1918–1959)* [River Transport in Instructions of the Communist Party and in Soviet Government Legislation and Decrees (1918–1959)]. Moscow, Rechnoj transport Publ., 1959. 230 p.

18. Spravka sekretarju CK VKP(b) t. G.M. Malenkovu ot zav. transportnym otdelom CK VKP(b) t. Golubeva «O rechnom sudostroenii i organizacii Glavnogo upravlenija rechnoj sudostroitel'noj promyshlennosti NKRF». Mart 1943 g. [Memorandum by the Head of the Transport Section of the Central Committee of the AUCP(b) Golubev to Secretary of the Central Committee of the AUCP(b) G.M. Malenkov "On River Shipbuilding and Creation of the Chief Directorate of River Shipbuilding of the People's Commissariat of River Fleet". March 1943]. *Rossiyskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 124, d. 11. 174 l.

Information About the Author

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

Информация об авторе

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.7>

UDC 94
LBC T3(2)622,12

Submitted: 26.10.2021
Accepted: 22.12.2021

“OIL FACTOR” IN THE PLANNING OF THE GERMAN ARMY’S OFFENSIVE ON STALINGRAD AND THE CAUCASUS (1940–1943) ¹

Vladimir N. Kostornichenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Historians of World War II have in one way or another drawn attention to the role of the “oil factor” when planning military operations of the Nazi German command in their research. In the proposed article the author, for the first time, consistently and comprehensively has traced the evolution of Adolf Hitler’s strategy towards the conquest of the oil fields in the Caucasus as part of the Nazi German government’s plan for world domination. The lower chronological border (1940) is defined by the year when the first military plans of Nazi German’s leadership for capture of oil reserves in the Caucasus were developed. The upper chronological border is defined by the end of the military operations in the city of Stalingrad and in the Caucasus, which put an end to the “global ideas” of the Nazi German command. *Methods and materials.* The methodology of the research is based on the application of both traditional methods of historical and economic sciences (comparative, statistical, problem-chronological) and new approaches (factor analysis, elements of behaviorist method, involving analysis of the actions of actors, procedures for making certain decisions depending on their value priorities, character traits). The author of the article utilized an interdisciplinary approach towards their research, given that it helped to achieve the goal of the study. The conclusions are based on the documents of the national archives, memoirs of military leaders, statistical information, etc. In the course of the work the authors collected and analyzed a significant amount of archival material, examined domestic and foreign historiography on the subject. *Analysis.* Thus, the article has analyzed the indicators of oil balance of Nazi Germany in the certain period and examined peculiarities and changes of the “oil” directives in the military strategic plans of the Nazi German command. *Results.* Through the analysis of Adolf Hitler’s “oil strategy”, the authors of the article have revealed the influence of the “oil factor” in Nazi Germany’s military and political decisions and general causes of failures of the military operations near Stalingrad and the Caucasus.

Key words: The Great Patriotic War, oil, Stalingrad, the Caucasus, Maykop, Khadyzhensk, the German strategy of war.

Citation. Kostornichenko V.N. “Oil Factor” in the Planning of the German Army’s Offensive on Stalingrad and the Caucasus (1940–1943). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 80-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.7>

УДК 94
ББК Т3(2)622,12

Дата поступления статьи: 26.10.2021
Дата принятия статьи: 22.12.2021

НЕФТЬ В ПЛАНАХ НАСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ НА СТАЛИНГРАД И КАВКАЗ (1940–1943 гг.) ¹

Владимир Николаевич Косторниченко

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В своих исследованиях историки Второй мировой войны так или иначе обращали внимание на роль «нефтяного фактора» в планировании военных операций германского командования. В предложенной статье автор впервые последовательно и комплексно проследил эволюцию стратегии А. Гитлера в отношении завоевания нефтяных месторождений Кавказа как элемента германского проекта мирового господства. Нижняя хронологическая граница периода (1940 г.) обусловлена годом разработки первых

военных планов фашистского руководства Германии по захвату «нефтяных резервов» Кавказа. Верхняя граница определена завершением военных операций под Сталинградом и на Кавказе, положившим конец «глобальным идеям» германского командования. *Методы и материалы.* Методология исследования построена на применении как традиционных методов исторической и экономической наук (сравнительный, статистический, проблемно-хронологический), так и новых подходов (факторный анализ, элементы бихевиористского метода, предполагающие анализ поступков акторов, процедур принятия ими тех или иных решений в зависимости от их ценностных приоритетов, особенностей характера). Автор статьи исходил из того, что междисциплинарность данного историко-экономического исследования позволит достичь его цели. Выводы построены на анализе документов отечественных архивов, воспоминаний участников событий, статистической информации и т. п. В ходе работы было обработано значительное количество архивного материала, изучена посвященная нефтяной проблематике отечественная и зарубежная историография. *Анализ.* В результате в статье были проанализированы показатели нефтяного баланса фашистской Германии указанного периода и рассмотрены особенности и изменения «нефтяных» директив в военно-стратегических планах немецкого командования. *Результаты.* Через исследование эволюции «нефтяной стратегии» фюрера был выявлен механизм влияния нефтяного фактора на принятие конкретных военно-политических решений и показаны общие причины неудач операций гитлеровцев под Сталинградом и Кавказом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нефть, Сталинград, Кавказ, Майкоп, Хадзыженск, военно-стратегические планы германского командования.

Цитирование. Косторниченко В. Н. Нефть в планах наступления германской армии на Сталинград и Кавказ (1940–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 80–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.7>

Придя к власти и встав на путь войны, Гитлер был вынужден прибегнуть к политике автаркии. Это означало обособление немецкой экономики в рамках внутреннего рынка, лишение ее прямого доступа к нефти, которая в Германии не добывалась и в которой страна в период индустриализации столь остро нуждалась. Во второй половине 1930-х гг. США, Великобритания, Франция фактически контролировали мировой рынок нефтепродуктов через крупнейшие нефтяные компании. Используя свое влияние, эти страны препятствовали агрессивной политике Гитлера в Европе, ограничив нефтяные поставки Германии [15, с. 163].

Пытаясь решить проблему топливного дефицита, правительство Германии предприняло шаги по уменьшению зависимости от ввозимой из-за рубежа нефти посредством производства инновационного на тот период синтетического топлива. В 1936 г., провозглашая четырехлетний план, направленный на милитаризацию немецкого народного хозяйства, Гитлер заявил, что необходимо развивать собственное производство горючего, так как от этого зависят итоги будущей войны [10, с. 134]. По этому плану производство топлива, синтезируемого из добываемого в Германии угля, должно было увеличиться более чем в четыре раза. Таким образом, к началу мас-

штабных военных действий в 1941 г. в Германии уже действовало около 20 гидрогенизированных заводов, производивших порядка 72 тыс. баррелей синтетического топлива в день, что позволяло покрывать 46 % общего годового объема потребляемых нефтепродуктов [7, с. 352]. Важной характеристикой синтетического горючего было высокое качество топлива, идеально подходившего для самолетов «люфтваффе» и составившего в последующем основную часть всех поставок авиационного бензина.

Другим источником, позволявшим компенсировать нехватку нефти, были поставки из Румынии и России. Зависимая от Германии и обладавшая самыми крупными нефтяными месторождениями в Европе Румыния поставляла на немецкий рынок свыше 60 тыс. баррелей в день в ноябре 1940 г., что на тот момент составляло 54 % общего объема общегерманских экспортных поставок [18, р. 63]. Нефтяной экспорт России в Германию был обусловлен советско-германским договором о поставках от 11 февраля 1940 года. Этот договор, предопределенный, в свою очередь, советско-германским пактом о ненападении 1939 г., был для нее вынужденным: Россия, находящаяся на стадии ускоренного индустриального развития, не обладала в этот период излишками нефтепродуктов. Пытаясь уми-

ротворить Гитлера, Россия поставляла нефтепродукты в Германию с восточно-галицких (бывших польских. – В. К.) месторождений. Объем экспортируемой в Германию советской нефти составлял накануне войны примерно треть от объема румынских поставок. В обмен Россия получала оружие, станки, нефтяное оборудование и т. п. [13, с. 29–41].

Казалось бы, проблему нехватки нефтяных ресурсов решал начавшийся во второй половине 1930-х гг. захват Германией территорий в Европе. Так, до конца 1941 г. Германия присвоила на оккупированном европейском пространстве до 800 тыс. т топлива [8, с. 41]. Однако с каждым новым территориальным «приобретением» дефицит горючего восполнялся лишь временно. Сразу после оккупации захваченные страны оказывались в условиях «экономической блокады», лишались возможности импортировать нефтепродукты и спустя какое-то время начинали предъявлять дополнительный спрос на топливо. Фактически нехватка нефтяных ресурсов, необходимых для развития растущей территории, побуждала милитаристскую Германию к расширению экспансии, раскручивала маховик дальнейшей агрессии.

В июле 1940 г. на заседании правительства Гитлер высказал свои сомнения относительно возможности гарантировать потребности немецкой экономики в нефтяной сфере. «Военные действия последних лет показали, что мы зашли слишком далеко в наших усилиях достигнуть автаркии. Невозможно произвести все, что нам не хватает, с помощью синтетических процессов...» [24, S. 300–301]. Именно тогда Гитлер пришел к заключению о необходимости оккупации советских нефтяных месторождений на Кавказе. В сентябре 1940 г. Гитлер поручил Управлению военной экономики и вооружений Верховного командования армии разработку планов захвата бакинских месторождений.

Первый вариант плана предусматривал овладение «нефтедобывающими районами Кавказа» германским десантом, что давало возможность сохранения месторождений и нефтяных складов. В ноябре 1940 г. начальник Управления военной экономики и снаряжения Георг Томас докладывал отвечающему за экономическое развитие Гер-

мании Герингу свои соображения и расчеты относительно «стремительной» высадки немецких военно-десантных войск на Кавказе [17, р. 149]. Однако удаленность последнего, находящегося тогда на расстоянии в 1,5 тыс. км от немецко-русской границы, делала реализацию подобной военной операции крайне проблематичной. Окончательно «похоронила» этот план германская десантная операция на Крите в мае 1941 года. В ходе оккупации этого острова лучшие немецкие воинские соединения понесли неоправданно высокие потери. Стало очевидным, что в условиях значительной удаленности невозможно обеспечить десант полноценной воздушной и артиллерийской поддержкой на неподготовленных плацдармах. Исходя из этого, Гитлер ввел в дальнейшем категорический запрет на применение десанта в крупных операциях.

Второй вариант захвата советских нефтяных ресурсов разрабатывался в декабре 1940 – июне 1941 г. в рамках секретного стратегического плана нападения на СССР, получившего название «Барбаросса». Так, в директиве № 21 («Барбаросса»), подписанной 18 декабря 1940 г. Йодлем, Кейтелем и Гитлером, говорилось, что «конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск – Волга. Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале будет парализована с помощью авиации» [11, л. 14].

Детальная подготовка экономического раздела плана, получившего название «Ольденбург», была поручена рейхсмаршалу Герингу. В этом документе, принятом не позднее 16 июня 1941 г., отмечалось, что «главной экономической целью кампании является получение для Германии как можно большего объема продовольствия и нефти» [6, л. 1]. «...Все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны при всех случаях стоять на первом месте» [6, л. 2]. Планировалось, что при определяющем участии немецкого государства «в нефтяных районах (в первую очередь на Кавказе)» будет создано Континентальное нефтяное акционерное общество, осуществляющее добычу на местах и топливные поставки в Германию [6, л. 2]. Общий

контроль за освоением Кавказского района предполагали передать специально созданной инспекции «Вестфалия», центр которой намеревались разместить в Баку [9, л. 122].

Особое внимание, уделенное в плане «Ольденбург» захвату нефтяных ресурсов, было в известной степени следствием пессимистического прогноза относительно топливного баланса немецкой армии в случае реализации плана «Барбаросса». В основу «неутешительной» оценки легли расчеты, проведенные специалистами германского Управления военной экономики и снаряжения. В соответствии с этими вычислениями первоначально (ноябрь 1940) предполагалось, что во время осуществления военной операции потребности армии в топливе должны составить 65 тыс. баррелей в день, или на 45 % больше, чем потреблялось всей германской армией с сентября 1939 года. К июню 1941 г. немецкие планировщики пересмотрели прогноз до более реалистичной цифры в 110 тыс. баррелей в день, в частности, было учтено, что в 1941 г. дороги с твердым покрытием в СССР составляли всего 3 % [18, р. 62].

Окончательный отчет по ситуации с топливом был представлен главе Генерального штаба сухопутных сил Францу Гальдеру буквально за несколько дней до 22 июня 1941 года. В нем говорилось: «Осенью запасы горючего будут исчерпаны. Запасы авиабензина составят лишь $\frac{1}{2}$ потребности; автобензина – $\frac{1}{4}$; дизельного горючего и жидкого топлива – $\frac{1}{2}$ потребности» [3, с. 705]. Таким образом, германское командование было осведомлено о жестких ограничениях на нефтяные ресурсы, что определило его ставку на стратегию «молниеносной войны» («блицкрига») в кампании против СССР.

По воспоминаниям видного немецкого военачальника Хайнца Гудериана, в июне 1941 г. Ф. Гальдер считал, что для разгрома России потребуется не более 8–10 недель [5, с. 84], то есть фактически до осени 1941 года. Главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич также предсказывал быструю победу в войне: «Ожидаются массированные пограничные бои; продолжительностью до четырех недель. В дальнейшем развитии придется считаться лишь с незначительным сопротивлением...» [20, р. 400].

Руководитель танковых войск Х. Гудериан, считавший подобные высказывания «авантюристами», отмечал: «Прошлые успехи, особенно победа на западе, одержанная в столь неожиданно короткий срок, так затуманили мозги руководителям нашего верховного командования, что они вычеркнули из своего лексикона слово “невозможно”. Все руководящие лица верховного командования вооруженных сил и главного командования сухопутных сил, с которыми мне приходилось разговаривать, проявляли непоколебимый оптимизм и не реагировали ни на какие возражения» [5, с. 85].

Начало войны с СССР подтвердило ошибочность стратегии германского руководства, полагавшего на «блицкриг». При всем внешнем успехе неожиданного нападения 22 июня 1941 г. германская армия оказалась скованной в своем продвижении. Героизм и упорство советских солдат показали несостоятельность плана «Барбаросса». Германские войска испытывали противодействие на каждом участке фронта. Их продвижение по направлению к Москве представляло собой на карте множество зигзагообразных линий, когда наступающим войскам приходилось возвращаться назад, чтобы преодолевать сопротивление. Все это требовало от Германии дополнительных человеческих и материальных ресурсов, в том числе и топливных. Задержки с поставками горючего, их недостаточность и несвоевременность также значительно ограничивали мобильность немецкой армии.

Существенные недостатки были выявлены в координации действий войск, впервые действовавших на столь значительных пространствах. Танковые подразделения в ходе боевых действий были способны продвигаться на расстояние до 60 км без дозаправки, в то время как обычные пехотные соединения могли пройти только половину этого расстояния. Таким образом, бронетанковым войскам приходилось регулярно ждать пехоту с тем, чтобы не попасть в окружение. Захваченное в ходе блицкрига дизельное топливо, которым заправляли советские танки Т-34 и КВ, было бесполезно для немецких танковых частей, работавших на бензине.

Захват Германией галицийских месторождений на Западной Украине не привел к уменьшению топливного дефицита. Нефтяная

хозяйственная команда «S» достигла Дрогобыча, центра восточно-галицких месторождений, уже 24 июня 1941 года. Однако воспользоваться захваченным удалось далеко не сразу. Советские нефтяники, уходя, серьезно повредили скважины, уничтожили крупнейший нефтеперерабатывающий завод региона. Восстановление этой территории выходило за рамки возможностей хозяйственной команды «S», завод был передан в управление предприятию Beskiden GmbH, до этого управлявшему с 1939 г. западно-галицкими месторождениями. В дальнейшем хозяйственная команда «S» была включена в состав хозяйственной команды «R» (Ромны), которая, в свою очередь, была переброшена на захваченные гитлеровскими войсками небольшие Ромненские нефтяные месторождения, находившиеся на северо-востоке Украины [18, р. 74].

Германская армия с самых первых дней вторжения испытывала трудности с поставками топлива. Так, уже через три дня после вторжения, 25 июня 1941 г. советские бомбардировщики нанесли четыре отдельных удара по румынским нефтяным скважинам и нефтеперерабатывающим заводам в Плоешти, а также по складским сооружениям в соседней Констанце. В результате этой воздушной атаки, проведенной с территории Крыма, было выведено из строя 2 нефтеперегонных завода, уничтожено примерно 200 цистерн и т. п. Потери советской авиации были значительными, тем не менее в дальнейшем налеты на румынские нефтяные объекты происходили почти ежедневно, вплоть до середины октября 1941 г., когда территория Крыма подверглась нападению германских войск [16, с. 293–380]. Кроме того, начиная с июля 1941 г. румынская сторона заявляла германскому руководству о прогрессирующем истощении румынских месторождений, обосновывая сокращение поставок.

В августе 1941 г. группы германских армий «Север» и «Центр» были вынуждены остановить наступление из-за исчерпания запасов топлива. В тыловых районах снабжения этих армий полностью отсутствовали резервы горючего и необходимо было время для восстановления запасов [23, р. 121].

Затруднительная ситуация с поставками топлива привела к изменению военных планов Гитлера. Если 18 августа 1941 г. им был под-

писан приказ о необходимости взять Москву, то спустя трое суток в своей директиве от 21 августа 1941 г. (исх. № 441412/41) он отменял этот приказ и заявлял, что главной целью «является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угледобывающих районов по реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа» [4, с. 271]. В ходе всей осени 1941 г. Гитлер продолжал колебаться при определении направления главного удара, что вносило разлад в действия других руководителей вермахта.

Уже к концу осени 1941 г. стало очевидным, что главная цель операции «Барбаросса» – разгром СССР за время одной осенне-летней кампании – не была достигнута и ставка на блицкриг провалилась. Наоборот, зимой 1941–1942 гг. советские войска перешли в контрнаступление под Москвой, отодвинув германские войска на 100–300 километров.

5 апреля 1942 г. в директиве № 41 Гитлер фактически утвердил новую стратегию боевых действий, целью которой было, с одной стороны, лишить СССР важнейших военно-экономических центров, а с другой – «добиться прорыва в район Кавказа». В документе отмечалось, что «все имеющиеся в распоряжении Германии силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет» [19, с. 183]. При этом все наступательные действия на северо-западе СССР откладывались до лучших времен [19, с. 184]. Директива определила проведение целой серии последующих военных операций. Вначале планировалось овладеть Воронежем (так называемый план «Блау»), выйти к Ростову и Сталинграду (план «Брауншвейг»), а затем, разрушив Сталинград (операция «Фишрайхер») и установив контроль над Волгой, завладеть нефтедобывающими районами Северного Кавказа и Баку (операция «Эдельвейс») [14, с. 71, 73, 84, 529].

Одной из главных причин смены стратегии стал острый дефицит горючего в германской армии. Штаб Верховного командования пришел к выводу, что ситуация с топливом «катастрофическая» и «не может быть исправлена обычными средствами» [25, с. 240].

Горючего для вермахта и люфтваффе оставалось критически мало. Только треть того количества, которое Германия накопила в 1941 г., была доступна для нужд армии теперь, год спустя. Германскому руководству приходилось уповать на получение советской нефти. Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, выступая в качестве свидетеля на заседании Международного военного трибунала, утверждал, что в июне 1942 г. в ходе совещания с командующими группы армий «Юг» Гитлер заявлял: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, тогда я должен буду покончить с этой войной» [12, р. 287; 20, р. 260].

Осуществляя план «Блау», германские армии предприняли успешное наступление на направлении Воронежа и Ростова в июле 1942 года. Именно тогда вновь сформированная немецкая группа армий «А» должна была создать фланговую оборонительную линию на северо-восток вдоль реки Дон, на юг от Воронежа. Этой группе армий было поручено выйти к восточному побережью Черного моря и наступать на Грозный и Баку.

Одновременно германское руководство приступило к формированию внушительной хозяйственной команды «К» (Кавказ), сферой деятельности которой являлся главный экономический «приз» немецкой экспансии – Кавказские нефтяные месторождения. Основу этого специального инженерного подразделения составили 500 немецких специалистов-нефтяников. Осенью 1941 г. по решению Геринга эта команда была преобразована в Техническую нефтяную бригаду, специально созданную для захвата и эксплуатации Кавказских нефтяных месторождений. В ней состояли 8 тыс. немецких солдат и офицеров, основная часть из которых прошла подготовку по разным специальностям нефтяного дела в Румынии, остальные военнослужащие были обучены в школе бурильщиков в городе Целле (Нижняя Саксония) [18, с. 75]. Также в состав бригады были включены советские военнопленные, имеющие опыт работы в нефтяной добыче. На начало лета 1942 г. Техническая нефтяная бригада представляла собой внушительную организацию общей численностью 15 000 человек.

19 июля 1942 г. Геринг вызвал руководство Технической нефтяной бригады в свой

штаб, чтобы обсудить планы разработки кавказских нефтяных месторождений. В ходе совещания было определено, что материальное оснащение бригады (включавшее 220 бурильных установок), предназначенное для Кавказской нефтяной экспедиции, составит на начальный период 200 млн рейхсмарк [18, с. 181].

Руководство Советского Союза было осведомлено о планах фашистского руководства. В начале июля 1942 г. Сталин вызвал к себе одного из руководителей отечественного нефтепрома Н.К. Байбакова. В ходе разговора с ним он поставил следующую задачу: «Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам... Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем... Но, если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит не придет, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем» [1, с. 60; 2, с. 12]. Уже на следующий день по решению совета Государственного совета обороны была сформирована оперативная группа во главе с Н.К. Байбаковым и С.М. Буденным, перед которой стояла задача вывести из строя скважины Майкопского региона, находящегося под угрозой германской оккупации. Специальным самолетом участники группы вылетели в Краснодар, а оттуда на автомобилях к штабу фронта, находящемуся в станице Белореченской. Первые попытки вывести из строя нефтяные скважины были проведены в основных центрах кубанской нефтепромышленности – станице Хадыженской и Апшеронской. В этих работах принимали участие британские нефтяники, которые имели опыт уничтожения скважин на Северном Борнео накануне оккупации этого острова японскими войсками. Однако была принята отечественная технология консервации [2, с. 15–16]. Н.К. Байбаков вспоминает: «Трудно передать состояние людей в Хадыжах, взрывавших то, что недавно создавалось своими руками. При подрыве первых нефтеперекачивающих и компрессорных станций невозможно было сдерживать слезы. Но, понимая, что врагу не должна достаться наша нефть, мы быстро и вов-

ремя реализовали все разработанные мероприятия» [1, с. 65]. Одновременно с этим на промыслах был проведен демонтаж нефтяного оборудования, которое направлялось в восточные районы СССР. До момента оккупации в августе 1942 г. нефтяники Кубани отправили в Поволжье, в район так называемого «Второго Баку», около 600 вагонов с нефтеоборудованием, а также перевезли на грозненский нефтеперерабатывающий завод уже добытую нефть краснодарских месторождений [2, с. 19].

В это же время, 16 июля 1942 г., военнослужащие Технической нефтяной бригады общей численностью 6 тыс. чел. покинули Берлин и к началу августа были собраны и расквартированы в Бердянске. Передовой технический батальон бригады, состоящий из 350 инженеров и геологов, немедленно двинулся вместе с войсками на Майкоп. Боевое крещение немецкое нефтяное подразделение прошло 10 августа, когда, подойдя к Майкопу, столкнулось с неожиданно сильным сопротивлением советских войск. В первом же столкновении двадцать бойцов технического нефтяного батальона были убиты и шестьдесят ранены. Двумя днями ранее майор Эрих Уилл, сыгравший ключевую роль в организации Технической нефтяной бригады, погиб в катастрофе транспортного самолета [18, р. 182].

15 августа германские танковые части вышли к ближайшим нефтяным объектам в районе Майкопа. Их первый осмотр боевыми офицерами показал, что нефтяные поля и оборудование практически не пострадали. Но позже группа опытных техников из бригады сообщила, что скважины полностью разрушены и быстро возобновить производство невозможно. Майкопские месторождения, согласно подробному отчету горного инженера Шлихта, были «выжжены так основательно, как только может быть выжжено нефтяное месторождение». По его свидетельству, «русские» тщательно уничтожили все, вплоть до небольших ручных инструментов в мастерских. Скважины были забиты бетоном, необходимо было бурить новые. В дальнейшем немцы пытались возобновить добычу, но работу по восстановлению нефтяных месторождений значительно усложняли русские партизаны, которые проникали на нефтяные поля и продолжали взрывать объекты [1, с. 66–67; 20, с. 75].

Несмотря на это, немцы начали восстанавливать нефтедобычу с майкопских месторождений к декабрю 1943 года. Их оборудование включало в тот период 100 буровых установок глубокого бурения, 225 конвейерных установок и десять перегонных установок общим весом 80 000 т и стоимостью 80 млн рейхсмарок [22, S. 216 f.].

Отчет за январь 1943 г. показал, что тринадцать действующих скважин производили семьдесят баррелей в день. Добыча была ничтожно мала, но прогноза в 2 000 баррелей в день к апрелю и 26 000 к концу 1943 г. было достаточно, чтобы оправдать продолжение работы Технической нефтяной бригады [18, с. 183].

Другие северо-кавказские нефтяные месторождения (нефтяные поля Грозного и Дагестана) так и остались вне досягаемости Германии. Военная директива Гитлера № 45 от 23 июля сделала Сталинград, которому ранее не придавалось особого значения, ключевой целью всей кампании. В силу этого группа армий «А», 1-я танковая армия Эвальда фон Клейста и др. соединения, действующие на Кавказе, лишались топливного снабжения и были вынуждены оказывать поддержку войскам, находящимся под Сталинградом. И хотя 3 сентября 1942 г. Моздокская группировка немецких войск перешла в наступление на Грозный, ресурсов для реализации этой операции оказалось недостаточно. Командующий 1-й танковой армией Фон Клейст указывал в своих воспоминаниях: «Мы все еще могли бы достичь нашей цели, если бы мои силы не были постепенно оттянуты, чтобы помочь наступлению на Сталинград» [21, р. 303]. Его слова свидетельствуют о том, что одной из причин провала германской армии в 1942–1943 гг. явилось стремление Гитлера захватить Сталинград и кавказские нефтяные месторождения практически одновременно. Реализация планов фюрера привела к распылению топливных и человеческих ресурсов, значительно ухудшив положение германских войск.

В октябре 1942 г. советские войска на этом участке фронта перешли в наступление. Окончательно потеряв инициативу, немецкие войска приступили в середине октября к яростной бомбардировке грозненских нефтепро-

мыслов, нефтеперерабатывающих заводов и нефтехранилищ. Пожары удалось потушить в течении нескольких дней, работа промыслов была восстановлена [18, р. 183].

Немецкий технический батальон вернулся в Майкоп 7 декабря, но уже спустя месяц, в середине января, стало ясно, что положение германской армии в этом регионе катастрофично и она должна быть полностью выведена с территории Кавказа. Приказ об эвакуации был отдан 18 января 1943 г. [18, р. 184]. К концу месяца Майкоп был вновь занят советскими войсками. По иронии судьбы, всего за несколько дней до получения окончательного приказа об отступлении инженеры технического батальона обнаружили район близ Майкопа, где добывали высококачественную нефть, дававшую бензин в большом количестве.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом окончательно поставил крест на планах гитлеровцев по захвату крупнейших нефтяных ресурсов, а следовательно и на их амбициях к мировому господству. 25 февраля 1943 г. Центральное плановое управление в Берлине официально ликвидировало Техническую нефтяную бригаду [18, р. 185], вычеркнув ее из списков вооруженных сил.

Нефтяная составляющая планирования фюрера, несмотря на все его заявления на этот счет, оказалась слабым звеном общей стратегии командования фашистской Германии. В ходе осуществления военных планов Гитлер откровенно пренебрегал нефтяным фактором, постоянно меняя цели кампании и направления ударов войск. Окончательный провал нефтяной политики фюрера под Сталинградом и Кавказом поколебал уверенность сторонников Гитлера в победоносной стратегии германского фашизма, знаменовал крах германского проекта мирового господства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья рекомендована к публикации по итогам III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации» (Волгоград, Музей-заповедник «Сталинградская битва», 2021 г.). Замысел этой статьи возник у автора в ходе научных бесед с видным специалистом по изучению военной тематики

М.М. Загоруйко. Максим Матвеевич высказал принципиально важную идею о необходимости исследования эволюции нефтяной стратегии Германии в годы Второй мировой войны через рассмотрение военно-стратегических планов немецкого высшего командования. Ценные методические замечания М.М. Загоруйко по экономическим аспектам проблематики Сталинградской битвы оказали существенную помощь при написании статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбаков, Н. К. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. От Сталина до Ельцина / Н. К. Байбаков. – М. : Фонд инноваций им. Н.К. Байбакова, 2011. – 349 с.
2. Байбаков, Н. К. Нефтяной фронт / Н. К. Байбаков. – М. : Газойл пресс, 2006. – 92 с.
3. Гальдер, Ф. Военный дневник. 1940–1941 / Ф. Гальдер. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 765 с.
4. Гальдер, Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942 / Ф. Гальдер. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. – 650 с.
5. Гудериан, Х. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Х. Гудериан. – М. : Центрполиграф, 2012. – 572 с.
6. Директивы по руководству экономикой («Зеленая папка»). Ч. 1-я, Берлин, июнь 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 148. – Д. 14. – 76 л.
7. Ергин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин. – М. : ДеНово, 1999. – 936 с.
8. Загоруйко, М. М. Крах плана «Ольденбург» : (О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР) / М. М. Загоруйко, А. Ф. Юденков. – 3-е изд. доп. – М. : Экономика, 1980. – 376 с.
9. Из записи совещания с представителями различных частей вооруженных сил, состоявшегося у начальника управления экономики и вооружения генерала Томаса 29 апреля 1941 г. Об организационной структуре экономической части операции «Барбаросса» // ГАРФ. – Ф. Р-7445. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 118–126.
10. Из секретного меморандума Адольфа Гитлера от 26 августа 1936 года о «четырёхлетнем плане» // Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении Второй мировой войны / под ред. Г. Я. Александрова и М. О. Рагинского. – М. : Прогресс, 1971. – С. 130–137.

11. Книга документов обвинения СССР и приложения к ним. Протокольная запись совещания А. Гитлера с руководством вермахта // ГАРФ. – Ф. Р-7445. – Оп. 1. – Д. 1666. – 211 л.

12. Материалы допроса свидетеля советского обвинения бывшего генерала-фельдмаршала германской армии Ф. Паулюса на заседании Международного военного трибунала // ГАРФ. – Ф. Р-7445. – Оп. 1. – Д. 24. – ИМТ. – Vol. 7. – Р. 279–364.

13. Сиполс, В. Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов / В. Я. Сиполс // Новая и новейшая история. – 1997. – № 2. – С. 29–41.

14. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : энциклопедия / Л. В. Николаева [и др.] ; редкол.: М. М. Загорулько (гл. ред. и рук. авт. коллектива) [и др.] ; Администрация Волгоградской обл. [и др.]. – 6-е изд., доп. – Волгоград : Издатель, 2015. – 808 с.

15. Тьюхенхэт, К. Нефть. Самый большой бизнес / К. Тьюхенхэт, А. Гамильтон. – М. : Прогресс, 1978. – 485 с.

16. Хазанов, Д. Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки / Д. Б. Хазанов. – М. : Яуза : Эксмо, 2006. – 416 с.

17. Cecil, R. Hitler's Decision to Invade Russia, 1941 / R. Cecil. – N. Y. : David McKay Company, 1976. – 200 p.

18. Goralsky, R. Oil & War: How the Deadly Struggle for Fuel in WWII Meant Victory or Defeat / R. Goralsky, R. Freeburg. – N. Y. : William Morrow, 1987. – 384 p.

19. Hitlers Weisungen für die Kriegführung, 1939–1945: die Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht / hrsg. von Walther Hubatsch. – München : Dt. Taschenb. Verl., 1965. – 376 S.

20. International Military Tribunal. Vol. XXVI. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, Germany: 14 November 1945 – 1 October 1946. – Nuremberg : [s. n.]. – 1947. – 705 p.

21. Liddell Hart, B. H. The Other Side of the Hill / B. H. Liddell Hart. – L. : Cassell and Co., 1948. – 320 p.

22. Karlsch R., Stokes R. Der Faktor Öl – Die Mineralölwirtschaft in Deutschland 1875 bis 1974 / R. Karlsch, R. Stokes. – München, Biederstein Verlag, 2004. – 415 S.

23. Murray, W. Strategy for Defeat / W. Murray. – Alabama : Air University-Air University Press-Maxwell Air Force Base, 1983. – 392 p.

24. Thomas, G. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45) / G. Thomas. – Boppard am Rhein : Boldt, 1966. – XV, 552 S.

25. Warlimont, W. Inside Hitler's Headquarters, 1942–1945 / W. Warlimont. – N. Y. : Praeger, 1964. – 658 p.

REFERENCES

1. Bajbakov N.K. *Sobranie sochinenij. V 10 t. T. 5. Ot Stalina do Yeltsina* [Collected Works. In 10 Vols. Vol. 5. From Stalin to Yeltsin]. Moscow, Fond innovacij im. N.K. Bajbakova, 2011. 349 p.

2. Bajbakov N.K. *Neftyanoj front* [Oil Front]. Moscow, Gazojl press Publ., 2006. 92 p.

3. Gal'der F. *Voennyj dnevnik. 1940–1941* [War Diary. 1940–1941]. Moscow, AST Publ.; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003. 765 p.

4. Gal'der F. *Voennyj dnevnik. 22.06.1941–24.09.1942* [War Diary. June 22, 1941 – September 24, 1942]. Moscow, OLMA-PRESS Zvezdnyj mir Publ., 2004. 650 p.

5. Guderian H. *Vospominaniya nemetskogo generala. Tankovye vojska Germanii vo Vtoroj mirovoj vojne. 1939–1945* [Memoirs of a German General. German Tank Forces in World War II. 1939–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012. 572 p.

6. Direktivy po rukovodstvu ekonomikoj («Zelenaya papka»). Ch. 1-ya, Berlin, iyun' 1941 g. [Economic Directives (“Green Folder”). Part. 1. Berlin, June 1941]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)], f. r-7021, inv. 148, d. 14. 76 l.

7. Ergin D. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za nefi', den'gi i vlast'* [The Prize. The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. Moscow, DeNovo Publ., 1999. 936 p.

8. Zagorul'ko M.M., Yudenkov A.F. *Krah plana «Ol'denburg»: (O sryve ekonomicheskikh planov fashistskoj Germanii na vremennno okkupirovannoj territorii SSSR)* [The Collapse of the Oldenburg Plan (About the Disruption of the Economic Plans of Nazi Germany in the Temporarily Occupied Territory of the USSR)]. Moscow, Ekonomika Publ., 1980. 376 p.

9. Iz zapisi soveshchaniya s predstavatelyami razlichnyh chastej vooruzhennyh sil, sostoyavshegosya u nachal'nika upravleniya ekonomiki i vooruzheniya generala Tomasa 29 aprelya 1941 g. Ob organizacionnoj strukture ekonomicheskoy chasti operacii «Barbarossa» [Extract from the Recording of a Meeting with Representatives of Various Parts of the Armed Forces Held at the Office of the Head of the Department of Economy and Armament, General Thomas, on April 29, 1941. About the Organizational Structure of the Economic Part of Operation “Barbarossa”]. *GARF* [SARF], f. r-7021, inv. 2, d. 145, l. 118–126.

10. Iz sekretnogo memorandumа Adol'fa Gitlera ot 26 avgusta 1936 goda o «chetyrekhletnem plane» [Extract from Adolf Hitler's Secret Memorandum of August 26, 1936 on the “Four-Year Plan”]. Aleksandrov G.Ya., Raginskiy M.O., eds. *Anatomiya vojny: Novye dokumenty o roli germanskogo*

monopolisticheskogo kapitala v podgotovke i vedenii Vtoroj mirovoj vojny [The Anatomy of War: New documents on the Role of German Monopoly Capital in the Preparation and Conduct of World War II]. Moscow, Progress Publ., 1971, pp. 130-137.

11. Kniga dokumentov obvineniya SSSR i prilozheniya k nim. Protokol'naya zapis' soveshchaniya A. Gitlera s rukovodstvom vermahta [The Book of Documents of the USSR, Charges and Appendices. Protocol Recording the Meeting of A. Hitler with the Wehrmacht's Leadership]. GARF [SARF], f. r-7445, inv. 1, d. 1666. 211 l.

12. Materialy doprosa svidetelya sovetskogo obvineniya byvshego generala-fel'dmarshala germanskoj armii F. Paulyusa na zasedanii Mezhdunarodnogo voennogo tribunala [Materials of the Interrogation of the Witness of the Soviet Prosecution of the Former Field Marshal of the German Army F. Paulus or the Sessions of the International Military Tribunal]. GARF [SARF], f. r-7445, inv. 1, d. 24. IMT, vol. 7, pp. 279-364.

13. Sipols V. Ya. Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya mezhdru SSSR i Germaniej v 1939–1941 gg. v svete novyh arhivnyh dokumentov [Trade and Economic Relations Between the USSR and Germany in 1939–1941 in the Light of New Archival Documents]. *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1997, no. 2, pp. 29-41.

14. Zagorul'ko M. M., ed., Nikolaeva L. V. et al. *Stalingradskaya bitva. Iyul' 1942 – fevral' 1943: enciklopediya* [The Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2015. 808 p.

15. Tugendhat C., Hamilton A. *Neft'. Samyj bol'shoj biznes* [Oil. The Biggest Business]. Moscow, Progress Publ., 1978. 485 p.

16. Hazanov D. B. 1941. *Vojna v vozduhe. Gor'kie uroki* [1941. The War is in the Air. Bitter Lessons]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006. 416 p.

17. Cecil R. *Hitler's Decision to Invade Russia, 1941*. New York, David McKay Company, 1976. 200 p.

18. Goralsky R., Freiburg R. *Oil & War: How the Deadly Struggle for Fuel in WWII Meant Victory or Defeat*. New York, William Morrow, 1987. 384 p.

19. Hubatsch W., hrsg. *Hitlers Weisungen für die Kriegführung, 1939–1945: die Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht*. München, Dt. Taschenb. Verl., 1965. 376 S.

20. *International Military Tribunal. Vol. 26. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal, Nuremberg, Germany: 14 November 1945 – 1 October 1946*. Nuremberg, s. n., 1947. 705 p.

21. Liddell Hart B. H. *The Other Side of the Hill*. London, Cassell and Co., 1948. 320 p.

22. Karlsch R., Stokes R. *Der Faktor Öl – Die Mineralölwirtschaft in Deutschland 1875 bis 1974*. München, Biederstein Verlag, 2004. 415 S.

23. Murray W. *Strategy for Defeat*. Alabama, Air University-Air University Press-Maxwell Air Force Base, 1983. 392 p.

24. Thomas G. *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45)*. Boppard am Rhein, Boldt, 1966, 15. 552 S.

25. Warlimont W. *Inside Hitler's Headquarters, 1942–1945*. New York, Praeger, 1964. 658 p.

Information About the Author

Vladimir N. Kostornichenko, Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Historical Sciences and Archival Studies, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, kostornichenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0723-6385>

Информация об авторе

Владимир Николаевич Косторниченко, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, kostornichenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0723-6385>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.8>

UDC 930.272
LBC 63.3

Submitted: 03.09.2021
Accepted: 19.01.2022

**THE DESIGN ENGINEER'S M.I. KOSHKIN MEMORANDUM
ON THE PROGRESS OF WORK OF NEW ARTILLERY SYSTEMS CREATION
IN THE KIROV'S PLANT DESIGN BUREAU
(From the Funds of the Central State Archive
of Historical and Political Documents of Saint Petersburg)**

Andrei M. Riabkov

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander L. Kleitman

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstracts. Introduction. The publication is devoted to an urgent topic: the history of the creation of artillery weapons systems in the pre-war USSR (1930s). Until recently, in Soviet and Russian historiography, the work of design bureaus of those years was judged by the memoirs of Colonel-General and designer of artillery weapons Vasilii Grabin and his employees, who on the eve of the war won the fight for the right to transfer new artillery guns to mass production. Grabin's main competitor, Ivan Makhanov, was remembered only as "a talented engineer who was unjustly convicted and perished in Stalin's dungeons". **Materials.** In the process of preparing for the publication of Makhanov's memoirs one of the authors of this article, Andrei Riabkov, identified among the recently declassified documents and prepared for publication a memo from design engineer Mikhail Koshkin, which contains a thorough analysis of the progress of creating new artillery systems at the Kirov plant. This note allows us to critically comprehend the memoirs of both Makhanov and Grabin. **Analysis.** Ivan Makhanov was prone to technical risk, but due to the lack of managerial experience and the desire to take on "everything", he rarely managed to bring his ideas to implementation in reliably working structures. **Results.** By the end of the 30s of the twentieth century, he acquired the necessary knowledge and experience, several tools of his development were put into a series, but the arrest and imprisonment of Makhanov and some of his subordinates in the IITL on charges of "conscious sabotage and espionage" ultimately put an end to these developments. The published document can also be used in a special biographical study to assess the human qualities of Mikhail Koshkin.

Key words: USSR, creation of the military-industrial complex, rearmament of the Red Army, Leningrad City Committee of the CPSU(b), Kirov plant, creation of new artillery systems.

Citation. Riabkov A.M., Kleitman A.L. The Design Engineer's M.I. Koshkin Memorandum on the Progress of Work of New Artillery Systems Creation in the Kirov's Plant Design Bureau (From the Funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 90-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.8>

**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ИНЖЕНЕРА-КОНСТРУКТОРА М.И. КОШКИНА
О ХОДЕ РАБОТ ПО СОЗДАНИЮ НОВЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ СИСТЕМ
В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО КИРОВСКОГО ЗАВОДА
(из фондов Центрального государственного архива
историко-политических документов Санкт-Петербурга)**

Андрей Маркович Рябков

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский Институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Леонидович Клейтман

Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Публикация посвящена истории создания систем артиллерийского вооружения в довоенном СССР (1930-е гг.). До недавнего времени в советской и российской историографии о работе конструкторских бюро тех лет судили по воспоминаниям генерал-полковника и конструктора артиллерийских вооружений В.Г. Грабина и его сотрудников, которые накануне войны одержали победу в борьбе за право передачи в серийное производство новых артиллерийских орудий. О его главном конкуренте – И.А. Маханове вспоминали лишь как о «талантливом инженере, несправедливо осужденном и сгинувшем в сталинских застенках». В процессе подготовки к изданию воспоминаний последнего один из авторов этой статьи, А.М. Рябков, выявил среди недавно рассекреченных документов и подготовил к печати служебную записку инженера-конструктора М.И. Кошкина, которая содержит обстоятельный анализ хода создания новых артиллерийских систем на Кировском заводе. Эта записка позволяет как критически осмыслить мемуары И.А. Маханова и В.Г. Грабина, так и выявить новые черты личности М.И. Кошкина. По мнению последнего, И.А. Маханов был склонен к техническому риску, но из-за отсутствия управленческого опыта и стремления братья за все, ему редко удавалось довести свои идеи до воплощения в надежно работающих конструкциях. К концу 30-х гг. XX в. он приобрел необходимые знания и опыт, несколько орудий его разработки были запущены в серию, но арест и заключение конструктора и части его подчиненных в исправительно-трудовой лагерь по обвинениям в «сознательном вредительстве» и «шпионаже» в итоге положили конец этим разработкам. *Вклад авторов.* А.М. Рябков выявил и подготовил к публикации служебную записку М.И. Кошкина. Вступительная статья и комментарии к тексту источника подготовлены совместно А.М. Рябковым и А.Л. Клейтманом.

Ключевые слова: СССР, создание ВПК, перевооружение РККА, Ленинградский горком ВКП(б), Кировский завод, создание новых артиллерийских систем.

Цитирование. Рябков А. М., Клейтман А. Л. Служебная записка инженера-конструктора М.И. Кошкина о ходе работ по созданию новых артиллерийских систем в конструкторском бюро Кировского завода (из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 90–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.8>

Введение. В современной исторической и публицистической литературе ведутся многочисленные дискуссии о том, почему, несмотря на затраченные на подготовку к войне силы

и средства, на титанические усилия народа и руководства, летом 1941 г. СССР едва не постигла катастрофа. Большое значение в поисках ответа на этот вопрос играет ввод в науч-

ный оборот ранее неизвестных источников – рассекреченных документов, дневников, воспоминаний не только государственных деятелей, военачальников, но и руководителей военно-промышленного комплекса. Одним из таких руководителей был главный конструктор артиллерийского бюро Кировского завода в Ленинграде Иван Абрамович Маханов¹.

До последнего времени об И.А. Маханове было известно лишь по лаконичным упоминаниям в мемуарах конструктора артиллерийских вооружений В.Г. Грабина и отдельным публикациям документов, которые явно не давали возможности составить полное и объективное представление о жизни и работе этого далеко не заурядного человека [11; 14; 20]. Вопреки утвердившемуся в литературе мнению, И.А. Маханов не погиб в эпоху массовых репрессий [1; 2, с. 15–21; 4, с. 17–33, 35–47; 8; 10]. В тюрьмах и лагерях конструктор провел 16 лет. Вернувшись в Ленинград, он приступил к написанию мемуаров, ставших важным источником при изучении истории военно-промышленного комплекса СССР, научно-технического сотрудничества со странами Запада, большого террора, лагерей и тюрем [5; 6; 9; 12; 13; 15–17].

Методы. В процессе подготовки к изданию воспоминаний И.А. Маханова один из авторов этой статьи, А.М. Рябков, выявил дополнительный источник – служебную записку Михаила Ильича Кошкина² (одного из будущих создателей танка Т-34), датированную 1936 г., которая содержит обстоятельный анализ работы возглавляемого И.А. Махановым конструкторского бюро.

Анализ. В 1934–1936 гг. М.И. Кошкин работал в Конструкторском отделе завода Опытного машиностроения³ им. Кирова (завод № 185)⁴, где быстро прошел путь от рядового конструктора до заместителя начальника отдела. Летом 1936 г. М.И. Кошкин провел две инспекции родственных по профилю конструкторских бюро (далее – КБ) Кировского завода – ОКБ-1 (артиллерийского) и ОКБ-2 (танкового). Начальник Кошкина, директор завода № 185 Н.В. Барыков в тот же отрезок времени проинспектировал артиллерийское КБ завода «Большевик». Причина делегирования руководителям достаточно высокого ранга инспекторских функций пока не вполне ясна, однако в своей служебной записке, написанной в июне – июле

1936 г., М.И. Кошкин постарался максимально объективно оценить работу артиллерийского КБ Кировского завода. Документ открывает возможность получить относительно независимую от мнения как И.А. Маханова, так и его главного конкурента – В.Г. Грабина оценку достижений и неудач кировцев [3; 7; 9] и сделать картину событий тех лет чуть более объективной.

Жизненный и карьерный пути И.А. Маханова были во многом характерны для молодого человека, рожденного в начале XX столетия. Нелегкое детство, участие в гражданской войне, вступление в ВКП(б), спешная учеба с целью наверстать упущенное время.

В 1926 г. после ревизии и последующей доработки выпущенных ранее и хранившихся на заводе «Красный Путиловец» пушек, руководство СССР приняло решение о возобновлении производства на нем артиллерийских вооружений. Артиллерийский конструкторский отдел возглавил его прежний, еще «дореволюционный» руководитель Ф.Ф. Лендер, который привлек к работе своих учеников из старших курсов Артиллерийской академии, среди которых был И.А. Маханов [5, с. 361–363].

В сентябре 1927 г. Ф.Ф. Лендер скончался. Его дело продолжили конструкторы с дореволюционным стажем К.И. Липницкий, А.Г. Дукельский и другие. Пришедший на завод в 1928 г. энергичный и амбициозный молодой коммунист инженер-конструктор И.А. Маханов был не удовлетворен рутинной работой. Без санкции начальников-ветеранов он принял участие в объявленном Артиллерийским управлением РККА конкурсе на создание батальонной, а затем и корпусной мортиры, чем спровоцировал острый конфликт с группой «старых» инженеров-конструкторов [19, ф. 1728, оп. 1, д. 198000, л. 3–6].

В декабре 1929 г. И.А. Маханов был назначен заведующим технической конструкторской конторой «отдела № 1». В 1933 г. «за выдающиеся успехи в конструкторской работе и изобретения» награжден орденом Красной Звезды [19, ф. 1728, оп. 1, д. 198000].

Социальный статус И.А. Маханова к концу 30-х гг. был необычайно высок: он общался в формальной и неформальной обстановке с И.В. Сталиным и другими руководителями СССР и РККА [11], мог обращаться, минуя руководство Кировского завода, непосредственно к первому секретарю Ленинградского горкома ВКП(б)

и члену ЦК А.А. Жданову [19, ф. Р-24, оп. 26, д. 296, л. 65–66; д. 300, л. 1–12].

Однако работа над новыми артиллерийскими системами в КБ Кировского завода проходила нелегко. Склонный к техническому риску, увлекающийся и заносчивый И.А. Маханов не всегда мог довести начатый проект до логического финала. Во многом усугубило положение конструктора смена высшего руководства Красной Армии в 1937 году. И.А. Маханов являлся горячим приверженцем М.Н. Тухачевского, который был идеологом многих разрабатывавшихся в 30-х гг. систем вооружения, что не могло не сказаться на их дальнейшей судьбе после ареста маршала.

27 июля 1939 г. И.А. Маханов, после серии конструкторских неудач, был арестован, а затем репрессирован. Главного конструктора и его сотрудников обвинили в том, что они за 10 лет не создали ни одного качественного артиллерийского орудия, которое было бы принято на вооружение, а значительные государственные средства будто бы были потрачены впустую [18]. Для Ивана Абрамовича началась череда суровых испытаний, о которых и повествует значительная часть глав книги его воспоминаний [6; 9].

Результаты. Публикуемая «служебная записка» проливает свет на скрытые до настоящего момента подробности работы КБ, возглавляемого И.А. Махановым в середине 30-х годов. Однако особую ценность придает документу его авторство. М.И. Кошкин в послевоенный период стал поистине легендарной личностью, с именем которой неразрывно связано появление одного из символов Красной Армии и всей Великой Отечественной войны – танка Т-34.

Безвременная кончина М.И. Кошкина накануне войны не только прервала жизненный путь талантливого конструктора, но и сделала невозможным его последующее изложение в виде воспоминаний. Между тем события, непосредственным участником которых был Михаил Ильич, являются во многом ключевыми в истории довоенного СССР. Все, что известно о М.И. Кошкине – известно или из кадровых документов, или из воспоминаний его коллег и родственников. Ценность же публикуемого документа в том, что это фактически автограф, «живая речь» человека, сохранившая присущие Михаилу Ильичу характерные слова и обороты. Отличает «служебную записку» от источников мемуарного характера так-

же особая актуальность, заостренность на проблемах текущего (на момент формирования источника) момента, наличие в ней деталей и подробностей, неизбежно ускользнувших бы от мемуариста по прошествии лет. Привлекают внимание фрагменты, в которых описываются быт конструкторского бюро, условия содержания на заводе не выдержавших испытаний артиллерийских орудий, а также особенности финансовых взаимоотношений (как внутри бюро, так и между хозяйствующими субъектами).

Документ раскрывает негативную роль Кировского завода и его артиллерийского КБ в судьбе перспективного артиллерийского орудия ПС-3 разработки завода им. Ворошилова (конструктор орудия – П.Н. Сячинтов). Кошкин прямым текстом заявляет, что артиллерийское КБ Кировского завода, вместо доработки перспективной мощной артсистемы «чужого» завода (и конструктора) всеми силами буквально «пропихивало» на вооружение автобронетанковых войск заведомо негодные, морально устаревшие системы. Причина такого «негосударственного подхода» проста – за принятие орудий, как на вооружение, так и в серийное производство, их непосредственным разработчикам полагались весьма солидные денежные премии.

Центральный раздел «записки», посвященный перечислению артиллерийских систем, разработанных КБ Кировского завода к 1936 г., имеет самостоятельную ценность, так как закрывает многие из имевшихся к настоящему моменту «белых пятен» в истории отечественного артиллерийского вооружения.

М.И. Кошкин выявил многочисленные недостатки в организации труда и предложил ряд неотложных мер, позволивших бы, по его мнению, наладить и упорядочить работу артиллерийского КБ Кировского завода. Ответ на вопрос, были ли выполнены его рекомендации, и если были – то в каком объеме, возможно, даст продолжающийся архивный поиск.

Сам М.И. Кошкин в конце 1936 г. был поставлен во главе КБ Харьковского тракторного завода, где на первых образцах Т-34 установили и успешно испытали танковую пушку И.А. Маханова Л-11.

Оригинал публикуемого документа представляет собой машинописный текст, орфография которого сохранена; добавлены отсутствующие знаки пунктуации.

Июнь – июль 1936 г. Записка заместителя начальника Конструкторского отдела Завода Опытного машиностроения им. Кирова М.И. Кошкина заведующему промышленно-транспортным отделом Ленинградского Обкома ВКП(б) Г.И. Буденному об обследовании Особого конструкторского бюро Кировского завода

тов[арищу] Буденному⁵

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

По обследованию Особого Конструкторского бюро Кировского завода
(Кошкин М. И.)

Особое конструкторское бюро – это Артиллерийское конструкторское бюро до 1936 года занималось исключительно разработкой новых конструкций, в 1936 году в бюро выделена группа по обслуживанию производства серийных образцов. Таким образом, бюро в настоящее время занимается разработкой новых конструкций и частичным обслуживанием производства. На разработке новых образцов занято 42 человека, и по обслуживанию производства 12 человек.

Состав конструкторов по своему опыту работы и образованию очень сильный, это видно хотя бы из следующих данных: всего конструкторов 54 человека, из них инженеров-конструкторов 18 человек, конструкторов I категории – практиков с незаконченным высшим образованием 13 человек, конструкторов II категории 6 человек, конструкторов III категории 17 человек. К этой категории отнесены по роду выполняемой работы чертежники.

Несмотря на такой сильный состав кадров конструкторского бюро, и имеющим большой опыт работы по артиллерийским системам, тем не менее это бюро с 1928 года разработало только две артиллерийских системы, которые приняты на вооружение, а именно, разработало батальонную гаубицу в 1928–1929 годах и произвело модернизацию осадной пушки в 1929 году. Эти две системы приняты на вооружение. Начиная с 1929 года по настоящее время бюро не разработало ни одной удачной артиллерийской системы, которая была бы принята на вооружение и запущена в производство, хотя проектов и опытных образцов имеется порядочное количество. Кратенько опишем судьбу этих проектов и опытных образцов орудий и укажем причины, почему получилось такое положение.

1. Батальонная мортира. Чертежи были изготовлены в 1929 году, опытный образец в 1931 году, на вооружение не принята и в производство не запущена, так как в это же время были разработаны образцы другими организациями более лучшего качества аналогичного орудия, на них была и взята ориентация.

2. Корпусная мортира. Чертежи и опытный образец были изготовлены в 1932–1933 годах, на вооружение не приняты, в силу ряда недостатков, а главное то, что эту функцию оказалось может выполнять существующая на вооружении гаубица, таким образом работали в холостую.

3. Универсальная пушка Л-1. Чертежи и опытный образец изготовлены в 1931–1932 годах, испытаний пушка не выдержала, на вооружение не принята.

4. Универсальная пушка Л-2. Чертежи изготовлены в 1932–1933 годах, опытный образец изготовлен в 1934 году. Испытаний пушка не выдержала, на вооружении не принята, пушка валяется в цеху.

5. Пушка Л-1А. Чертежи и опытный образец изготовлены в 1932 году. Эта пушка представляет собой экспериментальное орудие, на котором выясняются некоторые принципы, на вооружение не принята, в настоящее время стоит на полигоне.

6. Универсальная дивизионная пушка Л-3. По своей схеме и принципам аналогична пушке Л-1 и Л-2, но в значительной степени улучшена и, вместе с тем, усложнена. Чертежи и опытный образец изготовлены в 1934–35 году, на вооружение не принята по причинам своей сложности в обслуживании, в настоящее время эта пушка лежит в цеху.

7. Дивизионная пушка типа Бофорс (Швейцарской фирмы). Чертежи изготовлены в 1934 году. Опытный образец изготовлен в 1935 году. На вооружение не принята, так как ей была противопоставлена пушка Ф-22, изготовленная одним из Горьковских заводов, и эта пушка (Ф-22) оказалась легче на 200 килограмм, чем пушка, представленная Кировским заводом. Таким образом, была принята на вооружение пушка Горьковского завода, которая в настоящее время запускается на производство на Кировском заводе.

8. Установка пушки образца 1915 года (Л-6)⁶ в танке Т-28 в качестве танковой пушки. Чертежи и опытный образец изготовлены в 1935 году, испытания этой пушки не производились и не производятся, ею никто не интересуется ввиду ее очевидной непригодности для установки в качестве танковой пушки. Эта пушка валяется в цеху.

9. Тяжелая гаубица «Шнейдер-Путиловец». Чертежи и опытный образец были изготовлены в 1930 году. Первый образец в 1931 году. Испытания не выдержал, после значительной доработки в 1934 году испытание выдержала. Было изготовлено несколько экземпляров этих орудий (16 штук) и сданы в РККА, но затем их всех

вернули ввиду слабости лафетной рамы. Все эти образцы стоят в цеху, больше не производится. Такое положение произошло благодаря конструктивной недоработке.

10. В течение 1933–1934 года были спроектированы и разработаны рабочие чертежи установки гаубицы Шнейдер-Путиловец в танке Т-28. Опытный образец не изготовлялся ввиду отсутствия заинтересованного заказчика, да и сама эта установка не представляет интереса и сделана только для того, чтобы использовать валяющиеся в цеху 15 штук гаубиц Шнейдер-Путиловец.

Выше изложенные все спроектированные и изготовленные опытные образцы орудий, и, как это видно, ни одного орудия не принято на вооружение и не запущено в производство.

Это конструкторское бюро – ярко-выраженное артиллерийское, но оно занималось и другими проектными работами, это, главным образом, установки пушки «К» образца 1927 года на различные автомашины. В этой области им проделана следующая работа.

1. В 1932–1933 году был спроектирован колесно-гусеничный тягач типа «Самуа» и построен опытный образец. В производство не запущен ввиду того, что сконструирован на базе импортного двигателя.

2. Установлена пушка «К» образца 1927 года на шасси автомобиля «Мореланд», изготовлена небольшая партия и сданы в РККА, больше не производится.

3. Установка той же пушки на шасси автомашины «Форд» 3А. Изготовлено несколько экземпляров, больше не производится.

4. Установка той же пушки на танкетке Т-27. Чертежи изготовлялись в течение 1932–1933 года. В настоящее время изготавливается небольшая опытная партия.

Из изложенного в последних четырех пунктах видно, что здесь не сконструировано каких-либо новых машин или орудий, а бралась готовая пушка и устанавливалась на готовую машину, проектировались только переходные детали, сочетаемые автомашину с пушкой, эта работа не характерна для артиллерийского конструкторского бюро, ее может выполнить любое менее квалифицированное конструкторское бюро, да и по объему работы – небольшая.

Каковы причины, что это бюро не дало ни одной артсистемы, принятой на вооружение и запущенной в производство?

1. Из описанного выше нетрудно заметить, что до 1935 года было большое многообразие проектов по различным артиллерийским системам, что создало разнообразность в работе и отсутствие специализации по определенным видам систем. Это вело к тому, что проекты выходили недоработанными и, как следствие, изготовленные опытные образцы страдали большими дефектами и неполадками, тоже получались недоработанными.

2. Отсутствие из числа конструкторов ответственного лица за каждую разработанную систему, который бы следил за изготовлением в цеху и за ходом испытания системы на НИИПе⁷. В большинстве своем системы испытывались без присутствия и наблюдения за ходом испытания со стороны КБ. Конструктора узнавали о дефектах из отчетов об испытании или по отдельным разговорам. В цех конструктора ходили только по вызову. Недостатки опытных образцов не изучались. В новых образцах воспроизводилось ряд старых ошибок.

3. Испытания опытных образцов не доводились до конца, не вскрывалось всех его недостатков не запускались в первую серию. После изготовления первой серии обнаруживалось, что система принята быть не может. Примером этого служит изготовление тяжелой гаубицы «Шнейдер Путиловец»: вся первая изготовленная партия валяется в цехах из-за слабости рамы лафета.

4. Отсутствовали иногда правильные тактико-технические требования, предъявляемые на проектирование. Например, в 1932–1933 году была изготовлена корпусная мортира, выдержала испытание, а потом оказалось, что ее может заменить существующая гаубица. Такую вещь можно было заранее предвидеть. Запаздывание дачи тактико-технических условий на заказанные образцы со стороны АУ РККА, например, в 1932–1933 году на пушку Л-12 договор с АУ есть, проект и рабочие чертежи изготовлены, запущено в производство изготовление опытного образца, а тактико-технических условий нет. Танковая пушка Л-10 – изготавливается опытный образец, договор есть, тактико-технических условий нет, также нет тактико-технических условий и на другие проектируемые образцы в настоящее время. Это может привести к тому, что после изготовления проектов и образцов к ним будут предъявлены другие тактико-технические требования по сравнению с теми, на что они рассчитаны конструкторским бюро и работа пойдет снова вхолостую.

5. Обезличка, существовавшая до 1935 года в процессе проектирования, она выражалась в том, что считали, что в проекте участвуют несколько лиц с равноценными степенями, поэтому ответственного за проект и за образец не было. Когда уходили чертежи из конструкторского бюро в цех, то не было человека из конструкторов, который болел бы за всю спроектированную систему в целом ответственным и болел бы за него душой.

Каждый считал, что там моя одна частица, как она будет работать – потом узнаю. И получалось, что в улучшении и усовершенствовании спроектированной системы заинтересованного конструктора нет, оставался один начальник КБ.

Сейчас, хоть и создан перелом в этом, но далеко еще все не сделано и элементы обезлички имеются.

СИСТЕМЫ СКОНСТРУИРОВАННЫЕ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАХОДЯТСЯ В СТАДИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОПЫТНЫХ ОБРАЗЦОВ

1. Стратосферная зенитная пушка Л-6. К разработке проекта приступили в декабре 1935 года, к разработке рабочих чертежей – с января 1936 года. Закончили работу в мае. Всего на проектирование прошло 6 месяцев. В настоящее время запущена в производство, срок изготовления – май месяц – не выполнили, перенесли на август. По ходу работы образец закончат не раньше ноября-декабря.

2. Полевой универсальный лафет Л-9 под пушку Шпитального⁸. К разработке чертежей приступили в 1935 году, закончили в 1936 году. По плану намечено – должны были изготовить опытный образец марте 1936 г., до настоящего времени еще не изготовлены основные детали, план не выполняются.

3. В 1936 году изготовлены рабочие чертежи танковой пушки Л-10. По плану намечено в мае выпустить три опытных образца, до настоящего времени ни одного не сделано, план срывается.

4. Экстра-легкая дивизионная пушка Л-12. Чертежи закончены в начале 1936 года, по плану в течение 1936 года должен быть изготовлен образец, по ходу работы, по мнению начальника опытного участка цеха, готова в этом году не будет. Причины невыполнения плана по опытным работам в цеху объясняется следующими обстоятельствами:

1. Все опытные образцы изготавливаются в общем механосборочном цехе № 3, который, в основном, занят выполнением программы по валовой продукции, опытные образцы отодвигаются на задний план.

2. Отсутствие закрепленных станков за опытными работами. С формальной стороны эти станки по приказу начальника цеха от 27 апреля закреплены, но, по существу, эти станки для опытных работ дают тогда, когда они свободны, а в остальное время они загружены валовой продукцией.

3. Ненормальные взаимоотношения между начальником цеха № 3 и работниками, работающими на опытных работах, возникшие вследствие невыполнения планов по опытным работам и затирания пропуска опытных деталей в цеху. Такая обстановка не создает деловой работы для работников опытного участка.

ОБРАЗЦЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ В СТАДИИ ПРОЕКТОВ И РАЗРАБОТКИ РАБОЧИХ ЧЕРТЕЖЕЙ.

1. Конструируется новая полковая пушка, которая должна идти взамен пушки «К». По плану намечено сделать опытный образец в 1936 году, но по основному цеху она не запланирована на 1936 год. Намечено ее изготавливать в опытном цеху, которого в настоящее время нет, таким образом это пушка изготовлена не будет.

2. В стадии проектов находятся: башенная установка для пушки Л-10 в танке Т-28. Полевой зенитный лафет под тяжелую пушку Шпитального, сверх скорострельная стратосферная зенитная пушка⁹.

Дать техническую оценку этих проектов мы воздерживаемся потому, что еще ни один из них не закончен.

Новые системы, принятые на вооружение проекты, и рабочие чертежи которых и опытные образцы, сделанные на других заводах и переданных на освоение и изготовление 1-й серии Кировскому заводу.

Таких новых систем дано две. Танковая пушка (ПС-3) и дивизионная пушка Ф-22.

Проект и рабочие чертежи танковой пушки (ПС-3) были изготовлены в ОКМО¹⁰ при заводе Ворошилова¹¹ в 1932 году, и в том же году был построен опытный образец, выдержал большие испытания и пушка получила хорошие отзывы. В 1933 году были переданы Кировскому заводу все рабочие чертежи, и в 1934 году артиллерийское управление РККА дало заказ на первую серию в 125 штук. Запустили в производство, никого из конструкторского бюро не выделили для обслуживания производства и исправления дефектов, которые могут встретиться при запуске первой партии. В ноябре 1934 года сообщили с полигона о дефектах пушки: выход внутренней трубы, вялая работа полуавтоматики, и прекратили производство, ссылаясь на недоработанность конструкции, и не поручили ни одному конструктору, который бы занялся анализом дефектов и устранением таковых. Уговорили АУ РККА уплатить за все 125 заготовок, последние им уплатили, на этом успокоились и всякую работу по этой пушке прекратили. Благодаря вмешательству т.¹² Павлуновского¹³ и Артиллерийского Управления, в 1935 году об этой пушке снова подняли вопрос и отозвали с Опытного завода старшего конструктора Сечентова¹⁴ с помощниками для устранения дефектов. Эти конструктора стали улучшать систему и осенью 1935 года были сданы два образца № 1, 23, но изготовленные образцы не допустили до испытания по причинам формальных требований военпреда, который, для допуска к испыта-

нию потребовал полного обмера всех деталей системы, полного оформления 5 комплектов чертежей; нет от АУ РККА¹⁵ указаний на прием и испытания этих систем.

Эти пушки попали на стрельбу только весной 1936 года, после работы особой комиссии по этому вопросу. Весной 1936 года (сделанная система № 23, осенью 1935 года) одна из пушек № 23 была на испытании, выдержала первое испытание хорошо, была стрельба продемонстрирована т. Халепскому¹⁶, пушка получила хорошие отзывы. В течение 5 месяцев все время работали на Кировском заводе 2 конструктора Опытного завода над оформлением чертежей и улучшением конструкции. В настоящее время все чертежи оформлены, выявленные конструктивные дефекты устранены, конструктора Опытного завода закончили работу и ушли, Кировским заводом снова не выделено ответственного человека из конструкторского бюро по обслуживанию производства и наблюдению за первыми полигонными испытаниями систем несмотря на то, что имеется новый договор с АУ о производстве на заводе первой партии пушек ПС-3.

Из изложенного примера видно, что период освоения новых пушек на заводе очень большой (чертежи даны в 1933 году, запущена первая партия в 1934 году, до сего времени не освоено производство), и причины этого заключаются в следующем:

1. Слабое внимание со стороны заводоуправления к вопросам освоения новых артиллерийских систем. Это подтверждается тем, что пушка была запущена в производство без всякого наблюдения со стороны ответственных опытных конструкторов, которые следили бы за ходом изготовления первых образцов и за их испытанием, и немедленно бы ликвидировали обнаружившие конструктивные и производственные дефекты. Этого сделано не было. Больше того, когда обнаруживались неполадки в производстве и дефекты, выяснившиеся при испытании – прекратили производство и снова никого не выделили устранения обнаружившихся дефектов.

2. Полное отсутствие заинтересованности со стороны конструкторского бюро в освоении этой системы на заводе. Во-первых, потому, что проект и рабочие чертежи были разработаны на другом заводе, и конструкторское бюро, вместо помощи по освоению пушки ПС-3, занималось изысканием: «нельзя ли что-либо противопоставить этой системе?». Например, оно быстро разработало в 1935 году установку пушки в танке образца 1915 года¹⁷; эта пушка оказалась непригодна. В 1936 году разработало проект и рабочие чертежи (в настоящее время изготавливается опытный образец этой танковой пушки). Эта пушка по своим баллистическим качествам ничем не отличается от ПС-3. О том, что конструкторское бюро занимается соревнованием – это очень хорошо, но плохо то, что оно абсолютно не уделяло и не уделяет внимания освоению производства новой пушки, принятой на вооружение. Во-вторых, руководство завода ни в какой степени не заинтересовало конструкторское бюро по быстрому освоению в производстве новой техники.

3. Со стороны АУ РККА была допущена следующая ошибка: когда обнаружили дефекты при испытании на полигоне (изложенные выше), завод прекратил изготовление и начал просить у АУ полную стоимость всех 125 заготовок пушек. АУ РККА согласилось, и выплатило деньги за недоделанную работу всех 125 систем, тем самым выбило у себя из рук один из главных рычагов, каким являются деньги. Завод на этом успокоился и не стал ничего делать.

Сейчас, по заключенному новому договору, завод будет получать за доделку пушек по 1 200 руб. за штуку, в чем он очень мало заинтересован, ибо доделки стоят в несколько раз дороже. Но за это он получил раньше, поэтому в настоящее время есть прямая угроза повториться всей волоките по освоению снова, ибо заинтересован мало. Конструкторское бюро также не заинтересовано, и никто ничего в этом отношении не нажимает, необходимо серьезное вмешательство со стороны.

4. Формальный подход к первой партии систем со стороны Военного представителя АУ РККА. Это подтверждается хотя бы тем, что изготовленные две пушки № 1, 23 после устранения дефектов осенью 1935 г. не допустил к испытанию по мотивам, что у него нет инструкции на испытание и потребовал полного обмера всех деталей пушки 5 комплектов совершенно оформленных чертежей. Когда вопрос решался о том, будет или не будет хорошо работать пушка (после устранения дефектов), могло получиться и так, что пушка показала все старые свои дефекты плюс новые, поскольку кое-что изменено. И тогда нечего забивать время на оформление чертежей, заранее негодных, но для Военпреда оказалось значительно важнее формальная сторона, чем пушка. И только благодаря вмешательству комиссии пушка весной 1936 года попала на испытание и показала в первом обстреле хорошие результаты (смотрел т. Халепский).

Организационное построение бюро следующее:

Бюро подчинено непосредственно заводоуправлению, во главе бюро стоит начальник бюро т. Маханов. Внутри самого бюро организованы конструкторские группы (бригады). В настоящее время имеется 4 группы, из них 3 группы на новом проектировании, и 1 группа – по обслуживанию производства. Во главе

каждой группы стоит руководитель группы. Связь конструкторов и бюро в целом с механосборочным цехом № 3 – прямая и непосредственная, с другими – очень слабая.

Бюро получает от заводоуправления отдельные задания на работу на основании заключенных договоров с заказчиками. Что касается плана работы, то заводоуправление не спускает не квартальных, ни годовых. Внутри самого бюро также не составляется никаких планов, как на бюро в целом, так и на отдельный объект, и на отдельную конструкторскую бригаду. Даже нет никаких графиков на выполнение работ по объектам и отдельным заданиям в конструкторских группах (бригадах). Если сюда добавить, что в бюро работают все на повременной работе, то есть нет ни сдельных, ни аккордных работ, и отсутствует премиально-прогрессивная система оплаты труда конструкторов, то станет совершенно ясно, что работает бюро в целом, отдельные конструкторские бригады и каждый работник бесконтрольно.

При такой организации дела бюро производительны и с хорошей отдачей работать не может. Производственных условий для нормальной работы бюро в достаточной степени не создано. Помещение, в котором расположено бюро, выглядит очень мрачно и представляет собой полуразрушенный чердак с недостаточным естественным светом. Вентиляции нет.

Форточек и окон открывать нельзя, летит гарь, садится на чертежные доски, а значит – и на чертежи, производит последние в негодное состояние. Внизу конструкторского бюро расположен механический цех. От работы станков и трансмиссий все время внутри бюро сильный шум – мешает сосредоточиться конструктором над работой. Рабочий инструмент состоит из готовален, рейсшин и угольников, не совсем высокого качества. На все бюро имеется только один вертикальный стол, все конструктора работают, согнувшись на горизонтальных столах, нет ни одного «Кульмана» или, как его называют, прибора «конструктор», при пользовании которым производительность труда конструктора повышается от 20 до 30 %. Этот прибор изготавливается в настоящее время на заводе им[ени] Воскова. Нет у конструкторов папок конструктора, в которых были бы сосредоточены общезаводские нормалы и стандарты, которые употребляются на заводе, и конструкторам часто приходится бегать за справками по этим вопросам в технический отдел завода. Вопросами стандартизации и нормализации в самом бюро никто не занимается, и увязки при разработке новых конструкций с задачами стандартизации и нормализации нет.

К числу положительных сторон оборудования бюро относится хорошая техническая библиотека с большим количеством справочников и технической литературы по той отрасли, в которой работает бюро. Эта библиотека в самом бюро. Выписывается на бюро порядочное количество иностранных журналов и журналов технических наших отечественных.

Экспериментальной собственной базы бюро не имеет, есть решение организовать опытную экспериментальную мастерскую, выделено для нее оборудования и часть площади внутри механического цеха № 3, но до сего времени эта мастерская не организована, и никто над этим вопросом не работает всерьез. Модельной макетной мастерской при бюро и цехе нет, имеется общезаводская модельная мастерская, которая сильно загружена изготовлением моделей, связанных непосредственно с текущими нуждами производства завода и протолкнуть изготовление макета для опытного образца чрезвычайно трудно. А если и удастся, то макет изготавливается очень долго. Например, макет пушки Шпитального изготавливается для конструкторского бюро 4 месяца, и, как правило, конструкторское бюро при проектировании новых образцов макетов не делает, после изготовления рабочих чертежей сразу запускает в производство для изготовления опытного образца. Вполне естественно, при таком положении дела, при изготовлении опытного образца встречается целый ряд неполадок, которые могли бы быть устранены в чертежах раньше, чем они спущены в производство.

Это обходится дороже по средствам заводу и удлиняются сроки изготовления опытных образцов, в связи с неполадками в производстве. Средств на инициативные работы, возникающие внутри бюро, не отпускается, поэтому инициативные работы, как правило, не производятся, а если и производится, то сперва заручаются каким-нибудь заказчиком, что если она будет сделана в проекте удачно, то он (заказчик) заключает договор на изготовление. Затраты первого периода подработки сносятся на другие наряды (работы), на которые даны средства.

ВОПРОСЫ ОПЛАТЫ КОНСТРУКТОРОВ И РАБОТНИКОВ В ЦЕХУ ПО НОВЫМ ОПЫТНЫМ РАБОТАМ

1. Система оплаты труда в конструкторском бюро для всех категорий конструкторов и чертежников повременная, никакой премиальной системы, ни премии, как правило, конструкторам всех категорий не выдается. Сдельных и аккордных работ также нет, конструктора сидят на твердых ставках-окладах. Месячные оклады в этом бюро выше всех других бюро не только внутри завода, но и по сравнению с другими заводами. Для того, чтобы обосновать размер месячного оклада, пришлось создать фиктивные должности в бюро,

а именно: сделать 23 должности руководителей групп (бригад). Фактически имеется только 4 бригады конструкторских и 4 руководителя бригад. Конструкторов II категории записали конструкторами I категории, чертежников записали в конструктора II категории, и начинающих чертежников зачислили в конструктора III категории. Должности чертежника в бюро не существует.

Месячные оклады в конструкторском бюро

Руководитель секции по 900 руб. 3 чел., фактически руководит только один человек. Старшие инженера руководители конструкторских бригад, 5 человек, получают от 825 руб. до 850 руб., фактически руководит бригадой только 1 человек. Инженера-бригадиры, 12 человек, получают от 700 до 750 руб., фактически руководит бригадой только 1 человек. Конструктора-практики, руководители конструкторских бригад, 3 человека, получают от 600 до 650 руб. в месяц, фактически руководит бригадой 1 человек. Конструкторов I категории 8 человек, получают от 500 до 600 руб., по их квалификации, это конструктора II и III категории. Конструктора II категории – 8 человек, из них 3 чел. получают по 450 руб. и 5 чел. получают от 350 до 400 руб. Это по выполняемой работе не что иное как чертежники. Конструктора III категории, 4 человека, получают по 300 руб. в месяц, это по своей квалификации и по выполняемой работе не что иное как начинающие чертежники.

Что заставило сделать такие относительно высокие ставки и учредить фиктивные должности, и присвоить несвойственные выполняемой работе квалификации? Причиной этому являются следующее:

1. В 1934 году в особом конструкторском бюро официально установлен 10-часовой рабочий день и ставки работникам были определены из условий работы 10 часов в день, и поступающим из новичков также давалось ставка из расчета 10 часов рабочего дня, без всякой оплаты сверхурочных часов. На самом деле сверхурочные часы вставили в завышенные основные оклады, но так как мероприятие – введение 10-часового рабочего дня – является противозаконным, то пришлось в 1935 году 10-часовой рабочий день отменить, а ставки оставить те, которые были определены для 10-часового рабочего дня. Согласно этих высоких ставок начали подгонять всех конструкторов под номенклатурный справочник о конструкторах, а так как в этом справочнике указана занимаемая должность и выполняемая работа по квалификации, согласно чего указан и месячный оклад зарплаты. Руководителям конструкторского бюро пришлось пойти наоборот. У них имелись месячные оклады у работников. Нужно было соответственно этих месячных окладов присвоить должность и квалификацию, что они и сделали – создали 23 несуществующих руководителя бригад и остальным людям дали звание высоких квалификаций не по занимаемой работе, знанию и опыту, а по ставке.

Если внимательно взглянуть на оплату различных категорий работников, то здесь мы имеем дело с уравниловкой. На самом деле, действительные руководители бригад, они же и проектанты по отдельным объектам, ничем не отличаются от исполнителей по заработной плате (разница от 25 до 75 руб.), да и сами принципы, заложенные в эту систему оплаты, ни в какой мере не стимулирует быстрое создание конструкции, поскольку эта быстрота в работе все равно остается без компенсации и не отмеченной.

Если сюда прибавить, что нет никаких плановых сроков внутри бюро по выпуску чертежа по разрабатываемым объектам, то дело становится совершенно очевидно, что ни бюро в целом, ни отдельная бригада, ни конструктор никем не контролируется, и можно сидеть над работой по заданию столько, сколько подсказывает личное сознание.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЗАРПЛАТЕ

1. Пересмотреть систему оплаты основным руководителям-проектантам в сторону большего разрыва в оплате им по сравнению с рядовыми исполнителями-конструкторами. Установить примерно-прогрессивную систему для этой категории работников, поставив выдачу премии и саму премиальную систему в зависимость от результативности работы, как его личной, так и всей группы работников, которые находятся под его руководством.

2. Установить премиально-прогрессивную систему для всех конструкторов, занимающихся разработкой отдельных узлов и механизмов и проектировкой деталей большой и средней сложности, поставить эту систему в зависимость от качества разработки узла, механизма или отдельной группы деталей, а также от выполнения и перевыполнения плановых заданий по срокам. Для чего необходимо руководству конструкторского отдела давать твердые задания, планы по бригадам, с указанием срока выполнения. Внутри бригады необходимо составлять план работы не меньше, чем на один месяц с распределением работ по отдельным работникам и с указанием срока начала и конца работы. По окончании работы исполнителем-конструктором от него работа должна быть принята бригадиром или старшим инженером-конструктором, и дана оценка качества выполняемой работы.

3. Перевести на сдельную работу конструкторов, занимающихся разработкой несложных механизмов и деталировкой. Перевести всех без исключения чертежников на сдельную работу.

4. Уничтожить фиктивные должности 19 бригадиров и фиктивно-присвоенные квалификации остальным конструктором, получившим эти должности и квалификации в результате извращения законов о труде, и в определение твердых месячных окладов, вытекших из установлений 10-часового рабочего дня.

Повысить роль и ответственность действительных бригадиров и действительных работников высоких квалификаций.

Связь конструкторского бюро с соответствующими научно-исследовательскими организациями имеет от случая к случаю. В частности, имеется связь с АНИИ¹⁸ по вопросам баллистики и прицелам, связь держат с Артиллерийской академией по вопросам о лафетах. Эта связь практически осуществляется приглашением работников вышеуказанных организаций для консультации.

Ознакомления конструкторов с отдельными достижениями по другим заводам по артиллерийским системам совершенно не производится, конструктора не в курсе дела, что делается на других заводах и конструкторских бюро. Это проистекает частично от засекречивания этого рода производства, а главное – от того, что не проявлено достаточной инициативы у самого руководства конструкторского бюро. Что касается с зарубежной техникой по артсистемам, то только через официально опубликованные сведения по журнальной литературе.

Приказ т. Орджоникидзе¹⁹ о конструкторах выполнен только в части пересмотра месячных окладов конструкторам и об увеличении продолжительности отпуска. Все остальные пункты приказа остались невыполненными и не выполняются. Приказа т. Рухимовича²⁰ начальнику конструкторского бюро не читали до момента обследования, и не знали о его существовании. Этот приказ был в делах канцелярии заводоуправления и его не довели до начальника конструкторского бюро.

Обследовал зам[еститель] нач[альника] К[онструкторского] О[тдела] Опытного завода им. Кирова М. И. Кошкин.

17/VI[19]36.

*Центральный Государственный архив Историко-политических документов Санкт-Петербурга
Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 150 ЛЛ. 59–70.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

ACKNOWLEDGMENTS

The work was carried out within the framework of the RFBR grant “Formation and development of scientific and technical thought and military industry in the USSR in the 1920s-1950s (according to the memoirs of I. A. Makhanov)” (project no. 19-49-340008).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маханов Иван Абрамович (1901 – 28.12.1980) – советский конструктор артиллерийских систем. Арестован в 1939 г., освобожден в 1954 г.

² Кошкин Михаил Ильич (21.11.1898 – 26.09.1940) – советский конструктор танков, с февраля 1934 г. работал в конструкторском бюро завода опытного машиностроения им. Кирова в Ленинграде, в конце декабря 1936 г. переведен в Харьков, в КБ завода № 183. М.И. Кошкину как главному конструктору принадлежит ведущая роль в создании танка Т-34.

³ Формулировка «опытное машиностроение», использованная в интересах секретности, подразумевала «опытное танкостроение». – Прим. А.М. Рябкова.

⁴ Завод опытного машиностроения им. Кирова № 185 не следует смешивать с заводом подъемно-транспортного оборудования им. Кирова (занимавшимся танкоремонтом), а также с Кировским (Путиловским) заводом. – Прим. А.М. Рябкова.

⁵ Буденный Григорий Иванович (1901, г. Николаев Одесской обл. – ?) – заместитель заведующего, заведующий промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) (1934–1937). Арестован 10.09.1937 г. Осужден 17.02.1938 г. к 10 годам ИТЛ. Вторично арестован 16.12.1948 г. Приговорен 09.03.1949 г. к ссылке на поселение. Дело прекращено 05.09.1956 г. за отсутствием состава преступления. Полностью реабилитирован.

⁶ Так в тексте: «Л-6». Ниже по тексту индексом Л-6 обозначена зенитная «стратосферная» пушка.

⁷ Научно-исследовательский артиллерийский полигон. – Прим. А.Л. Клейтмана.

⁸ Шпитальный Борис Гаврилович (25.07 [7.8].1902 – 06.02.1972) – советский оружейный

конструктор, доктор технических наук, профессор, Герой Социалистического труда.

⁹ Л-6. – Прим. А.Л. Клейтмана.

¹⁰ Опытный конструкторский машиностроительный отдел. – Прим. А.Л. Клейтмана.

¹¹ Образован в 1932 г., когда танковое производство и опытный конструкторский машиностроительный отдел (ОКМО) Ленинградского завода «Большевик» были преобразованы в Ленинградский государственный завод № 174 им. К.Е. Ворошилова.

¹² Т. – здесь и далее: «товарищ».

¹³ Павлуновский Иван Петрович (04[16].08.1888–30.10.1937) – советский политический деятель, революционер. С 1932 г. – заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Расстрелян.

¹⁴ Так в тексте; правильно Сячинтов. – Прим. А.М. Рябкова.

¹⁵ Артиллерийское управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Прим. А.Л. Клейтмана.

¹⁶ Халепский Иннокентий Андреевич (02[14].07.1893–29.07.1938) – советский государственный деятель, нарком связи СССР. Командарм 2-го ранга (1935). Расстрелян. – Прим. А.Л. Клейтмана.

¹⁷ Имеется в виду: «установку пушки образца 1915 года в танке». – Прим. А.М. Рябкова.

¹⁸ Артиллерийский научно-исследовательский институт. – Прим. А.Л. Клейтмана.

¹⁹ Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (12[24].10.1886–18.02.1937) – советский государственный и партийный деятель. В 1930–1937 гг. председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности, член Политбюро ЦК ВКП(б). – Прим. А.Л. Клейтмана.

²⁰ Рухимович Моисей Львович (окт. 1889 – 29.07.1938) – советский партийный и государственный деятель. В 1934–1936 гг. – заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. С 08.12.1936 г. – народный комиссар оборонной промышленности СССР. Расстрелян. – Прим. А.Л. Клейтмана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротников, С. Г. По полям книжных сражений. Ч. 1. / С. Г. Воротников. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wogotnikow_s_g/1.shtml (дата обращения: 07.07.2021). – Загл. с экрана.

2. Ганин, С. М. Универсальные и полууниверсальные пушки Кировского завода / С. М. Ганин // Бастион. Военно-технический сборник. – 2015. – № 1. – С. 15–21.

3. Грабин, В. Г. Оружие победы / В. Г. Грабин. – М.: Политиздат, 1989. – 544 с.

4. Желтов, И. Основное оружие первых «тридцатьчетверок» (от пушки Л-10 к пушке Ф-34) (ч. 1) / И. Желтов // Музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34». Документально-исторический сборник. № 2. – М., 2012. – С. 9–54. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/i/eBVWEi-zIFVy7> (дата обращения: 07.07.2021). – Загл. с экрана.

5. Клейтман, А. Л. Артиллерийские орудия конструктора И.А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах / А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 34–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>.

6. Клейтман, А. Л. Мемуары И.А. Маханова как источник по истории науки и техники / А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. – Саратов : Амирит, 2019. – С. 99–102.

7. Костюченко, С. А. История Кировского завода. 1917–1945 / С. А. Костюченко, И. Е. Хренов, Ю. Н. Федоров. – М. : Мысль, 1966. – 701 с.

8. Красильников, О. Ю. Иван Маханов, Кировский завод... / О. Ю. Красильников. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/krasilnikow_o_j/mahanov.shtml (дата обращения: 24.06.2021). – Загл. с экрана.

9. Маханов, И. А. На сталинской свалке. Материалы для выступления на заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в феврале 1956 года в качестве главного свидетеля по делу Родоса и других бериевских палачей / И. А. Маханов. – Волгоград : Сфера, 2022. – 600 с.

10. Помогайбо, А. А. Оружие победы и НКВД. Советские конструкторы в тисках репрессий / А. А. Помогайбо. – М. : Вече, 2004. – 400 с.

11. Рябков, А. М. Фрагменты биографий создателей отечественных бронетанковых сил: П.Н. Сячинтов, С.А. Гинзбург, Н.В. Барыков. Ч. 1 / А. М. Рябков // Новый Часовой. – 2021. – № 1. – С. 97–107.

12. Рябков, А. М. Служебная записка инженера-конструктора М.И. Кошкина о ходе работ по созданию новых артиллерийских систем в конструкторском бюро Кировского завода / А. М. Рябков, И. О. Тюменцев // Военно-исторические аспекты жизни населения Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Вып. 3. – Волгоград : Сфера, 2021. – С. 37–40.

13. Советское руководство. Переписка 1928–1941 годов / сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЕН, 1999. – 519 с.

14. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937) : сб. док. / под ред.

А. А. Кольтюкова, Т. В. Сорокина ; сост. Т. В. Сорокина [и др.]. – М. : Terra, 2011. – Т. 3. – Ч. 2. – 935 с.; М. : Terra, 2015. – Т. 4. – 958 с.

15. Тюменцев, И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР с Германией в 1930-х годах (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода им. Кирова И. А. Маханова) / И. О. Тюменцев // Война и оружие: новые исследования и материалы : тр. X Междунар. науч.-практ. конф. 12–14 мая 2021 г. В 3 ч. Ч. 3. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2021. – С. 294–304.

16. Тюменцев, И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) / И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>.

17. Тюменцев, И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) / И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 207–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>.

18. Худяков, А. П. В.Г Грабин и мастера пушечного дела / А. П. Худяков. – М. : Патриот, 2000. – 365 с.

19. Центральный Государственный архив Историко-политических документов Санкт-Петербурга. – Ф. Р-24. – Оп. 26. – Д. 150, 296, 300; Ф. Р-1728. – Оп. 1. – Д. 198000.

20. Широкопад, А. Б. Отечественные полуавтоматические зенитные пушки / А. Б. Широкопад // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра. – 1998. – № 8. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://translatyr.org/librusec/336602> (дата обращения: 24.06.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Vorotnikov S.G. *Po poliam knizhnykh srashenii. Ch. 1* [By the Bookish Battlefields. Part 1]. URL: http://samlib.ru/w/worotnikow_s_g/1.shtml (accessed 7 July 2021).

2. Ganin S.M. Universal'nye i poluuniversal'nye pushki Kirovskogo zavoda [Universal and Semi-Universal Guns of the Kirov Plant]. *Bastion. Voennotekhnicheskii sbornik*, 2015, no. 1, pp. 15-21.

3. Grabin V.G. *Oruzhie pobedy* [Weapon of Victory]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 544 p.

4. Zheltov I. Osnovnoe oruzhie pervykh «tridsat'chetverok» (ot pushki L10 k pushke F-34) (ch. 1) [The Main Weapon of First T-34's (From L-10 to F-34 Gun). Part 1]. *Muzeino-memorial'nyi kompleks «Istoriia tanka T-34». Dokumental'no-istoricheskii sbornik. № 2* [Museum-Memorial Complex "History of the T-34 Tank". Historical Documentary Collection. No. 2]. Moscow, 2012, pp. 9-54. URL: <https://disk.yandex.ru/i/eBBWEi-ziFVy7> (accessed 7 July 2021).

5. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. Artillerijskie orudija konstruktora I.A. Mahanova: razrabotka, vnedrenie, boevoe primenenie v 1930–1950-h godah [Cannon Gunnery of Designer I.A. Makhanov: Development, Implementation, Combat Use in the 1930s – 1950s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 34-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>.

6. Kleitman A.L., Tjumencev I.O. Memuary I.A. Mahanova kak istochnik po istorii nauki i tehniki [Memoirs of I.A. Makhanova As a Source on the History of Science and Technology]. *Institut istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova. Godichnaja nauchnaja konferencija, 2019* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference, 2019]. Saratov, Amirit Publ., 2019, pp. 99-102.

7. Kostiuhenko S.A., Khrenov I.E., Fedorov Iu.N. *Istoriia Kirovskogo zavoda. 1917–1945* [History of the Kirov Plant. 1917–1945]. Moscow, Mysl' Publ, 1966. 701 p.

8. Krasil'nikov O.Iu. *Ivan Makhanov, Kirovskii zavod...* [Ivan Makhanov, Kirov Plant...]. URL: http://samlib.ru/k/krasilxnikow_o_j/mahanov.shtml (accessed 24 June 2021).

9. Makhanov I.A. *Na stalinskoj svalke. Materialy dlja vystupleniia na zasedanii VoЕННОi Kollegii Verkhovnogo Suda SSSR v fevrale 1956 goda v kachestve glavnogo svidetelia po delu Rodosa i drugikh berievskikh palachei* [At the Stalinist Dump. Materials for Speaking at a Meeting of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR in February 1956 As the Main Witness in the Case of Rhodes and Other Beria Executioners]. Volgograd, Sfera Publ., 2022. 600 p.

10. Pomogaibo A.A. *Oruzhie pobedy i NKVD. Sovetskie konstruktory v tiskakh repressii* [Weapon of Victory and NKVD. Soviet Designers in the Grip of Repression]. Moscow, Veche Publ., 2004. 400 p.

11. Riabkov A.M. Fragmenty biografij sozdatelej otechestvennykh bronetankovykh sil: P.N. Sjachintov, S.A. Ginzburg, N.V. Barykov. Ch. 1 [Fragments of the Biographies of the Creators of the Domestic Armored

Forces: P.N. Syachintov, S.A. Ginzburg, N.V. Barykov. Part 1]. *Novyj Chasovoj*, 2021, no. 1, pp. 97-107.

12. Rjabkov A.M., Tjumencev I.O. Sluzhebnaia zapiska inzhenera-konstruktora M.I. Koshkina o hode rabot po sozdaniyu novykh artillerijskikh sistem v konstruktorskom bjuro Kirovskogo zavoda [Memo of Design Engineer M.I. Koshkin on the Progress of Work on the Creation of New Artillery Systems in the Design Bureau of the Kirov Plant]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni naselenija Juga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izuchenija i muzeefikacii* [Military and Historical Aspects of the Life of the Population of Southern Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Volgograd, Sfera Publ., 2021, iss. 3, pp. 37-40.

13. Kvashonkin A.V., Kosheleva L.P., Rogovaia L.A., Khlevniuk O.V., eds. *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska 1928–1941 godov* [Soviet Leadership. Correspondence of 1928–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 519 p.

14. Kol'tiukov A.A., Sorokin T.V., eds. *Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937): sb. dok.* [The Formation of the Military-Industrial Complex of the USSR (1927–1937). Collection of Documents]. Moscow, Terra Publ., 2011, vol. 3, part 2. 935 p.; 2015, vol. 4. 958 p.

15. Tjumencev I.O. Voенно-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR s Germaniej v 1930-h godah (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskikh vooruzhenij zavoda im. Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation Between the USSR and Germany in the 1930s (According to the Memoirs of the Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vojna i oruzhie: novye issledovanija i materialy: tr. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 12–14 maya 2021 g. V 3 ch. Ch. 3* [War and Weapons: New Research and Materials. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference (May 12–14, 2021) In 3 Parts. Part 3]. Saint Petersburg, VIMAIViVS, 2021, pp. 294-304.

16. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Voенно-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg. XX v. (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskikh vooruzhenij zavoda imeni Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 201-215. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>.

17. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Voенно-tehnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg.

XX v. (po vospominanijam glavnogo konstruktora artillerijskih vooruzhenij zavoda imeni Kirova I.A. Mahanova) [Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no 2, pp. 207-214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>.

18. Khudiakov A.P. *V.G. Grabin i mastera pushechnogo dela* [V.G. Grabin and the Cannon Masters]. Moscow, Patriot Publ., 2000. 365 p.

19. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg], f. r-24. inv. 2b, d. 150, 296, 300; f. r-1728. inv. 1, d. 198000.

20. Shirokorad A.B. Otechestvennye poluavtomaticheskie zenitnye pushki [Russian Semi-Automatic Antiaircraft Cannons]. *Tekhnika i vooruzhenie vchera, segodnia, zavtra*, 1998, no. 8. URL: <http://translatyr.org/librusec/336602> (accessed 24 June 2021).

Information About the Authors

Andrei M. Riabkov, Specialist Researcher, European University at St. Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1 A, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation; Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation; Junior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, andrejryabkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3306-1382>

Alexander L. Kleitman, Doctor of Sciences (History), Director, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

Информация об авторах

Андрей Маркович Рябков, специалист-исследователь, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, литера А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация; младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, andrejryabkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3306-1382>

Александр Леонидович Клейтман, доктор исторических наук, директор, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА И СУДЬБЫ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.9>

UDC 63.3(5Каз-4Кос)622
LBC 94(574.21)

Submitted: 23.03.2021
Accepted: 30.08.2021

“DO NOT COUNT GERMAN RESETTLERS AMONG THE EVACUATED POPULATION”. THE POSITION OF THE GERMAN INTELLIGENTSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF KUSTANAY REGION OF THE KAZAKH SSR)

Nina E. Vashkau

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Dmitriy M. Legkiy

A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan

Assel M. Berkimbayeva

A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan

Abstract. Introduction. The history of the deportation of the German population to the USSR up to the present time is estimated ambiguously. The issue of the situation of the German intelligentsia deported to the territory of the Kazakh SSR, including members of the AUCP(b) during the Great Patriotic War, remains problematic and has not been thoroughly studied by scholars. The war created a difficult situation: two different streams of people of German nationality merged on the territory of the Kazakh SSR. On the one hand, there were local Germans living in Kazakhstan since pre-revolutionary times, and on the other hand, there were Germans deported during the period of the Great Patriotic War, which requires a separate study. *Methods and materials.* Based on declassified documents of state and party bodies of regional and republican levels marked “Classified”, on the example of the Kustanay regional party organization, the features of the “privileged position” of Germans, members of the AUCP(b) in the conditions of deportation are considered. At the same time, in the regional aspect, detailed lists of teachers, medical workers – “German immigrants who arrived in Kustanay region in 1941” – are being introduced into scholarly discourse, which made it possible to find out the composition of the deported German intelligentsia. The archive file “List of teachers evacuated to districts of Kustanay region in 1941–1942” was analyzed separately, which was not reflected in the historical literature. *Analysis.* The analysis of the documents shows that, with rare exceptions, all the German intelligentsia deported to Kazakhstan (teachers, philologists, librarians, medical workers) turned out to be collective farm labor in 1941. Proof of discrimination against people of German nationality was the complete absence of data on German teachers (both local and resettled) in the lists of teachers and documents of local authorities. The extremely difficult situation of the deported German intelligentsia (the Volga German ASSR, the Crimean ASSR, the Ukrainian SSR) at the beginning of the Great Patriotic War on the territory of the Kazakh SSR is revealed in the regional aspect (on the example of Kostanay region). This is evidenced by the fate of German teachers, including the German party intelligentsia during the deportation to Kazakhstan at the beginning of the Great Patriotic War. Along with this, declassified party documents directly indicate that persons of German nationality continued to be accepted in the primary party cells into the ranks of the Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan

© Вaшкaу Н.Э., Лeгкий Д.М., Бeркимбaевa А.М., 2022

even after the beginning of the Great Patriotic War. Among them were deported German Communists as well. *Results.* As a result of the collective research work of historians of Russia and Kazakhstan, the situation of the German intelligentsia (including members of the Bolshevik Party) deported at the beginning of the Great Patriotic War from the Volga German ASSR, the Crimean ASSR, and the Ukrainian SSR to the territory of the Kazakh SSR (on the example of Kustanay region) was studied and subjected to scientific analysis for the first time. The article materials will help to facilitate the work of scholars, local historians, and descendants of deported Germans to establish the fate of the loved ones, find the confirmation of their being in forced settlements, and at the same time, broaden scientific topics of papers on the history of Germans in Kazakhstan.

Key words: the Volga German ASSR, the Great Patriotic War, deportation, intelligentsia, the Kazakh SSR, communists, Germans, teachers.

Citation. Vashkau N.E., Legkiy D.M., Berkimbayeva A.M. “Do Not Count German Resettlers Among the Evacuated Population”. The Position of the German Intelligentsia During the Great Patriotic War (On the Example of Kustanay Region of the Kazakh SSR). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 105-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.9>

ББК 63.3(5Каз-4Кос)622
УДК 94(574.21)

Дата поступления статьи: 23.03.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

**«НЕМЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ К ЭВАКУИРОВАННОМУ НАСЕЛЕНИЮ
НЕ ПРИЧИСЛЯТЬ». ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗАХСТАНА)**

Нина Эмильевна Вашкау

Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Российская Федерация

Дмитрий Максимович Легкий

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Асель Муратовна Беркимбаева

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. История депортации немецкого населения в СССР вплоть до настоящего времени оценивается неоднозначно. Проблемным остается вопрос о положении депортированной на территорию Казахской ССР немецкой интеллигенции, в том числе членов ВКП(б), в годы Великой Отечественной войны. В данной статье в научный оборот вводятся рассекреченные документы из Государственного архива Костанайской области: «Особая папка за 1941 г.», списки «переселенцев-немцев, прибывших в Кустанайскую область в 1941 году», в том числе учителей, медицинских работников. Это позволило выяснить состав депортированного немецкого населения, изучить их положение в начале Великой Отечественной войны. Лица немецкой национальности из АССР немцев Поволжья, Крымской АССР, Украинской ССР по Указу от 28 августа 1941 г. высылались на территорию Казахской ССР, в том числе в Кустанайскую область. Их продолжали и после начала войны принимать в ряды КП(б) Казахстана. За редким исключением вся депортированная в Казахстан немецкая интеллигенция использовалась в колхозах Казахстана в качестве неквалифицированной рабочей силы. Это свидетельствует о факте дискриминации лиц по национальному признаку. Материалы статьи позволят продолжить поисковую работу ученых, краеведов, потомков депортированных по установлению судеб их родных и близких, подтверждению нахождения на спецпоселении. *Вклад авторов.* А.М. Беркимбаева изучила корпус архивных дел в Государственном архиве Костанайской области, реконструировала биографии отдельных представителей интеллигенции, оценила демографические изменения в составе населения Казахстана в период войны, экономическое положение в республике. Н.Э. Вашкау проанализировала историографию, провела сравнительный анализ положения учителей в местах компактного проживания до

выселения и меры государства по созданию национальной немецкой школы в АССРНП. Изучила личные данные депортированных учителей, партийный стаж и участие в общественной работе. Провела контент-анализ социального портрета интеллигенции из среды российских немцев. Д.М. Легкий рассмотрел партийные постановления и делопроизводственную документацию местных органов власти и представил изменения в политической обстановке по отношению к немцам на местном уровне, соответствующие директивным секретным инструкциям и приказам разных уровней партийной и советской власти, сформулировал выводы и рекомендации по использованию результатов научной и просветительской деятельности.

Ключевые слова: АССР немцев Поволжья, Великая Отечественная война, депортация, интеллигенция, Казахская ССР, коммунисты, немцы, учителя.

Цитирование. Вашкау Н. Э., Легкий Д. М., Беркимбаева А. М. «Немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять». Положение немецкой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (на примере Кустанайской области Казахстана) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 105–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.9>

Введение. Рассмотрев проблему выбора пути учительской интеллигенции в Республике немцев Поволжья после 1917 г. [5], российские и казахстанские исследователи, занимающиеся историей школьного и вузовского образования немецкого населения в СССР [3; 13], поставили цель – проследить судьбу учителей, членов партии большевиков после депортации лиц немецкой национальности по Указу Президиума Верховного Совета СССР в августе – сентябре 1941 г. на территории Сибири и Казахстана. Объектом исследования стала немецкая интеллигенция, в частности учительство, бывшее наиболее многочисленным отрядом.

Война создала сложную ситуацию для руководства республики: на территории Казахской ССР оказались не только эвакуированные из западных областей страны – в местах выселения встретились два разных потока лиц немецкой национальности. С одной стороны, местное немецкое население, проживающее в Казахстане с дореволюционных времен; с другой – депортированные немцы из Поволжья и других мест компактного проживания. Эта проблема недостаточно изучена.

Опираясь на новую архивную базу, авторы поставили цель: показать место и роль немецкой интеллигенции – коммунистов и беспартийных – в местах нового проживания. Как складывалась жизнь интеллигенции на новых местах? Как менялось отношение властных структур к депортированному населению, насколько можно говорить об исполнении указов и инструкций, идущих из центра, в условиях военного времени – идеологичес-

кого, национального и классового неприятия переселенцев.

Немцы в Казахстане после 1917 г., как и в остальных частях страны, активно участвовали в экономической и общественной жизни, перенесли все эксперименты советской власти. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в КазССР проживало 92 571 немцев, из них в Кустанайской области насчитывалось 9 794 человека [9, с. 390]. Их принимали в ряды ВЛКСМ и ВКП(б), они получали высшее образование, занимали высокие должности. При открытии 1 сентября 1939 г. Кустанайского учительского института Казахской ССР на отделении немецкого языка в списке из 28 студентов – 25 были немцы [13], а их преподаватель Эрика Кубилнос – из числа немецких ссыльных [14, с. 22, 212].

Методы и материалы. Российские исследователи в качестве научной проблемы поставили вопрос о статусе депортированных немецких коммунистов, членов ВКП(б) [17; 25]. Немецкую тематику в русле истории народов Казахстана освещают казахстанские историки [9, с. 379–392; 24] и архивные работники Костанайской области [1; 4, с. 887–897]. Информационные порталы регулярно публикуют новые материалы по генеалогии, краеведению, этнографии, истории депортированных немцев в период Великой Отечественной войны [10; 11; 18].

Опираясь на методологические принципы объективности и историзма, авторы изучили рассекреченные документы государственных и партийных органов областного и республиканского уровней о положении депор-

тированных немецких специалистов, в том числе членов ВКП(б). Статистические методы применялись для анализа архивных списков переселенцев-немцев, прибывших в Кустанайскую область в 1941 г., для сопоставления информационных сводок о составе, передвижении прибывших немецких учителей [20, л. 1–682], в которых указаны, помимо личных данных, место работы и специальность, партийность [1]. Это уникальный источник для исследователей. Особый интерес вызывают постановления бюро Кустанайского обкома КП Казахстана в «Особой папке за 1941 г.» [16], впервые вводимые в научный оборот.

Часть документов была опубликована в тематических сборниках в Казахстане [8; 11]. Для исследования важным источником является публикация сборника документов «Списки депортированных российских немцев», который помогает установить численность и биографические данные выселенных и прибывших в Казахстан немцев [19].

Таким образом, широкая источниковедческая база позволила рассмотреть реальное положение немецкой интеллигенции, в том числе партийной номенклатуры, депортированной в начале Великой Отечественной войны на территорию Казахской ССР, в частности в Кустанайскую область. Хронологические рамки определены временем принятия партийно-государственных решений, прибытия и размещения немцев в местах расселения (август – декабрь 1941 г.).

Анализ. Поскольку выселение немцев было проведено в кратчайшие сроки, без публикации указа в периодической печати КазССР, обнаружилось, что ни рядовое население казахских колхозов или городков, ни власти на местах не были готовы ни экономически, ни ментально принять немцев. Немцы, приехавшие в конце XIX в., жили обособленными селами и мало контактировали с местным населением. Депортированные немцы в условиях войны, массовой пропаганды против фашизма подсаживались на основании приказов в казахские семьи. Колхозы должны были выделять денежные средства, продовольствие, рабочие места. Все это создавало напряжение на местах.

1 сентября 1941 г. было принято совместное постановление СНК Казахской ССР и

ЦИК КП(б)К, посвященное мерам приема, размещения и хозяйственного устройства немцев-переселенцев из Саратовской, Сталинградской областей и Республики немцев Поволжья. В нем речь шла только о приеме и расселении, снабжении всем необходимым, обеспечении жильем, продовольствием и распределением по районам и областям [8, с. 95–96; 19]. Из АССР немцев Поволжья 8 сентября 1941 г. был направлен в Кустанайскую область эшелон № 805, затем прибыли 7 эшелонов (16,2 тыс. человек), в Казахскую ССР было отправлено 117,7 тыс. человек, а в целом в Сибирь и Казахстан – 451 986 человек [6, с. 420, 436, 441]. Отдельными составами прибыли эшелоны из Крымской АССР, Украинской ССР. По решению ГКО СССР от 13 октября 1941 г. переселили немцев из Грузинской, Армянской, Азербайджанской республик и 5 тыс. человек отправили в Кустанайскую область, где до переселения числилось 8 000 немцев, а на декабрь 1942 г. расселено 53 317 человек [8, с. 105, 135].

Кустанайский областной комитет КП(б) Казахстана 5 сентября 1941 г. принимает постановление «О расселении прибывающих в Кустанайскую область немцев из Республики немцев Поволжья и других областей» за подписью секретаря обкома КП(б)К Н.И. Журина. В документе предлагалось утвердить представленный план расселения прибывающих в область 20 тысяч человек. Секретарей райкомов КП(б)К и председателей исполкомов райсоветов обязали расселить прибывших «целыми колхозами путем вселения в существующие колхозы или путем расселения на новых местах», с требованием «в суточный срок определить и представить обкому КП(б)К название колхозов, поселков с указанием количества принимаемых ими переселенцев» [16, л. 157]. Статус немецкого населения в документах четко определялся как «переселенцы».

В итоге прибывшие немцы оказались в одних и тех же колхозах, что и многочисленные «крестьяне-добровольцы» 1940 г. из автономных республик (таких же, как и немецкая) – Мордовской АССР, Чувашской АССР, Татарской АССР, что было проведено в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «О льготах по сельскохозяйственному

переселению» от 17 ноября 1937 г. [18]. Однако в условиях войны осенью 1941 г. немцев-переселенцев отказывались принимать даже в немецкие колхозы. Так, заместитель председателя исполкома Кустанайского облсовета П. Мачнев в октябре 1941 г. отмечал отказ в приеме немецких переселенцев в колхозе «Нойес лебен» Кустанайского района и потребовал решить вопрос о «приеме в колхоз немцев на общих основаниях» [4, с. 892]. Пропаганда в период войны под лозунгом «Убей немца», тяжкие поражения на фронтах, похорошки – все это подготовило почву для неприятия тысяч семей в республику с инонациональным и инорелигиозным составом.

В Казахстане профессиональный состав немецких переселенцев был разнообразным. С первой волной «прибыли учителя, врачи, инженеры, журналисты, писатели, библиотекари, студенты, актеры, артисты» [24, с. 42]. О противоречивом положении немецких учителей, немецкой партийной интеллигенции в период депортации в Казахстан свидетельствуют документы военного времени. Списки переселенцев-немцев, прибывших в 1941 г., по двум районам Кустанайской области (Карасуском и Пешковском) позволяют выяснить порядок размещения депортированных немецких учителей.

Учителей из АССР немцев Поволжья распределили по колхозам Карасуского района. Однако они не были задействованы в школах, все стали членами колхозов, хотя в сопроводительных списках четко было указана профессия – учитель или педагог. В Кушмурунском совхозе (поселке Люблинка и фермах № 1, 4, 5) оказалась городская учительская интеллигенция, до войны пять педагогов из города Мелитополь работали в системе народного образования. Неизвестно, кем стал работать и на какой ферме Роберт Траубер из Мелитопольского педагогического института, внесенный в этот список. Семь человек трудились учителями в двух сельских школах. Только один «Колхоз им. Ильича» Карасуского района принял 17 учителей из Запорожской и Николаевской областей, из Крымской АССР и одного педагога из АССР НП [20, л. 136–142].

Больше всего учителей из немецкой автономии оказалось в колхозе «Дружный

труд» – 12 человек, в том числе из Новоузенского педучилища три учителя и один библиотекарь. Никто из них не получил работу по специальности, всех отправили «на поля и фермы». В колхозе 12 депортированных немцев-учителей и один библиотекарь из АССР НП трудились (не по своим специальностям) на полях и фермах. Среди них (судя по графе «выполняемая работа» в разделе «где работал до эвакуации») были квалифицированные кадры и для военного времени: «военрук и физрук», два учителя немецкого языка, два учителя физики и математики, завуч и еще шестеро учителей по разным предметам [20, л. 137]. За высокие показатели на уборке урожая 1942 г. Карасуский район был занесен на республиканскую Доску почета, а колхоз «Дружный труд» внес в Фонд обороны 3 000 пудов хлеба, а также 500 тыс. рублей на строительство танковой колонны «Кустанайский колхозник» [7].

Возникает вопрос: может, все-таки кто-то из педагогов, опытных учителей работал по специальности? Ответ однозначный – нет. Об этом свидетельствует «Список немцев-переселенцев, прибывших в Пешковский район. Время прибытия 11 сентября 1941 г.». В списке значатся: Фридрих Мут, учитель; Амалия Крамар, «редактор газеты, по профессии учитель»; Николай Приб, «учитель, директор НСШ»; Мария Приб, учитель; Иоганн Керхер, «учитель, завуч районо» [11].

Доказательством дискриминации стало полное отсутствие данных о немецких учителях в документе «Материалы о направлении на работу эвакуированных за 1941 г.» [15]; в списках эвакуированных педагогов по районам Кустанайской области за 1941–1942 гг. [21] ни в одной из школ лица немецкой национальности не значатся.

Наряду с этим «во время переселения немцы, как правило, сохраняли членство в ВКП(б) и комсомоле» [25], они участвовали на партийных конференциях и собраниях. Многие из них в период выселения не смогли снять с партучета на прошлом месте прикрепления, что отмечалось в циркулярном письме орготдела ЦК КП(б)К от 6 апреля 1942 года. В документе подчеркивалось, что отдельные обкомы «не озаботились запросить учетные карточки коммунистов с прежних мест учета».

В результате они «стоят на временном учете» [8, с. 120].

В Казахской ССР численность немцев, имеющих членский билет ВКП(б), была весьма незначительной. На учете в Кустанайской областной парторганизации на 3 октября 1941 г. состояло 68 немцев-коммунистов из 39 452 депортированных немцев. Об этом свидетельствует «Список членов и кандидатов партии по национальности немцы по Кустанайской области на октябрь 1941 года» [23].

Многие немецкие коммунисты входили в партийную номенклатуру, где оказались вместе как местные немцы, так и депортированные. В четырех районах Кустанайской области они были председателями в девяти колхозах. В партийном списке значились: Затобольский РК КП(б)К: «№ 19. Р. Доблер. К-з им. Крупской»; Мендыгаринский РК КП(б)К. «27. К. Ольденбургер. К-з им. К-Маркса», 35. Я. Шваб. К-з им. Найесверк; Тарановский РК КП(б)К. «53. Глазер. К-з Новый быт. /.../ 55. Екатер. Вейнсберг. Аманкарагайский совхоз, ... 59. Э. Кунц. К-з Роте-Фанс /.../ 60. М. Куппер. К-з Най-Фельд. 61. Л. Шерер. К-з Карла-Маркса»; Кустанайский РК КП(б)К: «68. И. Вильнер. К.з им. Ворошилова». Кроме того, среди немецких коммунистов было два председателя сельских советов: Кустанайский РК КП(б)К: 42. П. Фикс. Москалевский п/сов.; Семиозерный РК КП(б)К. «61. Я. Эрст. Нелюбинский с/совет. /.../ 63. О. Шерер. К-з Нейс-Лебен. Озерный с/исполк.» [23, л. 71–73]. Такая же ситуация складывалась в районах Западной Сибири, когда депортированные немцы из числа приехавших осенью 1941 г. занимали руководящие должности, были председателями колхозов. Основными критериями были партийность и профессионализм в порученном деле [17, с. 187].

Сохранили свои должности и все немцы, члены ВКП(б), проживающие в КазССР до Великой Отечественной войны. В Затобольском районном центре работали два коммуниста: заведующим райсберкассой – Р.Р. Эрмандраут («член, 1941») и учитель средней школы – Ф.И. Мицель («кандидат, 1940») [22]. Это еще раз показывает, что перед войной немцы не выходили из доверия партии. В городе Кустанае директором подсобного хозяйства в Облторге работал А.Ф. Рейнерт, получивший

партбилет в июле 1941 г. (через месяц после начала войны), а кандидатом в члены КП(б)К он стал в горкоме партии в 1940 г. [23, л. 78].

Доказательством того факта, что депортированных из Поволжья (в документе – «Немецкой республики») немцев – коммунистов и кандидатов в члены партии – ставили на партийный учет, служит письмо от 9 октября 1941 г. в учетный сектор Кустанайского обкома: «Затобольский райком КП(б)К направляет список коммунистов и кандидатов КП(б)К по национальности немцы, прибывшие из Нем. Республики с открепительным талоном, но не состоявшие на партийном учете» [22, л. 47]. Вскоре, 13 октября 1941 г., секретарь Затобольского РК КП(б)К Филиппенко предоставляет требуемый список. Таким же образом горкомы партии (секретарь Хрусталева и зав. сектором партстатистики Поляков) подписывают соответствующее письмо: «Кустанайский Горком КП(б)К при этом направляет список членов КП(б)К – состоящих на партийном учете по состоянию на 3-е октября 1941 г. по национальности немцы» [12, л. 261].

Вместе с тем члены партии из депортированных немцев зимой 1941/42 г. оказались в сложной ситуации. Так, «бывший партийный работник Т. Гонфауд» от лица жителей п. Викентьевки писал председателю Тарановского райсовета: «Почему же эвакуированным все дают, а нас не хотят слушать, эвакуированным ремонтируют квартиры, а переселенцы должны искать ветра в поле» [4, с. 893].

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны положение лиц немецкой национальности (в том числе партийной, творческой, научной интеллигенции) оказалось весьма противоречивым. С одной стороны, вместо статуса эвакуированных они стали «немцами-переселенцами» с вытекающими последствиями репрессивного порядка. С другой стороны, их не исключали из партии, а наоборот, немцы, кандидаты в члены ВКП(б), получали партийные билеты (под грифом «Секретно»). Заметим, что это относилось не только к местным, но и депортированным немцам-коммунистам. Если в первые месяцы войны выселенные немцы воспринимались советскими и партийными органами как «эвакуированные», то затем на места их прибы-

тия поступили строгие предписания – «немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять» [25, с. 120], или «выселенных немцев к эвакуированному населению не причислять» [2, с. 59, 176]. Это сразу создало подозрительное отношение и к прибывшей немецкой интеллигенции. Такое неприятие в общественном мнении высланного немецкого населения (в первую очередь интеллигенции) стало результатом депортационной политики сталинизма.

В период Великой Отечественной войны депортированные немцы вместе с советским народом достойно выполняли свой гражданский и партийный долг, отдавая все силы на укрепление и защиту Отечества. В целом результаты работы показывают, что проблема изучения правового *положения депортированной интеллигенции*, коммунистов немецкой национальности остается открытым.

Результаты. В ходе исследования были достигнуты следующие результаты: введены в научный оборот рассекреченные документы государственных и партийных органов областного и республиканского уровней периода Великой Отечественной войны. На основе анализа списков поставленных на учет выявлено, что во время депортации в Казахстан немецкую интеллигенцию направили работать не по специальности, а простой рабочей силой в колхозы. Это доказывает факт дискриминации лиц немецкой национальности. На основании документов Кустанайской областной партийной организации рассмотрены особенности положения немцев, членов ВКП(б), в условиях депортации, которые находились в двойственном положении в государстве, которое выразило им политическое недоверие, учредив режим спецпоселения до 1955 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко, М. А. История депортации немцев по документам Государственного архива Кустанайской области / М. А. Алексеенко // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. – М. : МСНК-Пресс, 2011. – С. 877–897.
2. Белковец, Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении

1941–1955 гг. : Историко-правовое исследование / Л. П. Белковец. – 2-е изд. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 359 с.

3. Беркимбаева, А. М. «Облоно не охватило всех эвакуированных детей учебой». Школьное обучение детей из эвакуированных и депортированных семей в годы Великой Отечественной войны (на примере Кустанайской обл. Казахской ССР) / А. М. Беркимбаева, Д. М. Легкий // История. Память. Люди / ред. А. И. Барон. – Алматы : Архив Президента Республики Казахстан, 2019. – С. 192–202.

4. Буданова, Ю. П. Мобилизация немецких спецпереселенцев в трудовые колонны в Тарановском районе Кустанайской области (1942–1943 гг.) и материальное положение депортированных немцев в Кустанайской области / Ю. П. Буданова // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. – М. : МСНК-Пресс, 2011. – 920 с.

5. Вашкау, Н. Э. Немецкая учительская интеллигенция: выбор пути / Н. Э. Вашкау // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2005. – № 10. – С. 21–26.

6. Герман, А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 / А. А. Герман. – М. : МСНК-Пресс, 2007. – 576 с.

7. Голомидова, Л. История Карасуского района / Л. Голомидова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1235&Itemid=51 (дата обращения: 06.02.2021). – Загл. с экрана.

8. Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг. : сб. док. // Архив Президента Республики Казахстан / отв. ред. Г. А. Карпыкова. – Алма-Аты ; М. : Готика, 1997. – 376 с.

9. История Казахстана. Народы и культуры / Н. Э. Масанов [и др.] – Алматы : Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.

10. История российских немцев // Информационный портал российских немцев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://geschichte.gusdeutsch.ru/20/70> (дата обращения: 16.01.2021). – Загл. с экрана.

11. Козыбаев, А. Г. Список немцев-переселенцев, прибывших в Пешковский район / А. Г. Козыбаев // Список немцев-переселенцев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://Kostanay1879.ru/index.php> (дата обращения: 16.01.2021). – Загл. с экрана.

12. Кустанайский ГК КП/б/К. Хрусталева и Поляков в Кустанайский обком КП/б/К. 13 октября 1941 г. // Государственный архив Кустанайской области (ГАКО). – Ф. 72-П. – Оп. 6. – Д. 165. – 261 л.

13. Легкий, Д. М. «Зачисляются на одногодичные курсы по немецкому языку согласно списка».

Немцы, студенты Кустанайского учительского института Казахской ССР (1939–1941 гг.) / Д. М. Легкий // Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития / гл. ред. И. А. Селезнева. – М.: Ин-т наследия, 2017. – С. 124–131.

14. Легкий, Д. М. Кустанайский государственный учительский институт в годы войны / Д. М. Легкий. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2010. – 252 с.

15. Материалы о направлении на работу эвакуированных за 1941 г. // ГАКО. – Ф. 72-П. – Оп. 6. – Д. 165. – 88 л.

16. О расселении прибывающих в Кустанайскую область немцев из Республики немцев Поволжья и других областей // Государственный архив Костанайской области (ГАКО). – Ф. 72-П. – Оп. 6. – Д. 19. – 157 л.

17. Обердерфер, Л. И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.): Действительность и правовой статус / Л. И. Обердерфер // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2002. – С. 187–200.

18. Социально-демографические процессы в Казахстане (1897–1992 гг.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9314> (дата обращения: 16.01.2021). – Загл. с экрана.

19. Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской: сб. документов: в 2 т. / сост.: Н. Э. Вашкау, Е. Л. Фурман, Л. А. Фалалеева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – Т. 1. – 637 с. – Т. 2. – 584 с.

20. Списки переселенцев-немцев, прибывших в Кустанайскую область в 1941 году // Государственный архив Костанайской области (ГАКО). – Ф. П-268. – Оп. 1. – Д. 401. – 682 л.

21. Список учителей, эвакуированных по районам Кустанайской области за 1941–1942 гг. // Государственный архив Костанайской области (ГАКО). – Ф. 250. – Оп. 1-л. – Д. 38. – 139 л.

22. Список членов и кандидатов партии по национальности немцы по Затобольскому району. 13.X.1941 г. // Государственный архив Костанайской области (ГАКО). – Ф. 72-П. – Оп. 6. – Д. 165. – Л. 47.

23. Список членов и кандидатов партии по национальности немцы по Кустанайской области на октябрь 1941 года // Государственный архив Костанайской области (ГАКО). – Ф. 72-П. – Оп. 6. – Д. 165. – Л. 71–78.

24. Табулденов, А. Н. Динамика численности депортированных народов в Северном Казахстане в 30–40-х гг. XX в. / А. Н. Табулденов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 34–47.

25. Чебыкина, Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945) / Т. Чебыкина // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. – С. 118–127.

REFERENCES

1. Alekseenko M.A. *Istoriya deportacii nemcev po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Kustanajskoj oblasti* [The History of the Deportation of Germans According to the Documents of the State Archive of Kustanai Region]. *Nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny i deportaciya rossijskih nemcev: vzglyady i ocenki cherez 70 let* [The Initial Period of the Great Patriotic War and the Deportation of Russian Germans: Views and Assessments in 70 Years]. Moscow, MSNK-Press Publ., 2011, pp. 877-897.

2. Belkovec L.P. *Administrativno-pravovoe polozhenie rossijskih nemcev na specposelenii 1941–1955 gg.: Istoriko-pravovoe issledovanie* [Administrative and Legal Status of Russian Germans in the Special Settlement of 1941–1955: Historical and Legal Research]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPJeN), 2008. 359 p.

3. Berkimbaeva A.M., Legkij D.M. «OblONO ne ohvatilo vsekh evakuirovannyh detej uchyoboj». SHkol'noe obuchenie detej iz evakuirovannyh i deportirovannyh semej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Kustanajskoj obl. Kazahskoj SSR) [“The Regional Department of Public Education Did Not Provide Studies for All the Evacuated Children”. School Education for Children from Evacuated and Deported Families During the Great Patriotic War (On the Example of Kustanai Region, Kazakh SSR)]. *Istoriya. Pamyat'. Lyudi* [History. Memory. People]. Almaty, Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, 2019, pp. 192-202.

4. Budanova Yu.P. Mobilizaciya nemeckih specpereselencev v trudovye kolonny v Taranovskom rajone Kustanajskoj oblasti (1942–1943 gg.) i material'noe polozhenie deportirovannyh nemcev v Kustanajskoj oblasti [Mobilization of German Special Settlers in Labor Columns in the Taranovsky District of Kustanai Region (1942–1943) and the Financial Situation of the Deported Germans in Kustanai Region]. *Nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny i deportaciya rossijskih nemcev: vzglyady i ocenki cherez 70 let* [The Initial Period of the Great Patriotic War and the Deportation of Russian Germans: Views and Assessments in 70 Years]. Moscow, MSNK-Press Publ., 2011. 920 p.

5. Vashkau N.E. Nemeckaya uchitel'skaya intelligenciya: vybor puti [German Teachers'

Intelligentsia: Choosing the Path]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2005, no. 10, pp. 21–26.

6. German A.A. *Nemeckaya avtonomija na Volge. 1918–1941* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Moscow, MSNK-Press Publ., 2007. 576 p.

7. Golomidova L. *Istoriya Karasuskogo rajona* [History of the Karasu District]. URL: https://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1235&Itemid (accessed 6 February 2021).

8. Iz istorii nemcev Kazahstana. 1921–1975 gg.: sb. dok. [From the History of the Germans in Kazakhstan. 1921–1975. Collection of Documents]. *Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. Alma-Aty, Moscow, Gotika Publ., 1997. 376 p.

9. Masanov N.E. et al. *Istoriya Kazahstana. Narody i kul'tury* [History of Kazakhstan. Peoples and Cultures]. Almaty, Daik Press Publ., 2000. 608 p.

10. *Istoriya rossijskih nemcev* [History of Russian Germans]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/20/70> (accessed 16 January 2021).

11. Kozybaev A.G. «Spisok nemcev-pereselencev pribyvshih v Peshkovskij rajon» [“List of German Immigrants Who Arrived in the Peshkovsky District”]. *Spisok nemcev-pereselencev* [List of German Immigrants]. URL: <https://Kostanay1879.ru/index.php> (accessed 16 January 2021).

12. Kustanayskiy GK KP/b/K. Khrustaleva i Polyakov v Kustanayskiy obkom KP/b/K. 13 oktyabrya 1941 g. [Kustanay GC CP/b/C. Khrustalev and Polyakov to the Kustanay Regional Committee of the CP/b/C. October 13, 1941]. *Gosudarstvennyy arkhiv Kostanayskoy oblasti (GAKO)* [State Archives of Kostanay Region (SAKR)], f. 72-p, inv. 6, d. 165. 261 l.

13. Legkij D.M. «Zachislyayutsya na odnogodichnye kursy po nemeckomu yazyku soglasno spiska». Nemcy, studenty Kustanajskogo uchitel'skogo instituta Kazahskoj SSR (1939–1941 gg.) [“Enrolled in a One-Year German Language Course According to the List”. Germans, Students of the Kustanay Teachers' Institute of the Kazakh SSR (1939–1941)]. *Nemcy Kazahstana i Sibiri: istoriya i sovremennye problemy razvitiya* [Germans of Kazakhstan and Siberia: History and Modern Development Problems]. Moscow, Institut naslediya, 2017, pp. 124–131.

14. Legkij D.M. *Kustanajskij gosudarstvennyj uchitel'skij institut v gody vojny* [Kustanay State Teachers' Institute During the War]. Kostanay, Kostanayskiy pechatnyy dvor Publ., 2010. 252 p.

15. Materialy o napravlenii na rabotu evakuirovannyh za 1941 g. [Materials on the Direction of the Evacuees to Work]. *GAKO* [SAKR], f. 72-p, inv. 6, d. 165. 88 l.

16. O rasselenii pribyvayushchih v Kustanajskuyu oblast' nemcev iz Respubliki nemcev Povolzh'ya i drugih oblastej [On the Resettlement of Germans Arriving in Kustanay Region from the Volga German ASSR and Other Regions]. *GAKO* [SAKR], f. 72-p, inv. 6, d. 19. 157 l.

17. Oberderfer L.I. Deportirovannye nemcy v Zapadnoj Sibiri (1941–1944 gg.): Dejstvitel'nost' i pravovoj status [Deported Germans in Western Siberia (1941–1944): Reality and Legal Status]. *Sibir' v XVII–XX vekah: Problemy politicheskoy i social'noj istorii* [Siberia in the 17th–20th Centuries: Problems of Political and Social History]. Novosibirsk, Izd-vo Novosibir. gos. un-ta, 2002, pp. 187–200.

18. *Social'no demograficheskie processy v Kazahstane (1897–1992 gg.)* [Socio-Demographic Processes in Kazakhstan (1897–1992)]. URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9314> (accessed 16 January 2021).

19. Vashkau N.Je., Furman E.L., Falaleeva L.A., eds. *Spiski deportirovannyh rossijskih nemcev s territorij byvshej Respubliki nemcev Povolzh'ja, otoshedshih k Stalingradskoj oblasti: sb. dok.: v 2 t.* [Lists of the Deported Russian Germans from the Territories of the Former Volga German ASSR Who Went to Stalingrad Region. Collection of Documents. In 2 Vols.]. Volgograd, Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, 2015, vol. 1. 637 p.; vol. 2. 584 p.

20. Spiski pereselencev-nemcev pribyvshih v Kustanajskuyu oblast' v 1941 godu [Lists of German Immigrants Who Arrived in Kustanay Region in 1941]. *GAKO* [SAKR], f. p-268, inv. 1, d. 401. 682 l.

21. Spisok uchitelej, evakuirovannyh po rajonom Kustanajskoj oblasti za 1941–1942 gg. [List of Teachers Evacuated in the Districts of Kustanay Region for 1941–1942]. *GAKO* [SAKR], f. 250, inv. 1-1, d. 38. 139 l.

22. Spisok chlenov i kandidatov partii po nacional'nosti nemcy po Zatobol'skomu rajonu. 13.X.1941 g. [List of Party Members and Candidates of German Nationality in the Zatobolsk District. October 13, 1941]. *GAKO* [SAKR], f. 72-p, inv. 6, d. 165, l. 47.

23. Spisok chlenov i kandidatov partii po nacional'nosti nemcy po Kustanajskoj oblasti na oktyabr' 1941 goda [List of Party Members and Candidates of German Nationality in Kustanay Region As of October 1941]. *GAKO* [SAKR], f. 72-p, inv. 6, d. 165, l. 71–78.

24. Tabuldenov A.N. Dinamika chislennosti deportirovannyh narodov v Severnom Kazahstane v 30–40-h gg. XX v. [Dynamics of the Number of Deported Peoples in the Northern Kazakhstan in the 30s–40s of the 20th Century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Vestnik of Omsk University. Series “Historical Sciences”], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 34–47.

25. Chebykina T. Deportaciya nemeckogo naseleniya iz evropejskoj chasti SSSR v Zapadnyu Sibir' (1941–1945 gg.) [Deportation of the German Population from the European Part of the USSR to Western Siberia

(1941–1945)]. *Repressii protiv rossijskih nemcev. Nakazannyj narod* [Repressions Against Russian Germans. Punished People]. Moscow, Zven'ja Publ., 1999, pp. 118-127.

Information About the Authors

Nina E. Vashkau, Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University, Lenina St, 42, 398020 Lipetsk, Russian Federation, vashkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Dmitriy M. Legkiy, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Kazakhstan, A. Baitursynov Kostanay Regional University, Baitursynova St, 47, 410000 Kostanay, Kazakhstan, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Assel M. Berkimbayeva, Master Student, Doctoral Student, Department of History of Kazakhstan, A. Baitursynov Kostanay Regional University, Baitursynova St, 47, 410000 Kostanay, Kazakhstan, Asel2691@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0499-2241>

Информация об авторах

Нина Эмильевна Вашкау, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Российская Федерация, vashkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Дмитрий Максимович Легкий, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова, 47, 410000 г. Костанай, Республика Казахстан, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Асель Муратовна Беркимбаева, магистр гуманитарных наук, докторант Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова, кафедра истории Казахстана, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова, 47, 410000 г. Костанай, Республика Казахстан, Asel2691@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0499-2241>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.10>

UDC 94(47+57)“1917/1991”:26-335
LBC 63.3(2)62-7

Submitted: 11.06.2021
Accepted: 30.08.2021

KARLAG IN THE FATE OF THE SCIENTIST ALEXANDRA ZAITSEVA

Arailym S. Mussagaliyeva

Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Roza M. Mussabekova

Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article examines the activities of the Russian repressed scientist, agronomist-soil scientist, laureate of the Lenin Prize in the field of agriculture Alexandra Zaitseva and her contribution to the development of agriculture in Kazakhstan. *Materials.* The article uses archival documents, and many sources are introduced into scientific circulation for the first time. In particular, the documents of the State Archive of Karaganda region on scientific and technical documentation, the State Archive of Akmola region and materials of periodicals of those years were studied. *Analysis and results.* The authors comprehensively investigate her scientific activities in Akmola and Karaganda regions and pay special attention to her contribution and new scientific discoveries in the steppe arid zone. The study examines the merits of A. Zaitseva in the opening of an experimental station as part of the Akmola camp of wives of “traitors to the Motherland”, known as the women’s camp in the Soviet Union. It also presents her activities as a researcher in Karlag as a head of the department of agrotechnics and agrochemistry during the Great Patriotic War and in the difficult post-war years. In particular, her contribution to the sowing of winter wheat on the stubble of spring crops and grassland crop-rotation, introduced into the production practice of collective and state farms in Karaganda region. Separately, her activities in the All-Union Research Institute of Grain Farming in Akmola region as a head of the department of agrosil science have been investigated. Particular attention is paid to her participation in the practices to reduce wind erosion while developing virgin and fallow lands in Northern Kazakhstan.

Key words: Alexandra Zaitseva, spring and winter wheat, grassland crop-rotation, soil science, practices to reduce soil erosion.

Citation. Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. Karlag in the Fate of the Scientist Alexandra Zaitseva. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 115-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.10>

УДК 94(47+57)“1917/1991”:26-335
ББК 63.3(2)62-7

Дата поступления статьи: 11.06.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

КАРЛАГ В СУДЬБЕ УЧЕНОГО АЛЕКСАНДРЫ ЗАЙЦЕВОЙ

Арайлым Сабитовна Мусагалиева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Роза Мадениетовна Мусабекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье авторы рассматривают деятельность российского репрессированного ученого, агронома-почвовед, лауреата Ленинской премии в области земледелия Александры Алексеевны Зайцевой и ее вклад в развитие сельского хозяйства Казахстана. Авторы комплексно исследуют ее научную деятельность в Акмолинской и Карагандинской областях и основное внимание уделяют ее вкладу и новым научным открытиям в степной аридной зоне. Отмечена заслуга А. Зайцевой в открытии опытной станции

в составе Акмолинского лагеря жен «изменников Родины», известного как женский лагерь в Советском Союзе, а также ее деятельность как научного сотрудника в Карлаге в должности заведующего отделом агротехники и агрохимии в период Великой Отечественной войны и в трудные послевоенные годы. Она сделала большой вклад в решение проблем посевов озимой пшеницы по стерне яровых культур и травопольных севооборотов, внедренных в производственную практику колхозов и совхозов Карагандинской области. Авторы отдельно исследуют деятельность А.А. Зайцевой во Всесоюзном НИИ зернового хозяйства в Акмолинской области в качестве заведующего отделом агропочвоведения. Особое внимание обращают на ее участие в борьбе с ветровой эрозией почвы при освоении целинных и залежных земель в Северном Казахстане. В статье использованы документы Государственного архива Карагандинской области по научно-технической документации, Государственного архива Акмолинской области и материалы периодической печати тех лет, многие вводятся в научный оборот впервые. *Вклад авторов.* А.С. Мусагалиева осуществляла общее руководство исследованием, изучала источники и историографию проблемы, редактировала окончательную версию; Р.М. Мусабекова выполнила интерпретацию источников, обзор литературы, написание текста статьи.

Ключевые слова: Александра Зайцева, яровая и озимая пшеница, травопольные севообороты, почвоведение, борьба с эрозией земли.

Цитирование. Мусагалиева А. С., Мусабекова Р. М. Карлаг в судьбе ученого Александры Зайцевой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 115–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.10>

Введение. Казахстан в советское время стал центром воплощения идей репрессированных российских ученых. Этому предшествовала лагерная экономика советской власти. В 1930-е и 1950-е гг. шло интенсивное освоение центральной и северной частей Казахстана как аграрного и сельскохозяйственного комплекса. Для этого использовался Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, который был открыт в 1931 г. в составе ГУЛАГа. Таким образом, аграрная история Карлага тесно связана с учеными, которые были отправлены в ссылку в Казахстан. Именно они начали внедрение аграрного кластера в Казахстане.

Актуальность темы статьи обусловлена использованием новых архивных документов о деятельности российских репрессированных ученых на казахской земле – долгое время они были недоступными. К тому же аграрная история советской системы в Казахстане продолжает оставаться одной из самых малоисследованных, в том числе развитие и история сельского хозяйства в казахстанском филиале ГУЛАГа в 1940–1950 гг., а также вклад репрессированных ученых в освоение целинных и залежных земель в Северном Казахстане.

Одним из сотрудников Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции была известная ученый-аграрник Александра Зайцева. О ее научной деятельности в казахстан-

ской аграрной сфере нет специального исследования историков. Ее соратниками и краеведами написаны только статьи-воспоминания, где обсуждают проводимые ею научные исследования [6; 15; 23]. Однако эти публикации не в полной мере раскрывают научно-исследовательскую работу А. Зайцевой. Особенно следует отметить деятельность ученого во время Великой Отечественной войны, так как в это время аграрная сфера республики была очень важной в народном хозяйстве страны.

Краткая биография Александры Зайцевой. Родилась 21 сентября 1900 г. в станице Николаевская, под Армавиром, умерла в январе 1981 г. в Казахстане. Она выпускница Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. После учебы была оставлена на кафедре почвоведения этой академии. В 1931–1934 гг. работала заведующей отделом в Институте каучука и гуттаперчи в Москве. Затем А. Зайцева трудилась в отделе географии Всесоюзного института растениеводства, во главе которого стоял Н.И. Вавилов, после перевелась в Ярославскую селекционную секцию [23]. Но ее судьба изменилась в один день.

Методы и материалы. История научно-исследовательской работы Карагандинского исправительного лагеря, как и других лагерей и опытных станций, мало изучена. Она остается в тени других тем принудительного

труда сталинских лагерей. Но главная причина в том, что документы Карагандинского исправительно-трудового лагеря были долгие годы засекречены.

Безусловно, тема репрессированных ученых ГУЛАГа в российской историографии одна из самых исследованных [27; 28], ибо репрессии против ученых в России шли в небывалом масштабе после Октябрьского переворота в 1917 году. Многие российские историки изучают лагерную экономику, и вклад в ее развитие советских ученых раскрывается особенно [5; 12; 36]. Исследуется развитие регионов, поставка рабочей силы, эксплуатация без ограничений, эффективность труда заключенных в СССР.

В Казахстане центром лагерной экономики был Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Следует заметить, что в период войны для обеспечения народа сельскохозяйственной продукцией высокими темпами развивалась аграрная экономика Карлага.

В современной казахстанской историографии экономика Карлага мало исследовалась. В конце 1990-х гг. были изданы несколько статей историка Ж.Б. Абылхожина [2]. В своей публикации он остановился на деятельности Карлага, его вкладе в победу в годы Великой Отечественной войны, при этом не полностью представил роль и место советских ученых-заключенных в развитии научной деятельности лагерей. Также написаны очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря [22], в которых есть данные научно-исследовательских работ Карлага. Однако в указанных трудах отсутствуют какие-либо сведения о ссыльной Александре Зайцевой.

Также в эти годы появились несколько монографий по истории Карлага и АЛЖИРа, в них отражены основные направления и ключевые моменты формирования и существования этих лагерей, такие как место локаций и деятельность исправительно-трудовых лагерей, режим и условия содержания заключенных, организация труда в лагерях, участие заключенных в развитии промышленности Карлага, женский труд в АЛЖИРе и воспоминания узников невольного труда и т. д.

Так, книга историков Д.А. Шаймуханова и С.Д. Шаймухановой «Карлаг» является первым трудом по истории Карлага [37]. В гла-

ве «Сельское хозяйство и местная промышленность» авторы подробно описывают освоение земледелия заключенными Карлага, в том числе строительство и ирригационные работы, использование системы севооборота, развитие полеводства, участие заключенных в земледелии, животноводство и т. д. В главе «Научно-исследовательская деятельность ученых-заключенных Карлага» в основном кратко излагается деятельность Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции, делается обзор работ ученых, таких как Л.А. Пельчих, И. и Б. Фортунатовы, и других научных деятелей. Александру Зайцеву упоминают в списке ученых и не более. В главе «Женщины – узницы Карлага» в первую очередь повествуют об известных женщинах и их мужьях, а также рассматривают строительство и деятельность швейной фабрики при лагере, пишут об условиях содержания женщин в лагере. Но сельское хозяйство в этом лагере не привлекло должного внимания исследователей. Во многом это объясняется отсутствием доступа к источникам в то время.

По истории исправительно-трудовых лагерей на территории Казахстана С.Д. Дильмановым защищена докторская диссертация [8]. Автор раскрывает проблемы образования, развития, функционирования исправительно-трудовых лагерей на казахской земле, однако научно-исследовательской работе в лагерях уделено недостаточно внимания.

Наблюдается тенденция, что историки, описывая организацию труда в лагере, крайне мало внимания уделяют сельскому хозяйству. Например, в написанных книгах об АЛЖИРе рассматривается в основном организация и деятельность швейной фабрики, труд женщин, а о работающих в земледелии написано кратко. Г. Степанова-Ключникова – одна из первых узниц АЛЖИРа – опубликовала воспоминания об этом лагере [32; 33]. К сожалению, об аграрной истории лагеря или о деятельности А.А. Зайцевой в книге нет данных. Историк А. Кукушкина в своем исследовании, рассказывая об организации труда в лагере, подробно раскрывает работу швейной фабрики, обходя вниманием сельское хозяйство [14].

Есть работы казахстанских историков о деятельности Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции [39]. В статьях

исследована деятельность этой станции по растениеводству, использована отчетная документация, однако вклад советских ученых в развитие науки раскрыт недостаточно.

Карагандинские исследователи С.Д. Шаймуханова, М. Сулейменова в своих статьях рассматривают деятельность известных ученых, работавших в Карлаге. В статье К. Абдрахмановой представлена информация о репрессированных специалистах в области селекции, генетики, семеноводства Карагандинской опытной станции [1; 34; 38]. Однако многие агрономы-почвоведы остались без внимания.

Целью данной статьи является изучение вклада российских ученых в развитие казахстанской науки на примере отдельного ученого, рассмотрение вопроса освоения острозасушливой земли Центрального и Северного Казахстана как аграрного сельскохозяйственного комплекса страны.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности, системности. Использован метод системного анализа, позволяющий рассматривать деятельность репрессированного ученого в контексте становления аграрной сферы в центральной и северной частях Казахстана.

Источниковая база представлена архивными материалами Государственного архива Карагандинской области по научно-технической документации, Государственного архива Акмолинской области, которые впервые вводятся в научный оборот. Изучены разнообразные группы документов: протоколы заседаний Ученого совета сельскохозяйственной опытной станции Карлага НКВД СССР, отчеты отдела агротехники и агрохимии опытной станции, труды Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции совхоза НКВД, статьи научных сотрудников опытной станции, направленные для опубликования в периодической печати в разные годы, протоколы партийных собраний Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства им. А. Бараева.

Анализ. Деятельность Александры Алексеевны Зайцевой в Казахстане началась в качестве узницы Акмолинского лагеря жен «изменников Родины». Выдержки из биографии: «Приговорена 07.07.1938 ОСО при

НКВД СССР как член семьи “изменников Родины” к 3 годам ИТЛ. Прибыла в Акмолинское лагерное отделение 09.11.1938 из тюрьмы г. Ярославля» [35]. Таким образом она была отправлена в Акмолинское отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря.

В это время Акмолинский лагерь жен «изменников Родины» намечался как место для развития сельскохозяйственной культуры в Северном Казахстане. Для развития хозяйственной деятельности Акмолинскому отделению был выделен достаточный участок земельных угодий в сторону колхоза Ново-Ишимка (в западном направлении), протяженностью до 40 км. На этих участках засевали пшеницу, ячмень, овес, просо, в первые годы в пределах до 500 га. В последующие годы посевная площадь увеличивалась до 10 000 га [16]. О жизни в Акмолинском лагере жен «изменников Родины» вспоминает узница АЛЖИРа Патрунова (Каган) Анна Эммануиловна: «Был создан производственный отдел. В нем работали в основном агрономы и зоотехники. Создали опытную станцию, с опытными полями, на которых шла серьезная, кропотливая работа по отбору семян, по селекции. Шла интенсивная переписка через лагерное начальство с институтами и станциями, получали от них образцы семян. Высаживали на опытном поле, определяли потом лучшие образцы. Началась борьба с эрозией почвы. Работу на опытной станции возглавляла сначала Богомолова, потом Зайцева Александра. Это замечательный специалист и ученый» [13]. Женщины-узницы АЛЖИРа работали на полях Целиноградского района Акмолинской области.

Сотрудниками Акмолинского отделения Карлага были А. Зайцева, А. Руденко, М. Сенцова, М. Синепол, В. Юрина. Безусловно, непосредственное нахождение в среде узников лагеря ученых-аграрников, таких как А.А. Зайцева, могло влиять только с положительной стороны на развитие аграрного сектора.

7 октября 1939 г. по постановлению 4-го производственного совещания отдела селекции сельскохозяйственной опытной станции Карлага Акмолинский участок назвали опорным пунктом и обеспечили его отдельным бюджетом. Карагандинская станция осуществля-

ла конкретное руководство путем выезда работников Карлага [24, л. 116–134]. В 1940 г. директор сельхозячейственной опытной станции Карлага В.Н. Ферапонтова написала в отчете: «Акмолинским опорным пунктом проделана большая и ценная работа. Работа эта заслуживает всяческой поддержки, а между тем станция опорному пункту никакой помощи не оказала и устранилась от руководства им. Таким образом, все что было сделано в Акмолинске, является исключительно заслугой местных работников» [24, л. 10]. Таким образом, можем сказать, что именно ученые – узницы АЛЖИРа создавали аграрный сектор в Акмолинском отделении Карлага.

Постепенно Акмолинское отделение Карлага стало крупным производителем сельскохозяйственной продукции в Акмолинской области [16, с. 195]. Работа в отделении оживилась только в 1941 г., после отчета научным сотрудником А.А. Зайцевой [24, л. 3]. После этого с 1941 г. начальство Карлага приняло решение взять под свое руководство Акмолинский опорный пункт, как в методическом, так и в практическом отношении.

В 1941 г. Акмолинский опорный пункт стал называться Акмолинской сельскохозяйственной опытной станцией Карлага НКВД.

22 мая 1941 г. после освобождения из Акмолинского лагеря жен «изменников Родины» А. Зайцева осталась работать научным сотрудником на сельскохозяйственной опытной станции Карлага НКВД. Думаем, что это связано с ее активной деятельностью на Акмолинской опытной станции Карлага НКВД. За время работы в лагере А. Зайцева показала себя как опытный ученый-почвовед. Она сразу была утверждена на должность заведующей отделом агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции. На новом месте перед ней ставились сложные задачи. Работа на Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции была трудная, тем более что годы в период войны оказались крайне засушливыми и необходимо было провести многочисленные эксперименты и полностью изучить почву земель Центрального Казахстана.

Немного об истории опытной станции. Сельскохозяйственная опытная станция образована в Карлаге в 1938 г. на базе ранее уже действовавших научно-исследовательских

лабораторий [1, с. 4]. Значительное место в тематике станции занимали вопросы агротехники. Агротехнические исследования проводились на основе учения академика В.Р. Вильямса [13]. Александра Зайцева годами разрабатывала агротехнические рекомендации для Карагандинской опытной станции.

Карагандинская область являлась проблемным регионом для сельского хозяйства. Карагандинская опытная станция занималась изучением севооборотов и разработкой вопросов агротехники, озимых культур и многолетних трав, ведь, как известно, в сельскохозяйственной науке все решает работа в производстве, то есть полевая работа.

8 октября 1941 г. на заседании Ученого совета сельскохозяйственной опытной станции Карлага НКВД А. Зайцева, как заведующая отделом агротехники и агрохимии, представила тематический план на 1942 год. Главной задачей на 1942 г. являлось получение максимального количества зерна, учитывая, что в стране шла война. Тематический план необходимо было согласовать с представителями ГУЛАГа.

Основной темой группы агротехников являлась разработка технических приемов по возделыванию сельскохозяйственных культур в условиях богатого земледелия. В обсуждении доклада А. Зайцевой участвовали все ученые станции, в том числе С.И. Оболенский, А.А. Корнилов, Б.Н. Одинцов, С.А. Архангельский и др. На этом заседании ведущий ученый станции А. Корнилов с удовольствием отметил предложение, прозвучавшее в докладе А. Зайцевой. Речь шла об установившемся сотрудничестве между отделами агротехники и селекции. Он заметил: «Подобное заявление слышится у нас впервые» [24, л. 122]. В результате обсуждения тематического плана отдела агротехники и агрохимии было принято следующее постановление: признать необходимым в корне переработать тематику в части, касающейся вопросов поливного земледелия; темы по корнеплодам (картофель, свекла и др.) согласовать с отделом овощеводства, для чего создать комиссию в составе С.А. Архангельского, А.А. Зайцевой, А.Н. Казанского, А.А. Корнилова; детально разработать тематику по колхозному опытничеству [24, л. 134]. Кроме того, было много несогласованностей,

вызвавших дискуссии, но А. Зайцева все замечания приняла и обещала доработать.

Таким образом начался анализ хозяйственного опыта Карлага и достижений отдела агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции с целью внедрения в колхозное и совхозное полеводство Карагандинской области.

В 1942 г. А.А. Зайцева предлагала изучить влияние удобрений на урожай яровой и озимой пшеницы, планировала ставить опыты по выяснению доз и соотношений, а также способов и сроков внесения минеральных и органических удобрений [24, л. 119]. 25 ноября 1942 г. заместитель начальника управления Карлага Т. Катериненко и начальник СХР ГУЛАГа А. Гуцаки поставили такие основные задачи: получение возможно большего количества зерна, установление рентабельности богатого полеводства, расширение поливных площадей зерновых культур [24, л. 116]. Таким образом, опыты по озимой пшенице А.А. Зайцева планировала провести впервые.

В годы войны необходимо было принимать волевые решения, чтобы увеличить урожай сельскохозяйственной культуры. Одним из них было лиманное орошение в Центральном Казахстане. Этот опыт предлагала заведующая отделом агротехники и агрохимии Александра Алексеевна Зайцева.

В эти годы хозяйства, расположенные в зоне деятельности Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции, использовали сбросные воды для лиманного орошения полевых и кормовых севооборотов. На территории станции был заложен кормовой лиманный севооборот, а также организовано специальное лиманное опытное поле. Большой производственный опыт и специальные исследования станции позволили наметить особенности возделывания полевых культур при лиманном орошении [30, л. 43]. В Карагандинском лагере за счет лиманов и искусственно вырытых водоемов (конечно, техника при этом отсутствовала) орошаемые площади возросли с 5,6 тыс. га до 17,4 тыс. га, была удвоена площадь орошаемых сенокосов [2, с. 98]. Все это помогало работе агрономов на этой крайне засушливой земле Центрального Казахстана.

В результате проведения ирригационных работ и залиманивания дополнительно пашни

на площади 7 726 га, выполнения комплекса агротехнических мероприятий, работы с кадрами – в 1942 г. хозяйство Карлага перевыполнило план по зерновым культурам. При плане 272 850 ц было получено 320 804 ц, или 117,5 % плана. Валовой сбор подсолнечника составил 16 258 ц при плане 12 120 ц, или 134 %. Выведены скороспелые урожайные сорта проса для центральных и северных областей Казахстана, дающие урожайность до 46 % выше стандарта [37, с. 95].

В годы Великой Отечественной войны за 5 лет собрано зерновых культур более 7 800 тыс. пудов, картофеля – более 4 600 тыс. пудов, овощей и бахчевых – 9 млн пудов. Было выведено 16 сортов зерновых культур для засушливых районов, в том числе «Алгабасская» пшеница и просо «Долинское» № 86, которые были распространены во многие области Советского Союза. Эти факты говорят о том, что Карагандинский лагерь в годы войны внес значительный вклад в победу советского народа над фашистской Германией [8, с. 24–25].

В период войны необходимо было получать хороший результат и обеспечить население сельскохозяйственной продукцией. Урожай озимой пшеницы по совхозу НКВД в среднем за 1943 и 1944 гг. составил по 3,4 ц с гектара, столько же и по стерне, урожай ржи по обоим фонам был около 4 ц с гектара [9]. В опытах Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции с 1944 г. озимая пшеница была введена в специальный севооборот, в котором изучается система удобрений [30, л. 25]. Таким образом, А. Зайцевой в тяжелых условиях приходилось проводить сложные сельскохозяйственные эксперименты. Возросла в несколько раз ответственность за запланированные мероприятия.

А. Зайцева все свои опыты и отчеты по отделу агрохимии и агротехники опубликовала в средствах массовых изданий только после войны. Начиная с 1946 г. она стала часто писать и издавать различные статьи для обсуждения общественности. Перед публикацией каждой статьи А.А. Зайцева получала разрешение на издание работы от начальника 3-го управления и начальника сельскохозяйственного отдела ГУЛАГа МВД СССР.

Для Центрального Казахстана и для работы агрономов Карагандинской опытной

станции успешным был 1947 год. По обеспеченности влагой этот год отличался от предыдущих: в среднем за 16 лет (с 1931 по 1946 г.) годовое количество осадков составило 204,1 мм, в 1947 г. выпало 419,7 мм. Влажность почвы почти во всех опытах приближалась или даже превосходила оптимальную, и обычные для Центрального Казахстана засухи отсутствовали [18, л. 1]. В то же время были снижены средние температуры воздуха летом, повышена влажность воздуха. Это создало благоприятные условия для агрономии, в этом году получили высокий урожай. Отдел агрохимии и агротехники, возглавляемый А. Зайцевой, очень хорошо воспользовался этим периодом и плодотворно поработал. Благодаря повышенной влажности ученые смогли все опыты удачно сочетать с производством.

В 1948 г. в отделе агротехники и агрохимии изучались насущные темы: системы ротации в травопольных севооборотах на богаре, обработка почвы, системы удобрений. В июле этого года состоялось совещание выездной сессии ВАСХНИЛ в г. Омске под руководством Т.Д. Лысенко [19]. Доклад по итогам работы Карагандинского совхоза и станции был представлен заведующей отделом агротехники А. Зайцевой.

В 1948–1949 гг. отдел агрохимии и агротехники занимался изучением вопросов ротации в травопольных севооборотах на богаре, обработки почвы и систем удобрений. А. Зайцева уже возглавила группу агротехники и химизации. Стали внедрять агрохимические эксперименты на полях Карагандинской области.

В 1941–1949 гг. Карагандинская сельскохозяйственная опытная станция с площадей в несколько тысяч гектаров на лимане получила средний урожай зерновых культур по 10,9 ц [30, л. 43]. О проведенных работах в эти годы А. Зайцева написала в статье «Лиманное орошение в Карагандинской области» [30, л. 38–44]. Она отметила, что очередная задача сельского хозяйства Карагандинской области должна быть связана с усилением создания лесных насаждений на лиманных валах.

А. Зайцева продолжала о результатах всех своих опытов публиковать статьи на страницах разных газет и журналов. 18 ноября 1949 г. вышла в свет ее статья «Опыт ос-

воения травопольной системы земледелия в Карагандинской области», которая была посвящена учителю А.А. Зайцевой – академику В.Р. Вильямсу – в связи с десятилетием со дня его смерти в 1949 г. [31]. В этой работе она показала применение агротехнических исследований в Центральном Казахстане на основе учения академика В.Р. Вильямса.

Конечно, А. Зайцева как ученый теорию академика В.Р. Вильямса подготовила для карагандинской земли. Надо заметить, что ей было сложно теорию, созданную для европейской части Советского Союза, внедрять для засушливой территории Казахстана. Поэтому она тщательно исследовала природные условия Центрального Казахстана, вопросы использования естественных угодий, севооборотов, полезащитных лесных полос, строительства водохранилищ и орошений, обработки почвы в травопольном полевом севообороте, селекции сортов для местных условий, влияния комплекса травопольной системы земледелия на природную среду.

Надо отметить, что благодаря стараниям этих ученых карагандинская земля обогатилась и новые эксперименты изменили сельскохозяйственный облик региона. Уже к 1950-м гг. Центральный Казахстан стал успешным сельскохозяйственным кластером республики.

В конце 1950 и в начале 1951 г. отдел агротехники и агрохимии занимался сравнительным изучением методов определения почвенной структуры. Перед отделом встала настоятельная задача проследить процесс утери и восстановления структуры почвы в местных условиях [20]. Структурность почвы являлась одной из важных свойств, определяющих величину урожая сельскохозяйственных культур. Сотрудники отдела исследовали состояние почвы Карагандинской области с первых лет существования станции и Карагандинского совхоза.

Все эти годы А.А. Зайцева занималась озимой пшеницей. Она с каждым годом все глубже развивала эту теорию и проводила различные эксперименты. В 1951 г. Карагандинская область стала передовой в Казахской ССР по количеству посевов озимой пшеницы. В 1950–1951 гг. озимая пшеница высевалась на больших производственных площадях кол-

хозов и совхозов Карагандинской области. В 1951 г. Решением Правительства Казахской ССР предстояло посеять 24 200 га [30, л. 87, 258]. Под руководством А.А. Зайцевой Карагандинская опытная станция в течение четырех лет проводила опыты по применению подкормки озимой пшеницы на богаре.

Отдел агрохимии и агротехники Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции, возглавляемый А.А. Зайцевой, занимался выполнением различных экспериментов в Центральном Казахстане. В условиях данного региона вырастить сельскохозяйственные культуры было очень трудно, но ученые не сдавались. В эти годы в Карагандинской области сложился климат, крайне неблагоприятный для богарного земледелия, то есть крайне засушливый. Отдел агрохимии и агротехники в этот период провел масштабные исследования региона.

Например, в 1953 г. в отделе агрохимии и агротехники смогли создать группу агролесомелиорации, ведущую работу по освоению полезащитных полос на богарном опытном поле станции. 14 апреля 1953 г. к работам на лесных полосах приступили [21]. Каждое дерево было специально изучено, соблюдены все требования при посадке.

Когда началось освоение целинных и залежных земель в 1954 г. в Северном Казахстане, Карагандинская опытная станция приступила к выполнению новых видов сельскохозяйственных работ.

По итогам всех проведенных А.А. Зайцевой работ на Карагандинской опытной станции в 1957 г. она издала книгу «Яровая пшеница в острозасушливых районах» [11]. В 1958 г. А. Зайцева защитила кандидатскую диссертацию в Казахском государственном сельскохозяйственном институте на тему: «Возделывание яровой пшеницы в Центральном Казахстане» [10]. После защиты диссертации Александра Алексеевна перевелась на работу в НИИ зернового хозяйства в Акмолинской области [17]. Таким образом, она проработала на Карагандинской опытной станции с 1941 по 1959 год. Этот период был самым трудным и ответственным для становления ее как ученого. Только успешная работа и многочисленные опыты по изучению Центрального Казахстана показали ее с лучшей сторо-

ны как ученого-аграрника. Мы полагаем, что А. Зайцева стремилась продолжить свои исследования при освоении целинных и залежных земель Северного Казахстана.

В Институте большое значение имело открытие отдела агропочвоведения А. Зайцевой, к которому относились лаборатория солонцов, лаборатория физики почв, лаборатория агротехнических требований и оценки машин, лаборатория микробиологии, лаборатория почвозащитных мероприятий. Таким образом, Александра Зайцева руководила работой, которая непосредственно касалась борьбы с эрозией верхних слоев почв, в том числе ее защиты.

Как вспоминает академик Э. Госсен, в институте А.А. Зайцева являлась идеологом новой системы. Он пишет: «На ученых советах мы ждали ее выступления, они всегда были оригинальными, подмечая главное с неожиданной стороны. По ее инициативе к работе над проблемой были подключены службы “Гипрозем” республиканского и областного уровня, обозначен и сохранен девственный участок целины размером 200 га. Она была нашим кумиром, оберегала авторитет института, директора и своих сотрудников. К решению проблемы подходила со многих сторон, о чем говорят названия лабораторий, входящие в состав отдела. Кроме способности строить программы, разрабатывать методики отдела, А. Зайцева была центром института» [6, с. 11]. А. Зайцева говорила: «Я сама по профилю агроном-почвовед, и мне хорошо видно, что Бараевым, прежде всего Бараевым, при разработках системы создана совершенно новая школа. Понимаете, мы работали сами по себе. Отдельно почвоведы, отдельно селекционеры, отдельно биохимики, создатели техники. Ну, и ничего не получалось. А Бараев сумел увидеть все в комплексе, связать воедино весь узел проблем, объединить усилия специалистов различных профилей. Собирали данные по охвату эрозией по всем совхозам целины – это же немыслимая работа. Обследовали миллионы гектаров на легких почвах в Павлодарской области, на тяжелых – в Кокчетавской, составляли методики почвенно-эрозионных обследований» [7, с. 74–75]. Таким образом началась их совместная работа по борьбе с ветровой эрозией почв пос-

ле освоения целинных и залежных земель. Надо отметить, что научные исследования А.А. Зайцевой, которые были внедрены на Карагандинской опытной сельскохозяйственной станции, нашли свое продолжение в НИИ зернового хозяйства в Северном Казахстане.

Уже в 1960 г. Александра Алексеевна Зайцева вместе с директором Научно-исследовательского института зернового хозяйства А.И. Бараевым написала статью «Защита почв в северных областях Казахстана» [3]. В 1963 г. А.А. Зайцева совместно с А.И. Бараевым и Э.Ф. Госсеном издала книгу «Борьба с ветровой эрозией почв». Глава книги «Механизм разрушения почв при ветровой эрозии» написана А. Зайцевой [4]. Как она представляет проблему: «За последние годы в ряде областей Целинного и Западно-Казахстанского краев из-за несоблюдения многими совхозами и колхозами почвоохранных мер усилилась ветровая эрозия почв, наносящая огромный ущерб сельскому хозяйству республики. Вред, причиняемый ветровой эрозией, заключается не только в гибели урожая, но главное – в разрушении самой почвы, в значительном снижении ее плодородия. Ветром сносятся наиболее мелкие плодородные частицы почвы, поля заносятся песком, и на них не растут даже сорняки, так как небольшие ветры приводят в движение песчинки, засекающие растения» [4, с. 3]. Эта книга стала основной по борьбе с ветровой эрозией почв на целинной земле Северного Казахстана.

В 1966 г. в отделе агропочвоведения велась успешная разработка вопросов с ветровой эрозией, агротехническая оценка посевных и почвообрабатывающих орудий, агроэкономическая оценка полосных паров и целый ряд других вопросов. В 1967 г. А. Зайцева в книге «Проблемы сельского хозяйства Северного Казахстана и степные районы Западной Сибири» написала раздел «Причины возникновения ветровой эрозии почв». В 1968 г. Александра Алексеевна написала несколько разделов в книге «Теоретические вопросы обработки почв». Отделом агропочвоведения проводились исследования по изменению плодородия почв под воздействием новой системы обработки и удобрений; разработке конкретных предложений по освоению различных типов солонцов; совершенствованию приемов

защиты почв и посевов от ветровой эрозии; изучению микробиологической жизнедеятельности в почве при новых приемах обработки [25, л. 43]. Проводились исследования по теме: «Разработка теоретических основ и агротехнических методов борьбы с ветровой эрозией почв». На основании агротехнических требований, разработанных в отделе агропочвоведения, совместно с ВИМом и СКБ заводов сельскохозяйственного машиностроения сконструированы и производятся заводами новые орудия и машины: плоскорезы, глубокорыхлители, тяжные культиваторы, луцильники-сеялки и культиваторы-сеялки, а также орудия для закрытия влаги на фонах [26]. В лаборатории физики почв разрабатывалась методика определения ветроустойчивости поверхности почвы, которая используется при оценке противозерозионной техники и агротехнических приемов.

В трудах А.А. Зайцевой исследованы все способы защиты почв от эрозии и борьбы с ней, которые существовали и были актуальны на тот момент. Ученые института, исследовав все эти способы, пришли к мнению, что почвозащитная обработка с сохранением стерни и других растительных остатков на поверхности полей в степных эрозионно опасных зонах страны является самым действенным способом в борьбе с эрозией почв. Эта идея была предложена Всесоюзным НИИ зернового хозяйства [6, с. 419].

Надо отметить, что указанный институт был головным в СССР по проблеме защиты почв от ветровой эрозии. По этой теме работал отдел агропочвоведения, возглавляемый А. Зайцевой.

За разработку и внедрение новой почвозащитной системы земледелия в 1972 г. коллектив под руководством академика ВАСХНИЛ А.И. Бараева был удостоен Ленинской премии – первой в области земледелия [17, с. 39]. Среди лауреатов была и А. Зайцева. Из справки, отмечающей научные заслуги А.А. Зайцевой в связи с присуждением ей Ленинской премии: «Под руководством А.А. Зайцевой и при личном ее участии изучены основные факторы, определяющие податливость почвы к ветровой эрозии, и влияние почвозащитной технологии возделывания зерновых культур из плодородия эродированных почв. Активно

пропагандировала почвозащитную систему земледелия» [29, л. 3]. Удивительно то, что Александра Зайцева, беспартийный сотрудник, все еще не получившая политической реабилитации как узница Карлага, была удостоена высокой государственной награды.

Результаты. Таким образом, ученый Александра Алексеевна Зайцева внесла большой вклад в аграрное развитие Центрального и Северного Казахстана. Она писала научные труды и проводила агротехнические эксперименты в Центральном Казахстане. В самые тяжелые для страны 1941–1958 гг. Александра Алексеевна трудилась в поле и совершала различные эксперименты на Карагандинской опытной станции, на земле острозасушливой степной зоны. Ее работа во Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства имеет особое значение. Сотрудники института отмечают, что фундаментальные труды А.А. Зайцевой по разработке теоретических основ и системы мероприятий по защите почв от эрозии, исследования по мелиорации солонцов и повышению плодородия эрозионно опасных земель являются крупным вкладом в отечественную науку. Благодаря таким ученым современная сельскохозяйственная наука получила огромный опыт. А. Зайцева, попав в Казахстан не по своей доброй воле, навсегда осталась здесь, ее прах покоится в поселке Научный Акмолинской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманова, К. Репрессированная наука в Карлаге / К. Абдрахманова // Вестник КарГУ. – 2014. – № 1. – С. 4–13.
2. Абылхожин, Ж. Б. Данники государства / Ж. Б. Абылхожин // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы : Арыс – Қазақстан, 1998. – 428 с.
3. Бараев, А. И. Защита почв в северных областях Казахстана / А. И. Бараев, А. А. Зайцева // Вестник сельскохозяйственных наук. – 1960. – № 10. – С. 39–55.
4. Бараев, А. И. Борьба с ветровой эрозией почв / А. И. Бараев, А. А. Зайцева, Э. Ф. Госсен. – Алма-Ата : Казсельхозгис, 1963. – 36 с.
5. Бородкин, Л. И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в послевоенном ГУЛАГе / Л. И. Бородкин // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2012. – С. 29–30.
6. Госсен, Э. Ф. Избранные труды / Э. Ф. Госсен. – Щучинск : ИП Изотова В.В., 2011. – 512 с.
7. Гундарев, В. Р. Главный агроном целины / В. Р. Гундарев, Г. П. Рошин. – Алма-Ата : Кайнар, 1979. – 88 с.
8. Дильманов, С. Д. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (30–50-е годы XX века) : автореф. дис... д-ра ист. наук / С. Д. Дильманов. – Алматы, 2002. – 30 с.
9. Зайцева, А. А. Севообороты для Карагандинской области / А. А. Зайцева, А. А. Корнилов // Социалистическая Караганда. – 1946. – 4 января.
10. Зайцева, А. А. Возделывание яровой пшеницы в Центральном Казахстане : автореф. дис. ... канд. сельскохоз. наук / Зайцева Александра Алексеевна. – Алма-Ата, 1958. – 23 с.
11. Зайцева, А. А. Яровая пшеница в острозасушливых районах / А. А. Зайцева. – М. : Сельхозгиз, 1957. – 136 с.
12. Иванова, Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова. – М. : Наука, 2006. – 438 с.
13. Каган, А. Э. Жизнь как она есть / А. Э. Каган ; предисл. С. Шафиро // Новости недели : газета. – 2000. – 19 окт. – С. 16–17. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3246> (дата обращения: 28.01.2020). – Загл. с экрана.
14. Кукушкина, А. Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины» / А. Р. Кукушкина. – Караганда : ЦКУ «МГТИ-Лингва», 2002. – 184 с.
15. Латышев, Н. Поиск продолжается / Н. Латышев, В. Кирюшин, М. Сулейменов // Аграрный сектор. – 2019. – 28 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjS7OmUhf1AhUIy4sKHU7nAMAQFnoECAUQAQ&url=https%3A%2F%2Fagrosektor.kz%2Fagricultural-science%2Fk-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html&usq=AOvVaw12tcWw7oYISOTs8s5ResnR> (дата обращения: 20.04.2019). – Загл. с экрана.
16. Мусагалиева, А. С. Женский лагерь в степи как советский эксперимент в Казахстане / А. Мусагалиева, Р. Мусабекова, У. Сандыбаева // Русская старина. – 2018. – № 2. – С. 190–202.
17. Мусагалиева, А. С. Деятельность ВНИИ зернового хозяйства в рамках борьбы с эрозиями почв в целинных районах Казахстана (1960–1970-е гг.) / А. С. Мусагалиева, Р. М. Мусабекова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 31–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3>.

18. Отчет отдела агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции за 1947 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 401. – Л. 1.

19. Отчет отдела агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции за 1948 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 416. – Л. 1.

20. Отчет отдела агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 441. – Л. 385–421.

21. Отчет отдела агротехники и агрохимии Карагандинской опытной станции за 1953 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 486. – Л. 1–3.

22. Очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря ОГПУ – НКВД – МВД СССР (1931–1959). – Караганда : Карагандинский университет «Болашақ», 2012. – 831 с.

23. Попов, Ю. Александра Зайцева: судьба и наука / Ю. Попов, Э. Госсен, Т. Дворникова // Аграрный сектор. – 2015. – № 3 (25). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://agrosector.kz/agricultural-science/k-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html> (дата обращения: 20.04.2019). – Загл. с экрана.

24. Протоколы заседаний Ученого Совета сельскохозяйственной станции Карлага НКВД за 1941 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 280. – Л. 3, 10, 116–134.

25. Протоколы № 2–6 собраний первичной партийной организации Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 43.

26. Протоколы партийных собраний за 1966 г. // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 40.

27. Репрессированная наука. – Л. : Наука, 1991. – 720 с.

28. Симоненков, В. И. Судьбы ученых в сталинских спецтюрьмах / В. И. Симоненков. – М. : Авторская книга, 2014. – 464 с.

29. Справки ВНИИЗХ о творческом вкладе Бареева А.И., Госсена Э.Ф., Зайцевой А.А. и др. в разработку почвозащитной системы земледелия, подготовленные для представления на Ленинскую премию // Государственный архив Акмолинской области. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 406.

30. Статьи за 1951 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической

документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 465. – Л. 25, 38–44, 87, 258.

31. Статьи за 1949 г. // Государственный архив Карагандинской области по научно-технической документации. – Ф. 26. – Оп. 3-1. – Д. 437. – Л. 322.

32. Степанова-Ключникова, Г. Казахстанский АЛЖИР / Г. Степанова-Ключникова // Простор. – 1989. – № 9. – С. 75–101.

33. Степанова-Ключникова, Г. Казахстанский АЛЖИР / Г. Степанова-Ключникова. – Астана, 2003. – 63 с.

34. Сулейменова, М. Ж. Использование труда заключенных филиалов ГУЛАГа для развития народного хозяйства Центрального Казахстана в 30–40-е годы XX века / М. Ж. Сулейменова, С. Д. Шаймуханова, Т. Ж. Макалаков // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 4. – С. 139–145. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=31764> (дата обращения: 28.01.2020). – Загл. с экрана.

35. Узницы «АЛЖИРа». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. – М. : Звенья, 2003. – 567 с.

36. Хлевнюк, О. В. Экономика ОГПУ – НКВД – МВД СССР в 1930–1953 гг: масштабы, структура, тенденции развития / О. В. Хлевнюк // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 67–89.

37. Шаймуханов, Д. А. Карлаг / Д. А. Шаймуханова, С. Д. Шаймуханова. – Караганда, 1997. – 216 с.

38. Шаймуханова, С. Д. Вклад в научно-исследовательскую деятельность репрессированных ученых в Карлаге / С. Д. Шаймуханова // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://science.education.ru/ru/article/view?id=4568> (дата обращения: 28.01.2020). – Загл. с экрана.

39. Шотбакова, Л. К. Развитие сельскохозяйственного производства в Карлаге: на основе архивных материалов научно-опытной станции по растениеводству / Л. К. Шотбакова, Л. И. Зуева. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://e-history.kz/media/upload/1466/2014/08/11/128ebe55183ef77a43085266e0c1a741.pdf> (дата обращения: 28.01.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Abdrahmanova K. Repressirovannaya nauka v Karlage [Repressed Science in Karlag]. *Vestnik KarGU*, 2014, no.1, pp. 4-13.

2. Abylhozhin Z.H. Danniki gosudarstva [State Tributes]. *Deportirovannye v Kazahstan narody: vremya i sud'by* [Peoples Deported to Kazakhstan: Time and Fates]. Almaty, Arys Publ., 1998. 428 p.

3. Baraev A.I., Zajceva A.A. Zashchita pochv v serenih oblastyah Kazahstana [Soil Protection in the Northern Regions of Kazakhstan]. *Vestnik sel'skohozyajstvennyh nauk*, 1960, no. 10, pp. 39-55.
4. Baraev A.I., Zajceva A.A., Gossen E.F. *Bor'ba s vetrovoj eroziej pochv* [Combating Wind Erosion of Soil]. Alma-Ata, Kazahskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohozyajstvennoj literatury, 1963. 36 p.
5. Borodkin L.I. Ob effektivnosti lagernoj ekonomiki: stimulirovanie truda v poslevoennom GULAGe [On the Effectiveness of the Camp Economy: Stimulating Labor in the Post-War Gulag]. *Mobilizacionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseros. nauch. konf.* [Mobilization Model of the Economy. Historical Experience of Russia in the 20th Century. Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Izd-vo ChelGU, 2012, pp. 29-30.
6. Gossen E.F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. ShChuchinsk, IP Izotova V.V., 2011. 512 p.
7. Gundarev V.R., Roshchin G.P. *Glavnyj agronom celiny* [Chief Agronomist of Virgin Lands]. Alma-Ata, Kajnar Publ., 1979. 88 p.
8. Dil'manov S.D. *Ispravitel'no-trudovye lagerya na territorii Kazahstana (30–50-e gody XX veka): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Correctional Labor Camps in Kazakhstan (30s – 50s of the 20th Century). Dr. hist. sci. abs. diss.]. Almaty, 2002. 30 p.
9. Zajceva A.A., Kornilov A.A. Sevooboroty dlya Karagandinskoj oblasti [Crop Rotations for Karaganda Region]. *Socialisticheskaya Karaganda*, 1946, January 4.
10. Zajceva A.A. *Vozdelyvanie yarovoj pshenicy v Central'nom Kazahstane: avtoref. dis. ... kand. sel'skokhoz. nauk* [Spring Wheat Cultivation in Central Kazakhstan. Cand. agri. sci. abs. diss.]. Almaty, 1958. 23 p.
11. Zajceva A.A. *Yarovaya pshenica v ostrozashlivykh rajonah* [Spring Wheat in Arid Regions]. Moscow, Sel'hozgiz Publ., 1957. 136 p.
12. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-ekonomicheskij i politiko-pravovoj aspekt* [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 438 p.
13. Kagan A.E. Zhizn' kak ona est' [Life As It Is]. *Novosti nedeli: gazeta* [Novosti Nedeli. Newspaper], 2000, October 19, pp. 16-17. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3246> (accessed 28 January 2020).
14. Kukushkina A.R. *Akmolinskij lager' zhen «izmennikov Rodiny»* [Akmola Camp of Wives of "Traitors to the Motherland"]. Karaganda, TSKU «MGTI-Lingva», 2002. 184 p.
15. Latyshev N., Kiryushin V., Sulejmenov M. Poisk prodolzhaetsya [The Search Continues]. *Agrarnyj sektor*, 2019, January 28. URL: <https://agrosektor.kz/agricultural-science/k-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html> (accessed 20 April 2019).
16. Musagaliyeva A., Musabekova R., Sandybayeva U. Zhenskiy lager' v stepi kak sovetskiy eksperiment v Kazahstane [Women's Camp in the Steppe As the Soviet Experiment in Kazakhstan]. *Russkaya starina*, 2018, no. 2, pp.190-202.
17. Musagaliyeva A.S., Musabekova R.M. Deyatel'nost' VNII zernovogo khozyaystva v ramkakh bor'by s eroziyami pochv v tselinnykh rayonakh Kazahstana (1960–1970-e gg.) [Activities of the All-Union Research Institute of Grain Farming in the Framework of Combating Soil Erosion in Virgin Regions of Kazakhstan (1960–1970)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 31-44. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3>.
18. Otchet otdela agrotekhniki i agrohimii Karagandinskoj opytnoj stancii 1947 [Report of the Department of Agrotechnics and Agrochemistry of the Karaganda Experimental Station, 1947]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 401, l. 1.
19. Otchet otdela agrotekhniki i agrohimii Karagandinskoj opytnoj stancii 1948 [Report of the Department of Agrotechnics and Agrochemistry of the Karaganda Experimental Station, 1948]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 416, l. 1.
20. Otchet otdela agrotekhniki i agrohimii Karagandinskoj opytnoj stancii [Report of the Department of Agrotechnics and Agrochemistry of the Karaganda Experimental Station]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 441, l. 385-421.
21. Otchet otdela agrotekhniki i agrohimii Karagandinskoj opytnoj stancii 1953 [Report of the Department of Agrotechnics and Agrochemistry of the Karaganda Experimental Station, 1953]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 486, l. 1-3.
22. *Ocherki istorii Karagandinskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya OGPU–NKVD–MVD SSSR (1931–*

1959) [Essays on the History of the Karaganda Forced Labor Camp of the OGPU-NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1931–1959)]. Karaganda, Karagandinskij universitet «Bolashak», 2012. 831 p.

23. Popov Yu., Gossen E., Dvornikova T. Aleksandra Zajceva: sud'ba i nauka [Alexandra Zaitseva: Fate and Science]. *Agrarnyj sektor*, 2015, no. 3 (25). URL: <https://agrosektor.kz/agricultural-science/k-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html> (accessed 20 April 2019).

24. Protokoly zasedanij Uchenogo Soveta sel'skohozyajstvennoj stancii Karlaga NKVD za 1941 g. [Minutes of the Meetings of the Scientific Council of the Agricultural Station Karlag of the NKVD for 1941]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 280, l. 3, 10, 116-134, 119, 122, 134.

25. Protokoly № 2–6 sobranij pervichnoj partijnoj organizacii Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta zernovogo hozyajstva [Minutes No. 2–6 of the Primary Party Organization of the All-Union Scientific Research Institute of Grain Economy]. *Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti* [State Archive of Akmola Region], f. 685, inv. 1, d. 38, l. 43.

26. Protokoly partijnyh sobranij za 1966 g. [Minutes of Party Meetings for 1966]. *Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti* [State Archive of Akmola Region], f. 685, inv. 1, d. 28, l. 40.

27. *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 720 p.

28. Simonenkov V.I. *Sud'by uchenyh v stalinskih spectyur'mah* [The Fate of Scientists in Stalin's Special Prisons]. Moscow, Avtorskaya kniga Publ., 2014. 464 p.

29. Spravki VNIIZKH o tvorcheskome vklade Baraeva A.I., Gossena E.F., Zajcevoj A.A. i dr. v razrabotku pochvozashchitnoj sistemy zemledeliya, podgotovlennye dlya predstavleniya na Leninskuyu premiyu [Inquiries from VNIIZKh about the creative contribution of A.I. Baraev, E.F. Gossen, A.A. Zaitseva and others in the development of a soil-protective system of agriculture, prepared for submission to the Lenin Prize]. *Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti* [State Archive of Akmola Region], f. 292, inv. 1, d. 406.

30. Stat'iza 1951 g. [Articles for 1951]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 465, l. 38-44, 25, 43, 87, 258.

31. Stat'iza za 1949 g. [Articles for 1949]. *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti po nauchno-tekhnicheskoy dokumentacii* [State Archive of Karaganda Region for Scientific and Technical Documentation], f. 26, inv. 3-1, d. 437, l. 322.

32. Stepanova-Klyuchnikova G. Kazahstanskij ALZHIR [Kazakhstan ALZHIR]. *Prostor*, 1989, no. 9, pp. 75-101.

33. Stepanova-Klyuchnikova G. *Kazahstanskij ALZHIR* [Kazakhstan ALZHIR]. Astana, 2003. 63 p.

34. Sulejmenova M.Zh., Shajmuhanova S.D., Makalakov T.Zh. Ispol'zovanie truda zaklyuchennyh filialov GULAGa dlya razvitiya narodnogo hozyajstva Central'nogo Kazahstana v 30-40-e gody HKH veka [The Use of Labor of Gulag Prisoners for the Development of the National Economy of Central Kazakhstan in the 1930s and 1940s]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2013, no. 4, pp. 139-145. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=31764> (accessed 28 January 2020).

35. *Uznicy «ALZHIRA». Spisok zhenshchin-zaklyuchennyh Akmolinskogo i drugih otdelenij Karlaga* [Prisoners of ALZHIR. List of Women-Prisoners of Akmola and Other Departments of the Karlag]. Moscow, Zven'ya Publ., 2003. 567 p.

36. Hlevnyuk O.V. *Ekonomika OGPU – NKVD – MVD SSSR v 1930-1953 gg: masshtaby, struktura, tendencii razvitiya* [Economy of the OGPU – NKVD – Ministry of International Affairs of the USSR in 1930–1953: Scale, Structure, Development Trends]. *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 67-89.

37. Shajmuhanov D.A., Shajmuhanova S.D. *Karlag*. Karaganda, 1997. 216 p.

38. Shajmuhanova S.D. Vklad v nauchno-issledovatel'skuyu deyatelnost' repressirovannyh uchenyh v Karlage [Contribution to the Research Activities of Repressed Scientists in Karlag]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2011, no. 1. URL: <http://science.education.ru/ru/article/view?id=4568> (accessed 28 January 2020).

39. Shotbakova L.K., Zueva L.I. *Razvitie sel'skohozyajstvennogo proizvodstva v Karlage: na osnove arhivnyh materialov nauchno-opytnoj stancii po rastenievodstvu* [Development of Agricultural Production in Karlag: Based on Archival Records of the Crop Research Station]. URL: <https://e-history.kz/media/upload/1466/2014/08/11/128ebe55183ef77a43085266e0c1a741.pdf> (accessed 28 January 2020).

Information About the Authors

Arailym S. Mussagaliyeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Kazakhstan, Eurasian National University, Satpaeva St, 2, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

Roza M. Mussabekova, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology, Eurasian National University, Satpaeva St, 2, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, roza709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-8657>

Информация об авторах

Арайлым Сабитовна Мусагалиева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Нур-Султан, Республика Казахстан, arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

Роза Мадениетовна Мусабекова, PhD (филология), доцент кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Нур-Султан, Республика Казахстан, roza709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-8657>

www.volsu.ru

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

UDC 94(471.64)084.3

LBC 63.3(2Рос.Кав)61

Submitted: 23.03.2021

Accepted: 27.06.2021

CHANGE OF POWER IN KABARDA DURING THE REVOLUTIONARY UPHEAVAL OF 1917–1918

Osman A. Zhansitov

Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal Scientific Center
“Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the change of power in Kabarda in the context of the region’s involvement in the all-Russian revolutionary process. An unbiased analysis of the event canvas, reinforced by a new texture, made it possible to reconstruct two key plots of political transformations in Kabarda: the transition from the previous “tsarist” administration to the new “February” one in March – April 1917, and the proclamation of Soviet power in March 1918. *Materials and methods.* Sources of “revolutionary” origin published in censored form in Soviet times, including both official documents and a memoir narrative, do not reflect an integral objective picture of the transfer of power in Kabarda. The one-sided, ideologically mediated interpretation of the events was overcome by the verification of the existing corpus of published sources, the appeal to the original texts and the comparison of the latter with the archival materials that have become available from the “counter-revolutionary camp”. *Analysis.* The fall of the monarchy and the formation of the Provisional Government structures (regional and district civil executive committees) was supported and accepted by the overwhelming majority of the population of Kabarda and Terek region as a whole, which predetermined the conflict-free nature of the change of power. At the same time, the overthrow of the Provisional Government by the Bolsheviks in October 1917 divided the region into opposing camps – supporters and opponents of the country’s new political course. The current confrontational situation affected the nature of the transition to power of the Soviets in Kabarda. *Results.* The national “bourgeois” elite took leading positions in the administrative structures of the “February” administration in Kabarda not as a result of the seizure of power, as it was claimed in Soviet studies, but in the course of democratic election procedures. The real picture of the proclamation of Soviet power was also significantly different from the well-established interpretations, according to which, as a result of an operation brilliantly planned by the Bolsheviks, the “counter-revolutionary” leadership of Kabarda was overthrown and the military formations under its control were disarmed. In reality, everything turned out to be less pretentious: realizing the futility of further retention of power in the conditions of the transfer of Terek region under the control of the Bolsheviks and the collapse of the structures of the “February” administration in the region, the local bourgeois elite decided to transfer their powers to the Soviets, which was consolidated through the corresponding formal procedures at the people’s forum held in March 1918.

Key words: revolution, Kabarda, Soviet power, Bolsheviks, change of power, Provisional Government, Terek region.

Citation. Zhansitov O.A. Change of Power in Kabarda During the Revolutionary Upheaval of 1917–1918. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 129-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

СМЕНА ВЛАСТИ В КАБАРДЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917–1918 ГОДОВ

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы смены власти в Кабарде в условиях вовлечения региона в общероссийский революционный процесс. Непредвзятый анализ событийной канвы, усиленный новой фактурой, позволил реконструировать два ключевых сюжета политических трансформаций в Кабарде: переход от прежней «царской» администрации к новой «февральской» в марте – апреле 1917 г. и провозглашение советской власти в марте 1918 года. С целью выстраивания достоверной картины рассматриваемого периода мы обратились к оригинальным текстам опубликованных в советское время источников: документам Архива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Ф. 2 «Революция и гражданская война в Кабардино-Балкарии»); Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (Ф. Р-198 «Народный совет Нальчикского округа»). Кроме того, в научный оборот были введены мемуары очевидца рассматриваемых событий, белоэмигранта К. Чхеидзе (ГАРФ. Ф. 5911 «К. А. Чхеидзе»). Падение монархии было поддержано подавляющим большинством населения Кабарды, что предопределило бесконфликтный характер смены власти. Национальная «буржуазная» элита возглавила управленческие структуры «февральской» администрации в Кабарде не в результате захвата власти, как это утверждалось в советских исследованиях, а в ходе демократических выборных процедур. В то же время свержение Временного правительства большевиками в октябре 1917 г. разделило регион на сторонников и противников нового политического курса страны, что обусловило конфронтационный характер перехода к власти Советов в Кабарде.

Ключевые слова: революция, Кабарда, советская власть, большевики, смена власти, Временное правительство, Терская область.

Цитирование. Жанситов О. А. Смена власти в Кабарде в период революционных потрясений 1917–1918 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 129–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

Введение. В советской историографии революционного периода факт перехода власти интерпретировался в заданном идеологическом ключе: в отношении антибольшевистских сил он описывался как захват, узурпация, контрреволюционный переворот, соответственно, в отношении советских – как революция, свержение антинародного режима, ликвидация контрреволюционного переворота [3; 14]. В мемуарной белоэмигрантской литературе, напротив, приход большевиков к власти, в том числе и на местах, представляется как переворот [8; 15].

Смена власти в Кабарде (Нальчикский округ Терской области) являлась следствием событий разного порядка: революции, свершившейся в центре страны и последующая фиксация вызванных ими политических изменений на местах; втягивание в орбиту

борьбы общероссийских (красные/белые) движений в Северо-Кавказском регионе, вооруженные перевороты, осуществлявшиеся местными группировками с различной политической и идеологической окраской; кадровые перестановки, суть которых заключалась в легитимной смене руководства в действующих органах власти, иницирующего, в свою очередь, радикальные изменения политического курса.

В данном же исследовании прослеживается, как произошедшие в центре страны события – свержение самодержавия и приход к власти большевиков, которые, согласно современным историографическим трендам [12, с. 17], выступают ключевыми эпизодами единой Великой российской революции, повлияли на трансформацию политической системы на местах, в частности, в Кабарде. В этой связи

речь пойдет не столько о политических и социальных последствиях смены власти в Кабарде, на чем в основном сосредоточивается историография революционного периода, сколько о самом *событии* смены власти, сопровождавших этот процесс процедур и общественной реакции. Предпринятое в статье преодоление поверхностного, фрагментарного, идеологически опосредованного взгляда на проблему вносит новизну в исследования революционного периода в регионе.

Методы и материалы. Перманентная ориентированность на переосмысление событийной канвы прошлого имманентна самой идее постижения истории на рациональных началах. В случаях утверждения в пространстве историографического дискурса искаженных в угоду конъюнктурным политико-идеологическим соображениям представлений о тех или иных исторических сюжетах, интенции к перенастройке исследовательской оптики вдвойне обоснованы. Важность преодоления стереотипированной картины ключевого момента революционного периода в Кабарде, выступавшей на протяжении десятилетий в качестве нормативного взгляда на события, предопределила интерес к затрагиваемому вопросу. Сам характер рассматриваемой экстраординарной событийной фактуры Великой российской революции 1917 г. обуславливает необходимость неукоснительного следования принципу историзма и методу диахронного анализа. Применение последнего обеспечивает дифференцированное восприятие траекторий исследуемого предмета как череду последовательно сменяющих друг друга в реальном историческом времени этапов революционного процесса.

Особую значимость для данного исследования имеет верификация и сопоставление источников разного происхождения. В советский период публикация официальных документов, к примеру, протоколов «Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа», решавшего вопросы перехода власти в регионе, а также «революционного» мемуарного нарратива, в частности, воспоминаний «О работе в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР с декабря 1917 г. по май 1920 г. Русакова Григория Северьяновича», отражающего данные сюжеты, осуществля-

лась в цензурированном виде. На выходе получалась идеологически выверенная, недостоверная и отчасти мифологизированная трактовка прошлого. Соответственно, обращение к оригинальным текстам тех же протоколов и мемуаров, а также сопоставление последних со ставшими доступными аналогичными источниками «контрреволюционного» происхождения (в частности, с обнаруженными нами в Государственном архиве РФ и введенными в научный оборот воспоминаниями участника антибольшевистской борьбы на Северном Кавказе белоэмигранта К. Чхеидзе), позволяет с большей долей объективности реконструировать рассматриваемые события.

Анализ. Известие о падении самодержавия, по словам современников, было встречено населением Терской области в атмосфере всеобщего «возбуждения и ликования» [9, с. 25; 10, с. 6], что было вызвано, прежде всего, ожиданием демократизации страны, отмены национальных и религиозных ограничений, гарантированной приверженностью новой власти республиканской форме правления, официально оформленной 1 (14) сентября 1917 года. Подобные экспектации местной политической элиты и общества обусловили мирный сценарий перехода власти в регионе. На это, в частности, обратил внимание К. Чхеидзе, отметив, что «...от начала революции (февральской. – О. Ж.) и до первых попыток большевистского переворота никаких эксцессов Терская область, да и все население Северного Кавказа не знали. Администраторов старого режима сменили новые лица с новыми наименованиями прежних должностей и учреждений; но ни чиновники, ни офицеры расстреливаемы не были» [15, с. 26].

Образованный 6 (19) марта 1917 г. Терский областной гражданский исполнительный комитет принял решение о смещении с должности и аресте начальника области генерала С. Флейшера, его заместителя генерала Н. Степанова и начальника жандармского управления полковника А. Гладышевского. Последние хотя и своевременно заявили о лояльности новым властям, но как деятели, олицетворявшие свергнутый царский режим, были не столько опасны, сколько символически не уместны в сложившихся реалиях. Подобные соображения послужили поводом для отстра-

нения от должностей представителей старой власти на местах – в национальных (горских) округах Терской области.

11 (24) марта 1917 г. начальник Нальчикского округа подполковник С. Клишбиев получил телеграмму из областного центра Владикавказа, в которой сообщалось о его смещении и назначении исполняющим обязанности комиссара округа судебного следователя Г. Чижокова [11, с. 47]. На следующий день, 12 (25) марта, в слободе Нальчик (административном центре округа) собрался внеочередной Съезд доверенных, анонсированный еще Клишбиевым в связи с революционной ситуацией в центре страны и отречением царя.

Однако формат съезда был существенно скорректирован и вместо обсуждений петроградских событий собравшиеся, заслушав объявление комиссара Терского областного Гражданского исполнительного комитета по Нальчикскому округу Г. Чижокова о случившихся в стране переменах, передачи ему власти прежним окружным начальником Клишбиевым и о введении института выборных сельских старших и руководства округа, были распущены [5, л. 33].

Реакция кабардинской общественности на произошедшие кадровые перестановки (именно так выглядели первые проявления Февральской революции в Нальчикском округе) была неоднозначной. С одной стороны, она приветствовала падение самодержавия и демократический курс новой власти, суливший перспективы автономизации и, в частности, открывающий возможности избирать власть всех уровней – от сельского старшины до комиссара округа. С другой – не всех устраивало смещение Клишбиева и многие были не против нахождения его во власти уже при новом режиме. Сам факт назначения кабардинца на высшую должность в округе, до этого занимаемую администраторами со стороны, воспринимался как реверанс царской администрации автономистским устремлениям социума. Более того, Клишбиев проявил себя как опытный управленец, социально ориентированный лидер, много сделавший для развития экономики, культуры, инфраструктуры «вверенного» ему округа. Современник событий тех лет в своих мемуарах передал настроения жителей Нальчика, в которых уга-

дывалось сожаление по поводу отставки окружного начальника: «при Клишбиеве можно было жить, он был справедливым, грабежей не было» [1, л. 8].

Возможно, посчитав, что чрезмерная популярность прежнего «царского» начальника создаст определенные трудности при формировании «февральской» администрации в округе, новые власти решили переместить Клишбиева из пределов Кабарды во Владикавказ, но негативная реакция его многочисленных соратников и сторонников заставила отступить от подобной меры. Вынужденный отреагировать на создавшуюся ситуацию Г. Чижоков заявил, что бывший окружной начальник опасности для свободных выборов органов власти не представляет и поэтому вопрос о его пребывании в округе можно считать исчерпанным [5, л. 33–37]. В итоге Клишбиев остался жить в Кабарде как частное лицо, стараясь не вмешиваться в политику.

В апреле 1917 г. через выборные процедуры, а не в результате захвата власти «эксплуататорской верхушкой», как это утверждалось в советской историографии [14, с. 55], в Кабарде была сформирована новая администрация. Г. Чижоков вступил в должность комиссара Нальчикского округа, одновременно получив членство в образованном в это же время Нальчикском окружном гражданском исполнительном комитете, подчинявшемся областной власти. Так цивилизованно и бескровно в Кабарде начиналась череда смены политических режимов.

В иных условиях происходило утверждение советской власти на Тереке после октября 1917 года. Если падение монархии, как выше отмечалось, было позитивно воспринято практически всеми социальными группами и народами региона, то приход к власти в центре страны большевиков не вызвал такой однозначной реакции. Иллюстрацией этому служит хотя бы то обстоятельство, что большевикам, в отличие от февральской администрации, понадобилось около пяти месяцев с момента октябрьских событий для утверждения своей власти (да и то, в компромиссном ее варианте, без диктатуры пролетариата, продразверстки, «воинствующего безбожия», с обещанием широкого суверенитета примкнувшим к ней народам) на Тереке. Ста-

новление Советов проходило через обострение социальной конфликтности, поскольку последние позиционировались как власть «трудового народа», «бедноты», что не устраивало местные элиты и зажиточные слои населения («средний класс»), которые преобладали, в частности, в Кабарде и казачьих отделах области. Приходящие к власти пробольшевистские силы оказывались в конфронтации с не признававшими их легитимность силами, придерживавшимися «февральской» политической системы, в рамках которой были запущены процессы национально-государственного строительства народов региона, прерванные октябрьским переворотом [6, с. 553].

Тем не менее влияние центра, уже большевистского, постепенно абсорбирующего военный, промышленный, демографический и инфраструктурный ресурсы бывшей империи, оказывало решающее воздействие на политические процессы в Терской области. Более того, обещания большевиков наделить малоземельные горские народы пахотными и пастбищными участками, в том числе и за счет передачи им части казачьих территорий, а также лозунги широкого национального самоопределения горцев, «вплоть до отделения», значительно укрепили позиции советской власти в регионе. Эти позиции усиливались привлечением к «делу революции» отступавших с Турецкого театра военных действий через Терскую область дезорганизованных солдатских масс, которые стали ядром активно формировавшейся северокавказской Красной армии. Местные политические акторы – Терский областной гражданский исполнительный комитет и образованные в марте 1917 г. властные структуры горского и казачьего населения области – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Войсковое правительство Терского казачества, не признав власти большевиков, сформировали общее Терско-Дагестанское правительство. Однако последнее, не обладая сопоставимыми с центром ресурсами и не сумев объединить на общеприемлемой социально-политической платформе этнически, конфессионально, экономически неоднородное население региона, оказалось не в состоянии помешать большевикам провозгласить в марте 1918 г. на Пятигорском Съезде народов Терека со-

ветскую власть, спустя две недели принятую и окружными съездами на местах. Новым высшим органом областной власти стал Терский народный совет. Установление советской власти в центре страны сделало вопросом времени ее провозглашение в Терской области, что, в свою очередь, предопределило ее признание и в Кабарде.

Подобную логику развития событий подметил в своих мемуарах один из деятелей революционного периода в регионе К. Чхеидзе, передав к тому же атмосферу, царящую в Кабарде, накануне смены власти. «К концу февраля и началу марта 1918 г. Нальчикская власть и общество, – писал К. Чхеидзе, – отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом. Начали разрабатываться различные подходы к решению уже осязаемого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Их позиции укреплялись людьми, уже испытывавшими гнет коммунистического режима. Это были беженцы с областей, где уже установилась советская власть. Группа кабардинской молодежи, главным образом, интеллигенция, требовала организации добровольческих отрядов и обороны Кабарды до последних сил. Открыта была запись в предполагаемый добровольческий отряд. Большим энтузиастом в этой группе был студент Батырбек Абуков. Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного Совета. Предполагалось (и наивно), что большевики пойдут на коалицию. Управление округа и военное начальство придерживалось неопределенной линии: ни мира, ни войны. В их оправдание надо сказать, что велика была их вера в благородство и дисциплину кабардинского народа... Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения советских сил Терской области. И в начале 1918 года если бы она подняла такую борьбу, то без сомнения осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности» [15, с. 40–41].

Таким образом, «февральская» администрация Кабарды в сложившихся реалиях (провозглашение советской власти на Тереке и фактический распад Терско-Дагестанского

правительства) вынуждена была прекратить свои полномочия. Местные просоветские силы, возглавляемые крестьянскими активистами Б. Калмыковым, Х. Бесланеевым и др., при поддержке терских большевиков в конце марта 1918 г. созвали в Нальчике Народный съезд, на котором в торжественной обстановке провозгласили советскую власть. Окружным комиссаром был назначен А. Сахаров. Он же, спустя время, по совместительству возглавил новый орган власти – Нальчикский окружной народный совет.

Попытаемся реконструировать момент перехода власти в Кабарде к советам. В советской историографии освещение этого вопроса основывалось на очерке 1921 г. одного из ключевых участников тех событий Б. Калмыкова [14, с. 121], ставшего после революции видным региональным политическим деятелем, возглавившим Кабардино-Балкарскую автономную область. Обладая, по сути, монополией на формирование исторического сюжета (историю пишут победители) он, как это часто бывает, описывает события прошлого, руководствуясь конъюнктурой настоящего. Отсюда – преувеличение собственной роли, что повышало его авторитет в зарождающейся местной советской элите, излишний драматизм и пафос, «демонизация» противника. Здесь можно провести аналогии со штурмом Зимнего Дворца, мифологизированным С. Эзенштейном в фильме 1927 г. «Октябрь», многие кадры которого, мало соответствующие действительности, воспринимались обывателем как историческая хроника.

Приведем для наглядности выдержки из очерка Б. Калмыкова, описавшего момент провозглашения советской власти в Кабарде. С целью «ликвидации контрреволюции» Б. Калмыков с группой соратников был направлен из Владикавказа в Нальчик. Здесь уже собралось несколько десятков вооруженных кабардинских всадников, сочувствующих советской власти, что сорвало попытки правительства Г. Чижикова арестовать группу Б. Калмыкова. В сопровождении этих всадников Б. Калмыков, а также член Терского народного совета З. Палавандашвили и областной комиссар по национальным делам Г. Ахриев направились к зданию окружного Управления. «Войдя в кабинет Г. Чижикова, – пи-

шет Б. Калмыков, – я потребовал от него немедленного сложения полномочий. Он отказался и начал давать распоряжения о вызове на помощь офицерского отряда. Я открыл окно и крикнул стоящей толпе: “Палачи не хотят добровольно сдать власть!” Чижиков невольно поднялся и проговорил: “Я слагаю с себя полномочия”. В то же время на улицах Нальчика были разоружены все белогвардейские отряды... захвачены пулеметы, орудия. Через неделю во всей Кабарде была провозглашена Советская власть» [7, с. 38, 39].

Суть интерпретации Б. Калмыкова сводится к следующему: в результате спланированной большевиками областного центра операции в Кабарде бескровно, но под угрозой применения силы было смещено «контрреволюционное» правительство и нейтрализованы подконтрольные ему вооруженные формирования.

Реальная картина произошедшего, однако, существенно отличается от ставшей официальной академической версии. Как было выше указано, «февральская» администрация Кабарды, которую считали «последним гнездом контрреволюции» в Терской области, осознавая бесперспективность дальнейшего удержания власти, приняла решение о передаче своих полномочий советам. Это осознавали и во Владикавказе. Не случайно за два дня до описываемых событий, 16 (29) марта 1918 г., Терский областной народный совет опубликовал «Обращение к населению Нальчикского округа о проведении выборов делегатов на I окружной народный съезд», в котором, в частности, говорилось об отмене созываемого чижиковской администрацией народного форума и, в качестве основной повестки, указывался вопрос о формировании новых советских органов власти [4, с. 118].

Из этого следует, что большевики были вполне уверены, что провозглашение советской власти в Кабарде пройдет без эксцессов и препятствий со стороны прежнего режима. Об этом красноречиво говорит и то обстоятельство, что за день до намечаемого Народного съезда в Нальчике состоялось собрание офицеров Кабардинского конного полка Дикой дивизии, который, вернувшись в ноябре 1917 г. с фронта, стал опорой правительства Г. Чижикова. Присутствовавший на этом собрании

К. Чхеидзе в своих мемуарах отмечал, что офицеры, осознав бесперспективность открытого вооруженного выступления против большевиков, приняли решение временно распустить полк [15, с. 41, 40].

То есть никаких «белогвардейских отрядов» (сами белогвардейцы появились здесь лишь в начале 1919 г. после занятия Кабарды Добровольческой армией А. Деникина) в Нальчике, о которых говорит Б. Калмыков, не было. Соответственно, абсурдными выглядят его утверждения о фактах захвата арсеналов и разоружения подконтрольных Г. Чижокову частей, командный состав которых принял решение о самораспуске.

На серьезные расхождения с действительностью в интерпретациях Б. Калмыкова, перекочевавших в советские исследования революционного периода, указывает и Г. Русаков – партийный функционер, направленный Владикавказской большевистской организацией в Кабарду осенью 1917 г. для организационной работы. В 1957 г. по просьбе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, планировавшего издание к очередной годовщине «Октября» сборника воспоминаний борцов за советскую власть в регионе, Г. Русаков подготовил рукопись. Однако последняя после соответствующего цензурирования была опубликована лишь фрагментарно [2, с. 56]. Из оригинального текста были удалены нелицеприятные характеристики некоторых участников революционного движения в Кабарде, а также описание перехода власти к Советам в марте 1918 г., расходящееся с официальной версией.

Но, поскольку, как известно, «рукописи не горят», можно ознакомиться с изъятыми фрагментами. «Мне товарищи из Нальчика, – вспоминает Г. Русаков, – 28 апреля 1957 г. прислали вырезку из газеты Кабардино-Балкарская правда со статьей А. Кабанова о провозглашении Советской власти в Кабарде и организации Окружного народного Совета. Здесь многое не соответствует действительности. В Нальчике не было организованного дворянского полка, хотя офицерства было много. Мой осведомитель, брат жены агронома Бохонова, штабс-капитан отрицал наличие подготовленной силы офицеров в Нальчике. В Нальчик приехал член Обкома партии, кажется Рамо-

нов, осетин. Информировал меня, что из Владикавказа от Областного Совета приедет делегация для помощи в организации в Кабарде Окружного Совета. В моем присутствии он вел беседу с Ахоховым, Энеевым, Шекихачевым и Карпинским (местные просоветские деятели. – О. Ж.) о методе удаления Чижокова, о составе Совета. Мне тов. Рамонов говорил, что по договоренности Областного комитета партии с находящимся в Пятигорске Северо-Кавказским ЦК в Нальчик пришлют комиссара округа, уже подбирается товарищ. Делегация приедет поездом. Время приезда он не знал. Я не знаю, чтобы приезжала группа большевиков во главе с Калмыковым, который в несколько дней создал отряды вооруженных всадников и на улицах Нальчика разоружил все белогвардейские отряды, захватил пулеметы, орудия. Этого не было. Нужно было спросить редакцию газеты чем она вооружила всадников. 90 % кабардинцев не имели оружия, кроме кинжала. Тов. Лобанов (делопроизводитель в администрации Г. Чижокова, перешедший на сторону большевиков. – О. Ж.) очевидец переговоров делегации Калмыкова с Чижоковым не слышал, чтобы Калмыков кричал в окно “Палачи не хотят добровольно сдать власть”. Забегая несколько вперед, я считаю, что редакция газеты “Кабардино-Балкарская правда” от культа личности не отошла» [1, л. 18].

Сведения, почерпнутые из рукописи Г. Русакова, позволяют с большей степенью объективности реконструировать событие перехода власти, и подкрепляют наш тезис о том, что в Кабарде в марте 1918 г. власть (политический режим) поменялась не через свержение, а в ходе «переговоров делегации Калмыкова с Чижоковым», то есть в результате вынужденной, но обошедшейся без применения силы передачи «февральской администрации» своих полномочий новой советской политической элите.

Формально акт передачи состоялся в ходе заседаний Окружного народного съезда (19–23 марта 1918 г. по старому стилю), протоколы которого изданы так же в цензурированном виде. В полной же версии данного документа обнаруживаются существенные для нашего повествования моменты. Присутствовавший на Съезде Г. Сохов – председатель

президиума «свергнутого» Окружного гражданского исполкома приветствовал его участников от имени своей пока еще функционирующей властной структуры. Уже на следующем заседании председатель форума Г. Ахриев объявил собравшимся, что комиссар Нальчикского округа Г. Чижилов «слагает с себя обязанности» и утвердил состав комиссии по приемке дел окружного исполкома. Примечательно, что некоторые делегаты Съезда – «почетные старики» предложили до назначения нового комиссара и формирования правительства – Окружного народного совета оставить представителей прежней администрации заведовать делами, «тем более, что они еще понадобятся народу» [13, л. 8]. То есть провозглашению советской власти на Окружном съезде предшествовала состоявшаяся в рамках этого же форума процедура передачи властных полномочий Нальчикским окружным гражданским исполнительным комитетом новым советским структурам.

Результаты. Характерные для революционного времени события – митинги, демонстрации, столкновения, покушения, свержения и т. д. в Кабарде в рассматриваемый период не имели места. В марте 1917 г. право формировать новые органы власти кабардинцы получили не в результате собственной политической протестной активности, что было бы пресечено вводом в регион нескольких казачьих полков, а вследствие смены политического режима в столице. В условиях централизованного государства, иерархии пространств изменения в центре страны в короткий временной промежуток были автоматически продублированы сначала на уровне области (Терской), затем на уровне входящей в нее низкой административно-территориальной единицы – округа (Нальчикского). Возможно, если бы Николай II спустя неделю после февральских событий, то есть пока страна еще не погрузилась в смуту, взял ситуацию в Петербурге под контроль, разогнал митингующих и восстановил монархию, спустя еще неделю в областном центре Владикавказе и окружном – Нальчике состоялись бы торжества по случаю возвращения царя на трон.

Переход к власти Советов в Кабарде в марте 1918 г., по сути, отражает действие этой же логики иррадиации политических измене-

ний. Советская власть так же, как и «февральская администрация» весной 1917 г., хотя и не столь гладко, сначала утвердилась в столице, затем (применительно к географическим рамкам данного исследования) в масштабе Терской области и далее – в рамках входящего в состав последней Нальчикского округа. То есть на местах политическая система приводилась в соответствие с происходившими в центре революционными изменениями, что было гарантировано существенным преобладанием общегосударственного ресурса над региональным потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о работе в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР с декабря 1917 года по май 1920 года Русакова Григория Северьяновича // Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 38. – 41 л.
2. Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии. – Нальчик : Эльбрус, 1981. – 316 с.
3. Гугов, Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик : Эльбрус, 1975. – 496 с.
4. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 800 с.
5. Заявление членов Нальчикского гражданского исполнительного комитета // Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). – Ф. Р-201. – Оп. 1. – Д. 1. – 86 л.
6. Кажаров, В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / В. Х. Кажаров. – Нальчик : ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.
7. Калмыков, Б. Э. Статьи и речи / Б. Э. Калмыков. – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 238 с.
8. Кармов, А. Х. Пшемахо Коцев – общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа / А. Х. Кармов. – Нальчик : Изд-во ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 168 с.
9. Корнев, Д. З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. / Д. З. Корнев. – Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. – 351 с.
10. Музаев, Т. М. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года / Т. М. Музаев. – Нальчик : ООО «Печатный двор», 2012. – 680 с.

11. Опрышко, О. Л. На изломе времени / О. Л. Опрышко. – Нальчик : Эльбрус, 1996. – 352 с.
12. Петров, Ю. А. Великая российская революция: современные историографические тренды / Ю. А. Петров // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : [ИРИ РАН], 2017. – 808 с.
13. Протокол заседания Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа // УЦГА АС КБР. – Ф. Р-198. – Оп. 1. – Д. 1а. – 26 л.
14. Улигов, У. А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.) / У. А. Улигов. – Нальчик : Эльбрус, 1979. – 356 с.
15. Чхеидзе, К. А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / К. А. Чхеидзе. – Нальчик : Изд-во КБИГИ, 2008. – 120 с.

REFERENCES

1. Vospominaniia o rabote v gorode Nalchike Kabardino-Balkarskoi ASSR s dekabria 1917 goda po mai 1920 goda Rusakova Grigorii Severianovicha [Memories of Work in the City of Nalchik of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic From December 1917 to May 1920 by Grigory Severyanovich Rusakov]. *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniĭ Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], f. 2, inv. 2, d. 38. 41 l.
2. *Vospominaniia uchastnikov Oktiabrskoi revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Kabardino-Balkarii* [Memoirs of Participants in the October Revolution and the Civil War in Kabardino-Balkaria]. Nalchik, El'brus Publ., 1981. 316 p.
3. Gugov R.Kh. *Sovmestnaia borba narodov Tereka za sovetskuiu vlast* [Joint Struggle of the Terek Peoples for Soviet Power]. Nalchik, El'brus Publ., 1975. 496 p.
4. *Dokumenty po istorii borby za sovetskuiu vlast i obrazovaniia avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.)* [Documents on the History of the Struggle for Soviet Power and the Formation of the Autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922)]. Nalchik, El'brus Publ., 1983. 800 p.
5. *Zaiavlenie chlenov Nalchikskogo grazhdanskogo ispolnitelnogo komiteta* [Statement by Members of the Nalchik Civil Executive Committee]. *Upravlenie Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (VTsGA AS KBR)* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (DCSAAS KBR)], f. r-201, inv. 1, d. 1. 86 l.
6. Kazharov V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Circassians]. Nalchik, ООО «Pechatnyi dvor» Publ., 2014. 904 p.
7. Kalmykov B.E. *Stati i rechi* [Articles and Speeches]. Nalchik, El'brus Publ., 1983. 238 p.
8. Karmov A.Kh. *Pshemakho Kotsev – obshchestvenno-politicheskii i gosudarstvennyi deiatel Severnogo Kavkaza* [Pshamakho Kotsev – Socio-Political and Governmental Figure of the North Caucasus]. Nalchik, Izdatelstvo IGI KBNHTs RAN, 2018. 168 p.
9. Korenev D.Z. *Revoliutsiia na Tereke. 1917–1918 gg.* [Revolution on the Terek. 1917–1918]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 351 p.
10. Muzaev T.M. *Russkaia revoliutsiia i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda* [Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. Nalchik, ООО «Pechatnyi dvor» Publ., 2012. 680 p.
11. Opryshko O.L. *Na izlome vremeni* [At the Break of Time]. Nalchik, El'brus Publ., 1996. 352 p.
12. Petrov Iu.A. *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: sovremennye istoriograficheskie trendy* [The Great Russian Revolution: Modern Historiographic Trends]. *Velikaya rossiiskaya revoliutsiia, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Great Russian Revolution, 1917: One Hundred Years of Study. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, IRI RAN, 2017. 808 p.
13. *Protokol zasedaniia Syezda predstavitelei trudovogo naroda Nalchikskogo okruga* [Minutes of the Meeting of the Congress of Representatives of the Working People of the Nalchik District]. *Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic], f. r-198, inv. 1, d. 1a. 26 l.
14. Uligov U.A. *Sotsialisticheskaia revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsionalnoi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [Socialist Revolution and Civil War in Kabarda and Balkaria and the Creation of the National Statehood of the Kabardian and Balkarian Peoples (1917–1937)]. Nalchik, El'brus Publ., 1979. 356 p.
15. Chkheidze K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebriakov. Grazhdanskaia voina v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Civil War in Kabarda]. Nalchik, Izd-vo KBIGI, 2008. 120 p.

Information About the Author

Osman A. Zhansitov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Contemporary History, Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Pushkina St, 18, 360051 Nalchik, Russian Federation, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Информация об авторе

Осман Асланович Жанситов, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора Новейшей истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», ул. Пушкина, 18, 360051 г. Нальчик, Российская Федерация, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.12>

UDC 93/94(470.64)
LBC 63(2P-6K-B)

Submitted: 29.08.2021
Accepted: 14.01.2022

THE IDEA OF NATIONAL INDEPENDENCE IN NALCHIK DISTRICT DURING THE CIVIL WAR

Madina A. Tekueva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Andrei A. Konovalov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Marina Kh. Gugova

Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal State Budgetary Institution "Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'", Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The sociopolitical commotions of 1917 caused the rise of national liberation ideas in the North Caucasus. These ideas attracted representatives of various social groups of the indigenous population of the Nalchik district to the revolution. But the national question was intertwined with the task of seizing power and the economic interests of individual circles, which formed four options for solving the national question. It is necessary to pay attention to them and highlight the perspective of the picture of the events of the Civil War. *Analysis.* The article presents an analysis of the main variants of national ideas through the characteristics of the main characters of the dramatic period in Kabarda and Balkaria. This is, firstly, Shakmanov's policy of national neutrality, aimed at preventing armed uprisings and civilian casualties. Secondly, this is the program of Dautokov-Serebryakov, which offered complete self-determination of Kabarda, but could not stand the collaboration with Denikin's idea of a "great and indivisible Russia". The third position, presented by Katkhanov, combined the national liberation aspirations of the people with religious consciousness. The fourth was manifested in the rhetoric of Kalmykov, who interpreted the early Bolshevik documents on the right of nations to self-determination in the context of a federation. *Results.* The complex of methods of objective historical analysis gives an understanding of some of the reasons that attracted various social groups, predominantly the agrarian population of Kabarda and Balkaria, to participate in the Civil War. *Authors' contribution.* Development of the concept of the article, analysis of the results and general editing belongs to M.A. Tekueva. The introductory section was written by M.Kh. Gugova. The analysis of the idea of national independence during the Civil War in the Nalchik region was carried out by A.A. Konovalov.

Key words: Civil War, national independence, "White" movement, Sharia movement, Bolsheviks, the North Caucasus.

Citation. Tekueva M.A., Konovalov A.A., Gugova M.Kh. The Idea of National Independence in Nalchik District During the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 139-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.12>

УДК 93/94(470.64)
ББК 63(2P-6K-B)

Дата поступления статьи: 29.08.2021
Дата принятия статьи: 14.01.2022

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мадина Анатольевна Текуева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Российская Федерация

Андрей Анатольевич Коновалов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Российская Федерация

Марина Хабасовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения
«Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр РАН”»,
г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. Социально-политические потрясения 1917 г. вызвали подъем национально-освободительных идей на Северном Кавказе и в Нальчикском округе в частности. Национальный вопрос переплетался с задачей захвата власти и экономическими интересами отдельных кругов, что сформировало, по меньшей мере, четыре варианта его решения в округе. Идеи национального возрождения не рассматривались в качестве определяющего фактора гражданского противостояния в крае в 1918–1921 гг. ни в советской, ни в постсоветской историографии. Данная статья восполняет имеющийся пробел. В ней представлен анализ основных вариантов национальных идей через характеристику деятельности главных действующих лиц драматического периода революционных потрясений в Кабарде и Балкарии. Это, во-первых, политика национального нейтралитета Т. Шакманова, направленная на предотвращение вооруженных выступлений и жертв среди гражданского населения. Во-вторых, это программа З. Даугокова-Серебрякова, предлагавшая полное самоопределение Кабарды, но не выдержавшая коллаборации с денкинской идеей «великой и неделимой России». Третья позиция, представленная Н. Катхановым, объединила национально-освободительные устремления народа с религиозным сознанием. Четвертая точка зрения проявилась в риторике Б. Калмыкова, который трактовал ранние большевистские документы о праве наций на самоопределение в контексте федерации. Объективный исторический анализ дает понимание некоторых причин, привлекших к выступлению в Гражданской войне, преимущественно, аграрного населения Кабарды и Балкарии. *Вклад авторов.* Разработка концепции статьи, анализ результатов и общее редактирование принадлежит М.А. Текуевой. Написание вводного раздела осуществила М.Х. Гугова. Анализ идеи национальной независимости в период Гражданской войны в Нальчикском округе реализовал А.А. Коновалов.

Ключевые слова: Гражданская война, национальная независимость, Белое движение, шариатское движение, большевики, Северный Кавказ.

Цитирование. Текуева М. А., Коновалов А. А., Гугова М. Х. Идея национальной независимости в Нальчикском округе в период Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 139–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.12>

Введение. Гражданская война на Северном Кавказе получила широкое освещение в советской исторической науке. Однако за пределами научного внимания остается вопрос о причинах и побудительных мотивах присоединения к революции всех социальных групп на Северном Кавказе и дальнейшем их размежевании. Фактором, объединившим представителей коренных народов различного классового происхождения, придерживавшихся противоположных идеологических взглядов, в надеждах на позитивные политические перемены, нам видится национальный вопрос.

Советская историография уделяла основное внимание классовым отношениям и рассматривала гражданское противостояние как борьбу за социальное освобождение. На-

циональный вопрос в этой концепции носил подчиненный характер. Контрреволюционеры объявлялись буржуазными националистами, при этом различия их трактовки национального вопроса были прослежены слабо. Идеи о повторном обретении национальной независимости фигурантов Гражданской войны на Тереке не становились предметом научного интереса советских исследователей [3; 19; 20; 21].

Но с 1990-х гг. революция и Гражданская война стали предметом нового осмысления. Одним из исследовательских сюжетов становится изучение тех персоналий, которые из идеологических соображений были отодвинуты на периферию научного анализа [4; 11; 12; 15; 17]. В то же время актуализировался национальный вопрос, рассматривавшийся в

контексте административного строительства и территориального размежевания [2; 7; 14]. Однако конкретный анализ воздействия национального вопроса и различных представлений о степени суверенитета административно-государственной единицы на революционную или контрреволюционную мобилизацию граждан предпринят впервые.

Методы. В настоящее время стало возможным использование методов и подходов, которые были выработаны в зарубежной историографии. Сущность этничности сводится к двум основным подходам: примордиалистскому и конструктивистскому. Согласно примордиалистскому подходу этничность является одной из базовых и неизменных характеристик человека. Этничность существует априори, изначально свойственна людям и является первичной и естественной общностью. Примордиализм выводит этничность из биологической природы человека. Альтернативой примордиалистской концепции является конструктивистский подход, подчеркивающий социальное происхождение и природу этничности, согласно которому этничность является интеллектуальным конструктом, сформированным для решения политических задач и для конструирования коллективной идентичности. Конструктивисты акцентируют активность человека в процессе идентификации [23]. Не являясь априорной характеристикой человеческой природы, этничность, укореняясь в сознании индивидов, становится мощной силой и одним из важнейших социальных факторов истории. По словам Г. Стейна, «групповые фантазии мы защищаем больше жизни» [24, р. 8–17]. Применительно к теме настоящей статьи следует отметить, что определяющим фактором кристаллизации этнического самосознания адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев) стала борьба за национальную независимость в годы Кавказской войны. То есть главным фактором осознания адыгами своей этнической целостности стали внешние обстоятельства.

Настоящая статья написана в рамках парадигмы региональной истории. Северный Кавказ, как одну из национальных окраин России и позже Советского Союза, можно проанализировать в контексте *borderland history*, то есть в истории пограничных регионов и в

истории так называемых контактных зон (речь обычно идет о регионах, в которых «переплетаются» исторические судьбы взаимодействующих народов) [16, с. 10]. В статье используются и принципы антропологического поворота, удачно сформулированного К. Гирцем как постижение «субъективных ментальных миров» членов той или иной социальной группы и выяснение «системы идей и понятий», лежащей в основе любого человеческого действия [22, р. 141].

Мы акцентировали внимание на влиянии национального вопроса на интеграцию и дифференциацию политических сил, анализируя причины рекрутизации в революционную деятельность разнообразных слоев населения. Нальчикский округ стал репрезентативной территорией: здесь были представлены различные варианты участия в Гражданской войне, различные этносы, существовало сочетание давления внешних факторов (деникинского или большевистского) и попытки отстаивания местных интересов.

Анализ. События Гражданской войны на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии, в частности, имели существенную специфику, определяющуюся социально-экономическими и культурными особенностями. Коренные народы региона в основной массе поддержали революционные изменения, но у каждой социальной группы были на то свои причины.

Революционная идеология в промышленных районах России опиралась на пролетариат – класс, сформированный индустриальным обществом, Кабарда и Балкария же к этому периоду находились на традиционном этапе исторического развития. Под пролетариатом Нальчикского округа начала XX в. можно было условно понимать немногочисленных рабочих депо железнодорожной станции, наемных работников маленького фанерного заводика и нескольких кирпично-черепичных предприятий. Стоит отметить и практически полное отсутствие классовой идентичности: в условиях традиционной социокультурной организации пролетарское самосознание сформироваться не могло. При этом почти весь «рабочий класс» состоял из некоренных народов. Следует упомянуть и сельский пролетариат: наемных работников, привлекаемых

владельцами земель и конных заводов. К началу XX в. у них не сформировалась какая-либо классовая идеология, но был опыт стихийного сопротивления (Зольское и Черекское выступления 1913 г.).

В этой ситуации главным критерием самоидентификации населения с неизбежностью становился этнический. Существенным фактором, определявшим эту идентичность, была не зажившая травма Кавказской войны. В ситуации революционных перемен активизировалась надежда коренных народов на возобновление суверенитета. Межэтническую напряженность усиливало и переселение на кабардинскую территорию малоземельных крестьян из Центрального региона России в результате Столыпинской аграрной реформы.

Однако стремление к независимости, ставшее интегральным фактором для различных социальных групп коренного населения края, не следует понимать упрощенно. Каждый слой общества считал именно себя выразителем этой тенденции и претендовал на реализацию собственного понимания путей и сути суверенитета. Горская аристократия, потерявшая привилегии и власть в ходе Кавказской войны и последовавшей за ней Крестьянской реформы 1860-х гг., надеялась на их возвращение. Немногочисленный формирующийся слой предпринимателей был заинтересован в прекращении давления со стороны российской буржуазии. Национальная интеллигенция понимала ограниченность бесписьменной культуры, осознавала необходимость просвещения на родных языках. Необходимым условием для этого они считали независимость, позволяющую противостоять процессам русификации. Мусульманское духовенство требовало свободы вероисповедания. Крестьянство испытывало двойное давление – как со стороны собственных землевладельцев, так и от русской администрации. В этих условиях основной линией раздела были не классовые противоречия, а борьба за создание местных органов власти и горско-казачье противостояние.

В ситуации политической неопределенности Гражданской войны в Терской области возник ряд самоназначенных органов, претендующих стать объединяющим началом, могущим осуществить главную задачу – дости-

жение независимости. «Многие участники трагедии гражданской войны, причем на обеих сторонах, были по сути дела самозванцами. По-видимому, явление самозванства характерно для периодов, когда нарушается нормальный ход государственной жизни. “Сами себя” ставили во главе политического движения или военного отряда многие политики и вожди на всем пространстве России» [5, с. 295]. Эту мысль иллюстрирует хронология событий. 5 марта 1917 г. во Владикавказе формируется Союз объединенных горцев, который был представлен в основном националистической интеллигенцией. 13 марта 1917 г. на Первом казачьем круге Терского войска было принято «Положение о самоуправлении в области» и образовано Войсковое правительство. 15 марта 1917 г. во Владикавказе был создан Областной гражданский исполнительный комитет, а 27 марта 1917 г. – Нальчикский гражданский исполнительный комитет, которые были органами Временного правительства. В марте 1917 г. в Нальчике была образована ячейка РСДРП из 5 человек, командированных из крупных революционных центров и представлявших собой меньшевистское крыло социал-демократов. Результатом ее деятельности стало формирование в апреле Нальчикского совета рабочих депутатов. Каждая из этих организаций претендовала на власть со своим вариантом решения национального вопроса.

В ситуации организационного разброда и спорадических попыток к узурпации власти к лету 1918 г. сложились четыре главных центра силы.

Центр, тяготеющий к Белому движению, представлял З. Даутоков-Серебряков (1886–1919) – ротмистр Кабардинского конного полка в составе Дикой дивизии. Он происходил из моздокских кабардинцев, которые в результате сложных исторических перипетий середины XVIII в. перешли в православие. Моздокско-кабардинская княжеская элита входила в состав терского казачества, но после Февральской революции Александр Серебряков возвращается к родовым корням и исламскому вероисповеданию и именуется Заурбеком Даутоковым.

В августе 1918 г. Заурбек создает Кабардинскую революционную партию «Свобод-

ная Кабарда». Все ее члены становились всадниками «Отряда свободы» под его командованием. Цели и задачи этой партии изложены в Программе «Чего мы добиваемся в Кабарде?». Статьи документа носят чрезвычайно общий характер и предельно размыты. Секретарь партии К. Чхеидзе в своих воспоминаниях объясняет это их ясностью для населения: «так Северный Кавказ уже жил» [5, с. 181]. К. Чхеидзе утверждает, что «основным для Заурбека был национальный вопрос» [5, с. 256], хотя декларируемая степень независимости Кабарды остается нечеткой. Пункт 1 программы гласит: «Кабарда должна устраивать свою жизнь на основе самоопределения, без угрозы штыков».

В «Программе» Даутокова-Серебрякова декларируется, что власть в Кабарде имеет Окружной народный совет (состоявший преимущественно из бывшей политической элиты), то есть верховный суверенитет принадлежит общероссийскому властному органу. При этом в пункте 3 отмечается, что кроме него должен быть создан «национальный кабардинский совет для дел чисто кабардинских». Иначе говоря, предусматривается некая форма этнического неравенства: кабардинцы в этом институциональном дизайне имеют преимущественное положение. Представляется, что этот статус стал формой властной компенсации: кабардинцам на своей земле предполагается вернуть политическое превосходство. Это подтверждается предлагаемым решением вопроса о вооружении населения – ключевым в годы военного противостояния. Предполагается, что «Кабарда должна иметь национальное войско... Оно должно защищать территорию Кабарды... и быть силою в руках Национального совета». При этом «Красная армия из кабардинцев, балкарцев и русских должна быть распущена, оружие отобрано». Отмечается, что «все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены – оружие им должно быть оставлено только в количестве, необходимом для самообороны». Кабардинцам предоставлялись преимущественные права в ношении оружия: «никто не имеет права на кабардинской земле отбирать оружие у кабардинца и самочинно арестовывать без приказа Национального совета». В качестве компенсации некабардинскому

населению обещается его защита: «Жизнь и имущество иногородних должны защищаться всей Кабардой» при условии обязательства «не выступать ни на чьей стороне без согласия кабардинского народа». То есть предусматривалась определенная национальная дискриминация «иногородних». «Всякое усиление вооружения в слободе и селах тайным образом будет рассматриваться партией, как враждебный акт против Кабарды» [5, с. 179], – пишет Даутоков-Серебряков.

Неясность позиции Даутокова-Серебрякова о степени национальной независимости отразилась во мнении казачьего офицера А. Шкуро, что «по своим взглядам он был сторонником тесного единения с Россией, с предоставлением Кабарде неширокой местной автономии. Не будучи сторонником политической реставрации, он полагал, что лишь Всероссийское Учредительное собрание правомочно разрешить форму правления» [5, с. 357–358]. Однако эта характеристика с трудом может считаться объективной. К. Чхеидзе подробно описывает вынужденность сотрудничества Даутокова-Серебрякова с Деникиным: «ну, Костан, распрости со своей политической карьерой. Ты уже не секретарь партии “Свободная Кабарда”, а я не председатель» [5, с. 303–305]. Этими словами Серебряков признал тщетность своей борьбы за независимость Кабарды и обозначил переход к борьбе против советской власти в рамках проекта «великой и неделимой России».

Более адекватной обстоятельствам представляется характеристика К. Чхеидзе позиции своего командира: «Сепаратисты тем и отличаются от остальных, что прибавляют: “самоопределение до отделения”. ...Окружной совет составляется из русских, кабардинцев, балкарцев и других наций и племен. Он входит в систему Общенационального, Краевого и Всероссийского съездов советов. Тогда как Национальный кабардинский Совет... работающий в контакте с другими национальными советами, входит в параллельную систему: всероссийский съезд и совет национальностей» [5, с. 181]. Думается, К. Чхеидзе недооценивает пункты программы, обосновывающие преимущественное положение кабардинцев или их «особой юрисдикции», предполагавшей определенное поражение в правах

казаков и «иногородних». «В чрезвычайно экстремальных условиях того времени предлагаемые им меры подчинялись одной высшей цели – самосохранению народа» [1, с. 45].

Альтернативное видение национальной проблемы было сформировано представителем кабардинской интеллигенции Назиром Катхановым (1891–1928). Недовольство непоследовательной политикой местной власти, идеалы просветительства, стремление к решению аграрного вопроса, национально-освободительные идеи – все это удалось аккумулировать в рамках религиозной идеологии, получившей название «шариатского движения».

Взгляды Катханова на национальный вопрос начали формироваться в юности, еще до начала революционных событий 1917 года. В 1913 г. в Баксане несколько молодых людей поставили себе просветительскую задачу создания кабардинского алфавита и распространения грамотности. Средством для этого считался перевод Корана на родной язык. Было создано «новометодное медресе», в котором наряду с шариатом преподавалось естествознание, арифметика, история и кабардинский фольклор. Это культурное движение сочетало в себе национально-просветительские и религиозные начала.

В годы Гражданской войны Катханов увидел в большевистской идеологии ряд положений, совпадающих с исламскими принципами высшей справедливости и равенства всех перед Богом. Шариат воспринимался Катхановым как передовая идеология, противостоящая адатам (народным обычаям), освящавшим «существующее положение, поддерживавшим существующий общественный строй, основанный на неравенстве» [5, с. 241]. Руководители большевистской партии на этапе утверждения советской власти посчитали возможным использовать элементы исламской идеологии для привлечения на свою сторону широких масс населения. С. Киров в телеграмме, посланной Г. Орджоникидзе в марте 1920 г., писал: «В развитии лозунга Кобы да будет шариат, я провозгласил свободу советского шариата, будто это помогает делу» [11, с. 30].

Исламские лозунги были использованы народами Кавказа в качестве средства наци-

онально-освободительной борьбы еще в годы Кавказской войны. В период Гражданской войны шариат стал лозунгом достижения социальной эмансипации. Не утратил он и роль средства решения национального вопроса. Своей позицией Катханов заслужил известность и авторитет среди северокавказских народов. Так государственный деятель Дагестана А.А. Тахо-Годи писал о нем и роли шариата в революции на Тереке: «Шариат и хурият – лозунг, ставший в Дагестане символом контрреволюции, не нашедший там другого выразителя, кроме как контрреволюционера Гоцинского, – на Тереке нашел нового адепта в лице молодого арабиста и ученого муталима Назира Катханова, который со своей шариатской колонной первый водрузил советское знамя над черным Моздоком. “Молодец Назир Катханов, наш Назир, говорили горцы”» [11, с. 27].

В 1918 г. Катханов становится членом Кабардинского национального совета, собирает вокруг себя бывших учеников новометодного медресе, становится командиром стихийно созданной сотни всадников, превратившейся со временем в Шариатскую колонну. В сентябре того же года он сместил в Нальчике Кабардинский национальный совет и создал Военно-Шариатский революционный совет. Совместно с красными отрядами Шариатская колонна участвовала в боях с Деникиным на территории Северного Кавказа. В 1920 г. его отряды вытеснили силы Белой армии из Нальчика.

Национально-религиозный бэкграунд Катханова не сделал, однако, его ни крайним националистом, ни исламистом. Шариат был для него, несомненно, стержнем мировоззрения, однако он встраивался в систему его социальных идей, главными из которых было национальное возрождение и социальная справедливость. Шариатская колонна включала в основном мусульман: кабардинцев, балкарцев, ингушей. При этом «приверженность исламу основного состава бойцов шариатского полка не стала препятствием для вхождения в него православных осетин и русских, боровшихся за “всеобщее равенство”» [13, с. 27]. Универсализм, свойственный исламу, препятствовал развитию в его мировоззрении крайностей национализма, а интернационализм, свойствен-

ный большевистской идеологии, уберегал его от идей превосходства мусульман над другими. Так, например, в марте 1920 г., после того как он занял Нальчик, Катханов обратился с воззванием к народу: «Долой национальные, религиозные и прочие дрязги. Особенно призываю интеллигенцию к совместной с нами работе. Долой месть! Долой расстрелы! Мы протягиваем руку помощи сторонникам Добрармии, которые отрешатся от всякой провокации. Да здравствует Советская власть, Шариат и Объединение народа!» [17, с. 118].

В дальнейшем Катханов продолжал видеть в исламе залог национального самоопределения Кабарды в рамках Советского государства. Поэтому 10 ноября 1920 г., в период формирования Горской Республики, он внес предложения в ее конституцию:

«1. Создать шариатские отделы при Комиссариате Юстиции Горской республики и при окружных и сельских исполкомах <...>

3. Предоставить избирательное право муллам, показавшим себя революционерами и защитниками интересов трудового народа.

4. Не пропагандировать за религию, не развивать религию и не пропагандировать против нее» [18, с. 30].

Как видим, Катханов не предполагал отделения Кабарды, был в составе многих представительных органов советской власти. Но, используя свою популярность и политическое влияние, старался по возможности повысить статус Кабарды в рамках Советской России. При обсуждении вопроса о выделении Кабарды из Горской АССР на IV съезде Советов Кабардинского округа (июнь 1921) он настоятельно предлагал поставить перед центральными органами власти вопрос об определении республиканского статуса Кабарды в составе Российской Федерации, не ограничивая ее рамками автономной области. Он говорил: «Советская Россия дала возможность и право всем народностям самоопределяться. Теперь мы, кабардинский народ, с живущими в Кабарде русскими нашли необходимым и возможным, воспользовавшись этим правом, выделиться из Горской республики. Я бы при этом поставил вопрос перед Центром о выделении нас не в автономную область, а в автономную республику. ...Почему мы будем урезать свои права? Мы хотим осу-

ществить серьезный государственный акт» [17, с. 120]. Судя по стенограмме, Катханов был единственным человеком, последовательно выступавшим против ограничения государственного устройства Кабарды статусом автономной области.

При общем устремлении к национальному самоопределению Кабарды у Даутокова-Серебрякова и Катханова обнаруживаются существенные различия. Первый говорит о необходимости резкого ограничения прав некоренных народов Кабарды, а Катханов идет к независимости путем, не предполагающим ущемления представителей какой-либо из социальных или этнических групп.

Выразителем альтернативы обеим позициям был Таусултан Шакманов (1891–1939). Получив юридическое образование, он до революции работал помощником присяжного поверенного. В августе 1918 г. стал председателем Нальчикского окружного народного совета и отстаивал политику невмешательства кабардинцев в военные действия. Главной причиной такой позиции было стремление физически сохранить кабардинский народ, уберегая его от братоубийственной бойни. Эти политические установки получили оформление на Нальчикском окружном народном съезде (август 1918). В Протоколах его заседаний отмечается, что состоялись дебаты по вопросам о войне и мире. «Комиссия из духовных лиц», созданная из делегатов съезда, которой было поручено сообщить о том, «как смотрит шариат на вопрос о войне и мире», пришла к заключению: «держат нейтралитет». На вопрос: почему Большая Кабарда и Балкария должны объявить нейтралитет, тогда как другие народности Терека, в том числе и Малая Кабарда, борются с «казачьей контрреволюцией», руководители съезда отвечали: «Нас и так мало, нам нечего ввязываться в братоубийственную гражданскую войну, мы должны сохранить свое физическое существование» [6, с. 335].

В соответствии с позицией Шакманова, наряду с признанием советской власти «как единственной, отвечающей интересам трудового народа округа», съезд постановил «временно держать нейтралитет – до выяснения причин, вызвавших войну; избрать делегацию из 12 человек (6 кабардинцев, 3 балкарца и

3 русских) к казакам, к областному Народному Совету и в Штаб Красной Армии для выяснения возможности предотвращения дальнейшей братоубийственной гражданской войны» [17, с. 113].

В сентябре 1918 г. сельским комиссарам было разослано предписание за подписью Шакманова: «Кабардинский духовный Совет, Кабардинский национальный Совет и окружной народный Совет протестуют против выступления отдельных аулов против станиц Александровской, Змейской и др. казачьих поселений. Кабардинский народ на двух последних съездах объявил строгий нейтралитет. Всякий, кто подстрекает общество к выступлению, будет привлекаться к военно-революционному суду». Здесь подразумевалась деятельность как Даутокова-Серебрякова, так и Катханова. Далее в предписании указывалось, что «агитацию Катханова Советы считают провокационной и предлагают немедленный его арест для привлечения его к суду, как идущего в разрез с интересами кабардинского народа» [17, с. 115].

Политику большевиков в Кабарде и Балкарии в годы Гражданской войны проводил Бетал Калмыков (1893–1940). С августа 1918 г. он был комиссаром по делам национальностей Терской области. Осуществляя политику советской власти по национальному вопросу, он в большей степени, чем другие фигуранты настоящей статьи, был носителем принципов пролетарского интернационализма. Однако простая констатация этого факта была бы сильным упрощением. В период Гражданской войны Калмыков противопоставлял себя всем трем описанным направлениям. В речи на VI съезде народов Нальчикского округа Терской области (декабрь 1918) он резко дистанцировался от Даутокова-Серебрякова, однако, по сути, это выступление было направлено и против идеи невмешательства в гражданскую войну, отстаиваемой Шакмановым: «призываю всех к объединению, – заявил Калмыков, – да пусть никто вас не разделит. Вы создадите не национальный союз, а союз трудовых народов... Подлец и мерзавец Серебряков с этой трибуны говорил вам, что кабардинский народ не должен вмешиваться в происходящую мировую борьбу труда с капиталом... Берегитесь провокаторов» [8]. Позднее

Калмыков продолжал клеймить Шакманова за стремление к сохранению мира на Кавказе, по-большевистски связывая это с классовой борьбой, от участия в которой Шакманов пытался уклониться: «Этот коалиционный совет выдвигал лозунг: мирные переговоры с Серебряковым; мирные переговоры с Бичераховым; мирные переговоры с большевиками во Владикавказе» [9, с. 25].

Практически его взгляды по национальному вопросу проявились уже к окончанию Гражданской войны, в период национально-государственного строительства в регионе. Не подвергая сомнению необходимость пребывания Кабарды в составе советской России, он пытался максимально повысить ее статус: в речи на I Учредительном съезде Советов Кабардинской Автономной области (ноябрь 1921) он говорил: «Каждая национальность получила право на самоопределение в соответствии с Конституцией... Перед трудящимися Кабарды встал вопрос об автономии, о самоопределении... Кабардинцы вправе теперь строить свою жизнь так, как они сами хотят. Такую автономию можно получить только в советской России» [10, с. 15].

Другим направлением деятельности Калмыкова было противодействие попыткам Центра передать земли Кабарды соседним территориальным образованиям. Дореволюционная Терская область, образованная в 1860 г., рассматривалась российскими властями как территориальное, а не национальное образование. В процессе национального строительства, когда на основе Терской области в 1920 г. была образована Горская АССР (с Кабардой и Балкарией в составе), начался процесс передачи земель Кабарды соседним округам. В этой ситуации уже в 1921 г. Калмыков стал инициатором выхода Кабарды и Балкарии из ГАССР и образования отдельной автономной области. Его задачей стало сохранение в новой территориальной единице кабардинских земель. Речь шла о Пятигорске и железнодорожной станции Прохладная. «Если эти центры не будут возвращены, – полагал Калмыков, – то самоопределение народа не закончено» [7, с. 295]. Тем не менее Пятигорск отошел к Ставропольскому краю. Однако станция Прохладная оказалась в составе КБАО, что Калмыков считал своим достижением.

Результаты. Итогом изложенных в настоящей статье фактов и размышлений является мысль о том, что отношение основной массы населения Кабарды и Балкарии к революционным событиям 1917 г. обусловлено в большой степени надеждой на национальную компенсацию. Память об утрате независимости в Кавказской войне, которая закончилась всего лишь за полвека до описываемых событий, стала мобилизующим фактором для возрождения надежд на возвращение суверенитета народов края. Однако не все было однозначно и безусловно поделено на два лагеря. Вставшему во главе идей национальному вопросу сопутствовал ряд актуальных социально-политических проблем, что сформировало, по меньшей мере, четыре варианта решения национального вопроса в округе.

Это, во-первых, политика национального нейтралитета по отношению к сложившимся противоборствующим лагерям в ходе начавшейся Гражданской войны. Она была провозглашена в 1918 г. Кабардинским национальным советом под председательством Т. Шакманова «во избежание братоубийственной войны». Привлекательность нейтрального отношения к социальному противостоянию во имя «физического сохранения» численности населения оказалась нереальной альтернативой в гуще нараставших страстей.

Вторая стратегия была ярко представлена в программе партии «Свободная Кабарда», партии, провозглашенной героем Первой мировой войны З. Даутоковым-Серебряковым. Его позиция, которая поначалу читалась как «самоопределение до отделения», не выдержала социальных противоречий, и Даутоков-Серебряков присоединился к деникинскому движению, далекому от целей, заявлявшихся партией «Свободная Кабарда».

Третья точка зрения по национальному строительству на Кавказе отразилась в обращении СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», объявившим народные верования и обычаи, национальные и культурные учреждения свободными и неприкосновенными и обещавшим защиту прав на свободу и независимость всех народов России. Эта ультрадемократическая линия характерна для раннего этапа революционных преобразований. Но трактовка таких широких пер-

спектив на местах могла зависеть от субъективных взглядов и задач отдельных руководителей, каковым был Б. Калмыков, который стремился к сохранению границ Кабарды и Балкарии, уступая при этом ключевые исторические территории соседним областям под нажимом Центра.

Еще одна позиция была предложена Н. Катхановым. Он рассматривал национально-освободительное движение как составную часть общей «борьбы за социальную справедливость», основывая его на синтезе религиозной и большевистской идеологии. Но Катханов – не слепой агент большевизма. Он не только декларировал свои идеи, а активно участвовал в борьбе за них: собрал реальную армию своих сторонников – Шариатскую интернациональную колонну, успешно воевавшую против Деникина. Это дало ему право на отстаивание собственного мнения в последовавших дебатах по национальному вопросу, следуя до конца своим принципам. Однако постфактум его портрет и его идеология были сокращены до искажения, критически преподаны в советской историографии.

Таким образом, по проблеме национального самоопределения у представителей политической элиты коренных народов Нальчикского округа не сложилось единой точки зрения. В 1917–1921 гг. был предложен веер программных установок: от националистической (З. Даутоков-Серебряков) до национального самоопределения в рамках пролетарского интернационализма (Б. Калмыков). Промежуточными были позиция нейтралитета (Т. Шакманов) и религиозно-большевистский вариант решения национального вопроса Н. Катханова. Эти идеи продолжают существовать в политико-идеологическом пространстве Северного Кавказа и актуализируются в переломные моменты истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боров, А. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / А. Х. Боров, Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров. – Нальчик : Эль-фа, 1999. – 182 с.
2. Бугай, Н. Ф. Орджоникидзе на Северном Кавказе. 1918–1920 гг. / Н. Ф. Бугай. – Нальчик : Эльбрус, 1986. – 108 с.

3. Гугов, Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик : Эльбрус, 1975. – 495 с.

4. Жанситов, О. А. Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект / О. А. Жанситов // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа : сб. ст. – Нальчик : Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2009. – С. 347–357.

5. Заурбек. Книга о З.А. Даутокове-Серебрякове. – Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. – 416 с.

6. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / отв. ред. Б. Х. Бгажноков. – Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

7. Кажаров, А. Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.) / А. Г. Кажаров. – Нальчик : Изд-во Кабардино-Балкар. ун-та, 2019. – 408 с.

8. Калмыков, Б. Э. Да здравствует союз трудовых народов. Из речи на VI съезде народов Нальчикского округа Терской области. 16 декабря 1918 г. / Б. Э. Калмыков // Народная власть. – 1918. – 24 дек. (№ 189).

9. Калмыков, Б. Э. Революционное движение в Кабарде / Б. Э. Калмыков. – Нальчик : Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 56 с.

10. Калмыков, Б. Э. Статьи и речи / Б. Э. Калмыков. – Нальчик : Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1961. – 151 с.

11. Кармов, А. Х. Н.А. Катханов: роль и место в гражданской войне на Северном Кавказе / А. Х. Кармов // Вестник КБИГИ. – 2019. – № 4-2. – С. 22–34. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-22-34.

12. Карпов, Ю. Ю. «Традиции» в работе советского государственного деятеля. Руководитель Кабардино-Балкарии 1920–1930-х гг. Бетал Калмыков / Ю. Ю. Карпов // Лавровский сборник : материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. : Этнология, история, археология, культурология. – СПб. : МАЭ РАН, 2015. – С. 451–457.

13. Катханов, К. Н. Назыр: книга об отце / К. Н. Катханов. – Нальчик : Эльбрус, 2008. – 144 с.

14. Орешин, С. А. Эмират Узун-Хаджи – исламская модель государственности на Северном Кавказе. 1919–1920 гг. / С. А. Орешин // Клио. – 2014. – № 8 (92). – С. 57–61.

15. Подоксенов, А. М. М.М. Пришвин и Б.Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») / А. М. Подоксенов // Русская литература. – 2020. – № 2. – С. 201–206.

16. Репина, Л. П. История регионов, или «Территория историка» после пространственного по-

ворота / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 69. – С. 5–16.

17. Текуева, М. А. Назир Катханов: штрихи к политическому портрету / М. А. Текуева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2003. – № 1. – С. 109–124.

18. Тютюнина, Е. С. Судьба Назира Катханова / Е. С. Тютюнина // Точка зрения. – 1990. – № 21–22. – С. 30–31.

19. Улигов, У. А. Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии / У. А. Улигов. – Нальчик : Эльбрус, 1972. – 163 с.

20. Улигов, У. А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.) / У. А. Улигов. – Нальчик : Эльбрус, 1979. – 356 с.

21. Эбзеева, С. Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа / С. Э. Эбзеева. – М. : Юрид. лит., 1976. – 134 с.

22. Geertz, C. The Social history of an Indonesian town / C. Geertz. – Cambridge : Harvard University Press, 1965. – 217 p.

23. Jerkins, R. Ethnicity Etcetera: Social Anthropological Points of View / R. Jerkins // Ethnic and Racial Studies. – 1996. – Vol. 19, № 4. – P. 807–822.

24. Stien, H. F. The Psychoanthropology of American culture / H. F. Stien. – N. Y. : Psychohistory Press, 1985. – 168 p.

REFERENCES

1. Borov A.Kh., Dumanov Kh.M., Kazharov V.Kh. *Sovremennaiia gosudarstvennost Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniia, problemy* [Modern Statehood of Kabardino-Balkaria: Origins, Ways of Formation, and Problems]. Nalchik, El-fa Publ., 1999. 182 p.

2. Bugai N.F. *Ordzhonikidze na Severnom Kavkaze. 1918–1920 gg.* [Ordzhonikidze in the North Caucasus. 1918–1920]. Nalchik, Elbrus Publ., 1986. 108 p.

3. Gugov R.Kh. *Sovmestnaia borba narodov Tereka za sovetskuiu vlast* [Joint Struggle of the Terek Peoples for Soviet Power]. Nalchik, Elbrus Publ., 1975. 495 p.

4. Zhansitov O.A. *Grazhdanskaia voina v Kabarde: natsionalno-religiozni aspekt* [Civil War in Kabarda: National and Religious Aspect]. *Aktualnye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: sb. st.* [Actual Problems of the History and Ethnography of the Peoples of the Caucasus. Collection of Articles]. Nalchik, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel IGI KBNTs RAN, 2009, pp. 347-357.

5. *Zaurbek. Kniga o Z.A. Dautokove-Serebriakove* [Zaurbek. The Book About Z.A. Dautokov-

Serebryakov]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2016. 416 p.

6. *Istoriia mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiiu soiuza i edineniia narodov Kabardino-Balkarii i Rossii* [The History of the Centuries-Old Commonwealth. To the 450th Anniversary of the Union and Unity of the Peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. 720 p.

7. Kazharov A.G. *Stanovlenie natsionalnoi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, alternativy, itogi (1917 – 1920 gg.)* [Formation of the National Autonomy of Kabardino-Balkaria: Prerequisites, Alternatives, Results (1917–1920)]. Nalchik, Izd-vo Kabardino-Balkarskogo universiteta, 2019. 408 p.

8. Kalmykov B.E. Da zdravstvuet soiuz trudovykh narodov. Iz rechi na VI syezde narodov Nalchikskogo okruga Terskoi oblasti. 16 dekabria 1918 g. [Long Live the Union of the Working People. From a Speech at the 6th Congress of the Peoples of the Nalchik District of Terek Region. December 16, 1918]. *Narodnaia vlast*, 1918, December 24, no. 189.

9. Kalmykov B.E. *Revoliutsionnoe dvizhenie v Kabarde* [Revolutionary Movement in Kabarda]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1957. 56 p.

10. Kalmykov B.E. *Stat'i i rechi* [Articles and Speeches]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1961. 151 p.

11. Karmov A.Kh. N.A. Katkhanov: rol' i mesto v grazhdanskoy voyne na Severnom Kavkaze [N.A. Katkhanov: The Role and Place in the Civil War in the North Caucasus]. *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin], 2019, no. 4-2, pp. 22-34. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-22-34.

12. Karpov Ju.Ju. «Tradicii» v rabote sovetskogo gosudarstvennogo dejatelja. *Rukovoditel' Kabardino-Balkarii 1920–1930-h gg. Betal Kalmykov* [“Traditions” in the Work of a Soviet Statesman. Betal Kalmykov, Head of Kabardino-Balkaria in the 1920s and 1930s]. *Lavrovskij sbornik: materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniy 2014–2015 gg.: Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya* [The Lavrovsky Collection. The History of the Caucasus. Proceedings of the 38th and the 39th Central Asian-Caucasian Readings of 2014–2015. Ethnology, History, Archaeology, Culturology]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2015, pp. 451-457.

13. Katkhanov K.N. *Nazyr: kniga ob ottse* [Nazir: A Book About the Father]. Nalchik, Elbrus Publ., 2008. 144 p.

14. Oreshin S.A. Emirats Uzun-Khadzhi – islamskaia model gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze. 1919–1920 gg. [The Emirate of Uzun-Khadzhi is an Islamic Model of Statehood in the North Caucasus. 1919–1920]. *Klio*, 2014, no. 8, pp. 57-61.

15. Podoksenov A.M. M.M. Prishvin i B.E. Kalmykov (k istorii nesostoiavsheisia povesti o «nastoiashchem bolshevike») [M.M. Prishvin and B.E. Kalmykov (To the History of a Failed Story About the “Real Bolshevik”)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2020, no. 2, pp. 201-206.

16. Repina L.P. *Istoriia regionov, ili «Territoria istorika» posle prostranstvennogo povorota* [The History of Regions, or the “Territory of the Historian” After the Spatial Turn]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 69, pp. 5-16.

17. Tekueva M.A. Nazir Kathanov: shtrihi k politicheskomu portretu [Nazir Katkhanov: Touches to a Political Portrait]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2003, no. 1, pp. 109-124.

18. Tjutjunina E.S. Sud'ba Nazira Kathanova [The Fate of Nazir Katkhanov]. *Tochka zrenija* [Point of View], 1990, no. 21-22, pp. 30-31.

19. Uligov U.A. *Iz istorii natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva v Kabardino-Balkarii* [From the History of Nation-Building in Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Elbrus Publ., 1972. 163 p.

20. Uligov U.A. *Sotsialisticheskaia revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsionalnoi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [Socialist Revolution and Civil War in Kabarda and Balkaria and the Creation of the National Statehood of the Kabardian and Balkarian Peoples (1917–1937)]. Nalchik, Elbrus Publ., 1979. 356 p.

21. Ebzeeva S.E. *Stanovlenie sovetskoi natsionalnoi gosudarstvennosti narodov Severnogo Kavkaza* [Formation of the Soviet National Statehood of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 134 p.

22. Geertz C. *The Social History of an Indonesian Town*. Cambridge, Harvard University Press, 1965. 217 p.

23. Jerkins R. Ethnicity Etcetera: Social Anthropological Points of View. *Ethnic and Racial Studies*, 1996, vol. 19, no. 4, pp. 807-822.

24. Stien H.F. *The Psychoanthropology of American Culture*. New York, Psychohistory Press, 1985. 168 p.

Information About the Authors

Madina A. Tekueva, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Chernyshevskogo St, 173, 360004 Nalchik, Russian Federation, tekuevamadina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5818-9131>

Andrei A. Kononov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Chernyshevskogo St, 173, 360004 Nalchik, Russian Federation, homunculus2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7501-9529>

Marina Kh. Gugova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Sector of Contemporary History, Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Pushkina St, 18, 360000 Nalchik, Russian Federation, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

Информация об авторах

Мадина Анатольевна Текуева, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, 360004 г. Нальчик, Российская Федерация, tekuevamadina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5818-9131>

Андрей Анатольевич Коновалов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, 360004 г. Нальчик, Российская Федерация, homunculus2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7501-9529>

Марина Хабасовна Гугова, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», ул. Пушкина, 18, 360000 г. Нальчик, Российская Федерация, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.13>

UDC 323(470.61)(470.620)(470.621)
LBC 66.3(2Поч)

Submitted: 04.12.2020
Accepted: 13.03.2021

FACTORS OF REGIONAL PROCESSES DESTABILIZATION IN THE SOUTHERN RUSSIA¹

Marina V. Tarasova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Inna V. Yurchenko

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Mariya V. Dontsova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines traditional and recent factors that affect the situation in the geopolitically significant southern Russian region. The reasons for the actualization of socio-political and ethno-confessional conflicts are considered as factors of possible regional destabilization. *Methods and materials.* Conflictological diagnostics of the regional tension dynamics, as well as the nature and features of situational and long-term risks to regional security and socio-political stability in the South of Russia are based on factor analysis of Rostov region, Krasnodar Krai, and the Republic of Adygea materials. *Analysis.* By analyzing the statistics, the authors has revealed the presence of such negative processes in these regions as a decrease in the standard of living, a sharp increase in the unemployment rate, an increase in corruption and crime rates, population decrease, which is provoked by the COVID-19 pandemic – the newest factor of regional tension. *Results.* It is concluded that socio-economic problems against the background of a pandemic crisis may adversely affect the nature of interethnic and interfaith relations. Competition in the labor market, deterioration of the criminal situation, and uncontrolled migration can be considered as factors of conflict. According to the results of the study, it was found that the destabilization factors of the Rostov region regional situation have an endogenous character: demographic (population decrease), economic (deterioration in the socio-economic situation of the population), growth of protest activity and destructive content in the media. For Krasnodar Krai and the Republic of Adygea, exogenous factors of regional tension remain relevant: there is a high level of external migration for the region. *Authors' contribution.* The contribution of M.V. Tarasova in writing the article is to form the research logic, develop methodology and tools, and analyze statistical information in Rostov region. The analysis of the regional situation in Krasnodar Krai and Rostov region was carried out by I.V. Yurchenko, and M.V. Dontsova.

Key words: factors of destabilization, threats of increased social tension, situational and long-term risks, regional security, Rostov region, Krasnodar Krai, Republic of Adygea, South of Russia.

Citation. Tarasova M.V., Yurchenko I.V., Dontsova M.V. Factors of Regional Processes Destabilization in the Southern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 151-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.13>

**ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ЮГЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)¹****Марина Васильевна Тарасова**Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация**Инна Вадимовна Юрченко**Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация**Мария Владимировна Донцова**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные и новейшие факторы, влияющие на ситуацию в геополитически значимом южно-российском регионе. Показаны причины актуализации конфликтогенов социально-политического и этно-конфессионального характера, являющиеся факторами возможной региональной дестабилизации. Проводится конфликтологическая диагностика динамики региональной напряженности, определяются характер и особенности ситуационных и долгосрочных рисков региональной безопасности и социально-политической стабильности на Юге России, в частности, по материалам Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея. На основе анализа статистических данных в указанных регионах отмечается наличие таких негативных процессов, как снижение уровня жизни, резкое повышение уровня безработицы, рост коррупции и уровня преступности, снижение численности населения, что провоцируется новейшим фактором региональной напряженности – пандемией COVID-19. Сделан вывод, что социально-экономические проблемы на фоне пандемического кризиса могут отрицательно сказаться на характере межэтнических и межконфессиональных отношений. Факторами конфликтности могут выступать конкуренция на рынке труда, ухудшение криминогенной обстановки, неконтролируемая миграция. По итогам проведенного исследования установлено, что в Ростовской области факторы, способные привести к дестабилизации региональной ситуации, носят эндогенный характер: демографический (сокращение населения), экономический (ухудшение социально-экономического положения населения), рост протестной активности и деструктивного контента в СМИ. Для Краснодарского края и Республики Адыгея сохраняют актуальность экзогенные факторы региональной напряженности – высокий уровень внешней для региона миграции. *Вклад авторов.* В процессе работы над статьей вклад М.В. Тарасовой заключается в формировании логики исследования, разработке методологии и инструментария, анализе статистической информации в Ростовской области. Вклад И.В. Юрченко, М.В. Донцовой – анализе региональной ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея.

Ключевые слова: факторы дестабилизации, угрозы роста социальной напряженности, ситуационные и долгосрочные риски, региональная безопасность, Ростовская область, Краснодарский край, Республика Адыгея, Юг России.

Цитирование. Тарасова М. В., Юрченко И. В., Донцова М. В. Факторы дестабилизации региональных процессов на Юге России (на материалах Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 151–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.13>

Введение. В настоящее время региональная тематика приобретает все большую актуальность, современные мировые тенденции обусловили становление регионов в качестве полноценных субъектов межрегиональ-

ных и международных отношений. В свою очередь, для сохранения стабильности таких отношений необходимо эффективное управление развитием регионов, которое сопряжено с увеличением риска неблагоприятных послед-

ствий принимаемых под влиянием глобальных изменений решений. В этой связи особую актуальность приобретает изучение региональных процессов, определение факторов, оказывающих дестабилизирующее влияние на региональную ситуацию, на результативность управления развитием региона.

С целью уточнения методологии комплексного анализа региональной ситуации и определения соотношения «традиционных» и новейших факторов дестабилизации в исследуемом регионе необходим научный анализ узловых проблем социально-политических процессов в контексте оценки вероятности трансформации относительно спокойных этносоциальных взаимодействий в конфликты высокой напряженности на Юге России.

В 2009 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым на заседании Совета безопасности России были определены десять основных причин и факторов эскалации политической напряженности и поддержания нестабильности на Юге России: низкий уровень промышленного производства, дотационность региональных бюджетов, относительная бедность населения, отставание качества жизни регионов Юга России от среднероссийского уровня, высокий уровень безработицы, масштабы коррупции, низкая эффективность региональных органов власти, этноклановость, терроризм, экстремизм. В нашем исследовании данные факторы отнесены к числу «традиционных». Однако в обществе время от времени возникают социальные и политические явления, способные поддерживать нестабильность в регионе, стране. Проводя оценку современного состояния региональных процессов, считаем необходимым выявление «новейших» факторов или рискогенов, влияющих на региональную ситуацию и определение иерархии «традиционных» и «новейших» факторов.

Более детальный анализ факторов дестабилизации региональных процессов на Юге России проведем применительно к отдельным регионам, которые объединены особым геополитическим положением, имея границу с зоной напряженности – Украиной и выход к Черному и Азовскому морям: Ростовской области, Краснодарскому краю и Республике Адыгея. В процессе анализа выстроим иерархию риск-факторов, выявив факторы, риско-

генность которых возросла. Отдельно проведем анализ актуальности и значимости «новейших» факторов.

Методы и материалы. В данном исследовании проводится конфликтологическая диагностика динамики региональной напряженности, определяются характер и особенности ситуационных и долгосрочных рисков региональной безопасности и социально-политической стабильности на Юге России, в частности, по официальным статистическим материалам Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея. На основе данных статистики производится конкретизация и анализ традиционных факторов дестабилизации региональных процессов в исследуемом регионе в современных условиях, определение новейших конфликтогенных факторов и конструирование иерархии риск-факторов. Отдельные проблемы развития южно-российского региона в настоящее время исследуются в контексте влияния миграционной ситуации [11; 13], этноконфессиональных [3; 4] и социально-экономических процессов [37]. Также актуальность приобретают исследования развития регионов Юга России в условиях пандемии COVID-19 [35]. Данное исследование проводится с целью комплексного анализа региональной ситуации в контексте оценки вероятности трансформации относительно спокойных этносоциальных взаимодействий в конфликты высокой напряженности в отдельных регионах Юга России.

Методология исследования региональной социально-политической и этнокультурной ситуации включает функциональный анализ структурных элементов изучаемых региональных общностей, что позволяет обнаружить источники возможной дисфункциональности, наличие латентного течения конфликтов низкой интенсивности, которые могут быть опасны перерастанием в жесткую конфронтацию этнических, экономических и политических субъектов взаимоотношений, что опасно разрушением относительной стабильности, целостности и динамического равновесия сложившейся системы.

Анализ. Оценка текущих данных показывает, что большинство «традиционных» факторов, определяющих конфликтогенный потенциал территорий Юга России, сохраня-

ют свое действие, по некоторым возрастает интенсивность влияния на региональную ситуацию и лишь крайне малая часть имеет тенденцию к снижению.

Уровень промышленного производства. Согласно данным государственной статистики индекс промышленного производства в 2020 г. к 2019 г. в Ростовской области демонстрирует небольшую позитивную динамику и составляет 101,7 %. В Краснодарском крае наблюдается снижение данного показателя (97,2 %), предположительно в связи с мировой пандемией COVID-19. Республика Адыгея в 2020 г. наращивает темпы промышленного производства (105,1 %). Анализ динамики выпуска промышленной продукции по Южному федеральному округу показывает снижение на 1 % к 2019 г. (рис. 1) [32].

Однако в сравнении со всей Россией в исследуемых регионах, несмотря на позитивные тенденции, сохраняются низкие темпы роста промышленного производства, что отражается на региональной ситуации в целом. В рейтинге регионов по развитию промышленного производства за январь – июль 2020 г. Ростовская область занимает 51-е место, Краснодарский край – 39-е место, а Республика Адыгея демонстрирует наиболее благоприятные показатели – 21-е место [28]. В связи с этим можно сделать вывод, что влияние данного рискогенного фактора на региональную ситуацию сохраняется.

Дотационность регионального бюджета. В настоящее время сохраняется зависимость региональных бюджетов субъектов ЮФО и СКФО от дотаций федерального бюджета. Одной из причин, повлиявших на снижение наполняемости региональных бюджетов, стали техническая рецессия и санкции ЕС, США, которые частично оказали влияние на хозяйственную деятельность крупных предприятий в регионах, в связи с чем налоговые отчисления в региональные бюджеты сократились. Пандемия коронавирусной инфекции также оказала влияние на объемы дотаций. В 2020 г. суммарный объем выделяемых средств вырос с 675,260 до 717,866 млрд руб. (увеличение составило 42,606 млрд) [9].

Региональные сравнения показывают, что в 2020 г. Ростовская область занимала 11-ю позицию по объему выделенных средств на 2020 г. – 14,994 млрд руб., что на 1,36 млрд руб. больше по сравнению с 2019 г. [9]. Краснодарский край и Республика Адыгея менее зависимы от дотаций регионального бюджета, занимая в 2020 г. соответственно 21-е и 44-е место в рейтинге (10,711 и 4,504 млрд руб.). Тем не менее в относительно благополучном Краснодарском крае объем дотаций по сравнению с 2019 г. вырос на 10 % и составил 10,711 млрд рублей. В Республике Адыгея в 2020 г. объем дотаций из Федерального центра по сравнению с 2019 г. практически не изменился.

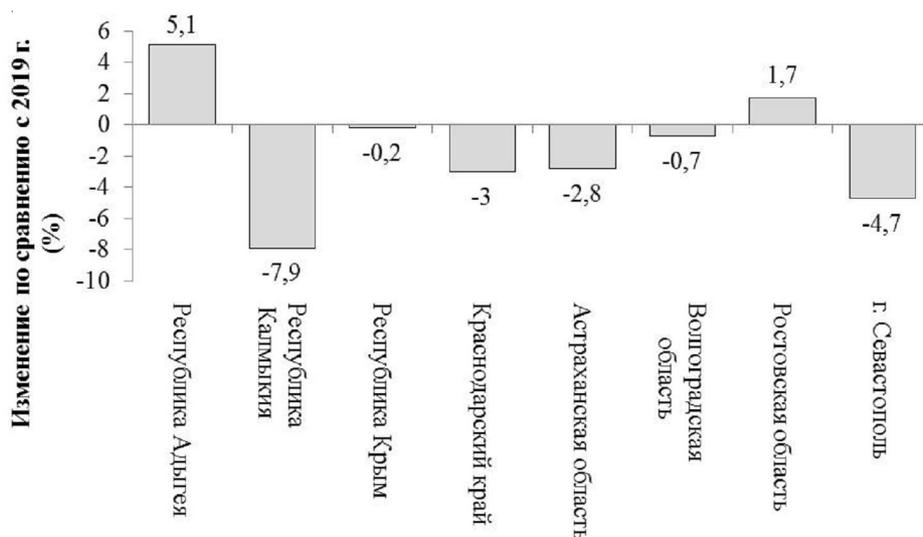

Рис. 1. Изменение индекса промышленного производства в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в ЮФО, %
Fig. 1. Industrial production index variation in the Southern Federal District in 2020 compared to 2019, %

Относительная бедность населения.

Одним из наиболее ощутимых последствий пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 является значительное снижение уровня жизни россиян. Так, по данным Росстата «число россиян с доходом ниже величины прожиточного минимума увеличилось во втором квартале 2020 г. на 1,3 млн по отношению к аналогичному периоду 2019 г. и составило 19,9 млн человек (13,5 % населения страны)» [31]. Также отмечается, что «под влиянием экономических и социальных последствий пандемического кризиса уровень бедности по итогам 2020 г. поднимется на 1 п.п., до 13,3 %» [30]. При этом падение уровня жизни фиксировалось и в 2019 г. [29]. На фоне последствий пандемии остро выступают проблемы бедности сельских семей и семей с детьми, и наметившаяся тенденция развития так называемой «психологии бедности». По данным официальной статистики, около 51 % многодетных семей в России находятся за чертой бедности.

По оценке экспертов «РИА Рейтинг», в рейтинге регионов России по уровню дохода (отношение дохода к потребительской корзине) в 2019 г. Ростовская область занимает лишь 36-е место из 85 [26], уступая по показателям даже Республике Адыгея (34-е место). При этом за чертой бедности находится 13,3 % населения, а показатель крайней бедности составляет 2 % (табл. 1). Наиболее выигрышное положение в данной тройке занимает Краснодарский край, в котором уровень бедности составил 10,8 % [26].

Таким образом, можно констатировать, что проблема бедности для Ростовской области и Республики Адыгея является приоритетной в иерархии факторов, определяющих конфликтологический потенциал территорий Юга России.

Отставание качества жизни регионов Юга России от среднероссийского уровня

продолжает в настоящее время сохраняться, и соответственно значимость данного конфликтного фактора не уменьшается. В рейтинге регионов России по качеству жизни, проведенному «РИА Рейтинг» [27], Ростовская область в 2020 г. занимает 17-е место, отыграв две ступени по сравнению с 2019 годом. Республика Адыгея занимает в данном рейтинге 24-е место (51,3 балла), немного усилив свои позиции по сравнению с 2019 г. (27-е место). Лишь Краснодарский край в указанном рейтинге стоит на 6-м месте в общероссийском масштабе. Рейтинг столиц рассматриваемых субъектов РФ представлен на рисунке 2 [21].

Высокий уровень безработицы. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики уровень безработицы в 2020 г. существенно вырос в связи с пандемией. В декабре 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости населения, в Ростовской области увеличилась в 6,2 раза [6], в Краснодарском крае – в 6,7 раза [7], в Республике Адыгея – в 6,6 раз [8]. Резкое повышение уровня регистрируемой безработицы приходится на апрель 2020 года. Данные динамического наблюдения за 2020 г. показали, что наиболее сложное положение с занятостью населения складывалось в Краснодарском крае, где уровень регистрируемой безработицы в июле превысил показатель 2019 г. в 9 раз. Этот факт, безусловно, повышает проблему межнациональной конкуренции на рынке труда. Основным отличием рынка труда РФ является высокий уровень скрытой безработицы, которая может стать существенным фактором дес-

Таблица 1. Место некоторых регионов ЮФО в рейтинге по уровню дохода (отношение дохода к потребительской корзине) в 2019 году

Table 1. Ranking of some Southern Federal District regions by income level (the ratio of income to the consumer basket) in 2019

Место	Регион	Бедность, %	Крайняя бедность, %	Отношение медианных доходов в стоимости фиксированного набора товаров и услуг
18	Краснодарский край	10,8	1,5	1,66
34	Республика Адыгея	12,5	1,9	1,54
36	Ростовская область	13,3	2,0	1,53

Примечание. Составлено авторами по: [26].

Рис. 2. Рейтинг городов по качеству жизни в 2019 году

Fig. 2. Rating of cities by quality of life in 2019

Примечание. Составлено авторами по данным Domofond.ru [21].

табилизации социальных отношений при ухудшении экономической конъюнктуры, из чего делаем вывод о существенной степени рискогенности данного фактора.

Масштабы коррупции. Генеральной прокуратурой РФ отмечалось, что в период с января по декабрь 2020 г. было зарегистрировано преступлений по статье 290 УК РФ (получение взятки) в Ростовской области 131 факт (4-е место в рейтинге, -16,9 % по сравнению с 2018 г. и -19,1 % по сравнению с 2019 г.), в Краснодарском крае – 131 факт (5-е место в рейтинге, +29,9 % по сравнению с 2018 г. и +3,97 % по сравнению с 2019 г.), в Республике Адыгея – 12 фактов (51-е место в рейтинге, в 3,5 раза выше, чем в 2018 г., и на 33,3 % выше по сравнению с 2019 г.) [23]. По данным фонда «Общественное мнение», 70 % опрошенных респондентов считают, что в стране высокий уровень коррупции, более того, увеличилось количество граждан, считающих, что коррупция растет – с 38 до 43 % [10; 12]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на активную работу правоохранительных органов, современные тенденции свидетельствуют об опасном уровне коррупции. В связи с этим данная проблема остается важнейшим фактором поддержания нестабильности региональной ситуации и социального недовольства.

Низкая эффективность региональных органов власти. Данный фактор продолжает сохраняться практически во всех субъектах Юга России, он выражается в слабой проработанности региональных программ, отсутствии достаточного анализа управления рисками, низком освоении средств в регионах ЮФО. Ежегодный рейтинг эффективности управления в субъектах РФ, проведенный Агентством политических и экономических коммуникаций в 2020 г. [1], свидетельствует о незначительном росте эффективности региональной исполнительной власти в Ростовской области, которая по итогам 2020 г. заняла более высокие позиции (8-е место) по отношению к 2019 г. (11-е место). Республика Адыгея занимает в данном рейтинге лишь 64-е место, незначительно усилив свои позиции по сравнению с 2019 годом. Краснодарский край в 2020 г. показал значительную негативную динамику по сравнению 2019 г. (потеря позиций с 21–23-го до 31-го места) [1]. В деятельности региональных органов власти фундаментальных перемен не выявлено.

Этноклановость. Одним из важнейших маркеров этносоциальной среды региона является этноклановость, которая наиболее ярко проявляется в СКФО [2]. Для Северо-Кавказского федерального округа, прежде всего для республик Северного Кавказа, этот риск, бе-

зусловно, сохраняется, для Южного федерального округа данный фактор утрачивает остроту и актуальность.

Терроризм и экстремизм. Несмотря на тот факт, что к 2018 г. наметилась тенденция к снижению числа преступлений террористической направленности (в 2018 г. в целом по РФ было зарегистрировано на 32,6 % меньше, чем в 2016 г.), обстановка в стране остается достаточно сложной, показатели 2019 г. несколько выше, чем за 2018 год. Как отмечает директор ФСБ А.В. Бортников, в 2019 г. «на стадии подготовки предотвращено 39 терактов, нейтрализованы 32 боевика, 679 задержаны, 22 склонены к отказу от террористической деятельности. Ликвидировано 49 террористических ячеек, планировавших атаки в различных регионах России» [5]. В январе – декабре 2020 г. в рейтинге регионов РФ по количеству зарегистрированных преступлений террористической направленности Ростовская область заняла 8-е место, Краснодарский край – 16-е место, а Республика Адыгея – 26-е место [23] (табл. 2). На территории ЮФО органами безопасности выявлено более 50 участников запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» [15].

Таким образом, терроризм продолжает оставаться, пожалуй, одним из самых рискованных факторов на Юге России, а деятельность спецслужб – главным гарантом стабильности и безопасности.

Таблица 2. Динамика преступлений террористической направленности в отдельных субъектах РФ (2015–2020 гг.)

Table 2. The dynamics of terrorist-related crimes in certain constituent entities of Russia (2015–2020)

Период (январь – декабрь)	Ростовская область	Краснодар- ский край	Республика Адыгея
2015 г.	11	19	6
2016 г.	22	30	10
2017 г.	28	20	18
2018 г.	21	15	10
2019 г.	24	27	13
2020 г.	50	30	19
Рост по сравнению с 2019 г., %	+108,3	+11,1	+46,2

Примечание. Составлено авторами по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [23].

Статистические данные также свидетельствуют о том, что такой фактор, как экстремизм не утратил свою актуальность, наметилась тенденция его роста. По данным Генеральной прокуратуры РФ, по количеству зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в январе – декабре 2020 г. Республика Адыгея заняла 13-е место в рейтинге регионов по данному показателю (16 преступлений), Краснодарский край – 9-е место (20 преступлений), а Ростовская область продемонстрировала снижение данного показателя, заняв в общем рейтинге 12-е место (16 преступлений) [23] (см. табл. 3).

По итогам проведенного анализа можно прийти к выводу, что ряд факторов, определенных Президентом РФ в 2009 г., продолжают оказывать дестабилизирующее действие на региональную ситуацию в исследуемом регионе. Оценка напряженности отражена в таблице 4.

В контексте процессов, связанных с глобальной пандемией COVID-2019, в данном исследовании были выявлены новейшие факторы, дестабилизирующие ситуацию в исследуемых регионах и повышающие рискогенность социально-политических процессов (см. табл. 5). Пандемия коронавируса усилила «традиционные» конфликтогенные факторы и спровоцировала появление новых, таких как: повышение уровня безработицы в связи с банкротством предприятий и временной остановкой целых отраслей экономики, существенное снижение уровня жизни, снижение численности населения.

Таблица 3. Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в отдельных субъектах РФ (2015–2020 гг.)

Table 3. The dynamics of registered extremism-related crimes in certain constituent entities of Russia (2015–2020)

Период (январь – декабрь)	Ростовская область	Краснодар- ский край	Республика Адыгея
2015 г.	13	29	8
2016 г.	17	20	3
2017 г.	22	25	3
2018 г.	32	18	2
2019 г.	23	9	10
2020 г.	16	20	16
Рост по сравнению с 2019 г., %	-43,8	+122,2	+60

Примечание. Составлено авторами по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [23].

Таблица 4. «Традиционные» факторы дестабилизации региональных процессов на Юге России

Table 4. “Traditional” destabilization factors of regional processes in the South of Russia

Состав	Острота ситуации		
	Ростовская область	Краснодарский край	Республика Адыгея
1. Низкий уровень промышленного производства	Сохраняется	Снижается	Сохраняется
2. Дотационность региональных бюджетов	Сохраняется	Сохраняется	Снижается
3. Низкая эффективность региональных органов власти	Сохраняется	Возрастает	Сохраняется
4. Относительная бедность населения	Возрастает	Снижается	Возрастает
5. Отставание качества жизни регионов от среднероссийского уровня	Сохраняется	Снижается	Сохраняется
6. Высокий уровень безработицы	Возрастает	Возрастает	Возрастает
7. Масштабы коррупции	Сохраняется	Возрастает	Сохраняется
8. Этноклановость	Снижается	Снижается	Сохраняется
9. Терроризм	Возрастает	Возрастает	Возрастает
10. Экстремизм	Сохраняется	Возрастает	Возрастает

Таблица 5. «Новейшие» факторы дестабилизации региональных процессов в Южном макрорегионе

Table 5. The “newest” destabilization factors of regional processes in the Southern macroregion

Состав	Направленность действия
Пандемия COVID-2019	Формирование долгосрочных рисков дестабилизации региональной ситуации, усиление «традиционных» конфликтогенных факторов, повышение уровня безработицы в связи с приостановкой ряда отраслей экономики, повышение межэтнической конкуренции на рынке труда, усиление мигрантофобии, снижение уровня жизни
Снижение численности населения	Ослабление и потеря социального контроля территории, усиление геополитических притязаний на контроль за воспроизводимыми природными ресурсами (почвы, вода, воздух)
Рост преступности	Понижение уровня личной и экономической безопасности
Протестная активность	Рост протестного потенциала, недоверия к властям всех уровней, социальной апатии и правового нигилизма
«Тлеющие» и «замороженные» военно-политические конфликты на территориях сопредельных государств	Эскалация напряженности в регионе, рост преступности, безработицы, возрастание нагрузки на социальные институты трансграничных регионов, рост бедности

Снижение численности населения является важнейшим рискогенным фактором, способным привести к негативному сценарию: ослаблению и потере социального контроля территории и усилению геополитических притязаний внешних акторов на использование природных ресурсов. Проводя оценку демографических рисков и их влияния на устойчивость развития исследуемого региона [33], необходимо отметить, что среди исследуемых регионов наиболее сложная социально-демографическая ситуация наблюдается в Ростовской области. Численность жителей Ростовской области на начало 2020 г., по данным Росстата, составила 4 197,8 тыс. человек. Динамические наблюдения показывают, что в течение 5 лет наблюдается постепенное снижение численности населения [36]. В регионе в период январь – декабрь 2020 г. естественная убыль населения составила -27 753 чел., что на 53,3 % больше, чем в 2019 г. (-18 094 чел.) [19]. В Ростовской области региональные власти разрабатывают различные программы по привлечению мигрантов в регион. Однако в настоящее время даже миграционный поток выравнивает ситуацию лишь на 15 %. В Краснодарском крае и Республике Адыгея хоть и наблюдается убыль населения, происходит компенсация численности за счет интенсивной миграции. Так, в Краснодарском крае за январь – декабрь 2020 г. число умерших превысило число родившихся на 36,4 % (-21 567 чел.,

или -3,8 % на 1 000 чел.) [17], но за счет миграционного прироста естественная убыль населения края полностью компенсируется (+33 511 чел.) [18]. В Республике Адыгея в этот же период также регистрируется убыль населения: превышение числа умерших над числом родившихся составило 36,6 % (в 2019 г. – 35,1 %). Миграционный прирост компенсирует убыль населения, но крайне слабо: население республики увеличилось с начала 2021 г. с учетом миграционного прироста всего на 3 человека [20].

Рост преступности. По результатам анализа деструктивного влияния роста преступности на региональные процессы Краснодарский край в ЮФО занимает лидирующие позиции и 3-е место по уровню преступности в России после г. Москвы и Московской области (73 519 преступлений за январь – декабрь 2020 г., что на 2,7 % больше по сравнению с 2019 г.). 5-е место по России занимает Ростовская область (61 753 преступления за этот же период). В Республике Адыгея в период с января по декабрь 2020 г., наоборот, наблюдается убыль числа преступлений по сравнению с 2019 г. на 12,4 % (в течение 2020 г. в регионе зафиксировано всего 4 123 преступления) [23].

Анализ динамики преступлений (декабрь 2019 – декабрь 2020) в рассматриваемых регионах (рис. 3) показывает, что с апреля по октябрь 2020 г., то есть в период, который при-

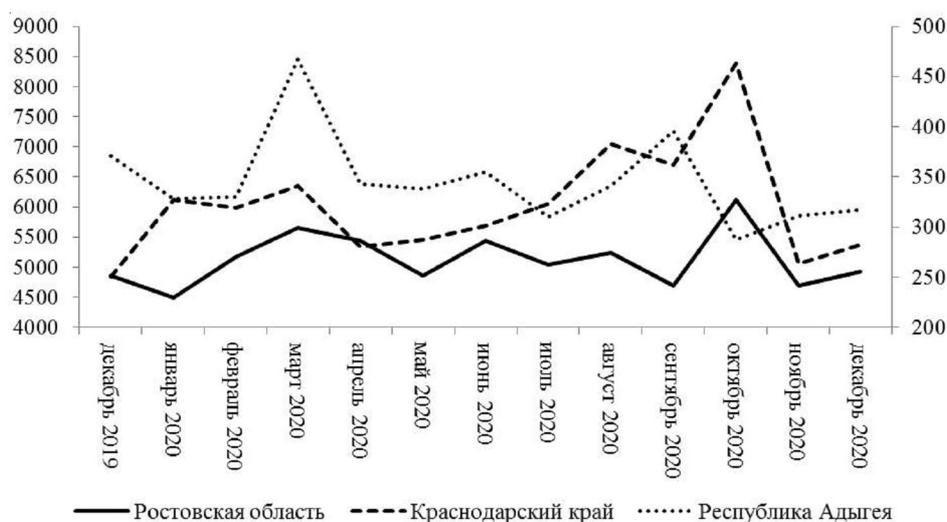

Рис. 3. Количество преступлений в динамике за 1 год (декабрь 2019 – декабрь 2020 г.) в регионах РФ, ед.
 Fig. 3. Number of crimes in the regions of Russia by the dynamics of 1 year (December 2019 – December 2020), units.

Примечание. Составлено авторами по: [23].

шелся на ограничительные меры в связи с пандемией, в Краснодарском крае отмечается рост уровня преступности, который уже в ноябре сошел на «нет», что позволяет определить пандемию COVID-19 как явный конфликтогенный фактор, влияющий на региональную ситуацию в данном субъекте РФ.

Таким образом, представленные данные об уровне преступности указывают на то, что этот фактор способен оказать негативное влияние на региональную ситуацию.

Протестная активность. Важнейшим стресс-фактором, влияющим на социально-экономическое развитие и политические процессы на региональном и муниципальном уровне, стали различного рода протестные выступления, в том числе связанные с последствиями глобальной пандемии. Рост протестного потенциала является проявлением недоверия властям всех уровней и может способствовать социальной апатии, правовому нигилизму, усилению иммиграционных настроений, оттоку высококвалифицированных рабочих, специалистов и ученых за рубеж.

По данным рейтинга протестной активности (апрель 2019 г.), публикуемому институтом региональной экспертизы [25], Краснодарский край (69-е место и 5,9 баллов) и Республика Адыгея (79-е место и 3,25 балла) входят в «зеленую» зону данного рейтинга, демонстрируя один из самых низких показателей протестного потенциала. Ростовская область по данным рейтинга протестной активности входит в «желтую зону» (умеренный уровень протестной активности) (64-е место и 6,9 баллов). Для регионов «желтой зоны» характерно «наличие локальных протестных кейсов, которые пока не вызывают повышенного интереса общественности, но имеют определенный протестный потенциал в будущем» [25].

Протестная активность Краснодарского края в 2019 г. в целом соответствовала федеральному тренду, связанному с ростом недовольства граждан пенсионной реформой и нарушениями по договорам долевого строительства жилья («обманутые дольщики»). Последняя проблема в Краснодарском крае приобрела значительные масштабы [16], а ее решение потребовало привлечения средств федерального бюджета [14]. Также в 2019 г. в крае

прошли митинги водителей, недовольных введением платного проезда по трассе М4-Дон, а также системой «Платон». Были зарегистрированы многочисленные пикеты жителей Туапсинского района края, которые недовольны проблемой невыплат компенсаций за разрушенное или пострадавшее во время наводнения в октябре 2018 г. жилье [22].

В Ростовской области в 2019 г. в 7,3 % случаев протестные акции были связаны с экологическими проблемами, при этом 3,5 % протестов вызваны планами размещения мусорных полигонов и мусоросжигающих заводов в сельской местности. Результаты нашего анализа свидетельствуют, что, например, в Ростовской области из общего числа сельских районов 32,6 % имеют максимальный уровень социальной напряженности, при этом 28,6 % от их общей численности имеют государственную границу с Украиной, что создает угрозу региональной и геополитической стабильности. По данным Центра «Центрум», 45 % населения Ростовской области считают возможным проведение массовых акций протеста, а 39 % – готовы принять в них личное участие [34].

В 2020 г., в связи с пандемией коронавируса COVID-19, отмечается временное снижение протестной активности и переход в латентную форму (он-лайн протесты). В 2021 г. ожидается усиление протестного движения, на что указывают уже состоявшиеся акции протеста в поддержку А. Навального в январе 2021 года. Так, по данным АПЭК (Агентство политических и экономических коммуникаций), «по итогам 2020 г. в сравнении с 2019-м АПЭК прогнозирует снижение количества политических протестных акций на 20–30 %, социально-экономических – на 15–25 %, экологических – на 30–40 %. Очевидно, что главный фактор снижения протестной активности – пандемия коронавируса. Пандемия будет влиять на протестную активность сдерживающим образом относительно недолго. Скорее всего, уже в 2021 г. этот эффект себя исчерпает» [24].

Таким образом, если учитывать намерения людей поддерживать протест, то потенциал конфликтности значительно возрастает. В связи с этим повышение уровня социальных протестов – это один из тех риск-факторов,

воздействие которых способно дестабилизировать региональную ситуацию, учитывая сложность современной ситуации.

«Тлеющие» и «замороженные» военно-политические конфликты на территориях сопредельных государств. Отдельно стоит отметить влияние геополитического фактора на региональные процессы. Поскольку новые опасности и риски современной геополитической структуры мира неизбежно приобретают конфликтогенное измерение на Юге России, то вопрос о внешнеполитических акторах, оказывающих максимально дестабилизирующее влияние на ситуацию в Ростовской области и Краснодарском крае, становится достаточно популярным. Безусловно, среди внешних политических сил наибольшее влияние в развитии этнополитической напряженности в регионе оказывает Украина, как ближайший сосед и «горячая» зона столкновения интересов крупных политических игроков – США и Евросоюза. Такой рискогенный фактор, как «тлеющие» и «замороженные» военно-политические конфликты на территориях сопредельных государств, способен вызвать эскалацию напряженности в регионе, рост преступности, безработицы, возрастание нагрузки на социальные институты трансграничных регионов, рост бедности. В свою очередь рост социально-экономической напряженности способен стать косвенной причиной усиления этнополитических и межэтнических конфликтов.

Результаты. Таким образом, несмотря на противоречивость и сложность оценки современных региональных процессов, проведенный анализ региональной ситуации на основе данных статистики позволил выстроить иерархию дестабилизирующих факторов и рисков, способных привести к эскалации конфликтного процесса на Юге России.

Выявлены «новейшие» риск-факторы дестабилизации региональных процессов: пандемия COVID-2019, снижение численности населения, рост преступности, протестная активность, «тлеющие» и «замороженные» военно-политические конфликты на территориях сопредельных государств. В Ростовской области верхние позиции в иерархии занимают демографический фактор и уровень протестной активности, в Краснодарском крае – протестные акции обманутых дольщиков.

Также установлено, что в Ростовской области и Республике Адыгея сохраняется воздействие «традиционных» факторов, которые имеют тенденцию к росту. Из десяти факторов по трем (бедность населения, безработица, экстремизм) острота ситуации возрастает, по шести – сохраняется, и лишь по одному (этноклановость) наблюдаются тенденции к снижению остроты и актуальности. В Краснодарском крае напряженность региональной ситуации в первую очередь создают такие факторы, как высокий уровень коррупции и преступности, увеличение уровня безработицы.

По итогам проведенного исследования региональных процессов основной вектор напряженности сосредоточен в социально-экономической сфере. Возможная эскалация ситуации в Ростовской области связана в большей степени с эндогенными факторами, основным из которых является демографический (сокращение населения), для Краснодарского края и Республики Адыгея актуальным вопросом остаются экзогенные факторы – проблемы миграции. Последствия пандемии COVID-2019, рост протестной активности и влияние деструктивного контента в СМИ, который провоцирует рост экстремистских настроений, высокий уровень коррупции и внешние угрозы военных конфликтов для приграничного положения исследуемого региона являются общими рисками дестабилизации.

Системный ситуационный анализ региональных процессов социально-политических и этноконфессиональных трансформаций на основе методов прогнозирования востребован не только в научно-теоретическом, но и практически-прикладном аспекте с целью профилактики угроз дестабилизации и повышения эффективности политико-управленческих практик с учетом региональной специфики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, номер государственной регистрации 122020100306-9.

The publication was prepared as part of the implementation GC SSC RAS, state registration number 122020100306-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. VIII рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2020 году. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://regcomment.ru/ratings/viii-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2020-godu/#_fn14 (дата обращения: 13.02.2021). – Загл. с экрана.
2. Авксентьев, В. А. Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: экспертные оценки / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 130–154. – DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.11.
3. Авксентьев, В. А. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>.
4. Бредихин, А. В. Этнические анклавности нестабильности Юга России / А. В. Бредихин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 2. – С. 70–73. – DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-70-73.
5. Вступительное слово на открытии пленарного заседания ректора ФСБ России А. В. Бортникова // Вестник национального антитеррористического комитета : науч.-практ. журн. – 2020. – № 1 (23). – С. 7–11. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik_no_1_23.pdf (дата обращения: 21.02.2021). – Загл. с экрана.
6. Динамика числа незанятых граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости в Ростовской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/WT8vwRo9/Динамика%20числа%20незанятых%20граждан,%20состоящих%20на%20учете%20в%20государственных%20учреждениях%20службы%20занятости.pdf> (дата обращения: 17.02.2021). – Загл. с экрана.
7. Динамика численности не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости населения (Краснодарский край). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/dZhIZ2T3/zan_12.htm (дата обращения: 16.02.2021). – Загл. с экрана.
8. Динамика численности не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости населения (Республика Адыгея). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/JTbP2z3A/1.%20Динамика%20численности%20незанятых%20трудоустроенных%20граждан%20на%20учете%20в%20органах%20службы%20занятости.pdf> (дата обращения: 16.02.2021). – Загл. с экрана.
9. Дотации регионам России 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://fincan.ru/articles/117_dotacii-regionam-rossii-2020/ (дата обращения: 15.02.2021). – Загл. с экрана.
10. Жители Ростовской области считают крайне опасным уровень коррупции в регионе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rostof.ru/articles/zhiteli-rostovskoy-oblasti-schitayut-kрайне-опасным-уровень-korрупции-v-regione> (дата обращения: 15.12.2019). – Загл. с экрана.
11. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад, 2018 г. / под ред. Г. С. Денисовой. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. – 134 с.
12. Коррупция в России неискоренима, как показывает статистика за 2019 год. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212013172> (дата обращения: 05.12.2019). – Загл. с экрана.
13. Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад, 2019 г. / под ред. проф. В. Н. Петрова. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2020. – 204 с.
14. На Кубани 259 обманутых дольщиков получили компенсации из федерального фонда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yugopolis.ru/news/na-kubani-259-obmanutyhdol-shikov-poluchili-kompensacii-iz-federal-nogofonda-127256> (дата обращения: 20.11.2020). – Загл. с экрана.
15. Начальник управления ФСБ по Ростовской области рассказал о предотвращении протестов, инспирированных из-за рубежа. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.donnews.ru/Nachalnik-upravleniya-FSB-po-Rostovskoy-oblasti-rasskazal-o-predotvraschenii-protestov-inspirirovannyh-iz-SSHA_95317?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews&utm_medium=desktop&utm_source=uxnews (дата обращения: 15.12.2019). – Загл. с экрана.
16. Обманутые дольщики Кубани направили губернатору Кондратьеву свои требования. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://clubrf.ru/23/news/54322> (дата обращения: 18.11.2020). – Загл. с экрана.
17. Общая характеристика воспроизводства населения (Краснодарский край, январь – декабрь 2020 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/e22cS1GC/edn.htm> (дата обращения: 25.02.2021). – Загл. с экрана.

18. Общая характеристика миграционной ситуации в Краснодарском крае. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/NmlLvKNQ/mn.htm> (дата обращения: 21.02.2021). – Загл. с экрана.

19. Основные итоги естественного движения населения в Ростовской области (Ростовская область). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/zPwF5ys8/Основные%20итоги%20естественного%20движения%20населения.pdf> (дата обращения: 24.02.2021). – Загл. с экрана.

20. Показатели естественного движения населения (Республика Адыгея). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/DCRtkLUn/1.%20Показатели%20естественного%20движения%20населения.htm> (дата обращения: 21.02.2021). – Загл. с экрана.

21. Полный рейтинг городов по качеству жизни в 2019 году. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_gorodov_po_kachestvu_zhizni_v_2019_godu/100546 (дата обращения: 10.07.2020). – Загл. с экрана.

22. Пострадавшие от наводнения жители Туапсинского района вышли на одиночные пикеты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3984515> (дата обращения: 23.05.2020). – Загл. с экрана.

23. Преступность в регионах. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 25.02.2021). – Загл. с экрана.

24. Протест на фоне пандемии: факторы спада активности. Аналитический доклад. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=6637 (дата обращения: 28.02.2021). – Загл. с экрана.

25. Рейтинг протестной активности регионов России (апрель 2019 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html> (дата обращения: 02.06.2020). – Загл. с экрана.

26. Рейтинг регионов по доходам населения – 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://giarating.ru/infografika/20200707/630174723.html> (дата обращения: 12.11.2020). – Загл. с экрана.

27. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 27.02.2021). – Загл. с экрана.

28. Рейтинг российских регионов по динамике промышленного производства. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200713/1574133115.html> (дата обращения: 15.12.2020). – Загл. с экрана.

29. Росстат зафиксировал рост бедности в России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/economics/27/08/2019/5d654fcb9a7947637869b70> (дата обращения: 15.12.2019). – Загл. с экрана.

30. Росстат зафиксировал рост бедности на пике пандемии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1dd59d1> (дата обращения: 22.01.2021). – Загл. с экрана.

31. Росстат: число бедных россиян выросло во втором квартале 2020 года до 19,9 млн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/9498117> (дата обращения: 22.01.2021). – Загл. с экрана.

32. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2020 году. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260?print=1#> (дата обращения: 23.01.2021). – Загл. с экрана.

33. Тарасова, М. В. Демографические риски и устойчивость развития трансграничного региона / М. В. Тарасова // Трансграничный фактор: плюсы и минусы ведения сельского хозяйства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Ростов-на-Дону, 8–10 окт. 2019 г. – Ростов н/Д : ООО АзовПринт, 2019. – С. 348–354.

34. Хотят, но не участвуют: рассказываем об отношении дончан к протестным акциям. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://161.ru/text/gorod/2019/03/06/66008044/?shareRecordImage=15a42475b62606c3728ebf606b6dec37> (дата обращения: 15.12.2019). – Загл. с экрана.

35. Чернова, О. А. Экономическая политика агропромышленных регионов Юга России в условиях COVID-19 / О. А. Чернова, И. В. Митрофанова // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 150–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.14>.

36. Численность населения (Ростовская область на 1 января соответствующего года). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/5YxgWvpV/Численность%20населения.pdf> (дата обращения: 16.02.2021). – Загл. с экрана.

37. Monitoring methodology for socio-economic development of a region (through the example of the South of Russia regions) / L. N. Usenko, A. M. Usenko, T. N. Uryadova [et al.] // *Espacios*. – 2017. – Vol. 38, № 23. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n23/a17v38n23p24.pdf>. (date of access: 11.12.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. *VIII rejting effektivnosti upravleniya v subyektah Rossijskoj Federacii v 2020 godu* [The 8th Rating of

Management Efficiency in the Constituent Entities of the Russian Federation in 2020]. URL: http://regcomment.ru/ratings/viii-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2020-godu/#_ftn14 (accessed 13 February 2021).

2. Avksent'ev V.A., Gricenko G.D. Protivorechivost' jetnopoliticheskikh tendencij na severnom Kavkaze: jekspertnye ocenki [Contradiction of Ethnopolitical Trends in the North Caucasus: Expert Evaluations]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [North Caucasus: Expert Evaluations], 2018, vol. 7, no. 3, pp. 130-154. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.11.

3. Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D. Etnichnost' v politicheskikh konfliktakh: etnizatsiya politiki i politizatsiya etnichnosti [Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2020, no. 3, pp. 74-97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>.

4. Bredihin A.V. Etnicheskie anklavy nestabil'nosti Yuga Rossii [Ethnic Enclaves of Instability in the South of Russia]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2019, no. 2, pp. 70-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-70-73.

5. Vstupitel'noe slovo na otkrytii plenarnogo zasedaniya rektora FSB Rossii A.V. Bortnikova [Opening Speech at the Opening of the Plenary Session of the Rector of the FSB of Russia A.V. Bortnikov]. *Vestnik natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta: nauch.-prakt. zhurn.* [Bulletin of the National Antiterrorist Committee. Scientific and Practical Journal], 2020, no. 1 (23), pp. 7-11. URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik_no_1_23.pdf (accessed 21 February 2021).

6. *Dinamika chisla nezanyatykh grazhdan, sostoyashchih na uchete v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh sluzhby zanyatosti v Rostovskoj oblasti* [Dynamics of the Number of Unemployed Citizens Registered with State Employment Services in Rostov Region]. URL: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/WT8vwRo9/Динамика%20числа%20незанятых%20граждан,%20состоящих%20на%20учете%20в%20государственных%20учреждениях%20службы%20занятости.pdf> (accessed 17 February 2021).

7. *Dinamika chislennosti ne zanyatykh trudovoj deyatel'nost'yu grazhdan, sostoyashchih na uchete v organakh sluzhby zanyatosti naseleniya (Krasnodarskij kraj)* [Dynamics of the Number of Unemployed Citizens Registered with the Employment Services (Krasnodar Krai)]. URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/dZhIZ2T3/zan_12.htm (accessed 16 February 2021).

8. *Dinamika chislennosti ne zanyatykh trudovoj deyatel'nost'yu grazhdan, sostoyashchih na uchete v organakh sluzhby zanyatosti naseleniya (Respublika*

Adygeya) [Dynamics of the Number of Unemployed Citizens Registered with the Employment Services (Republic of Adygea)]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/JTbP2z3A/1.%20Динамика%20численности%20не%20занятых%20трудоустроенных%20граждан.htm> (accessed 16 February 2021).

9. *Dotatsii regionam Rossii 2020* [Grants to Regions of Russia, 2020]. URL: http://fincan.ru/articles/41_dotatsii-regionam-rossii-2019 (accessed 15 February 2021).

10. *Zhiteli Rostovskoj oblasti schitajut krajne opasnym uroven' korruptcii v regione* [Residents of Rostov Region Consider the Level of Corruption in the Region Extremely Dangerous]. URL: <https://rostof.ru/articles/zhiteli-rostovskoy-oblasti-schitajut-krajne-opasnym-uroven-korruptcii-v-regione> (accessed 15 December 2019).

11. Denisova G.S., ed. *Konfliktnyj i integracionnyj potencial mezhetnicheskikh i migracionnykh otnoshenij v regionah Yuzhnogo federal'nogo okruga. Ekspertnyj doklad, 2018 g.* [Conflict and Integration Potential of Interethnic and Migration Relations in the Regions of the Southern Federal District. Expert Report, 2018]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 134 p.

12. *Korruptcija v Rossii neiskorenima, kak pokazывaet statistika za 2019 god* [Corruption in Russia is Ineradicable, As the Statistics for 2019 Show]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212013172> (accessed 5 December 2019).

13. Petrov V.N., ed. *Mezhetnicheskije otnosheniya i migracionnaya situacija nakanune Vserossijskoj perepisi naseleniya v regionah Yuzhnogo federal'nogo okruga. Ekspertnyj doklad, 2019 g.* [Interethnic Relations and the Migration Situation on the Eve of the All-Russian Population Census in the Regions of the Southern Federal District. Expert Report, 2019]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, 2020. 204 p.

14. *Na Kubani 259 obmanutykh dol'shchikov poluchili kompensacii iz federal'nogo fonda* [In Kuban, 259 Defrauded Shareholders Received Compensation from the Federal Fund]. URL: <https://www.yugopolis.ru/news/na-kubani-259-obmanutyh-dol-shikov-poluchili-kompensacii-iz-federal-nogo-fonda-127256> (accessed 20 November 2020).

15. *Nachal'nik upravlenija FSB po Rostovskoj oblasti rasskazal o predotvrashhenii protestov, inspirirovannykh iz-za rubezha* [The Head of the FSB Department for Rostov Region Spoke About the Prevention of Protests Inspired from Abroad]. URL: http://www.donnews.ru/Nachalnik-upravleniya-FSB-po-Rostovskoy-oblasti-rasskazal-o-predotvrashchenii-protestov-inspirirovannykh-iz-SSHA_95317?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

ews&utm_medium=desktop&utm_source=yxnews (accessed 15 December 2019).

16. *Obmanutyte dol'shchiki Kubani napravili gubernatoru Kondrat'evu svoi trebovaniya* [Defrauded Kuban Shareholders Sent Their Demands to the Governor Kondratyev]. URL: <http://club-rf.ru/23/news/54322> (accessed 18 November 2020).

17. *Obshchaya charakteristika vosproizvodstva naseleniya (Krasnodarskij kraj, yanvar' – dekabr' 2020 g.)* [General Characteristics of Population Reproduction (Krasnodar Krai, January – December 2020)]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/e22cS1GC/edn.htm> (accessed 25 February 2021).

18. *Obshchaya charakteristika migracionnoj situacii v Krasnodarskom krae* [General Characteristics of the Migration Situation in Krasnodar Krai]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/NmlLvKNQ/mn.htm> (accessed 21 February 2021).

19. *Osnovnye itogi estestvennogo dvizheniya naseleniya v Rostovskoj oblasti (Rostovskaya oblast')* [The Main Results of the Natural Movement of the Population in Rostov Region (Rostov Region)]. URL: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/zPwF5ys8/Основныe%20итоги%20естественно-го%20движения%20населения.pdf> (accessed 24 February 2021).

20. *Pokazateli estestvennogo dvizheniya naseleniya (Respublika Adygeya)* [Indicators of Natural Population Movement (Republic of Adygea)]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/DCRtkLUn/1.%20Показатели%20естественного%20движения%20населения.htm> (accessed 21 February 2021).

21. *Polnyj rejting gorodov po kachestvu zhizni v 2019 godu* [Complete Ranking of Cities by Quality of Life in 2019]. URL: https://www.domofond.ru/statya/polnyj_rejting_gorodov_po_kachestvu_zhizni_v_2019_godu/100546 (accessed 10 July 2020).

22. *Postradavshie ot navodnenija zhiteli Tuapsinskogo rajona vyshli na odinochnye pikety* [Flood Victims of Tuapse District Took Part in Single-Person Pickets]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3984515> (accessed 23 May 2020).

23. *Prestupnost' v regionah. Portal pravovoj statistiki General'noj Prokuratury RF* [Crime in the Regions. Legal Statistics Portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (accessed 25 February 2021).

24. *Protest na fone pandemii: faktory spada aktivnosti. Analiticheskij doklad* [Protest Against the Background of the Pandemic: Factors of the Decline in Activity. Analytical Report]. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=6637 (accessed 28 February 2021).

25. *Rejting protestnoj aktivnosti regionov Rossii (aprel' 2019 g.)* [Rating of Protest Activity in Russian Regions (April 2019)]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html> (accessed 2 June 2020).

26. *Rejting regionov po dohodam naseleniya – 2020* [Rating of Regions by Income of Population – 2020]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200707/630174723.html> (accessed 12 November 2020).

27. *Rejting rossijskikh regionov po kachestvu zhizni – 2020* [Quality of Life Rating of Russian Regions – 2020]. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (accessed 27 February 2021).

28. *Rejting rossijskikh regionov po dinamike promyshlennogo proizvodstva* [Rating of Russian Regions by the Dynamics of Industrial Production]. URL: <https://ria.ru/20200713/1574133115.html> (accessed 15 December 2020).

29. *Rosstat zafiksiroval rost bednosti v Rossii* [Rosstat Recorded an Increase in Poverty in Russia]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/08/2019/5d654fcb9a79476337869b70> (accessed 15 December 2019).

30. *Rosstat zafiksiroval rost bednosti na pike pandemii* [Rosstat Recorded an Increase in Poverty at the Peak of the Pandemic]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1dd59d1> (accessed 22 January 2021).

31. *Rosstat: chislo bednyh rossiyan vyroslo vo vtorom kvartale 2020 goda do 19,9 mln* [Rosstat: The Number of Poor Russians Increased in the Second Quarter of 2020 to 19.9 Million]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9498117> (accessed 22 January 2021).

32. *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Yuzhnogo federal'nogo okruga v 2020 godu* [Socio-Economic Situation of the Southern Federal District in 2020]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260?print=1#> (accessed 23 January 2021).

33. Tarasova M.V. Demograficheskie riski i ustojchivost' razvitija transgranichnogo regiona [Demographic Risks and Sustainable Development of the Cross-Border Region]. *Transgranichnyj faktor: pljusy i minusy vedenija sel'skogo hozjajstva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Rostov-na-Donu, 8–10 okt. 2019 g.* [Cross-Border Factor: The Pros and Cons of Farming. Proceedings of International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, October 8–10, 2019)]. Rostov-on-Don, OOO AzovPrint, 2019, pp. 348-354.

34. *Hotjat, no ne uchastvujut: rasskazyvaem ob otnoshenii donchan k protestnym akcijam* [They Want to, but Won't Participate: We Tell About the Attitude of Rostov-on-Don Residents to Protest Actions]. URL: <https://161.ru/text/gorod/2019/03/06/66008044/?shareRecordImage=15a42475b62606c3728ebf606b6dec37> (accessed 15 December 2021).

35. Chernova O.A., Mitrofanova I.V. Ekonomicheskaya politika agropromyshlennykh regionov Yuga Rossii v usloviyakh COVID-19 [Economic Policy of Agro-Industrial Regions of the South of Russia in the Conditions of COVID-19]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2020, vol. 8, no. 3, pp. 150-162. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.14>.

36. *Chislennost' naseleniya (Rostovskaya oblast' na 1 yanvarya sootvetstvuyushchego goda)*

[Population (Rostov Region As of January 1 of the Corresponding Year)]. URL: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/5YxrWvpV/Численность%20населения.pdf> (accessed 16 February 2021).

37. Usenko L.N., Usenko A.M., Uryadova T.N. et al. Monitoring Methodology for Socio-Economic Development of a Region (Through the Example of the South of Russia Regions). *Espacios*, 2017, vol. 38, no. 23. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n23/a17v38n23p24.pdf> (accessed 11 December 2020).

Information About the Authors

Marina V. Tarasova, Candidate of Sciences (Sociology), Researcher, Laboratory of Conflict Resolution, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, tarasova_marina_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1716-2658>

Inna V. Yurchenko, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Conflict Resolution, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, ivyurchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4834-9338>

Mariya V. Dontsova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, dontsova_79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0957-2200>

Информация об авторах

Марина Васильевна Тарасова, кандидат социологических наук, научный сотрудник, лаборатория конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, tarasova_marina_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1716-2658>

Инна Вадимовна Юрченко, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория конфликтологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ivyurchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4834-9338>

Мария Владимировна Донцова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, dontsova_79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0957-2200>

ЗАПАДИ ВОСТОК:

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.14>

UDC 904
LBC 63.3

Submitted: 29.11.2020
Accepted: 22.03.2021

**MATTERS OF THE DANUBE BULGARS IDENTITY
AND THE HISTORICAL ANCESTORS OF CHUVASH
IN THE STUDIES OF ARIST KUNIK ¹**

Anton K. Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. Academic of the Imperial Academy of Sciences of Saint Petersburg Arist Kunik published his work “On the Relationship of Hagan-Bulgarians with the Chuvash According to the Slavic-Bulgarian Nominalia” in 1878. The matters of the historical relationship of Bulgarians and Chuvash have been widely discussed since that time. The objective of the article is to evaluate the basic provisions of Kunik’s study from the point of view of innovative advances in this field. Attention is focused on the identity of Danube Bulgars and the historical ancestors of modern Chuvash. *Methods and materials.* Kunik based his reasoning on two books of Andrey Popov with the review of chronicles in the Russian version. Such chronicles are consolidated in scientific literature under the conventional name ‘Nominalia’. Kunik also used the opinions of Vasily Radlov. *Analysis.* Matters of the Danube Bulgars ethnogenesis enter largely into Kunik’s work. Given the fact that the Bulgars had come from the Caucasus and then divided into descents in the Volga and the Danube regions, Kunik resorts to comparative characteristics of the Danube and Volga historical ancestors of the Bulgars. In the Middle Volga region, the Bulgars appeared in the 8th – 9th centuries. This is evidenced by the archeological monuments of the saltov type. Bulgarian researchers find direct correspondence between the Kubrat and Asparuhovo Bulgarians. *Results.* Kunik says that the Chuvash are direct descendants of Bulgars. However, his views on this matter are quite unreliable. His doubts were dispelled in the 20th – 21st centuries by the historical science. In spite of the ambiguity of a lot of Kunik’s provisions on the identity of Danube Bulgars and the Chuvash, now his suppositions are confirmed to a great extent – primarily, by linguists. Generally Kunik based his research on the names of Bulgarian khans and numeral adjectives in the Nominalia.

Key words: Arist Kunik, Danube Bulgars, historical ancestors of the Chuvash, identity, chronicle.

Citation. Salmin A.K. Matters of the Danube Bulgars Identity and the Historical Ancestors of Chuvash in the Studies of Arist Kunik. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 167-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.14>

**ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ДУНАЙСКИХ БОЛГАР
С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРЕДКАМИ ЧУВАШЕЙ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.А. КУНИКА****Антон Кириллович Салмин**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук Арист Аристович Куник в 1878 г. опубликовал свой труд «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именику». С тех пор вопросы болгаро-чувашских исторических взаимоотношений остаются предметами дискуссий. В статье ставится задача оценить основные положения исследования Куника с точки зрения современных достижений в этой области. При этом акцентируется внимание на идентичности дунайских болгар с историческими предками современных чувашей. Сам Куник свои рассуждения базировал на двух книгах А.Н. Попова с обзором хронографов русской редакции. В научной литературе такие сочинения объединены под условным названием Именик. Куник также использовал мнения В.В. Радлова. В работе Ариста Аристовича большое место занимают вопросы этногенеза дунайских болгар. Поскольку болгары / болгары являются выходцами из Кавказского региона, а затем разделяются на колена в Поволжье и на Дунае, А.А. Куник прибегает к сопоставительным характеристикам дунайских и волжских исторических предков болгар. На Среднем Поволжье болгары появляются в VIII–IX веках. Об этом свидетельствуют археологические памятники салтовского типа. Болгарские исследователи находят прямые соответствия между кубратовскими и аспаруховыми болгарскими. А.А. Куник называет чувашей прямыми потомками болгар / болгар. Однако его рассуждения по этому вопросу весьма спорны. Его сомнения были отклонены в XX–XXI вв. исторической наукой. Несмотря на сомнительность многих положений А.А. Куника об идентичности дунайских болгар и чувашей, его предположения сегодня в большей части подтверждаются, прежде всего языковедами. Свое исследование Куник строил в основном на именах болгарских ханов и числительных в Именике.

Ключевые слова: А.А. Куник, дунайские болгары, исторические предки чувашей, идентичность, хронография.

Цитирование. Салмин А. К. Вопросы идентичности дунайских болгар с историческими предками чувашей в исследованиях А.А. Куника // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 167–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.14>

Арист Аристович Куник [6]

Введение. Историк, этнограф и филолог, крупнейший славист и археограф XIX в. Арист Аристович Куник (Ernst Eduard Kunik) родился в 1814 г. в Пруссии. Вероисповедание лютеранское. В возрасте 25 лет приезжает в Россию. В 1844 г. – адъюнкт Академии наук, с 1850 г. – экстраординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Работал в Библиотеке Академии наук и Эрмитаже. Был близко знаком и состоял в переписке со многими видными деятелями, изучавшими историю чувашского народа, в числе которых Х.Д. Френ, Н.И. Ильминский, Август Альквист, В.В. Радлов. Умер в Санкт-Петербурге в 1899 году.

Сравнительно небольшой труд А.А. Куника о родстве дунайских болгар с историческими предками чувашей [5, с. 118–161] поднимает сразу множество вопросов. Его мнения в XIX в. имели прогрессивное значение в разборе первоисточников о болгаро-чувашских исторических связях, прежде всего этноглоктохронологического плана. В статье, как и в других публикациях, под *болгарами* будем иметь в виду дунайских болгар, а под *булгарами* – кавказско-поволжских. Работ по вынесенной на обсуждение теме мало. Прежде всего, следует назвать монографию П.В. Денисова об этнокультурных параллелях дунайских болгар и чувашей [3]. В ней анализируются некоторые сходства в традиционной культуре, народного творчества, языка и топонимии.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа взглядов академика РАН А.А. Куника об идентичности дунайских болгар с историческими предками чувашей.

Методы. Сам Куник свои рассуждения строил на двух книгах А.Н. Попова с обзором хронографов русской редакции. В научной литературе такие хронографы объединены под условным названием Именик. Кроме того, А.А. Куник использовал мнения В.В. Радлова.

Материалы и анализ. От летописей к Именику. На написание статьи о родстве дунайских болгар с чувашами Ариста Аристовича подтолкнули две книги А.Н. Попова, в которых он дал обзор хронографов русской редакции [9]. Последний, в свою очередь, описал две рукописи Летописи Еллинский и Римский. В первой летописи имеются пассажи из хроники Малалы [10]. А.А. Попов также нашел родословную дунайских ханов с именами и указаниями их возраста. Сокращенно этот источник в литературе известен как Именик. А.А. Куник сравнил имена ханов с указаниями их возрастов. Он также сравнил имена ханов и названия годов из болгарского источника с примерами из чувашского языка. Привлекая сравнительный материал из других языков (якутского, османского и восточнотюркского), исследователь пришел к мнению, что все тюркские языки делятся на две группы. Одна из них проникла далеко в Европу еще в гуннскую эпоху. Для уточнения

своих предположений Арист Аристович ознакомился с публикациями В.В. Радлова, а также обратился к нему за консультацией. Радлов любезно отозвался.

Вопросы этногенеза. А.А. Куник выражал уверенность, что болгары есть тюрки, а переселились они в Европу с Алтайского региона [5, с. 147]. Однако его утверждение как в географическом, так и в языковом плане слишком априорно и не подтверждается никакими доводами и историческими фактами. Несомненно одно: вопрос о появлении болгар / болгар как на Волге, так и на Дунае очень важен. Очевидные факты о проникновении их в VIII–IX вв. в Поволжье с юга имеет археологическая наука. Это – Кайбельский, Большетарханский и Уреньский могильники на юге Волжской Булгарии. В них узнаваемы характерные для Юго-Восточной Европы горшковидная посуда и кованые изделия салтовского типа. Могилы содержат собственные кочевникам предметы. Не подлежат сомнению и открытия о приходе аспаруховых болгар на Дунай. Исследователи также находят связи между оногурами и булгарми / болгарами, с одной стороны, и кубратовскими и аспаруховыми булгарами / болгарами – с другой [13, р. 383–391].

Как приверженец исхода исторических предков чувашей из Сибири, Куник заявляет, что чувашаи – это потомки одной из групп старотюрков, поселившиеся среди волжских финнов задолго до появления здесь татар [5, с. 118, 120]. Однако, согласно новейшим исследованиям, Клавдий Птолемей зафиксировал савиров в форме Σαβίροι на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, в первой половине II века. Поэтому исследователи справедливо говорят о появлении савиров, как и барсиллов, на Северном Кавказе еще в догуннское время. Историк В.Д. Димитриев принимал мнение Клавдия Птолемея о наличии во II в. на Северном Кавказе групп саваров и полагал, что предки чувашей оказались там во II и III веках. В целом на сегодня идентификация птолемеевских саваров с поволжскими суварам не подлежит сомнению [10].

В то же время в свете новейших исследований никак невозможно согласиться с куниковским утверждением о том, что камские болгары вымерли. Кроме того, он тут же за-

являет, что остатками серебряных (то есть камских) болгар являются чуваши. Хотя и такое заявление в принципе априорно.

Чувашский язык он называет реликвией и считает преемником языка волжских болгар. Не без основания утверждал, что с помощью чувашского языка исследователи прольют луч света на древнетюркские элементы, а также на историю дунайских хагано-болгар, кубанских черных болгар и хазар. При этом он возлагал надежду на открытый в 1866 г. Именик.

Гипотез об этногенезе чувашей действительно много. Их предками называли сюнну, хунну, сяньби, ухуаней, огуров, угров, гуннов, болгар, древних тюрков, иранцев, шумеров. Весь этот длинный и в то же время неполный перечень племен говорит не только о плохой изученности, но, прежде всего, о сложности проблематики [10]. Одни и те же исследователи вопреки логике с одинаковым успехом пишут как о тюркских, так и о финно-угорских корнях чувашей. Другие уверенно относят этот народ к тюркской группе. Например, историко-этимологические исследования позволили Густаву Рамstedту говорить о принадлежности чувашского языка к финно-угорской семье языков [12, л. 1]. А.А. Куник допускал, что чувашаи составляют часть болгар, а до V–VI вв. исторические предки чувашей и болгары еще не выделились в отдельные племена, но тут же выразил сомнение: «Или, может быть, чувашаи никто иное, как отуречившиеся черемисы?» [5, с. 145]. Язык чувашей очень отличается от других тюркских языков, их религия также не похожа на религии тюркских народов. В то же время антропологический тип, этнография (традиционные обряды и верования), народное искусство тяготеют к финно-уграм, а также к кавказцам.

А.А. Куник относил чувашей в число народов, никогда не имевших свою политическую независимость. Более того, уважаемый академик Императорской Петербургской Академии наук заявлял, что исторические памятники о чувашах «упорно молчат» [5, с. 157]. Однако он упускает из виду и столицу савиров Варачан, и господство савиров на Кавказе, и тигашевское городище. Скорее всего, о них Арист Аристович мог и не знать.

Тем не менее обращение А.А. Куника к памятникам Дунайской Болгарии и его рас-

суждения о языке и истории предков чувашей своевременны и плодотворны. Современные исследователи также считают, что язык памятников Придунавья конца I тыс. н. э. обнаруживает «хорошие соответствия с современным чувашским языком» [7, с. 104]. Лингвист О.А. Мудрак дает чувашское прочтение Именика, приводит ряд прямых параллелей. Например: *žit kon* – *çич кон* «семь дней», *tul-çi* – *тулчĕ* «наполнилось», *turtun* – *туртăн* «подтянуться, затягиваться».

В целом к вопросам этногенеза А.А. Куник подходил более чем строго. Особенно призвал тщательно проверять первоисточники. Так, по поводу книги Ибн Русте (в старых источниках – Ибн-Даста) о хазарах, буртасах, болгарях и других народах Кавказско-Поволжского региона по состоянию на самое начало X в. он сделал, в частности, следующее замечание: «Свидетельства арабов о сказанных народах только тогда могут быть приняты за вполне достоверные, когда вообще упрочится этнографическая и географическая терминология восточных писателей» [4, с. 154].

Турă (название божества, этимология). Чувашское слово *Тора* впервые объяснил, полагал А.А. Куник, немец Вильгельм Шотт [4, с. 154]. Но Шотт опирался на тюркскую форму *Тангри*. Сегодня нам известно, что такой подход однобокий и априорный.

Обращаю внимание на созвучие названий верховных божеств у чувашей и армян: это – *Тур* (*Тор*) и *Тарк* (*Торк*). Следует согласиться с коллегами и о том, что к армянам название бога пришло от хетто-хурритов, у которых *Тарху* – это божество, отвечающее за плодородие и выращивание урожая. Именно эти функции исконно были присущи и *Турă*.

Совершенно теми же функциями наделено чувашское божество *Тур* / *Тор*. Абхазский *Ай-Тар* по своим действиям является совершенной копией вышеназванных божеств. Ингушское божество *Ерд* находится на олимпе. Его имя непременно присоединяется ко второй части имен ингушских божеств, таких как *Тхоба-ерды*, *Геаль-ерды* [1, с. 171]. У чувашей также к имени каждого божества прибавляется нарицательный термин *турă*. Например, *Хёртсурт турă* «Божество Хёртсурт», *Пулĕхçĕ турă* «Божество Пулĕхçĕ», *Микул турă* «Божество прысла».

Имя чувашского верховного божества *Турă* (*Тор*, *Тур*, *Торă*) и его функции (вбирание миссий других основных божеств и удаление от земных забот) находят параллели в верованиях многих народов. Будучи интернациональным, название чувашского божества *Тур* / *Тор* совершенно совпадает с мансийским *Нума торум* / *Таром*, со скандинавским *Тор*, Тора у африканских бамбути и т. д. Как подчеркивает один из ведущих антропологов России, «Тору удалось перешагнуть этнические границы» [2, с. 38].

Имена болгарских ханов. В конце жизни предводитель уногундуrow Кубрат позвал сыновей и велел им никогда не разлучаться и жить вместе. Иначе, предупредил хан, они могут попасть под иго других народов. Но в жизни у детей Кубрата получилось совсем наоборот. Каждый со своим отрядом ушел от своих братьев. Этот рассказ Феофана можно трактовать по-разному: можно принять и за предание, и за действительность. Только самый старший сын Баян послушался отца и остался у могилы Кубрата. Но и он позже со своим войском войдет в хазарский каганат. Второй сын – Котраг – поселился за р. Танаис (Северный Донец). Третий сын – Аспарух – перешел Днепр и Дунай, обосновался к северу от Дуная. Затем вступил в бой с ромеями и прогнал их до Варны. Еще Аспарух подчинил славянов и северов. На фоне таких натисков василевс вынужден был заключить с болгарями мирный договор. Четвертый и пятый сыновья переправились за Истр (Дунай). Один остался с аварами в Паннонии, а другой смешался с византийцами [8, с. 363; 11, с. 60–62].

Имеют определенный интерес расшифровки А.А. Куником имен болгарских правителей. Имя *Эсперих*, или *Исперих*, встречающийся в Именике, произошло из Аспаруха. Если Аспарух действительно выселился из позднейшей Черной Болгарии, то иранская форма его имени легко может быть объяснена. Сравним иранские имена, образовавшиеся из *asp*-: древне-бактр. *асра* = лошадь; лит. *aszva*; пруск. *asvina* [5, с. 134]. Что касается имени 9-го хагана, то тут А.А. Куник выражал сомнение и полагал, что переписчик мог ошибиться. По его мнению, в оригинале Именика вполне могло быть имя Σάβερ, больше известный в исторических хрониках как этно-

ним Σάβερ(οι). А.А. Куник склонен был отождествлять его с именем 10-го сына Тогармы, упоминаемого в письме хазарского кагана Иосифа [5, с. 135]. Один болгарский хан носил имя *Омортаг* (вар.: *Mortagon*, *Όμφρίταγ*, *Муртаг*) [5, с. 137], что имеет прямое соответствие с чув. *ăмăрт* (*кайăк*) «орел».

Числительные в Именике. В своей статье А.А. Куник дает список болгарских правителей, указав их возраст согласно Именику [5, с. 128–129]. Каких-либо комментариев к этому списку он не дает, а прилагает ответ В.В. Радлова на просьбу высказать свои соображения по поводу числительных.

Из-за скудости материала и сомнительности славянской транскрипции чисел свои соображения В.В. Радлов называет гипотезой. Однако он сразу же заявляет, что «это наречие очень близко к чувашскому» [5, с. 138]. Также Радлов дает свое прочтение числительных, зафиксированных в Именике: *дилом твирем*, *дохс твирем*, *шегор вечем*, *верен алеем*, *текучетом твирем*, *дван шехтем*, *тох алтом*, *шегор алем*, *сомор алтем* (*алтом*), *дилом тутом*. Понятно, что эти числа обозначают возраст того или иного хана. Однако странность в том, что сначала идут единицы, а потом – десятки. Поэтому читать сначала следует вторую цифру, а потом – первую.

Например, пишет Радлов, *алтом*, без сомнения, алтайско-татарское *алтан* (60), а в чувашском – *алта* (в современном литературном языке *утмăл*). А также: в Именике (то есть по-болгарски) – *шегор* (8), в чувашском – *сак(к)ăр*; *ом* (10) – *вон*; *твирем* (20) – *çирĕм*.

Излагая свои расшифровки, В.В. Радлов выражал неудовлетворенность результатами. Тем не менее, считал он, предположения вполне достаточны для того, чтобы подтвердить «мнение о тюркском происхождении болгарских чисел и о близкой связи их с чувашскими числами» [5, с. 143].

Результаты. De facto А.А. Куник, как славист, занимался поиском идентичности дунайских болгар. И находил эту историческую идентичность, в частности, в родстве болгарских / болгарских ханов с историческими предками чувашей. Оттолкнувшись от обзора хронографов о болгарских ханах, А.А. Куник написал специальную статью. При этом он при-

влек материал из других языков, уделив основное внимание сравнению имен правителей, а также числительных, зафиксированных в славяно-болгарском источнике XVII века. При написании статьи Арист Аристович пользовался консультациями В.В. Радлова. А.А. Куник полагал, что дунайские болгары являются преемниками тюркских племен, появившихся в Европе из Сибири. Следует признать, что такой взгляд – не вина Ариста Аристовича, он отражает уровень науки того времени. Тем не менее его убеждение о родстве хагано-болгар с историческими предками чувашей является значительным шагом вперед для науки XIX в. Его гипотеза поддерживается признанными исследователями.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено по плану НИР Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

The study was performed under the R&D plan of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences “Factors of ethnocultural identity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиева, П. Х. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла) : дис. ... д-ра ист. наук / Акиева Петимат Хасолтовна. – Махачкала, 2016. – 425 с.
2. Головнёв, А. В. Антропология движения : (Древности Северной Евразии) / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : Волот, 2009. – 496 с.
3. Денисов, П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П. В. Денисов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 176 с.
4. Куник, А. А. Замечания (на кн. Ибн-Дасты «Известия...») / А. А. Куник // Записки Императорской Академии наук. Т. 18. Кн. 1. СПб. : Имп. АН, 1870. – С. 152–154.
5. Куник, А. А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именику / А. А. Куник // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб. : Имп. АН, 1878. – С. 118–161.
6. Лаппо-Данилевский, А. С. Арист Аристович Куник : Очерк его жизни и трудов / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб. : Имп. АН, 1914. – С. 1455–1479.

7. Мудрак, О. А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар / О. А. Мудрак // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Вып. 6. – М. : Изд-во РГГУ, 2005. – С. 83–106.

8. Никифор, патриарх Константинопольский. Краткая история со времени после царствования Маврикия / Константинопольский патриарх Никифор ; пер. Е. Э. Липшиц // *Византийский временник*. Т. 3. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 349–387.

9. Попов, А. Обзор хронографов русской редакции : в 2 вып. / Андрей Попов. – М. : Лазарев. ин-т, 1866. – Вып. 1. – IV, 227 с. ; М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1869. – Вып. 2. – 293 с.

10. Салмин, А. К. Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей / А. К. Салмин. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 296 с.

11. Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1980. – 215 с.

12. Ramstedt, G. J. Tšuvassi / G. J. Ramstedt. – Kotelo : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto, 1922. – 16 S.

13. Stepanov, Ts. The System of Succession in Qubrat's 'Magna Bulgaria': A New Approach to an Old Problem / Ts. Stepanov // *Central Asia in the Middle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden*. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2016. – P. 383–391.

REFERENCES

1. Akiyeva P.Kh. *Arkhetipicheskoye v etnokul'ture ingushei (na materiale mifologhii, nartского epasa i obryadov zhyznennogo tsikla): dis. ... d-ra ist. nauk* [Archetypicals in the Ethnic Culture of the Ingush (As Exemplified in Mythos, Nart Epic, and Life Cycle Rituals). Dr. hist. sci. diss.]. Makhachkala, 2016. 425 p.
2. Golovnyov A.V. *Antropologhiya dvizheniya: (Drevnosti Severnoi Yevrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2009. 496 p.
3. Denisov P.V. *Etnokul'turnyye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashei* [Ethnocultural Correlations of Danube Bolgars and the Chuvash]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1969. 176 p.
4. Kunik A.A. *Zamechaniya (na kn. Ibn-Dasty «Izvestiya...»)* [Comments (To the Book of Ibn Dasta “News...”)]. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1870, vol. 18, book 1, pp. 152-154.
5. Kunik A.A. *O rodstve khagano-bolgar s chuvashami po slavyano-bolgarskomu Imeniku* [On the Relationship of Hagan-Bulgarians with Chuvash According to the Slavic-Bulgarian Nominalia].

Izvestiya al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh [News of Al-Bekri and Other Authors About Rus' and Slavs]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1878, part 1, pp. 118-161.

6. Lappo-Danilevskii A.S. *Arist Aristovich Kunik: Ocherk yego zhyzni i trudov* [Arist Kunik: Outline of His Life and Works]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1914, pp. 1455-1479.

7. Mudrak O.A. Zametki o yazyke i kul'ture dunaiskikh bulgar [Notes on the Language and Culture of Danube Bolgars]. *Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti* [Orientalia et Classica: Proceedings of the Institute for Oriental and Classical Studies]. Moscow, RGGU, 2005, iss. 6, pp. 83-106.

8. Nikifor, patriarkh Konstantinopol'skii. Kratkaya istoriya so vremeni posle tsarstvovaniya Mavrikiya [Brief History from the Time After the Reign of Maurice]. *Vizantiiskii vremennik* [BYZANTINA XPONIKA]. Moscow, 1950, vol. 3, pp. 349-387.

9. Popov A. *Obzor khronografov russkoi redaktsii: v 2 vyp.* [Review of Chronicles in the Russian Edition. In 2 Iss.]. Moscow, Lazarevskiy institut, 1866, iss. 1, 4. 227 p.; Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova, 1869, iss. 2. 293 p.

10. Salmin A.K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the History of the Chuvash]. Sankt Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 296 p.

11. Chichurov I.S. *Vizantiiskiy istoricheskiye sochineniya: «Khronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora* [Byzantine Historical Writings. Theophanes' "Chronograph", Nicephorus' "Breviary"]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 215 p.

12. Ramstedt G.J. *Tšuvassi*. Kotelo, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto, 1922. 16 p.

13. Stepanov Ts. The System of Succession in Qubrat's 'Magna Bulgaria': A New Approach to an Old Problem. *Central Asia in the Middle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2016, pp. 383-391.

Information About the Author

Anton K. Salmin, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, antsalmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

Информация об авторе

Антон Кириллович Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская набережная, 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, antsalmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.15>

UDC 94(100)“19/20”: 327(=411.21)(497.2)
LBC 63.310

Submitted: 05.03.2021
Accepted: 28.06.2021

DEVELOPMENT OF POLITICAL, ECONOMIC AND CULTURAL RELATIONS BETWEEN ARAB COUNTRIES AND BULGARIA (THE END OF THE 19th – 20th CENTURIES)

Egnara G. Vartanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the development of relations between Bulgaria and the Arab countries in the nineteenth and twentieth centuries. The development of relations between Bulgaria and the countries of the Arab East is of interest in the context of the study of the forms, directions of cooperation, reasons for the mutual interest of peoples heterogeneous in ethno-confessional and cultural terms. *Methods and materials.* The historical-typological, historical-systemic methods and the civilizational approach used in the article allow to analyze the process of the emergence, development and transformation of the Bulgarian-Arab relations in political, trade, economic, cultural areas. *Analysis.* Before World War II the international mechanisms were being created for the further development of trade, economic, and political ties between the Arab states and Bulgaria together with infrastructure and sea transport routes. The problems in the development of Bulgarian-Arab relations were caused by the difficulties in forecasting of the processes, which were often subordinate to the subjective factor, personal ambitions and emotions of Arab leaders. Bulgarian diplomacy demonstrated the great patience to maintain relations that met the country's interests. The cooperation between Bulgaria and the Arab countries developed in various forms with noticeable positive dynamics. Political changes in a number of Arab countries and inter-Arab conflicts did not fundamentally affect relations, but caused only temporary difficulties. Despite the fact that the systemic changes, which occurred in Bulgaria in the 1990s, became a restraining factor in the development of the Bulgarian-Arab relations, they were restored due to the mutual interests of the states at the turn of the 20th – 21st centuries. *Results.* It is concluded that Bulgaria had established diplomatic relations with almost all Arab countries by 1960. The main direction of development of ties until the 1990s was dictated by political and ideological considerations, but trade and economic relations often preceded political ones. Bulgaria had gone beyond the traditional exchange of goods and switched to such forms of cooperation as construction, engineering design, tourism, culture, exchange of specialists, and personnel training. At the end of the 20th century Bulgarian leadership returned to the development of relations with Arab countries, which was dictated by the needs of the market economy development, new political realities and Bulgaria's attempts to identify its place in the modern world.

Key words: Bulgaria, Arab countries, relations, cooperation, diplomatic relations, trade.

Citation. Vartanyan E.G. Development of Political, Economic and Cultural Relations Between Arab Countries and Bulgaria (The End of the 19th – 20th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 174-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.15>

УДК 94(100)“19/20”: 327(=411.21)(497.2)
ББК 63.310

Дата поступления статьи: 05.03.2021
Дата принятия статьи: 28.06.2021

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ АРАБСКИМИ СТРАНАМИ И БОЛГАРИЕЙ (КОНЕЦ XIX – XX В.)

Эгнара Гайковна Вартамян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена развитию связей между Болгарией и арабскими странами в XIX–XX веках. Развитие связей между Болгарией и странами Арабского Востока представляет интерес в контексте

исследования форм, направлений сотрудничества, причин взаимного интереса столь разнородных в этноконфессиональном и культурном отношении народов. Используемые в статье историко-типологический, историко-системный методы и цивилизационный подход позволили проанализировать процесс возникновения, развития и трансформации болгаро-арабских связей в приоритетных направлениях политики, экономики, культуры. До Второй мировой войны создавались международные механизмы для дальнейшего развития торгово-экономических и политических связей арабских государств и Болгарии, инфраструктуры, морских транспортных путей. Сложность в развитии болгаро-арабских отношений заключалась в прогнозировании процессов, зачастую подчиненных субъективному фактору, личным амбициям и эмоциям арабских лидеров. Болгарская дипломатия проявляла огромное терпение для сохранения отношений, отвечающих интересам страны. Сотрудничество между Болгарией и арабскими странами развивалось в разных формах с заметной позитивной динамикой. Политические изменения в ряде арабских стран и межарабские противоречия коренным образом не влияли на отношения, вызывали лишь временные трудности. Несмотря на то что системные изменения в Болгарии 1990-х гг. оказали сдерживающую роль в развитии болгаро-арабских связей, на рубеже XX–XXI вв. они были восстановлены исходя из взаимных интересов государств. Делается вывод о том, что Болгария к 1960 г. установила дипломатические отношения почти со всеми арабскими странами. Основное направление развития связей до 1990-х гг. диктовалось политико-идеологическими соображениями, однако торгово-экономические отношения зачастую предшествовали политическим. Болгария вышла за рамки традиционного товарообмена и перешла к сотрудничеству в области строительного дела, инженерного проектирования, обмена специалистами, подготовки кадров, культуры и туризма. Болгарское руководство в конце XX в. вернулось к развитию отношений с арабскими странами, это диктовалось потребностями развития рыночной экономики, новыми политическими реалиями и поиском Болгарией своего места в современном мире.

Ключевые слова: Болгария, арабские страны, связи, сотрудничество, дипломатические отношения, торговля.

Цитирование. Вартамян Э. Г. Развитие политических, экономических и культурных связей между арабскими странами и Болгарией (конец XIX – XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 174–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.15>

Введение. Развитие связей между Болгарией и странами Арабского Востока представляет интерес в контексте исследования форм, направлений сотрудничества, причин взаимного интереса столь разнородных в этноконфессиональном и культурном отношении народов.

Связи между Болгарией и арабскими странами зародились в эпоху Средневековья, они существовали между болгарской церковью и православными храмами Иерусалима, Сирии, Синайского полуострова. Болгары, посетившие священные места христианства, получали почетный титул «хаджи».

С османских завоеваний арабских и болгарских земель начинается новый этап во взаимоотношениях покоренных народов. Отсутствие границ в рамках Османской империи облегчало товарообмен между народами, входившими в ее состав. Экономические связи существовали между Болгарией и египетской Александрией. В Александрии была расположена одна из крупных болгарских колоний, представленная в первую очередь

торговцами, осуществляющими куплю-продажу не только на территории Египта, но и Сирии, Палестины, Судана, Эфиопии и других стран. Болгары вывозили в арабские страны ткани, кожу, ввозили цитрусовые, маслины, тропические плоды. В Египет ввозились из Болгарии рецепты знаменитых болгарских продуктов: кислого молока, сыров разного вида [2, с. 55]. Как пишет болгарский исследователь В. Кънев, существуют широкие возможности для двустороннего сотрудничества арабских стран с Болгарией в политической, торгово-экономической, финансовой и культурной областях [13].

Методы и материалы. Статья основана на документальном материале, трудах отечественных и болгарских ученых, в частности болгарских арабистов К. Цонева [17], В. Ангелова [1], С. Евстатиева [9; 10], В. Чукова [18], В. Кынева [13] и др. Используемые в статье историко-типологический, историко-системный методы и цивилизационный подход позволили проанализировать процесс возникновения, развития и трансформации

болгаро-арабских связей с позиций принципов историзма и объективности.

Анализ. После освобождения от османского гнета в 1878 г., болгарское правительство, занятое организацией новой власти в стране, не уделяло должного внимания развитию отношений со странами Арабского Востока, однако торговля не прерывалась.

14 мая 1907 г. в Александрии было открыто Болгарское княжеское торговое агентство – первое в арабской стране. Агентство осуществляло некоторые консульские функции и просуществовало до 14 июля 1908 года. В связи с Балканскими войнами 1912–1913 гг. контакты Болгарии с арабскими странами были прерваны [8, с. 135]. 14 января 1914 г. Египет принял предложение болгарского правительства об открытии генерального консульства в Александрии. Этот шаг знаменовал начало дипломатических отношений двух стран. Однако деятельность консульства была недолговременной в связи с началом Первой мировой войны.

28 октября 1914 г. в результате активных переговоров был заключен первый болгаро-египетский торговый договор, не ратифицированный, однако, из-за противодействия Англии. Болгария стремилась хотя бы частично возместить убытки от торговли с Египтом и обратилась к турецкому правительству с просьбой об открытии консульства в Бейруте. В конце 1915 г. болгарское консульство было открыто в Сирии и Ливане, а в июле 1922 г. – в Александрии. На уровне генеральных консульств отношения между Болгарией и Египтом были оформлены 1 октября 1925 года. Торговые отношения двух стран были узаконены 11 марта 1924 г. специальным временным соглашением. Это значительно активизировало двусторонний товарооборот. В 1930 г. временное торговое соглашение было заменено торговым договором [17, с. 37].

В 1925 г. болгарское пароходство начало осуществлять пробные рейсы из Варны в Александрию, они были дорогостоящими, но обеспечивали прямые торгово-экономические связи двух стран. Таким образом, сделан важный шаг в установлении постоянной морской транспортной линии между двумя государствами.

15 октября в Каире, а в августе 1935 г. в Александрии и Порт-Саиде были открыты болгарские представительства. Отношения между двумя странами стали переходить из торгово-экономической плоскости в политическую. 14 ноября 1938 г. состоялся официальный визит египетского министра торговли и финансов в Болгарию, было открыто египетское посольство в Софии – первое арабское дипломатическое представительство в болгарской столице [17, с. 38]. Однако после начала Второй мировой войны Египет резко сократил ввоз своих товаров в Болгарию, а в 1942 г. разорвал с ней дипломатические отношения.

Таким образом, Египет как центр болгарской торговли в арабском мире служил отправной точной вывоза болгарских товаров в другие арабские страны, в частности в Сирию, Ливан, Палестину. В этот период создавались международные механизмы для дальнейшего развития торгово-экономических и политических связей указанных стран, инфраструктуры, морских транспортных путей.

В период Второй мировой войны Болгария не имела никаких дипломатических отношений с арабскими странами. К концу войны Болгария оказалась во внешнеполитической изоляции и в состоянии тяжелейшего экономического кризиса.

9 сентября 1944 г. в Болгарии произошла народно-демократическая революция. Единственным идеологическим союзником Болгарии в послевоенные годы был Советский Союз и страны Восточной Европы, которые не могли оказывать ей действенной финансово-экономической помощи, будучи в состоянии послевоенной разрухи. В этих условиях правительство Болгарии возобновило поиски традиционных торговых партнеров на Ближнем Востоке. И вновь первой арабской страной, установившей дипломатические отношения с Болгарией, был Египет. 30 марта 1948 г. представительство Египта было открыто в Софии, а 8 июня того же года Болгария открыла свою дипломатическую миссию в Каире (18 декабря 1958 г. дипломатические представительства двух стран были переведены в ранг посольств). Кстати, в период Второй мировой войны Болгария, в условиях существования антиеврейских законов, не проводила массовых репрессий в отношении еврейского насе-

ления [4, с. 72]. Болгарское правительство ответило положительно на просьбу израильской стороны от 10 июня 1948 г. о признании нового государства, и Израиль в ответ на это выразил готовность установить с Болгарией дипломатические отношения [6, с. 177–180]. Болгарское правительство не препятствовало в 1948–1952 гг. переселению около 60 тыс. евреев на историческую родину [14, с. 133].

24 августа 1954 г. правительства Болгарии и Сирии через свои посольства в Каире договорились об установлении дипломатических отношений. 1 июня 1955 г. было открыто первое болгарское посольство в Дамаске. Таким образом, Сирия стала второй арабской страной, с которой Болгария установила дипломатические отношения.

В 1950-е гг. Болгария присоединилась к новому курсу стран социалистического содружества по активизации и укреплению отношений с арабскими странами как в политико-идеологической, так и в торгово-экономической областях.

В 1950 г. было заключено соглашение о товарообмене между Болгарией и Египтом, в 1956 г. подписан торговый договор с Сирией. Увеличился вывоз болгарских товаров, расширился их ассортимент. Наряду с табачной продукцией стали вывозить изделия деревообрабатывающей, химической промышленности, металлы (олово, цинк), фаянс, пищевые продукты (красный перец, сыры, семена, рассады и т. д.), ткани, стекло. Из Египта традиционно вывозили хлопок. В 1956 г. общий товарооборот Болгарии с арабскими странами составил 14,7 млн долларов, из которых 7,3 млн – болгарский вывоз и 7,4 млн – ввоз в Болгарию [5, с. 182].

В 1950-е гг. Болгария строила свои отношения с арабскими странами в русле позиции, принятой правительствами государств социалистического лагеря в поддержку национально-освободительных движений стран третьего мира. Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) Тодор Живков активизировал контакты с арабскими партийными и государственными лидерами. В болгарских вузах, партийных и профсоюзных школах готовились кадры из арабских стран. Правительство Болгарии решило вопрос о подготовке болгарских специали-

тов со знанием арабского языка следующим образом: во-первых, болгары отправлялись на обучение в Дамаск, Багдад, Тунис, Москву; во-вторых, в Софийском университете им. Климента Охридского была открыта кафедра арабской филологии. Уже первые профессиональные болгарские арабисты начали работать в середине 1960-х годов. Они занимались дипломатической, торгово-экономической, переводческой, преподавательской деятельностью, журналистикой.

Говоря о развитии болгаро-арабских отношений, нельзя не остановиться на позиции Болгарии в Суэцком кризисе. 26 июля 1956 г. президент Египта Г.А. Насер объявил о национализации Всеобщей компании Суэцкого морского канала. Это явилось серьезным ударом по позициям западных держав на Ближнем Востоке. 14 августа 1956 г. болгарское правительство выступило с Декларацией в поддержку правительства Египта. В Декларации отмечалось, что позиция западных держав является грубым вмешательством во внутренние дела Египта [15]. Египетское правительство выразило благодарность болгарскому руководству за поддержку. Когда 30 октября 1956 г. израильские вооруженные силы вторглись на территорию Египта, а позже Англия и Франция включились в войну, Народное собрание Болгарии осудило агрессию, оценив действия трех стран.

Болгарская позиция в период Суэцкого кризиса способствовала активизации не только экономических, но и политических отношений с арабскими государствами. Арабские страны стали проявлять интерес к продукции болгарской военной промышленности. В 1956 г. Болгария установила дипломатические отношения с Суданом и Тунисом. В августе 1956 г. в Дамаске было подписано торговое соглашение между Болгарией и Сирией, а в сентябре 1956 г. Софию посетила первая сирийская парламентская делегация [17, с. 80].

В 1957 г. на Арабском Востоке вновь возникла взрывоопасная ситуация. Отказ Сирии и других арабских стран от присоединения к Багдадскому пакту, провал тройственной агрессии против Египта – все это изменило соотношение сил в регионе. Правящие круги США сочли момент подходящим для того, чтобы вытеснить из Ближне-

го Востока Англию и Францию и добиться монопольного права владения нефтяными богатствами региона. В январе 1957 г. была провозглашена доктрина Эйзенхауэра. Почти все политические партии Сирии выступили против доктрины. Натолкнувшись на сопротивление Сирии, США усилили давление на нее, Сирия подверглась массированному экономическому бойкоту. Участились провокации на границах с Израилем и Турцией. В период кризиса болгарский посланник в Сирии Х. Димитров и торговый советник С. Стефанов были рядом с президентом Сирии Ш. Куатли и участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Эти действия выходили за пределы границы дипломатического протокола и снискали болгарским представителям любовь простых сирийцев [17, с. 81]. В феврале 1957 г. доктрина Эйзенхауэра была окончательно отклонена.

1 февраля 1958 г. президенты Сирии и Египта Ш. Куатли и Г.А. Насер подписали в Каире декларацию о создании Объединенной Арабской Республики (ОАР). После создания ОАР Болгария закрыла посольство в Дамаске, там сохранилось генеральное консульство. В феврале 1958 г. между Болгарией и ОАР впервые было заключено соглашение в области культуры.

Летом 1958 г. на Ближнем Востоке происходили бурные события: Иракская антимонархическая революция, гражданская война в Ливане, дестабилизация режима в Иордании, американский морской десант в Бейруте, английский воздушный десант в Аммане. Ведущий орган БКП «Работническо дело» выходил с призывами: «Прочь кровавые руки от арабских народов» [7]. 17 июля 1958 г. Болгария признала новое иракское правительство, а 9 сентября того же года первый болгарский посланник Р. Григоров вручил аккредитивные письма главе государства А.К. Касему. Между двумя странами были подписаны соглашения в области научно-технического сотрудничества, культуры, торговли.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Болгария установила дипломатические отношения почти со всеми независимыми арабскими государствами за исключением Саудовской Аравии, с которой были установлены отношения в 1995 году [13].

После распада ОАР в 1961 г. Г.А. Насер заявил, что не имеет намерения организовывать дипломатическую блокаду братской Сирии. Вновь было восстановлено болгарское посольство в Дамаске. Были достигнуты договоренности о болгарских кредитах и строительстве новых объектов в Сирии. Родители сирийцев были признательны правительству Болгарии за то, что оно не допустило возвращения сирийских студентов и дало им возможность получать стипендии и завершить образование.

Совсем иная ситуация сложилась в Ираке в феврале 1963 года. После свержения режима А.К. Касема новое правительство организовало в Багдаде репрессии против иракской Коммунистической партии, повлекшие за собой большие жертвы. Обострились противоречия в лагере недавних союзников по социалистическому блоку. В частности, Партия арабского социалистического возрождения (БААС), с одной стороны, иракские насеристы и движение арабских националистов, с другой, разошлись во мнениях относительно подхода к переговорам об объединении Ирака с Египтом, проходившим в марте – мае 1963 года. Отношения нового иракского руководства к Болгарии, чьи симпатии к правительству М.К. Касема не были тайной, резко ухудшились. Кроме того, Болгария не скрывала своего сочувствия освободительному движению иракских курдов. Многочисленные иракские студенты в Софии, выгодные экономические контракты, активный торговый обмен, масса болгарских специалистов в Ираке – все это оказалось под контролем нового иракского режима [12, с. 493–494].

Освободительная национально-демократическая революция в Алжире 1954–1962 гг. вызвала движение солидарности в Болгарии. В 1959 г. в лагерь алжирских беженцев, расположенные в приграничных с Алжиром территориях Туниса и Марокко, отправилось около 200 молодых болгарских медиков. В полевых больницах болгарские врачи самоотверженно лечили раненых партизан. В 1960–1961 гг. вопреки морской блокаде африканского побережья Францией была организована доставка болгарского оружия, преимущественно через Тунис и Марокко. Это не могло оставаться тайной для французского командования. Один болгарский корабль был арестован

и отправлен в Марсель. К счастью, на корабле не оказалось оружия, но это крайне негативно отразилось на болгаро-французских отношениях [17, с. 91].

После провозглашения в 1962 г. независимости в Алжир для восстановления разных секторов экономики было направлено большое число болгарских специалистов. Болгария помогала алжирскому народу в организации производства, развитии аграрного сектора.

В 1960-е гг. арабский регион оставался в числе приоритетных в болгарской внешней политике. С целью дальнейшего развития связей с арабскими странами Т. Живков посетил Египет, Судан, Ливан, Ирак, Сирию, Тунис, Марокко. 9 октября 1964 г. были установлены дипломатические отношения с Иорданией, 19 сентября 1966 г. – с Ливаном. Таким образом, Болгария установила дипломатические отношения почти со всеми арабскими государствами.

Руководители арабских стран также проявляли большой интерес к Балканским государствам. В 1962 г. Болгарию посетил президент Алжира Ахмед Бен Белла. А первое посещение Софии президентом молодой Йеменской Арабской Республики Абдуллой ас-Салалом состоялось в 1964 году. Визит завершился подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве. В начале 1966 г. в Софию прибыл сирийский премьер Юсуф Зуайен. В составе делегации был министр обороны генерал Хафез Асад, будущий президент страны (эта первая встреча с Х. Асадом имела немаловажное значение для дальнейшего развития болгаро-сирийских отношений).

В дело модернизации экономики арабских стран привлекались высококвалифицированные болгарские специалисты. Важной формой болгаро-арабского сотрудничества была совместная деятельность в области проектирования народнохозяйственных объектов. Так, в Сирии, Ливане, Ираке, Алжире, Ливии, Тунисе проектировались такие важные объекты жизнедеятельности государства, как военные аэропорты, гидроиригационные сооружения, мосты, железные дороги, жилые кварталы. Болгарские специалисты участвовали в их строительстве. Арабские страны постепенно превращались для Болгарии в основной рынок на эти виды услуг [2, с. 61].

В 1950-е гг. все большее значение приобрела такая форма связей, как научно-техническое сотрудничество. Первое такое соглашение было подписано в 1959 г. с Ираком. Сотрудничество это предполагало обмен специалистами, научно-технической документацией, передовым опытом и достижениями в области экономики, технологий. Создавались смешанные комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

С большинством арабских стран Болгария заключила долгосрочные торговые договоры. В общем объеме болгарского экспорта процент сельскохозяйственной продукции уменьшился до 40 %, возрос вывоз электротехнических изделий, металлорежущих станков, цветных металлов, химических удобрений, медикаментов – до 60–70 % и т. д. Однако товарооборот с арабскими странами занимал относительно небольшое место во внешней торговле Болгарии (1,4–2,2 %) по сравнению с товарооборотом в рамках социалистической системы (80 %). На долю несоциалистических стран приходилось: в 1956 г. 7,8 % товарообмена, в 1963 г. – 17,1 %, в 1966 г. – 20,2 %, то есть динамика положительная [11, с. 183].

Не меньшее значение правительства арабских стран и Болгарии придавали культурным связям. В 1957 г. между Народной Республикой Болгарией (НРБ) и Египтом был подписан договор о сотрудничестве в области культуры. В 1960 г. аналогичный договор был подписан с Ираком, в 1962 г. – с Сирией, в 1964 г. – с Алжиром и Йеменом [17, с. 107]. Эти договоры предполагали расширение связей научных институтов, конкурсы литературных переводов, обмен научной и художественной литературой, периодическими изданиями, фильмами, организации выставок, спортивных соревнований. Устанавливались прямые связи в области телерадиовещания.

В рамках сотрудничества правительства арабских стран уделяли много внимания подготовке высококвалифицированных кадров в Болгарии. Правительство НРБ предоставляло стипендии для обучения в вузах страны также политическим эмигрантам.

В 1960-е гг. при Министерстве культуры Болгарии был создан Комитет дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Агентство «София-пресс» публиковало мно-

го материалов о культурном сотрудничестве с арабскими странами, а журнал агентства «Новая Болгария» издавался на арабском языке. По радио и телевидению (на специальных каналах) демонстрировались фильмы и передачи на арабском языке. Высшие учебные заведения обменивались научной литературой, программами обучения, осуществлялись взаимные поездки известных ученых для чтения лекций. Сотрудничающие стороны организовывали спортивные соревнования, недели показа фильмов, выставки, концерты, осуществляли взаимный обмен делегациями деятелей культуры, фольклорных ансамблей и т. д. Первый болгарский культурный центр в арабской стране был открыт в 1964 г. в Алжире. Удачный опыт Алжира довольно скоро позаимствовали в Марокко и Тунисе [17, с. 109].

Болгария в 1960-е гг. стала привлекать внимание арабов как туристический и лечебно-оздоровительный центр, расположенный в привлекательной природно-географической зоне, богатой всевозможными минеральными водами.

С началом арабо-израильской войны 1967 г. Тодор Живков с официальным визитом посетил Социалистическую Федеративную Республику Югославию. В совместном болгаро-югославском коммюнике была выражена позиция двух стран по поводу военных действий, полная солидарность с борьбой арабских стран в защиту своей независимости и территориальной целостности, стороны призывали ООН предпринять решительные меры по восстановлению мира и обеспечению безопасности в регионе. Представитель Болгарии в Совете Безопасности ООН Милко Тарабанов проголосовал за резолюцию о немедленном прекращении военных действий. В апреле 1969 г. он был удостоен высшего сирийского ордена «За заслуги» в знак признательности за поддержку борьбы арабских народов [3, с. 32].

9 июня 1967 г. по приглашению Л.И. Брежнева все лидеры восточноевропейских стран собрались в Москве. Была дана оценка событиям на Ближнем Востоке, принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем и оказывать всестороннюю поддержку арабским странам в их борьбе. Единственным, кто не принял участие в этой «консультации», был румынский лидер Николае

Чаушеску [17, с. 126]. В ноте болгарского правительства от 10 июня 1967 г. о разрыве отношений с Израилем говорилось, что Израиль, продолжая войну, нарушает Устав СБ ООН, игнорирует требования миролюбивых народов по выводу войск с оккупированных территорий. Непосредственно после завершения военных действий 11 июня 1967 г. пострадавшим ближневосточным странам и палестинским беженцам Болгария предоставила значительную гуманитарную помощь по государственной линии и по линии Красного Креста, профсоюзов, общественных организаций.

В создавшейся в этот период политической ситуации роль Болгарии в отношениях между СССР и арабскими странами возросла. Учитывая близость Т. Живкова к советскому руководству, Болгария стала незаменимым инструментом советской внешней политики в арабских странах. На болгарскую дипломатию была возложена сложная задача, которая включала в себя две противоположные тенденции: с одной стороны, сдерживать арабские страны в орбите советского влияния, с другой – придержать крайне экстремистские позиции радикальных арабских режимов [3, с. 33]. Болгарское руководство с энтузиазмом принялось за решение этой задачи, так как Т. Живков, помимо своей идеологической ангажированности, преследовал прагматичные задачи укрепления престижа Болгарии в арабском мире и расширения связей в экономической области.

В 1967 г. Т. Живков посетил Египет, Сирию, Ирак, Ливию, Ливан, Кувейт, НДРЙ, Алжир, Тунис. В том же году Болгарию посетили президенты Египта – Анвар Садат, Сирии – Хафез Асад, Ирака – Хасан аль-Бакр и вице-президент Саддам Хусейн, Ливии – Муаммар Каддафи, Алжира – Ахмед Бен Белла, Кувейта – эмир Джабер ас-Сабах, а также НДРЙ, ЙАР, Судана, Туниса, Мавритании, руководитель Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат. В сентябре 1971 г. в болгарской столице состоялся международный симпозиум в память президента Египта Гамалы Абделя Насера как египетского и общеарабского лидера, на котором демонстрировались его заслуги в борьбе против колониализма, за мир и социальный прогресс [17, с. 131].

Методы реализации болгаро-арабских связей были следующие: обмен посланиями глав государств, взаимопосещения руководителей разного уровня, межпартийные контакты, связи общественных организаций и т. д. Интересная форма связей – краткосрочные и долгосрочные курсы, организованные в партийной школе Софии. Немаловажная роль в развитии связей отводилась Болгарскому земледельческому народному союзу (БЗНС). БЗНС выполнял инструкции ЦК БКП: во-первых, внушить радикальным руководителям арабских партий и лидерам арабских стран использовать опыт Болгарии в создании «единого фронта» с коммунистами; во-вторых, пропагандировать идею кооперативного движения. Подписанные протоколы о сотрудничестве предусматривали систематический обмен делегациями, предоставление вузовских стипендий, последипломную специализацию, отдых руководящих кадров в Болгарии и т. д. Деятельность БЗНС в определенной степени дублировалась Центральным кооперативным союзом, который организовывал краткосрочные и долгосрочные курсы кооператоров с целью познакомить египетских феллахов с преимуществами кооперативного строя и построением производственных кооперативов. Первые земледельческие кооперативы были созданы в Ираке, НДРЙ, Сирии, их уставы почти буквально копировали устав трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ) Болгарии. Ирак и Алжир даже перескочили через этап создания ТКЗХ и приступили к строительству аграрно-промышленных комплексов. Этот опыт вдохновил президента Алжира Хуари Бумедьена, который начал осуществлять идею создания целых «социалистических сел» с целью вернуть покинувших во время освободительной войны крестьян, перебравшихся в города, к традиционной сельской жизни.

Значительную политическую роль в связях с арабскими странами играла общественно-политическая организация Болгарии Отечественный фронт (ОФ). Первое посещение Болгарии лидером ООП Я. Арафатом состоялось по приглашению ОФ. Стороны подписали протоколы о сотрудничестве [17, с. 142–144]. Долгую и богатую событиями историю имели контакты между профсою-

зами, женским движением (через Комитет болгарских женщин), молодежными и студенческими организациями, деятелями культуры, журналистами.

Болгария активно реагировала на противоречия между арабскими странами и Израилем, была инициатором и посредником советско-египетской встречи на высшем уровне в 1974 году. Т. Живков приложил немало усилий для сближения Египта с СССР при Анваре Садате [16]. В 1975 г. Болгария приняла на лечение несколько сот египетских офицеров, пострадавших в октябрьской арабо-израильской войне 1973 года. В Египте было создано Общество египетско-болгарской дружбы.

В 1970–1980-е гг. продолжали активно развиваться болгаро-арабские экономические связи. Например, товарообмен между Болгарией и арабскими странами в 1970 г. составлял 163,75 млн долл., а в 1974 г. – 216 млн долл. и т. д. Фирмы НРБ в 1974 г. построили в арабских странах 44 объекта, там работало около 10 тыс. болгарских специалистов. В 1983 г. товарообмен между Болгарией и арабскими странами составлял 1,8 млрд долл., а в 1987 г. – уже 2,6 млрд долл. [17, с. 291], то есть 12 % общего товарооборота страны.

Таким образом, основным направлением болгаро-арабских экономических отношений являлся торговый обмен. В арабские страны ввозилась продукция болгарского машиностроения, металлургии, химической и пищевой промышленности, сельского хозяйства, медикаменты. Ирак, Ливия, Сирия, Алжир, НДРЙ и ООП, помимо прочего, были покупателями оружия и военного оборудования. Из арабских стран Болгария ввозила фосфаты (в основном из Сирии, Иордании и Марокко), суперфосфаты, железную руду, хлопок (преимущественно из Египта), цитрусовые, немного нефти (нефть в основном ввозилась в НРБ из СССР). В меньших количествах промышленные товары, сельскохозяйственную продукцию.

Второе направление связей – проектная, инженерно-строительная деятельность, на которой специализировалось несколько государственных предприятий, таких как: «Булгаргеомин», «Техноэкспортстрой», «Агрокомплект», «Лескомплект», «Трансстрой» и др. Эти предприятия проектировали и строили круп-

ные объекты – заводы, фабрики, спортивные комплексы, жилые кварталы, оросительные системы, дороги, мосты и др.

Третье направление – работа болгарских специалистов в различных отраслях экономики арабских стран. Болгарские инженеры, архитекторы, врачи, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, агрономы, животноводы работали в Ливии, Алжире, Ираке, Сирии, НДРЙ, Кувейте, ОАЭ, Египте, Судане. Их число в определенные периоды достигало нескольких десятков тысяч человек. Особенно ценились специалисты сельского хозяйства, которые создавали оросительные системы в засушливых районах (Алжир, Сирия, НДРЙ, Ливия, Марокко), вводили новые технологии в производство зерновых и овощных культур, организовывали покупку значительного количества болгарского посевного материала, обучали местные кадры.

В 1970–1980-е гг. развивались туристические связи между арабскими странами и Болгарией. Культурные связи в эти годы не отставали от политических и экономических. Здесь на первое место можно поставить подготовку высококвалифицированных специалистов, переводы книг. Первой арабской книгой, переведенной и изданной в Болгарии, был роман египетского классика Тауфика аль-Хакима «Дневник провинциального прокурора». В Болгарии издавались труды Таха Хусени, Нагиба Махфуза, Джубрана Халила Джубрана, Юсефа Идриса и др. В арабских странах публиковались переводы произведений болгарских писателей, поэтов И. Вазова, Хр. Ботева, Н. Вапцарова, Д. Димова и др. На сценах арабских стран ставились пьесы Ст.Л. Костова, Н. Хайтова и пр.

Ежегодно проводились недели болгарских фильмов в арабских столицах и недели арабских фильмов в Болгарии. Египет являлся одним из крупнейших кинопроизводителей в мире, и недели египетских фильмов в Болгарии превращались в праздники кинематографии.

Таким образом, в рассматриваемый период болгаро-арабские связи достигли высокого уровня. Сложность в развитии болгаро-арабских отношений заключалась в трудностях прогнозирования процессов, зачастую

подчиненных субъективному фактору, личным амбициям и эмоциям арабских лидеров. Болгарская дипломатия проявляла огромное терпение для сохранения отношений, отвечающих интересам страны.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в арабских странах стали наблюдаться противоречивые политические, экономические и социальные процессы, которые играли неблагоприятную роль в развитии болгаро-арабских связей. Во-первых, обострились существующие межарабские противоречия. Во-вторых, произошла новая перегруппировка сил в арабском мире. С активизацией роли Саудовской Аравии в районе Персидского залива и благодаря нефтедолларам на Ближнем Востоке возник новый арабский политический, финансово-экономический и военный центр – Совет сотрудничества арабских стран Залива (СССАЗ) с участием Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Катара, Бахрейна. Функции СССАЗ стали эволюционировать от политико-экономических к военно-оборонительным. Политическим противовесом СССАЗ и претензий Саудовской Аравии на лидерство явился Совет арабского сотрудничества (Ирак, Иордания, Египет, Северный Йемен). Через эту организацию Египет стремился восстановить утраченные после смерти Г.А. Насера позиции общearабского лидера, на которые стал претендовать Ирак, наращивая военную и экономическую мощь. Неэффективным оказался Союз арабских стран Магриба (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Мавритания). Такие перегруппировки и соперничество противоречили лозунгам арабского единства и создавали очаг напряженности в регионе. Это минимализировало роль Лиги арабских государств в решении важных политических, военных и других вопросов. В-третьих, кризисные явления в мировой экономике не могли не отразиться на арабских странах и, соответственно, на экономических отношениях с Болгарией, которая также переживала тяжелейшие времена системного кризиса. В-четвертых, победа Исламской революции в Иране в 1979 г. активизировала деятельность исламских экстремистских организаций практически во всех арабских странах с различной степенью интенсивности. В-пятых, сказался распад Советского Союза и социалистической

системы. Нерешенные острые социальные проблемы, потеря мощной внешней поддержки после распада СССР усиливали рост напряженности в ряде арабских стран, чем умело пользовались лидеры экстремистских организаций. Все вышеизложенные факторы предопределили спад в отношениях Болгарии с арабскими странами.

Таким образом, практика показывает, что экономические связи с арабскими странами зачастую зависели от политических позиций стран социалистической системы. Болгарское правительство вело себя по отношению к арабским странам умеренно реалистично, сохраняя для себя возможность балансировать между враждующими сторонами.

Новые политические реалии требовали от болгарского руководства поиска нового внешнеполитического курса с целью занять свое место в системе европейских государств. Арабские страны с пониманием отнеслись к положению Болгарии после 10 ноября 1989 г., когда в стране начался новый период истории, связанный с крушением системы реального социализма. В ноябре 1989 г. ливийский лидер Муаммар Каддафи отправил специальное послание президенту Петру Младенову с заявлением поддержки нового болгарского правительства, предоставил Болгарии несколько танкеров с нефтью в счет оплаты прошлых долгов, благодаря чему энергетический кризис в Болгарии зимой 1989–1990 гг. был значительно смягчен [1, с. 127].

Восстановление дипломатических отношений Болгарии с Израилем привело в 1989 г. к свертыванию болгаро-арабских отношений. Одной из первых зарубежных поездок премьер-министра Болгарии Филиппа Димитрова был визит в Израиль. В программу посещения были включены и Голанские высоты, оккупированные Израилем в 1967 году. Ф. Димитров не учел того факта, что проблема Голанских высот не только сирийская, но и общерабская и в борьбе с Израилем арабские страны проявляют удивительное единодушие, несмотря на существующие межарабские противоречия. Арабские страны выразили протест в связи с этим шагом болгарского премьера и свели до минимума экономические отношения с Болгарией [3, с. 37]. Болгария перестала участвовать в процессе ближневосточного урегу-

лирования, из ее МИДа были уволены самые опытные арабисты.

Болгарское правительство осудило агрессию Ирака в Кувейте в 1990 г. (несмотря на огромные иракские долги), президент Петр Младенов выразил свою солидарность с народом Кувейта.

Результаты. Болгария к 1960-м гг. установила дипломатические отношения почти со всеми арабскими странами. Вопреки трудностям, связанным с событиями, развернувшимися в арабском регионе после Второй мировой войны, основное направление развития болгаро-арабских связей диктовалось политико-идеологическими соображениями, однако торгово-экономические отношения зачастую предшествовали политическим связям. Отношения с арабскими странами давали Болгарии возможность выйти за рамки традиционного товарообмена и перейти к таким формам сотрудничества, как строительство, инженерное проектирование, туризм, обмен специалистами и т. д. Возникли условия для развития связей в сфере культуры и подготовки кадров. Политические изменения в ряде арабских стран и межарабские противоречия вызывали лишь временные трудности, поскольку связи формировались на долгосрочную перспективу, и, несмотря на период стагнации в болгаро-арабских отношениях в 1990-х гг., в условиях перехода к рыночным отношениям Болгария пришла к пониманию необходимости сотрудничества с арабскими партнерами. Болгарское руководство в конце XX в. вернулось к развитию отношений с арабскими странами, это диктовалось потребностями развития рыночной экономики, новыми политическими реалиями и поиском Болгарией своего места в современном мире.

Область применения результатов – исследования по болгаристике, востоковедению, всеобщей истории, международным отношениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангелов, В. Паметни бележки: За българо-либийските отношения 1963–2007 / В. Ангелов. – София : Печ. Симолини, 2007. – 296 с.
2. Вартамян, Э. Г. Арабские страны и Болгария: из истории связей / Э. Г. Вартамян // Мир Востока. – Краснодар : ИНЭП, 2004. – С. 54–63.

3. Варганьян, Э. Г. Эволюция болгаро-арабских отношений (1960-е гг. – начало XXI в.) / Э. Г. Варганьян // Мир Востока. – Краснодар : ИНЭП, 2005. – С. 32–38.

4. Варганьян, Э. Г. Царь Борис III и позиция Болгарии накануне и в годы Второй мировой войны / Э. Г. Варганьян // Славянские народы и их соседи во Второй мировой войне. Вклад в победу над фашизмом (1939–1945). – Краснодар : Традиция, 2020. – С. 67–76.

5. Външна търговия на НРБ. Статистически сборник. 1956–1962. – София : Национален статистически институт, 1963. – 236 с.

6. Георги Димитров – бележит деец на международното работническо движение. – София : Изд-во БКП, 1954. – 184 с.

7. Далеч кървави ръце от арабските народи // Работническо дело. – София, 1958. – 17 юли.

8. Дипломатически отношения на България, 1878–1988. – София : БАН, 1989. – 419 с.

9. Евстатиев, С. Религия и политика в арабският свят. Ислямът в общество / С. Евстатиев. – София : Изток – Запад, 2012. – 424 с.

10. Евстатиев, С. Салафизмът в Близкия изток и границите на вярата / С. Евстатиев. – София : Изток – Запад, 2018. – 640 с.

11. История на България. – София : Наука и изкуство, 1964. – Т. 3. – 690 с.

12. Краткая история Болгарии. – М. : Наука, 1987. – 558 с.

13. Кынев, В. Развитие на отношенията ни с арабските страни / В. Кынев // Эксперт. – 2018 г. – 22 юни.

14. Проучвания за история на еврейското население в българските земи XV–XX век : сб. ст. – София : БАН, 1980. – 320 с.

15. Ръцете далеч от Египет! // Работническо дело. – София, 1956. – 14 август.

16. Совместное комюнике за посещението на президента на Египет Ануар Садат в България // Работническо дело. – София, 1974. – 3 юли.

17. Цонев, К. Болгаро-арабските отношения / К. Цонев. – София : Парадигма, 1999. – 367 с.

18. Чуков, В. Израел между евангелизма и джаафаризма / В. Чуков. – София : Изток – Запад, 2021. – 368 с.

3. Vartanyan E.G. Evolyutsiya bulgaro-arabskikh otnosheniy (1960-e gg. – nachalo XXI v.) [Evolution of Bulgarian-Arab Relations (1960s – Early 21st Century)]. *Mir Vostoka* [World of the East]. Krasnodar, INEP, 2005, pp. 32–38.

4. Vartanyan E.G. Tsar Boris III i pozitsiya Bolgarii nakanune i v gody Vtoroy mirovoy voyny [Tsar Boris III and the Position of Bulgaria on the Eve and During the Second World War]. *Slavyanskie narody i ikh sosedi vo Vtoroy mirovoy voynе. Vklad v pobedu nad fashizmom (1939–1945)* [Slavic Peoples and Their Neighbors in World War II. Contribution to the Victory over Fascism (1939–1945)]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2020, pp. 67–76.

5. *Vynshna tyrgoviya na NRB. Statisticheski sbornik. 1956–1962* [Foreign Trade of the People's Republic of Bulgaria. Statistical Collection. 1956–1962]. Sofia, Natsionalen statisticheski institut, 1963. 236 p.

6. *Georgi Dimitrov – belezhit deets na mezhduнародното работническо движение* [Georgi Dimitrov – A Prominent Figure in the International Labor Movement]. Sofia, Izd-vo BKP, 1954. 184 p.

7. Dalech kyrvavi rytse ot arabskite narodi [Far Bloody Hands from the Arab Peoples]. *Rabotnicheskо delо* [Workers' Work]. Sofia, s. n., 1958, July 17.

8. *Diplomaticheski otnosheniya na Bylgariya, 1878–1988* [Diplomatic Relations of Bulgaria, 1878–1988]. Sofia, BAN, 1989. 419 p.

9. Evstatiev S. *Religiya i politika v arabskiyat svyat. Islyamyт v obshchestvo* [Religion and Politics in the Arab World. Islam in Society]. Sofia, Iztok – Zapad, 2012. 424 p.

10. Evstatiev S. *Salafizyt v Blizkiya iztok i granitsite na vyarata* [Salafism in the Middle East and the Boundaries of Faith]. Sofia, Iztok – Zapad, 2018. 640 p.

11. *Istoriya na Bylgariya* [History of Bulgaria]. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1964, vol. 3. 690 p.

12. *Kratkaya istoriya Bolgarii* [A Brief History of Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 558 p.

13. Kinev V. Razvitie na otnosheniyata ni s arabskite strani [Development of Our Relations with the Arab Countries]. *Ekspert*, 2018, June 22.

14. *Prouchvaniya za istoriya na evreyskoto naselenie v bylgarskite zemi XV–XX vek: sb. st.* [Studies on the History of the Jewish Population in the Bulgarian Lands of the 15th – 20th Centuries. Collection of Articles]. Sofia, BAN, 1980. 320 p.

15. Rytsete dalech ot Egipt! [Hands Away from Egypt!]. *Rabotnicheskо delо* [Workers' Business]. Sofia, s. n., 1956, August 14.

16. Sovmestnoe komyunike za poseshchenieto na prezidenta na Egipt Anuar Sadat v Bylgariya [Joint Communiqué on the Visit of the President of Egypt Anwar Sadat to Bulgaria]. *Rabotnicheskо delо* [Workers' Work]. Sofia, s. n., 1974, July 3.

REFERENCES

1. Angelov B. *Pametni belezhki: Za bylgarolibyyskite otnosheniya 1963–2007* [Memorable Notes: On the Bulgarian-Libyan Relations, 1963–2007]. Sofia, Pech. Simolini, 2007. 296 p.

2. Vartanyan E.G. *Arabskie strany i Bolgariya: iz istorii svyazey* [Arab Countries and Bulgaria: From the History of Relations]. *Mir Vostoka* [World of the East]. Krasnodar, INEP, 2004, pp. 54–63.

17. Tsonev K. *Bylgaro-arabskite otnosheniya* [Bulgarian-Arab Relations]. Sofia, Paradigma Publ., 1999. 367 p.

18. Tshukov V. *Izrael mezhdu evangelizma i dzhaafarizma* [Israel Between Evangelism and Jaafarism]. Sofia, Iztok – Zapad, 2021. 368 p.

Information About the Author

Egnara G. Vartanyan, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, vartaneg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

Информация об авторе

Эгнара Гайковна Вартамян, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, vartaneg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5030-8941>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

UDC 327

LBC 6/8-66-66.4-66.4(0),3

Submitted: 20.08.2021

Accepted: 23.12.2021

SINO-TURKISH RELATIONS IN THE “NEW ERA”

Vladimir A. Avatkov

Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO),
Moscow, Russian Federation;
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Pavel A. Prilepsky

Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The main purpose of this article is to study the phenomenon of Sino-Turkish relations since 2013 (Xi Jinping came to power). China and Turkey represent different political models undergoing and offering the international community their options for changes in international politics. China, which considers itself as a real contender for international leadership, is facing with Turkey’s sub-regional interests. Therefore, the study of changes in the foreign policy of this countries should be present not as a unit, but as sub-spheres with their subsequent analysis. *Methods and materials.* The authors use a combination of general theoretical and special methods, paying special attention to historical and political analysis. They are based on the analysis of periodicals, as well as on the use of books, articles and materials of domestic and foreign researchers. *Analysis.* The authors analyzed the current situation in several sub-spheres, showed their specific impact on bilateral relations, and studied how contradictions in the designated areas affected relations between China and Turkey. *Results.* The conclusion of the article is about the presence of characteristic problems and issues in each sphere of Sino-Turkish relations that determine the trajectory of Sino-Turkish relations.

Key words: China, Turkey, economy, One Belt One Road, Uighurs.

Citation. Avatkov V.A., Prilepsky P.A. Sino-Turkish Relations in the “New Era”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 186-197. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

УДК 327

ББК 6/8-66-66.4-66.4(0),3

Дата поступления статьи: 20.08.2021

Дата принятия статьи: 23.12.2021

КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В «НОВУЮ ЭПОХУ»

Владимир Алексеевич Аватков

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Павел Александрович Прилепский

Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Основной целью данной статьи является изучение феномена китайско-турецких отношений с 2013 г. (вступление Си Цзиньпина в должность Председателя КНР). Китай и Турция представляют собой разные политические модели, проходящие определенную трансформацию и предлагающие международному сообществу свои варианты перемен в международной политике. Китай, формирующий себя как реаль-

ный претендент на международное лидерство, сталкивается с субрегиональными интересами Турции. Поэтому изучение изменений во внешней политике двух государств необходимо представить не как единое целое, а через выделение подсфер с последующим их анализом. Авторы используют сочетание общетеоретических и специальных методов, уделяя особое внимание историческому и политическому анализу. Методы основаны на анализе периодических изданий, а также на использовании книг, статей и материалов исследователей, как отечественных, так и зарубежных, занимающихся данной проблемой. Авторы анализируют текущую ситуацию в нескольких выделенных подсферах, показывают их конкретное влияние на двухсторонние отношения, а также изучают, как противоречия в обозначенных сферах действуют на отношения в целом. *Результаты.* Выводом статьи стало заключение о наличии характерных проблем и вопросов в каждой сфере китайско-турецких отношений, которые определяют траекторию китайско-турецких отношений. *Вклад авторов.* В.А. Аватков проработал излагаемый в статье анализ перемен внешней политики Турции, скорректировал общий курс статьи. П.А. Прилепский проработал излагаемый в статье анализ перемен внешней политики КНР, внес значительный вклад в написание общего вывода статьи.

Ключевые слова: Китай, Турция, экономика, Один пояс, один путь, уйгуры.

Цитирование. Аватков В. А., Прилепский П. А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 186–197. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

Введение. На современном этапе китайско-турецкие отношения имеют сложную структуру. Их взаимоотношение определяется несколькими факторами, среди которых изменения ролей двух стран в постбиполярной системе международных отношений и идейно-экономическая конкуренция в сопредельных регионах. Поэтому китайско-турецкие отношения необходимо рассматривать «индуктивно», анализируя отдельные плоскости взаимоотношений, далее переходя к общей характеристике. Под такими плоскостями рассматриваются изменения во внешней политике двух стран, политические и экономические отношения, в том числе и инициатива «Один пояс, один путь».

Методы и материалы. Данное исследование строится на анализе работ отечественных экспертов, рассматривающих основы внешних политик КНР и Турции; китайских и турецких экспертов, разбирающих внешние политики государств, экономическое сотрудничество, а также идейный фактор; экономического взаимодействия; материалов китайских и турецких СМИ на темы, посвященные китайско-турецким отношениям.

Для анализа изменений китайской внешней политики ключевыми источниками стали работы отечественных экспертов, таких как А.Д. Воскресенский, О.Н. Борох, А.В. Виноградов, Ю.М. Галенович, В.Б. Кашин [3], И.Е. Денисова [4], Г.А. Жигарьков [7], М.В. Казанин [9; 10], А.В. Ломанов [12], С.Г. Лузянин [13], А.А. Маслов [14], К.К. Мерку-

лов [15], А.Ч. Мокрецкий [16], Е.Н. Румянцев [17], Е.И. Сафронова [18]; ряд источников на китайском языке, таких как белые книги «Национальная оборона в новую эпоху» [21] и «Китай в новую эпоху и мир» [22], опубликованные высказывания председателя КНР Си Цзиньпина [19]; китайских экспертов [6; 8; 51].

Для анализа изменений турецкой внешней политики ключевыми источниками стали работы отечественных исследователей, таких как: В.А. Аватков [1; 2], С.Б. Дружиловский [5], экспертов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова [24, с. 4–5], турецких экспертов А. Атлы [35; 36], Ч. Унгёр [48], Э. Кейман [44], М. Аслан [34], Б. Мутлу [46], Х. Табак [47], С. Джолакоглу [37; 38], Я. Явуз [52], А. Давутоглу [39].

Использован значительный пул публикаций на китайском языке, посвященных двухсторонним отношениям [20–23; 25–32], а также на турецком [33; 41; 50] и английском языках [40; 43; 45].

Анализ. Для более глубокого понимания проблемы необходимо кратко рассмотреть изменения внешних политик стран. С 1978 г. ядро внешней политики КНР составлял принцип «держаться в тени, скрывая свои возможности». Постепенно оболочка данной концепции трансформировалась, ядро внешней политики начало меняться при Си Цзиньпине, что связано с переменами внутри Китая (экономическое выравнивание регионов страны,

обеспечение условий для роста внешней торговли) и за рубежом (меняющиеся условия в мировой политике [3] и рост напряжения в отношениях между США и КНР [13]). С 2012 г. КНР начинает выдвигать концепции, претендующие на субрегиональное и глобальное лидерство [16], ключевыми из них стали концепции инициатива «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы». С 2015 г. используется понятие «дипломатия великой державы» [31], с 2016 г. – термин «самобытная» китайская дипломатия [7].

Идея инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Ввиду отсутствия деталей данных проектов, иностранные наблюдатели получили возможность для интерпретаций инициативы. Популярной стала идея, что ОПОП – возможность получить китайские инвестиции в собственную инфраструктуру. Подобная «вуаль неведения» позволила КНР успешно продвигать свои интересы за рубежом под предлогом экономического соразвития. Этому также способствовало то, что ряду стран действительно требовались новые стимулы экономического роста [14].

В 2015 г. был опубликован документ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”». В 2017 г. была предпринята попытка объединить ряд нововведений в связанную концепцию [16]. На XIX съезде КПК в октябре 2017 г. инициатива ОПОП была записана в Устав КПК и Доклад о работе ЦК КПК. Проект был связан с «великим возрождением китайской нации» и «Сообществом единой судьбы» [17]. В 2018 г. была опубликована книга «Си Цзиньпин рассуждает о Поясе и пути» [19], состоящая из 42 выступлений по ОПОП, датированных с 2013 по 2018 год. Ключевая идея – развитие с помощью сопряжения стратегий государств через строительство инфраструктуры.

Китайские исследователи подчеркивали, что ОПОП сталкивается со значительным культурным, социальным, религиозным сопротивлением из-за различий культур и цивилизаций [12]. Они также указывают, что в дискурсе западных стран присутствует нарратив трактовки инициативы ОПОП как продвиже-

ние экономических интересов Китая [4], а также то, что инициатива ОПОП имеет и культурное изменение, которое дополняет экономическое [12].

Учитывая известную закрытость внешней политики КНР, одним из ключевых теоретических источников формирования внешнеполитического курса стоит рассматривать белую книгу «Современный Китай и мир», опубликованную в сентябре 2019 г. [22]. Структурно книга представляет собой перечисление достижений Китая за последние несколько десятков лет, констатирует проблематичность современного мироустройства, предлагая решение через формирование новой системы отношений между государствами. Новая система должна базироваться на институтах, показавших свою эффективность, таких как торговая либерализация и многосторонняя торговля. Она должна исключить гегемонизм, политику силы, «закон джунглей», «игру с нулевой суммой», включив принципы консультаций, совместных действий, взаимного выигрыша, равенства, справедливости и честности. При этом предлагается перейти к следующей системе международных отношений путем эволюции и сохранения некоторых институтов существующей системы (ООН, ВТО). В этом новом порядке Китай не собирается занимать роль гегемона, так как у Китая отсутствует «ген гегемонии».

В другой белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху», выпущенной в июле 2019 г., также говорится о неустойчивости и конфликтном потенциале нынешней системы международных отношений [21]. В ней декларируется тезис «защиты китайских интересов за рубежом», что является продолжением роста уверенности во внешней политике КНР. Касательно китайско-турецких отношений указывается, что их цель – противостоять силам, что пытаются создать «Восточный Туркестан».

У обеих белых книг прослеживается определенный «бэкграунд», который лучше позволяет понять предложение «новой системы». Так, Фэн Юйцзюнь отмечает рост проблем и конфликтов в современном мире и прогнозирует дальнейшее комплексное ухудшение ситуации. Автор отмечает положительную и стабилизирующую роль Китая в теку-

шей системе, а также намерение КНР добиваться эволюции системы в направлении «более разумного порядка» [15].

Эволюция внешней политики Турецкой Республики. За период правления «Партии справедливости и развития» (ПСР) внешнюю политику Турции можно охарактеризовать как постоянно трансформирующуюся [2] ввиду неустойчивости постбиполярного мира, изменений собственного восприятия [1] и изначальных противоречий модели политического развития, выбранной К. Ататюрком [5].

У Турции нет открытого основополагающего документа по внешней политике, поэтому будут рассмотрены основные идеи, изложенные в открытых источниках. Одной из них является «стратегическая глубина» А. Давутоглу [39; 45], суть которой заключается в попытке вовлечь государства, входившие в состав Османской империи, в тесное взаимодействие с Турцией, то есть воссоздать в некой новой форме экономико-социальное пространство Оттоманской Порты.

Неоосманизм, который на современном этапе составляет важную часть внешней политики Турции, необходимо рассматривать как попытку трансформации национальной идентичности. У этой идеологии нет четких и определяющих рамок, она вбирает в себя элементы пантюркизма, исламизма, турецкого евразийства [2]. Важной глобальной идеей для внешней политики Турции является неоевразийство [38]. Отвергнув классическую теорию, турецкие мыслители переняли сам концепт – «историческое право» тюрок играть важнейшую роль на континенте. Другой из определяющих внешнеполитических идей для современной Турции является пантюркизм. Он берет свои корни в начале XIX в. и несет в себе цель объединения всех тюрок по этническому принципу.

Таким образом, в турецкой внешней политике объединены черты разных идей: пантюркизм, турецкая модель ислама и неоосманизм – каждая из которых предлагает для Турции свой путь к региональному лидерству [1] и трансформации системы международных отношений.

После попытки переворота в Турции в 2016 г. во внешней политике произошел ряд перемен. Во-первых, во время переворота

некоторые страны не выразили поддержки режиму Р. Эрдогана, поэтому одним из принципов новой внешней политики стала «взаимость» (политическое равнопризнание друг друга). Поскольку центр принятия решения сузился до окружения Р. Эрдогана, «взаимость» стала носить более личный характер [24]. Во-вторых, внешняя политика Турции стала более «проактивной» [42]. В-третьих, альянсы Турции стали более подвижны и гибки [47]. В-четвертых, сделан значительный упор на национальную оборону при сохранении акцента на субрегиональное лидерство.

Центральной проблемой китайско-турецких отношений остается уйгурский вопрос (в турецком варианте – уйгурских тюрок). В стенах турецкого медреса звучат призывы в поддержку уйгур [41], критикуется правительство КНР из-за положения уйгурских тюрок в Китае. В некоторых СМИ освещаются сюжеты, в которых китайские власти не заботятся о проживающих на территории КНР уйгурах и даже способствуют распространению ВИЧ среди них [40]. Указывается на тяжелое положение уйгурских тюрок в так называемых «китайских лагерях перевоспитания». В июне – июле 2015 г. в Турции прошел ряд антикитайских акций, организованных уйгурами, проживающими в Турции, и организацией «Серые Волки» – молодежного крыла ультраправой Партии националистического движения. Члены «Серых Волков» совершали нападения на китайские рестораны и туристов из Китая, сжигали флаги КНР [10]. В декабре 2019 г. и марте 2021 г. в Анкаре и Стамбуле уйгуры провели крупные митинги с требованием прекратить «геноцид» уйгур в КНР.

Официальные власти Турции после 2016 г. публично стараются избегать темы уйгур [48]. Единственное исключение стало достаточно показательным. В феврале 2019 г. представитель МИД Турции Х. Аксой заявил об усилении давления на уйгур со стороны властей Китая. Однако уже 2 июля 2019 г. во время визита Р. Эрдогана в КНР указал, что все этнические группы в Синьцзяне «живут счастливо» [23].

В экономических отношениях двух стран существует значительный дисбаланс. Согласно турецким официальным источникам за 2019 г. общий объем китайско-турецкой торговли достиг 21,08 млрд долл. США [49], за

2020 г. – 23,02 млрд. Согласно данным китайской стороны в 2019 г. объем двусторонней торговли достиг 20,8 млрд. Экспорт в Турцию составил 17,3 млрд, импорт – 3,49 млрд. Общие инвестиции Китая в Турцию достигли 1,75 млрд, в 2019 г. составили всего 12,96 млн, показав снижение на 90,6 % [30]. В 2020 г. объем двусторонней торговли вырос до 24,07 млрд, экспорт Китая достиг 20,35 млрд, продемонстрировав рост на 17,5 %, импорт из Турции составил 3,71 млрд, рост – 6,3 % [40].

В 2015 г. лидеры двух стран подписали меморандум о сопряжении ОПОП и «Срединного коридора» [20]. Нужно выделить сотрудничество между странами по линии перевозки товаров Сиань – Баку – Тбилиси – Карс – Стамбул – Прага [27], развитие транспортной инфраструктуры [28]. 25 сентября 2019 г. началось строительство электростанции Хунутлу, что станет крупнейшим китайским вложением в инфраструктурный проект в Турции. В 2014 г. между турецкой энергокомпанией EÜAŞ и китайской SNPTC было подписано соглашение на строительство атомной станции в Турции.

Среди турецких экспертов и официальных лиц распространено мнение об экономическо-культурной интерпретации ОПОП. Так, М. Бинарк указывает, что Турция видит себя в роли транспортного хаба в инициативе ОПОП [47]. Посол Турецкой Республики в Пекине Э. Онен в интервью китайской прессе отмечает экономический характер инициативы, подчеркивая особую роль турецкого «Срединного коридора» [29]. Даже выступающий против ОПОП А. Эркан рассматривает проект как «план Маршала» [52]. Некоторые другие авторы критикуют ОПОП лишь за то, что данный проект может пройти мимо Турции [50].

Турецкие эксперты из некоммерческого исследовательского фонда «SETA» считают основной проблемой китайско-турецких отношений нехватку инфраструктуры двухсторонних отношений (в широком смысле слова), подчеркивая, что все остальное – лишь отображение данной нехватки [11]. В вопросе торговли предлагается разработка новой стратегии, которая включала бы ликвидацию дисбаланса в китайско-турецкой торговле. Касаясь уйгурской темы, в докладе упомянуто, что она должна перестать быть проблемой дву-

сторонних отношений и должна быть исключена из списка стратегических угроз для КНР. Китай развивает мягкую силу, однако, учитывая постоянный негатив со стороны турецкого общества, ее вектор направлен, скорее, на преодоление синофобии, нежели чем на построение положительного образа, понятного турецкому массовому сознанию. Авторы доклада, говоря об инициативе ОПОП, считают нужным наполнить ее политическим, социальным и культурным содержанием.

В рекомендациях для турецкой внешней политики относительно КНР [36] от турецкого эксперта А. Атлы дается ряд предложений. Первое – привлечь прямые инвестиции КНР в Турецкую Республику, причем основной целью являются китайские технологии. Второе – начать экономическую кооперацию с Китаем на Ближнем Востоке после завершения конфликта в Сирии. Третье – сотрудничество в военной индустрии и фокусировка на технологическом трансфере в Турцию. Четвертое – использовать уйгурскую общину, проживающую в Турции, для улучшения китайско-турецких отношений, в которых Турция готова предоставить свою модель ислама для мусульман, проживающих в Китае. Пятое – играть проактивную роль в инициативе «Один пояс, один путь», рассматривая, как Китай и Турция могут совместно реализовывать проекты. Шестое – учредить Китайский координационный совет. Седьмое – наполнить внешнюю политику Турции по отношению к Китаю самостоятельным смыслом. Ключевая мысль эксперта – Китай не должен быть просто «альтернативой Запада».

В положениях А. Атлы преобладает экономическая интерпретация инициативы «Пояса и пути» и китайско-турецких отношений. Он также предлагает искать больше политических и социальных смыслов в отношениях с Китаем. В другой своей работе А. Атлы говорит о необходимости выправления баланса торговли путем выявления Турцией товаров, которые та может поставлять в Китай [35].

На сайте Министерства коммерции КНР в официальной справке о двусторонних отношениях указано, что два государства пострадали от действий так называемых «трех зол» и рассматривают их как общую угрозу. Китайские эксперты Чжан Шуай и Цзань Тао

отмечают ухудшение ситуации в турецкой экономике за последние несколько лет и делают вывод о «положительном влиянии» инициативы ОПОП на нее [26]. Ван Цзинь сообщает, что после попытки переворота Турция изменила свою политику к КНР в сторону более гибкой [51]. Касаемо уйгурского вопроса Ли Дагуан отметил возможность антитеррористического сотрудничества с Турцией [8]. Разбирая кейс с задержанием уйгуров в Таиланде в 2014 г., он занимает достаточно жесткую позицию по данному вопросу, доходя до обвинений Турции в содействии группировке «Исламское государство»¹. Некоторые другие китайские аналитики, рассматривая эту ситуацию, также связывают Анкару с деятельностью «Исламского государства» [9]. Шен Жуй констатирует то, что исторический (древний) «Шелковый путь» начинался в Китае и заканчивался в Турции, и именно данный аспект стал основным для обновления хороших отношений между странами. Отмечается необходимость сотрудничества между странами в вопросе нетрадиционных угроз, против уйгурского терроризма. В экономическом сотрудничестве выделяется выгодное положение Турецкой Республики. Факторами, препятствующими развитию отношений, названы неправильное понимание турками инициативы ОПОП, амбиции Турции к воссозданию Османской империи и дисбаланс в торговле [8].

Результаты. Разбор взаимоотношений двух держав с выделением нескольких областей упрощает анализ, не превращая его в истонковский черный ящик, что позволяет избежать неправильной интерпретации.

Турция стремится занять лидерскую позицию в своем субрегионе. Достигнув определенного предела во внешней политике, власти Турции пытаются найти новые формы международного сотрудничества в том числе и с Китаем. К началу 2021 г. Китай не стал основным направлением турецкой политики, хотя существует серьезный интерес [38].

Изменения внешней политики Китая связаны не только с общим ростом уверенности в своих силах, но и в личных амбициях председателя Си Цзиньпина. Китаю, желающему занять лидерские позиции в своей «новой системе» международных отношений, придется выстраивать отношения с Турцией.

В двух странах принятие решений идет от группы людей вокруг лидера, а не от институтов и бюрократии, что дает возможность форсировать сотрудничество, несмотря на ряд существенных противоречий. К ним, во-первых, относятся уйгурская проблема, которая особенно чувствительна для КНР из-за важности поддержания мифа истории успеха КПК и роли региона в ОПОП. Поэтому в Пекине учитывают риски, связанные с регионом, и возможную роль Турции в этом процессе [32]. Правительство Р. Эрдогана в настоящий момент не проводит «резких шагов» по отношению к Китаю, однако на уровне восприятия обычного человека в Турции антикитайские настроения достаточно велики. Во-вторых, фактор пантюркизма и политического ислама в турецкой внешней политике вносит существенное противоречие в китайско-турецкие отношения. В-третьих, разные исторические траектории политических моделей двух стран. Турция все более возвращает повестку домодерна, где ценности, принесенные К. Ататюрком, теряют свой политический вес, уступая место мифологизированной мощи Османской империи. Китай движется в сторону сильного государства, привычной для него исторической формой существования в ядре которого находится идеология китайского коммунизма. В-четвертых, дисбаланс торговли, который невозможно решить в экономических рамках. Его решение требует политической воли, в первую очередь от руководства КНР. Турецкие конкурентоспособные отрасли промышленности проигрывают своим китайским коллегам. Пекин, выстраивая экономические отношения со странами, где у Турции есть экономический интерес (государства бывшей Османской Империи, Центральная Азия, некоторые страны Африки), вряд ли всерьез готов поступиться своими интересами ради улучшения взаимоотношений с Турцией. Реализация китайских проектов ОПОП не смогла стать «локомотивом» развития в отношениях Китая и Турции, так как не получила масштабы в силу политических противоречий, а также из-за искаженного понимания турецкими политиками и экспертами инициативы ОПОП [48] и китайских интересов, а КНР – тюркской проблематики [25].

Отсутствие открытой конфронтации по уйгурскому и экономическому вопросам дает

право говорить, что два государства ищут взаимодействия. В постбиполярном мире поиск общих точек в двусторонних отношениях может дать двум странам шанс «перезагрузить» совместную историю и обеспечить места в «новой системе», которые будут устраивать оба государства. Этому сценарию препятствует неготовность различных политических сил в Китае и Турции жертвовать своими интересами.

Все вышеперечисленные проблемы мешают нормальному выстраиванию диалога между КНР и Турцией. Наличие политической воли в принятии решений могут дать временные подъемы во взаимоотношениях, но постепенно имеющиеся противоречия будут откатывать их назад. Текущий баланс является некоторым компромиссом между открытой конкуренцией и партнерскими отношениями, что дает возможность поиска решений глубинных противоречий, чтобы далее перейти к более масштабной двусторонней повестке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков, В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции / В. А. Аватков // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 4. – С. 113–129. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>.
2. Аватков, В. А. Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
3. Воскресенский, А. Д. Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Ч. II : Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2019. – № 3. – С. 114–132.
4. Денисов, И. Е. Формула внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации / И. Е. Денисов, Д. Л. Адамова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 76–90.
5. Дружиловский, С. Б. О внутренних причинах политической нестабильности в Турецкой Рес-

публике / С. Б. Дружиловский // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2. – С. 15–21.

6. Дунту шили маньянь чжэн мохэй туэрци: [= Движение Восточного Туркестана очерняет Турцию]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://opinion.china.com.cn/opinion_85_119485.html (дата обращения: 17.05.2021). – Загл. с экрана.

7. Жигарьков, Г. А. «Мягкая сила» с китайской спецификой: конкуренция за общественное мнение / Г. А. Жигарьков // Международная жизнь. – 2018. – № 6. – С. 48–62.

8. И дай и лу чжаньлюэся чжунго туэрци гуаньси: [= Китайско-турецкие отношения в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // China academic journal. – 2015. – № 11. – С. 89–91.

9. Казанин, М. В. Китайские специалисты об участии Турции в сирийском конфликте / М. В. Казанин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=26837> (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

10. Казанин, М. В. Китайско-турецкие отношения и уйгурский вопрос / М. В. Казанин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (дата обращения: 03.04.2021). – Загл. с экрана.

11. Ковалев, В. И. Обзор отчета SETAV, посвященного турецко-китайским отношениям. Ч. 11 / В. И. Ковалев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=34815> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

12. Ломанов, А. В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» / А. В. Ломанов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 52–63.

13. Лузянин, С. Г. США не удастся создать единый антикитайский фронт / С. Г. Лузянин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/26471> (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

14. Маслов, А. А. Китай до сих пор не хочет конфронтации / А. А. Маслов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/722978> (дата обращения: 04.03.2021). – Загл. с экрана.

15. Меркулов, К. К. Эксперты КНР о некоторых актуальных вопросах формирования нового международного порядка / К. К. Меркулов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М. : ИДВ РАН, 2018. – С. 253–265.

16. Мокрецкий, А. Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина / А. Ч. Мокрецкий // Международная жизнь. – 2019. – № 3. – С. 29–48.

17. Румянцев, Е. Н. О концепции «Пояса и Пути» / Е. Н. Румянцев // 70 лет современному Ки-

тайскому государству. – М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. – С. 209–219.

18. Сафронова, Е. И. Проект «Один пояс, один путь» – комплексный фактор «мягкой силы» Китая / Е. И. Сафронова // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. – М. : ИДВ РАН, 2017. – С. 60–77.

19. Си цзиньпин тань и дай и лу чжюяо пянью цзешао: [= Си Цзиньпин говорит об инициативе «Один пояс, один путь», основные краткие темы]. – Электрон. текстовые дан – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/11/c_1123838560.htm (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

20. Си цзиньпин хуэйцзянь туэрци цзунтун цяньюшю «И дай и лу» лянцзе бэйванлу: [= Си Цзиньпин встретился с турецким президентом, подписан меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь»]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/xgcdn/77006.htm> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

21. Синьшидайдэ чжунго гофан: [= Национальная оборона в новую эпоху]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 03.05.2021). – Загл. с экрана.

22. Синьшидайдэ чжунго юй шицзе байпишю (цюаньвэнь): [= Белая книга: Китай в новую эпоху и мир. Полный текст]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

23. Сицзиньпин тун туэрци цзунтун айэрдоань цзюйсин хуэйтань: [= Си Цзиньпин и турецкий президент Эрдоган провели переговоры]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.qstheory.cn/yaowen/2019-07/02/c_1124701796.htm (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

24. Современная Турция: тренды развития и значение для России / под ред. И. Я. Кобринской, Л. С. Вартазаровой, С. В. Уткина. – М. : ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с.

25. 30 няньлай цзиньчжань пингу – цзюйю гуаньяча шицзю юй яньцзю чжүтидэ пингу куанцзя: [= Оценка 30-летнему периоду развития – оценка, основанная на темах изучения и исследований]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/437575331_619333 (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

26. Туэрци цзинцзи цяньюцзин чжаньван: [= Экономические перспективы Турции]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bit.ly/3GwIwEX> (дата обращения: 21.05.2021). – Загл. с экрана.

27. Туэрци цзицзи дуйцзе и дай и лу ваймэй: сычоу телу мэньсян чжун чэнчжэнь: [= Турция активно подключается к инициативе «Один пояс, один путь». Иностранные СМИ (турецкие): мечта о «Шелковом пути» наконец-то сбывается]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202001/415955.html> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

28. Туэрци чжухуа дашии дай и лу лацзиньлэ туэрци хэ сычуаньдэ цзюйли: [= Посол Турции в Китае: «Один пояс, один путь» сблизил Турцию и Сычуань]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/201910/413296.html> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

29. Туэрци чжухуа дашитучжэн тунго лоши цзюйти сяньму чжичи «И дай и лу»: [= Турецкий посол в КНР: Турция оказывает помощь инициативе «Один пояс, один путь»]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/hwksl/61859.htm> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

30. Чжунго юй туэрци 2019 нянь шуанбянь цзинмао гайкуан: [= Ситуация в китайско-турецкой торговле за 2019 г.]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202005/418170.html> (дата обращения: 02.06.2021). – Загл. с экрана.

31. Чжэнфу гунцзо баогао (цюаньвэнь): [= Доклад о итогах работы Правительства КНР, полный текст]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/16/content_2835101.htm/ (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

32. Щегловин, Ю. Б. О влиянии уйгурской проблемы на внешнюю политику Китая с учетом интересов России в Сирии / Ю. Б. Щегловин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=53311> (дата обращения: 02.06.2021). – Загл. с экрана.

33. Arpacık, C. Koronavirüsün kendilerini unutturduğunu düşünen Uygurlar: Çin kendi insanına bile kötü davranıyor; HIV'in Uygur bölgelerinde yayılmasını da devlet sağladı: [= Уйгуры считают, что коронавирус заставил забыть их: Китай плохо относится даже к своим гражданам; Китай также обеспечил распространение ВИЧ в уйгурских регионах] / C. Arpacık. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3bmsNtG> (date of access: 04.04.2021). – Title from screen.

34. Aslan, M. SETA Security Radar Turkey's Geopolitical Landscape In 2020 / M. Aslan, B. Ozturk, R. Öncel. – İstanbul SETA, 2020. – 69 p.

35. Atli, A. Turkey's Relations with China and its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish

Perspective / A. Atli. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3Bnso4H> (date of access: 12.06.2021). – Title from screen.

36. Atli, A. Turkey's Foreign Policy Towards China Analysis and Recommendations for Improvement / A. Atli. – Instambul : Boğaziçi University, Asian Studies Center, 2016. – 25 p.

37. Colakoğlu, S. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its pro-Western Orientation? / S. Colakoğlu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3byOHdb> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

38. Colakoğlu, S. Turkey-China Relations: From «Strategic Cooperation» to «Strategic Partnership»? / S. Colakoğlu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3w40Y2J> (date of access: 04.06.2021). – Title from screen.

39. Davutoglu, A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy / A. Davutoglu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

40. Foreign Trade Statistics, December 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3pUJC7p> (date of access: 02.06.2021). – Title from screen.

41. Giriş, H. Çin'le ilişkiler uğruna Uygur Türkleri feda edilmemeli: [= Уйгурские турки не должны стать жертвой ради отношений с Китаем] / H. Giriş. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3bvrCZ7> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

42. Haugom, L. Turkish foreign policy under Erdogan: A change in international orientation? / L. Haugom. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3BqtEUQ> (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

43. Imports and Exports by Country Region of Origin / Destination, 12.2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3nQLawW> (date of access: 12.04.2021). – Title from screen.

44. Keyman, E. Turkey's Strategic Choice: Flexible Alliances with an Enduring Transatlantic Anchor / E. Keyman, M. Gisclon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3EAMiLw> (date of access: 21.05.2021). – Title from screen.

45. Murinson, A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy / A. Murinson // *Mideast Security and Policy Studies*. – 2006. – № 6. – P. 945–964.

46. Multu, B. Representation of the “Belt and Road Initiative” in Turkish mainstream newspapers / B. Multu, O. Goekce // *Communication and the Public*. – 2019. – Vol. 4 (4). – P. 291–304. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047319895448>.

47. Tabak, H. Eurasian Politics and Society: Issues and Challenges / H. Tabak ; ed. by Ö. Tüfekçi, H. Tabak, E. Akilli. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 188 p.

48. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order / eds.: E. Erşen, S. Köstem. – London : Routledge, 2019. – 212 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.

49. Turkey-People's Republic of China Economic and Trade Relations. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3pRbnhp> (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

50. Türkiye devre dışı. Çin'in çizdiği yeni ipek yolunda Türkiye yok: [= Отключенная Турция. Турции не нашлось места в китайском Шелковом пути]. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/31nesvz> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

51. Wang, J. After the Failed Coup: A New Dawn for China-Turkey Relations? / J. Wang. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3q8AAUP> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

52. Yavuz, Y. Çin'in İpek Yolu Projesi ikinci Marshall Yardımı mı: [= Является ли проект Шелкового пути Китая вторым «планом Маршалла»?] / Y. Yavuz. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3nNpTnw> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor vo vneshnej politike Turcii [Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2019, no. 4, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>.

2. Avatkov V.A. Neosmanizm. Bazovaja ideologema i geostrategija Turcii [Neo-Ottomanism. The Basic Ideology and Geostrategy of Turkey]. *Svobodnaja mysl'*, 2014, no. 3, pp. 71-78.

3. Voskresenskij A.D. Kruglyi stol «Perspektivy kitaiskih reform v izmenivshemsja mire». Ch. II: Tormozhenie kitaiskoj jekonomiki, trgovovaja voina s SShA, ocenka vozmozhnosti stimulirovanija rosta vozmozhnosti Kitaja [Round Table “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World”. Part 2: The Slowdown of the Chinese Economy, the Trade War with the United States, the Assessment of Opportunities to Stimulate the Growth of Opportunities in China]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2019, no. 3, pp. 114-132.

4. Denisov I.E., Adamova D.L. Formula vneshnej politiki Si Czin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretacii [The Formula of Xi Jinping's Foreign Policy: The Main Features and Problems of Interpretation]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 76-90.

5. Druzhilovskij S.B. O vnutrennih prichinah politicheskoj nestabil'nosti v Tureckoj respublike [On the Internal Causes of Political Instability in the Republic of Turkey]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2016, no. 2, pp. 15-21.
6. *Dongtu shili wanyan zheng mohei tuerqi* [The East Turkestan Movement Denigrates Turkey]. URL: http://opinion.china.com.cn/opinion_85_119485.html (accessed 17 May 2021).
7. Zhigar'kov G.A. «Mjagkaja sila» s kitajskoj specifikoj: konkurencija za obshhestvennoe mnenie [“Soft Power” with Chinese Specifics: Competition for Public Opinion]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2018, no. 6, pp. 48-62.
8. Yi dai yi lu zhanlue xia zhongguo tuerqi guanxi [Sino-Turkish Relations Within the Framework of the “One Belt One Road” Initiative]. *China Academic Journal*, 2015, no. 11, pp. 89-91.
9. Kazanin M.V. *Kitajskie specialisty ob uchastii Turcii v sirijskom konflikte* [Chinese Experts on Turkey's Participation in the Syrian Conflict]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26837> (accessed 4 April 2021).
10. Kazanin M.V. *Kitajsko-tureckie otnoshenija i ujgurskij vopros* [Sino-Turkish Relations and the Uyghur Issue]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (accessed 3 April 2021).
11. Kovalev V.I. *Obzor otchjota SETAV, posvjashhennogo turecko-kitajskim otnoshenijam. Ch. 11* [Review of the SETAV Report on Turkish-Chinese Relations. Part 11]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=34815> (accessed 1 June 2021).
12. Lomanov A.V. Strategija kul'turnogo vlijanija Kitaja v proekte «Odin pojas, odin put'» [The Strategy of China's Cultural Influence in the “One Belt One Road” Project]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 52-63.
13. Luzjanin S.G. *SShA ne udastsja sozdat' edinyj antikitajskij front* [The United States Will not be Able to Create a United Anti-Chinese Front]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26471> (accessed 4 April 2021).
14. Maslov A.A. *Kitaj do sih por ne hochet konfrontacii* [China Still Does not Want Confrontation]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/722978> (accessed 4 March 2021).
15. Merkulov K.K. Jeksperty KNR o nekotoryh aktual'nyh voprosah formirovanija novogo mezhdunarodnogo porjadka [Experts of the People's Republic of China on Some Topical Issues of the Formation of a New International Order]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. Moscow, IDV RAN, 2018, pp. 253-265.
16. Mokreckij A.Ch. Kitajskaja diplomatija v jepohu Si Czin'pina [Chinese Diplomacy in the Era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2019, no. 3, pp. 29-48.
17. Rumjancev E.N. O koncepcii «Pojasa i Puti» [On the Concept “One Belt One Road”]. *70 let sovremennomu Kitajskomu gosudarstvu* [70 Years of the Modern Chinese State]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2019, pp. 209-219.
18. Safronova E.I. Proekt «Odin pojas, odin put'» – kompleksnyj faktor «mjagkoj sily» Kitaja [The “One Belt One Road” Project is a Complex Factor of China's “Soft Power”]. *Problemy i perspektivy realizacii iniciativy «Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti» v kontekste ShOS* [Problems and Prospects of the Implementation of the “Silk Road Economic Belt” Initiative in the Context of the SCO]. Moscow, IDV RAN, 2017, pp. 60-77.
19. *Xi Jinping tan yi dai yi lu zhuyao pianmu jieshao* [Xi Jinping Talks About the “One Belt One Road” Initiative, the Main Brief Topics]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/11/c_1123838560.htm (accessed 12 April 2021).
20. *Xi Jinping huijian tuerqi zongtong qianshu «yi dai yi lu» liangjie beiwanglu* [Xi Jinping Met with the Turkish President, Signed a Memorandum of Understanding Within the Framework of the “One Belt One Road” Initiative]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/xgcdn/77006.htm> (accessed 1 June 2021).
21. *Xinshidaide zhongguo guofang* [National Defense in a New Era]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (accessed 3 May 2021).
22. *Xinshidaide zhongguo yu shijie baipishu (quanwen)* [White Paper: China in a New Era and the World. Full Text]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (accessed 2 February 2021).
23. *Xi Jinping tong tuerqi zongtong aierduoan juxing huitan* [Xi Jinping and Turkish President Erdogan Held Talks]. URL: http://www.qstheory.cn/yaowen/2019-07/02/c_1124701796.htm (accessed 4 April 2021).
24. Kobrinskaya I.Ya., Vartazarova L.S., Utkin S.V., eds. *Sovremennaja Turcija: trendy razvitija i znachenie dlja Rossii* [Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia]. Moscow, IMEMO RAN, 2019. 54 p.
25. *30 nianlai jinzhhan pinggu – jiyu guancha shijiao yu yanjiu zhutide pinggu kuangjia* [Assessment of the 30-Year Period of Development – An Assessment Based on the Topics of Study and Research]. URL: https://www.sohu.com/a/437575331_619333 (accessed 2 June 2021).
26. *Tuerqi jingji qianjing zhanwang* [Turkey's Economic Prospects]. URL: <https://bit.ly/3GwIwEX> (accessed 21 May 2021).

27. *Tuerqi jiji duijie yi dai yi lu waimei: sichou tielu mengxiang zhong chengzhen* [Turkey is Actively Joining the “One Belt One Road” Initiative. Foreign Media (Turkish): The Dream of the “Silk Road” is Finally Coming True]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202001/415955.html> (accessed 12 April 2021).
28. *Tuerqi zhuhua dashi: yi dai yi lu lajinle tuerqi he sichuande juli* [Turkish Ambassador to China: “One Belt One Road” Brought Turkey and Sichuan Closer]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/201910/413296.html> (accessed 12 April 2021).
29. *Tuerqi zhuhua dashi: tu zheng tongguo luoshi juti xiangmu zhichi «yi dai yi lu»* [Turkish Ambassador to China: Turkey Provides Assistance to the “One Belt One Road” Initiative]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/hwksl/61859.htm> (accessed 1 June 2021).
30. *Zhongguo yu tuerqi 2019 nian shuangbian1 jingmao gaikuang* [The Situation in Sino-Turkish Trade in 2019]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202005/418170.html> (accessed 2 June 2021).
31. *Zhengfu gongzuo baogao (quanwen)* [Report on the Results of the Work of the Government of the People’s Republic of China, Full Text]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/16/content_2835101.htm (accessed 4 April 2021).
32. Shheglovin Ju.B. *O vlijanii ujugurskoj problemy na vneshnjuju politiku Kitaja s uchetom interesov Rossii v Sirii* [On the Impact of the Uighur Problem on China’s Foreign Policy, Taking into Account Russia’s Interests in Syria]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=53311> (accessed 2 June 2021).
33. Arpacık C. *Koronavirüsün kendilerini unutturduğunu düşünen Uygurlar: Çin kendi insanına bile kötü davranıyor; HIV’in Uygur bölgelerinde yayılmasını da devlet sağlamıştı* [Uighurs Believe that the Coronavirus has Made Them Forget: China Treats Even Its Citizens Badly; China has Also Ensured the Spread of HIV in the Uighur Regions]. URL: <https://bit.ly/3bmsNtG> (accessed 4 April 2021).
34. Aslan M., Ozturk B., Öncel R. *SETA Security Radar Turkey’s Geopolitical Landscape In 2020*. Istanbul, SETA 2020. 69 p.
35. Atli A. *Turkey’s Relations with China and Its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish Perspective*. URL: <https://bit.ly/3Bnso4H> (accessed 12 June 2021).
36. Atli A. *Turkey’s Foreign Policy Towards China Analysis and Recommendations for Improvement*. Instambul, Boğaziçi University, Asian Studies Center, 2016. 25 p.
37. Colakoğlu S. *The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change Its Pro-Western Orientation?* URL: <https://bit.ly/3byOHdb> (accessed 1 June 2021).
38. Colakoğlu S. *Turkey-China Relations: From «Strategic Cooperation» to «Strategic Partnership»?* URL: <https://bit.ly/3w40Y2J> (accessed 4 June 2021).
39. Davutoglu A. *Turkey’s Zero-Problems Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy> (accessed 1 June 2021).
40. *Foreign Trade Statistics, December 2020*. URL: <https://bit.ly/3pUJC7p> (accessed 2 June 2021).
41. Giriş H. *Çin’le ilişkiler uğruna Uygur Türkleri feda edilmemeli* [Uighur Turks Should not Become a Victim for the Sake of Relations with China]. URL: <https://bit.ly/3bvrCZ7> (accessed 1 June 2021).
42. Haugom L. *Turkish Foreign Policy Under Erdogan: A Change in International Orientation?* URL: <https://bit.ly/3BqtEUQ> (accessed 3 April 2021).
43. *Imports and Exports by Country Region of Origin / Destination, 12.2020*. URL: <https://bit.ly/3nQLawW> (accessed 12 April 2021).
44. Keyman E., Gisclon M. *Turkey’s Strategic Choice: Flexible Alliances with an Enduring Transatlantic Anchor*. URL: <https://bit.ly/3EAMiLw> (accessed 21 May 2021).
45. Murinson A. *The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. Mideast Security and Policy Studies*, 2006, no. 6, pp. 945-964.
46. Multu B., Goekce O. *Representation of the “Belt and Road Initiative” in Turkish Mainstream Newspapers. Communication and the Public*, 2019, vol. 4 (4), pp. 291-304. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047319895448>.
47. Tabak H. *Eurasian Politics and Society: Issues and Challenges*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2017. 188 p.
48. Erşen E., Köstem S., eds. *Turkey’s Pivot to Eurasia. Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. London, Routledge, 2019. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.
49. *Turkey-People’s Republic of China Economic and Trade Relations*. URL: <https://bit.ly/3pRbnhp> (accessed 3 April 2021).
50. *Türkiye devre dışı. Çin’in çizdiği yeni ipek yolunda Türkiye yok* [Disconnected Turkey. Turkey Has no Place in the Chinese Silk Road]. URL: <https://bit.ly/31nesvz> (accessed 1 June 2021).
51. Wang J. *After the Failed Coup: A New Dawn for China-Turkey Relations?* URL: <https://bit.ly/3q8AAUP> (accessed 1 June 2021).
52. Yavuz, Y. *Çin’in İpek Yolu Projesi ikinci Marshall Yardımı mı* [Is China’s Silk Road Project the Second “Marshall Plan”?]. URL: <https://bit.ly/3nNpTnw> (accessed 1 June 2021).

Information About the Authors

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Sciences (Politics), Senior Researcher, Associate Professor, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsovnaya St, 23, 117997 Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ostozhenka St, 53/2, Bld. 1, 119021 Moscow, Russian Federation v.avatkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>

Pavel A. Prilepsky, Master Student, Adviser, Division for Monitoring of Interethnic and Interfaith Relations, Department for Monitoring of Interethnic and Interfaith Relations, Prevention of Extremism and Interaction with Religious Associations, Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, Presnenskaya Emb., 10, Bld. 2, 123112 Moscow, Russian Federation, pavelprilepsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2220-9094>

Информация об авторах

Владимир Алексеевич Аватков, доктор политических наук, старший научный сотрудник, доцент, Центр постсоветских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, 117997 г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, 119021 г. Москва, Российская Федерация, v.avatkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>

Павел Александрович Прилепский, магистр, советник, отдел мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями, Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации, Пресненская наб., 10, стр. 2, 123112 г. Москва, Российская Федерация, pavelprilepsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2220-9094>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17>

UDC 321.01:316.344.42
LBC 66.02

Submitted: 11.02.2021
Accepted: 29.07.2021

FORMATION OF THE DIGITAL ELITE
AS A NEW STRATUM OF THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY

Alexander P. Kochetkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the process of formation of the digital elite, determines the legitimacy and regularity of its appearance as a new stratum of the global information society. The paper shows that the study of the process of formation of the digital elite, and the strengthening of its power components is relevant and at the same time complex, with no unambiguous judgments in modern political science. It requires increased attention of the Russian state to the problems of information security and the protection of information sovereignty. *Methods and materials.* When preparing the article, the author relied on the concept of the global information society, as well as a systematic analysis of the digital society and its strata as a single, complexly organized organism. The methods of comparative analysis, structural and institutional approach and scientific forecasting were used. *Analysis.* The author examines the general trends of the genesis of the global digital society, the current stage of human development, determines the essence and main features of the new emerging social stratum of this society – the transnational digital elite, its significance and influence on the development of world and Russian society. The article substantiates the thesis that through the digital management of society and the economy, transnational elites have the potential to establish global world governance in the long term. However, according to the author, such a prospect is not deterministic, but is only one of the options for the future development of mankind. The paper also reveals some features of the modern Russian digital transformation, examines the possibilities of the emergence of the Russian digital elite. *Results.* According to the results of the study, it is concluded that the formation of the digital elite occurs as a result of the gradual transformation of the ruling national and transnational elites, their transition to digital management technologies.

Key words: digital elite, digital society, economic and social management, corporations, IT companies, power in a digital society.

Citation. Kochetkov A.P. Formation of the Digital Elite As a New Stratum of the Global Information Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 198-212. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17>

УДК 321.01:316.344.42
ББК 66.02

Дата поступления статьи: 11.02.2021
Дата принятия статьи: 29.07.2021

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭЛИТЫ
КАК НОВОЙ СТРАТЫ ГЛОБАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Александр Павлович Кочетков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса формирования цифровой элиты, определяет закономерность и закономерность ее появления как новой страты глобально-информационного общества. В работе показано, что исследование процесса формирования цифровой элиты, усиления ее властного потенциала является актуальным и в то же время сложным, не имеющим однозначных суждений в современной политической науке, требует роста внимания российского государства проблемам информационной безопасности и защиты информационного суверенитета. При подготовке статьи автор опирался на концепцию глобально-информационного общества, а также системный анализ цифрового общества и его страт. Использовались методы сравнительного анализа, структурно-институционального подхода и научного прогнозирования. Автор рассматривает общие тенденции генезиса глобального цифрового общества, современного этапа развития человечества, определяет сущность и основные черты новой формирующейся социальной страты этого общества – транснациональной цифровой элиты, ее значение и влияние на развитие мирового и российского социума. В статье обосновывается тезис о том, что посредством цифрового управления обществом и экономикой транснациональные элиты имеют потенциальную возможность в долгосрочной перспективе установить глобальное мировое управление. Однако, по мнению автора, такая перспектива не детерминирована, а является лишь одним из вариантов будущего развития человечества. В работе раскрываются также некоторые особенности современной российской цифровой трансформации, рассматриваются возможности появления российской цифровой элиты. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что формирование цифровой элиты происходит в результате постепенной трансформации правящих национальных и транснациональных элит, перехода их на цифровые технологии управления.

Ключевые слова: цифровая элита, цифровое общество, управление экономикой и обществом, корпорации, IT-компании, власть в цифровом обществе.

Цитирование. Кочетков А. П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 198–212. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17>

Введение. Сегодня цифровые технологии стали повседневной частью экономической, политической и культурной жизни во всем мире. Технологические инновации теперь окружают нас повсюду – от дронов и распознавания голоса до виртуальных помощников и программного обеспечения для перевода. Наши мобильные устройства стали постоянной и неотъемлемой частью нашей личной и профессиональной жизни. Автоматизация и роботы реконфигурируют способ работы экономики и бизнеса с ошеломляющей скоростью и доходностью в масштабах, немыслимых всего несколько лет назад. Инновации в генетике с появлением синтетической биологии на горизонте также являются захватывающими, прокладывая путь для новаторских разработок в области здравоохранения.

На новой технологической основе происходит развитие общества в целом. В ходе цифровой трансформации с использованием нанотехнологий происходит становление новых экономических отношений на основе цифровой экономики. С помощью организации деятельности цифрового правительства предпри-

нимается попытка перехода к новому качеству государственного и общественного управления, формируется новая высокотехнологичная цифровая инфраструктура.

С наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации.

Становление цифрового общества находится в центре внимания российских и зарубежных ученых (см.: [1; 8; 13; 15; 27; 29; 30; 32; 34; 40; 42; 43]). Появились первые исследования, посвященные цифровой элите [2; 14; 28; 35]. Однако данная проблема остается в политической науке изученной явно недостаточно.

Какие изменения под воздействием развития нового цифрового общества произойдут в правящей элите? В чем сущность и закономерность появления цифровой элиты? Какими методами она станет управлять новым цифровым обществом? Данная статья призвана внести свой вклад в ответ на эти вопросы.

Методы и материалы. Методология исследования базируется на концепции глобально-информационного общества, а также системной парадигме, рассматривающей цифровое общество и его страты как целостный, сложно организованный механизм.

В рамках написания данной работы были применены методы сравнительного анализа, структурно-институционального подхода и научного прогнозирования. Метод сравнительного анализа позволил исследовать влияние транснациональной цифровой элиты на развитие глобального и российского социума, определить разную степень этого влияния, возможности российских правящих элит обеспечивать становление независимой российской цифровой трансформации.

На основе структурно-функционального подхода рассмотрены имеющиеся на сегодняшний день институты цифрового информационного вмешательства (крупнейшие мировые IT-компании) и их практическая деятельность по установлению своего информационно-цифрового господства в современном мире.

Опираясь на метод научного прогнозирования, автор высказал ряд суждений о перспективах установления глобального, информационно-цифрового управления мировым социумом.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы аналитические материалы зарубежных и российских экспертов, официальные материалы государственных органов власти Российской Федерации и зарубежных стран, материалы российской и иностранной прессы, заявления и суждения представителей транснациональных элит по обозначенной в работе тематике.

Анализ. Переход к глобальному цифровому обществу. В настоящее время мировое глобально-информационное общество переходит в новую фазу своего развития – цифровое общество. В нем все основные социальные коммуникации осуществляются в киберпространстве на основе сложных цифровых технологий и техники [5], что во многом переформатирует сознание людей, приводит к его унификации на базе цифровой парадигмы. Специалисты считают, что в основе цифрового общества находятся сложные цифровые технологии; общение людей осуществля-

ется в основном в киберпространстве; значительное влияние на развитие экономики и формирование сознания оказывают цифровые средства коммуникации; цифровые технологии превращаются в неотъемлемую часть современной культуры и образования [13; 15].

В современную эпоху кардинальные изменения в экономике, социальной сфере происходят в кратчайшие сроки, которые приводят к исчезновению одних и появлению других, совершенно новых профессий. Сегодня многие люди уже не ограничиваются получением одного образования на всю жизнь, а вынуждены постоянно учиться чему-то новому, часто меняя профессию. При этом количество и спектр проблем, которые надо срочно решать, постоянно возрастает и требует соответствующих новых знаний и умений человека.

По мнению М. Кастельса, в основе цифровой коммуникации лежит сетевая структура, придающая информации особое значение, что во многом изменяет жизнедеятельность людей во всех сферах социума. Формирующееся цифровое общество структурируется так, что «генерирование, обработка и передача информации» становятся «фундаментальными источниками производительности и власти» [8, с. 42–43].

С переходом к цифровой эпохе государственным организациям приходится накапливать, обрабатывать и хранить огромные объемы информационных данных, которые используются для принятия государственных решений. Отношения между властью и гражданским обществом все чаще приобретают «цифровой» характер.

В различных странах мира идет процесс становления цифрового правительства как следующий этап развития электронного правительства. Для него характерны такие признаки, как открытость, доступность, прозрачность, удобство и простота использования. На практике деятельность цифрового правительства экономит ресурсы, минимизирует административные методы работы чиновников государственного аппарата, так как при цифровом правительстве граждане не имеют прямых контактов с ними, а основные транзакции идут через Интернет. Данный фактор может позитивно повлиять на снижение коррупции государственного аппарата [11].

Вступление человечества в эпоху цифрового общества вносит свои коррективы в методы и способы социального управления. Взаимодействие государства и граждан все чаще осуществляется на основе информационных технологий и потенциально увеличивает для граждан возможности посредством их выразить свое мнение и высказываться по широкому спектру социальных проблем. Возрастание объемов коммуникации граждан с властью позитивно влияет на расширение возможностей открытого принятия всеми органами государственной власти управленческих решений [34].

СМК расширяют возможности общественности открыто оценивать эффективность работы отдельных политиков и власти в целом. В этих условиях увеличивается влияние социально активных граждан на принятие государственных управленческих решений, использующих СМК для выражения своего мнения.

В то же время уже сегодня ясно, что цифровое общество несет в себе ряд проблем и рисков, о чем пишут многие специалисты различных стран мира. Например, Локман Цуй, профессор Школы журналистики и коммуникации Китайского университета Гонконга, ранее возглавлявший подразделение Google по вопросам свободы слова в Азии и Тихоокеанском регионе, предупреждает: «Политическая экономия новых технологий, которые появляются на горизонте, заставляет меня беспокоиться о том, как они повлияют на демократию и ее институты. Во-первых, многие новые технологии, включая искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные, носят закрытый и централизованный характер. В отличие от открытого Интернета до этого, эти технологии являются закрытыми и централизованными как с точки зрения технического проектирования, так и с точки зрения бизнес-модели. Во-вторых, новые технологии не только не помогают демократии, но и по своей задумке также помогают и укрепляют недемократические государства для дальнейшей цензуры и наблюдения» [39]. Джефф Джонсон, профессор информатики Университета Сан-Франциско, опасается, что сегодняшние социальные сети поощряют распространение непроверенной информации, что может исказить политику и выборы [39]. Марк

Рэймонд, доцент кафедры международной безопасности Университета Оклахомы, утверждает: «В течение следующих 30 лет демократия столкнется как минимум с тремя видами технологических рисков. Во-первых, фактическое или очевидное манипулирование данными и системами голосования со стороны государственных субъектов, скорее всего, подорвет доверие к демократическим процессам. Во-вторых, манипуляции в социальных сетях (со стороны государства, политических кампаний и других негосударственных субъектов) усугубят эффект эхо-камеры и увеличат поляризацию общества. Снижение доверия усугубит социальный конфликт, в том числе конфликт из-за выборов. В-третьих, “дипфейки” подорвут доверие даже к видеотчетам СМИ» [39].

До конца не понятно, насколько затронут интересы основной части граждан бизнес-интересы тех, кто стоит за развитием интернет-продуктов? Не окажется ли цифровое волеизъявление навязанной властью услугой в своих интересах, поскольку цифровую демократию можно использовать для сохранения и усиления неравенства между теми, кто управляет интернетом, и теми, кто его лишен? (подробнее см.: [11]).

Цифровая элита: концептуальные основы. Цифровое общество – это технократическое общество, в котором наиболее важным становятся не только собственность, деньги, а обладание технологиями, умение их создавать, осуществлять с их помощью контроль за развитием экономики и общества. В цифровом обществе чрезвычайно возрастает роль субъекта передачи и контроля информации, что дает этому субъекту по существу огромную власть в мировом социуме и объективно способствует формированию новой правящей элиты. Это – цифровая элита, то есть социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Концептуальное понимание цифровой элиты разработано еще недостаточно. Так, швед-

ские исследователи А. Бард и Я. Зодерквист считают, что одна четвертая мирового сообщества, сетевое общество, стоит на вершине мировой пирамиды и управляет остальной частью мира, традиционным обществом, находящимся на доиндустриальной или индустриальной стадии развития и занимающим нижние этажи этой пирамиды. В верхней части пирамиды нетократы (нетократия от англ. net – сеть и греч. kratos – власть) производят и потребляют знания, тогда как те, кто находится на нижних этажах мировой пирамиды консьюмериа (потребители), в основном только потребляют информацию в тех объемах, которую им предоставляет нетократия [2]. Иными словами, согласно взглядам А. Барда и Я. Зодерквиста в будущем глобальном сетевом обществе правящим классом станет нетократия (цифровая элита. – А. К.), которая будет курировать все основные информационные сети на основе цифровых технологий и применять цифровые методы управления.

Как соотносится цифровая элита с иными видами элит? Во-первых, она не будет носить региональный характер. Ее влияние будет распространяться как минимум на национальный уровень, но во многом станет носить транснациональный характер. Во-вторых, современная транснациональная элита, которая стоит во главе транснациональных бизнес-сообществ и стремится создать наднациональные структуры экономической и политической власти, постепенно переходит на новые цифровые формы и методы управления, то есть становится цифровой элитой.

По мнению некоторых исследователей, одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создаст условия для расширения правящей элиты за счет включения в ее состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Эти новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении [35].

Концепция возрастания роли управляющего менеджмента в экономике и государственном управлении появилась еще в 40-х гг. прошлого века. Впервые ее сформулировал Джеймс Бэрнхем в 1941 г. в своей книге «Уп-

равленческая революция. Что происходит в мире» [38]. Его основная мысль заключалась в том, что в капитализм постепенно трансформируется в менеджериальный строй, реальная власть в котором в экономике и политике сосредоточится в руках управленцев предприятия, а не их юридических собственников [38, р. 71–72, 132–138.]. В дальнейшем эту мысль развивали такие видные теоретики западного мира, как П. Друкер, Т. Парсон, Д. Белл, Р. Дарендорф и др.

В настоящее время этой концепции придерживается, например, Майкл Линл, который считает, что господство менеджериального класса распространилось также на сферу культуры и образования [41].

Конечно, в цифровом обществе значение креативных работников, создающих новые технологии, значительно возрастает. В последние десятилетия в IT-корпорациях появились такие фигуры, претендующие на то, чтобы их называть цифровыми элитами, как Эрик Шмидт – топ-менеджер Google, Джон Томпсон – топ-менеджер Microsoft и другие. Однако они не являются основными владельцами своих компаний и не принимают главные решения по важнейшим вопросам их деятельности, а значит, не оказывают определяющего влияния на управление социально-экономическими процессами. Эти функции остаются у основных владельцев СМК, которые могут считаться или не считаться с мнением любого креативного эксперта, а при необходимости применять различные рычаги воздействия на него даже могут его заменить.

Поэтому, на наш взгляд, под дефиницией «цифровые элиты» необходимо понимать, прежде всего, владельцев транснациональных IT-компаний, которые господствуют на мировом IT-пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. Отдельные представители креативных топ-менеджеров крупнейших мировых IT-корпораций могут войти в состав формирующейся цифровой элиты. Однако ее основу составят, прежде всего, хозяева этих корпораций. Кто эти люди? Это Ларри Пэйж, основатель Google, личное состояние которого – около 50 млрд долларов. Марк Цукерберг, основатель Facebook, состояние которого оценивалось в 62,3 млрд долларов.

Ларри Эллисон, основатель компании Oracle, лидера в сфере разработки ПО. Стоимость компании на 2019 г. оценивается почти в 190 млрд долл., а личное состояние Ларри Эллисона – в 62,5 млрд. Состояние основателя Microsoft Билла Гейтса на сегодняшний день – 96,5 млрд долларов. Наконец, это Джеф Безос, основатель Amazon, крупнейшего в мире онлайн-магазина книг. Его личное состояние оценивается в 131 млрд долларов. Amazon предлагает также услуги в сфере облачных технологий, производит бытовую электронику, снимает сериалы, занимается публицистической деятельностью [20]. По подсчетам экспертов The Wall Street Journal совокупный доход пяти крупнейших IT-компаний мира (Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon и Facebook), обусловленный массовым переходом людей на удаленку и онлайн-покупки на фоне пандемии коронавируса, увеличился в 2020 г. до 1,1 трлн долл., совокупная выручка выросла на 20 %, а прибыль за тот же период увеличилась на 24 %. Общая рыночная капитализация пяти крупнейших IT-компаний за время пандемии и вовсе подскочила до 8 трлн долл. [6].

Современный анализ пользовательской активности в социальных сетях говорит о том, что интернет-пользователи в основном используют продукцию этих IT-гигантов, что устанавливает их гегемонию и позволяет крупнейшим IT-компаниям монополично определять всю политику на информационном рынке. При этом особый интерес вызывает тот факт, что указанные выше формальные владельцы ведущих мировых IT-гигантов не являются основными их собственниками. В действительности они принадлежат узкой группе собственников, имена которых иногда не известны. Так, например, крупнейший американский инвестиционный фонд Vanguard Group сконцентрировал в своем портфеле крупные пакеты акций Amazon, Microsoft, Apple, Facebook, Google, Visa и др. Активы компании достигли отметки в 4,5 трлн долларов. Под ее контролем находятся 370 фондов по всему миру, при этом имена конечных бенефициаров этого фонда официально не разглашаются [9; 10; 25; 30].

В числе основных акционеров технологических мировых гигантов присутствуют и такие инвестиционные фонды, как BlackRock, имеющий в управлении средства

в 7,5 трлн долл., и State Street Corporation с активами более 3 трлн долларов. После создания в 2015 г. холдинга Alphabet, в который вошел Google и все его дочерние компании, его основными акционерами стали Vanguard Group с более чем 40 млн акций и BlackRock, которому принадлежат 25,1 млн акций [19; 36].

Три крупнейших, указанных выше мировых фонда параллельно владеют частью акций друг друга. В итоге группа формально различных компаний, тесно переплетенная, аккумулировала около 20 (или более) трлн долл. и контролирует не только американскую, но и во многом мировую технологическую сферу [36].

Все это ставит серьезную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Ее высокий статус станет определяться не прежними критериями – достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными IT-ресурсами, технологиями и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, так как ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур.

Управление экономикой и обществом цифровыми элитами. В современном мире значительно возросло влияние корпоративных элит, власть которых приобретает глобальный характер [12]. Они стремятся создать органы наднационального правления. Об этом еще в 1993 г. говорил Д. Рокфеллер, который считал наднациональную власть мировых банкиров, мировой интеллектуальной элиты более приемлемой, чем устаревшее правление национальных государственных образований [24].

В 2020 г. основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб выпустил книгу «COVID-19: The Great Reset», в которой открыто обнародовал стратегические планы глобалистов [44]. По его мнению, пандемия COVID-19 – это «уникальное окно возможностей», которым необходимо воспользоваться, чтобы перевести человечество на новые принципы существования, чтобы «смоделировать новый мир». Необходимо перейти от прежнего капитализма собственников и традицион-

ной экономики к новому капитализму без частной собственности («капитализм участников»), основанному на централизации и глобализации экономики, в которой главную роль будут играть транснациональные корпорации. Это предполагает отказ от Бреттон-Вудской валютной системы, введение повсеместно цифровой криптовалюты и отмену наличных денег; роботизацию труда; широкое внедрение системы 5G для отслеживания информационных потоков, в первую очередь связанных с движением криптовалюты и процессов, происходящих в организме человека; формирование глобальной системы здравоохранения (регулярное тестирование, обязательная вакцинация, сопровождающаяся цифровой идентификацией и выдачей санитарного паспорта), позволяющая создать систему глобального контроля населения с использованием цифровых технологий, в том числе и распознавания лиц [44, р. 23, 24, 116–122].

Смысл Великой Перезагрузки – создание в конечном счете единого глобального центра управления [44, р. 86, 87]. Как он будет организован: по типу глобальной мегакорпорации, управляющей по сетевому принципу всем миром, или каким-то иным образом – в научной литературе нет единой точки зрения. Вот как себе это представляет Жак Аттали, один из ведущих идеологов современного мирового глобализма: «Основой станет ООН, роль планетарной конституции сыграет дополненный и расширенный Устав ООН. Конституция приобретет наднациональный характер. В ее преамбуле будут перечислены все права и обязанности по отношению к природе, другим людям и жизни; также в нее войдут новые права, не предусмотренные действующим Уставом, например, будет регламентировано основополагающее право на детство, которое подразумевает родительский долг. Другие права и обязанности будут касаться охраны жизни, природы и многообразия, определяют границы рынка, за которые ему нельзя переступать. Генеральная Ассамблея ООН будет опираться на поддержку двух палат – палаты, представляющей каждую страну-участницу равным количеством депутатов, и палаты, куда войдут торговые и социальные организации. Планетарный парламент установит всемирные налоги, исходя из ВВП каждой

страны, ее затрат на вооружение и выбросов парникового газа. Совет безопасности ООН объединится с “Большой восьмеркой”. К нему присоединятся Индия, Бразилия и Индонезия, в его состав войдут представители всех континентальных союзов. Совбез будет контролировать мировое правительство, которое сформируется вокруг генерального секретаря и сконцентрирует свое внимание на защите человечества, будет диктовать общественные нормы, постепенно вводя новые законы по всему миру и на всех предприятиях. Каждый будет должен считаться с мнением планетарного правительства. Оно заставит каждого выполнять его указания» [1, с. 184, 185].

Управление в цифровом обществе будет, скорее всего, децентрализованным, поскольку это придаст большую устойчивость властной пирамиде, основу которой составят в основном временные союзы, а не будет исходить из какого-то конкретного мирового центра. Такая власть станет более незаметной, менее контролируемой со стороны гражданского общества, ее трудно будет критиковать, с ней сложнее будет бороться. Все это открывает возможность для нетократов социального управления любыми, в том числе и жесткими авторитарными методами, например исключать из сетей нарушителей установленных ею правил, ограничивать для них доступ к информации, что неизбежно приведет к резкому понижению их социального статуса и уровня жизни.

Цифровая нетократическая элита в цифровом обществе станет не только определять уровень потребления всех членов общества, но и устанавливать законы социального общежития, а также контролировать их исполнение. При этом решение основных вопросов функционирования сетевого социума будет носить во многом латентный характер.

Так, согласно взглядам глобалистов, в будущем может сложиться структура сетевой власти в цифровом обществе. Однако, по нашему мнению, в среднесрочной перспективе транснациональная цифровая элита вряд ли сможет установить свое глобальное господство, так как национальные государства, такие как США, Китай, Россия, еще определенное время останутся ведущими акторами мировой социальной эволюции. Китай, напри-

мер, в области создания цифровой валюты опережает сегодня весь мир [44, р. 120]. Этот фактор признают и идеологи глобализма, такие как К. Шваб, который в своей книге прямо утверждает, что без совместных усилий всех основных государств мира, добровольно признающих преимущества глобального управления, планы глобалистов осуществить не удастся [44, р. 87].

В цифровом обществе усилится борьба за средства производства общественного мнения, а не за средства материального производства [42, р. 116]. Концентрация основных источников информации, информационных потоков в руках цифровой элиты, на наш взгляд, усилит целенаправленное ее воздействие на массовое сознание, которое она станет использовать в политических целях. Так, например, 6 января 2021 г. аккаунты даже действующего на тот момент президента США Дональда Трампа в Twitter, Facebook и Instagram были заблокированы после начала беспорядков у Капитолия по собственному усмотрению руководства этих IT-гигантов [33].

Наиболее вероятно, что в цифровом обществе сохранится информирование его членов в основном по официальным каналам, что дает возможность достаточно небольшой группе нетократов навязывать свою волю остальным членам цифрового сообщества.

Режим управления новой цифровой элиты будет сочетать методы и способы согласования путем переговоров интересов основных акторов цифрового общества с оказанием на них давления (в исключительных случаях, даже силового) для принятия выгодных для цифровой элиты решений.

Есть ли цифровая элита в России?

Сегодня в российском обществе существует реальная необходимость инновационного развития, ликвидации технологического отставания России от ведущих мировых держав. Многие социально-политические проблемы России не могут быть решены без использования новейших инновационных технологий, от развития которых в настоящее время зависит не только способность России ответить на глобальные вызовы современности, но и ее выживание в условиях экономической войны, которую развернул против нас Запад во главе с США.

Цифровизация предусматривает построение и развитие «цифровых городов», вся жизнедеятельность которых построена на использовании инновационных, цифровых технологий. Данная проблема является глобальной, поскольку уже сегодня по прогнозам ООН к 2050 г. в городах будет жить 66 % населения мира [45].

В последние годы в области IT-технологий у России есть некоторые успехи. Так, в результате предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде значительно увеличилось число контактов российских граждан с органами государственной власти. У российского портала госуслуг самый большой трафик среди всех государственных порталов в мире – около 1 млрд посещений в 2018 г., а мобильное приложение «Госуслуги» скачано примерно 30 млн раз. В ЕСИА зарегистрировано 80 млн учетных записей, в том числе 52 млн подтвержденных, в системе проходит 4,5 млн авторизаций в сутки. Через СМЭВ ежедневно проходит 100 млн защищенных, юридически значимых транзакций [37].

По данным ООН Индекс развития электронного государства в 2018 г. в России вырос на три позиции – с 35-го до 32-го места – и впервые вошел в группу стран с очень высоким показателем по индексу развития электронного правительства [21].

Поскольку Россия не такая богатая страна, как Китай или США, то в 2020 г. в России бюджетные расходы на НИОКР составили всего около 519 млрд руб. (7 млрд долл.), в 2021 г. и того меньше – 486 млрд руб. (Китай потратил в 2020 г. на эти цели 378 млрд долл.) [17]. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, Россия тратит на разработки в области искусственного интеллекта около 3 млрд руб., или примерно 40 млн долл., тогда как в США в 2020 г. вложения в ИИ составили около 6 млрд долл., а в Китае – около 14,3 млрд долларов. «Отсюда следует, что финансирование ИИ в России примерно в 350 раз меньше, чем в Китае», – сказано в докладе [17].

Россия имеет свои IT-компании, такие как Mail.Ru Group, Cognitive Technologies (разработки систем искусственного интеллекта для беспилотного транспорта), Grabr (ин-

тернет-сервис любых доставок) и др. [7]. Однако есть ли в современной России крупные IT-корпорации, которые, кроме государства, контролируют или способны контролировать основные информационные потоки? Скорее всего, нет, так как по своему информационно-техническому развитию Россия находится на более низком технологическом уровне, чем наиболее развитые страны мира, не имеет, например, отечественного интернета. Даже Яндекс, созданный российскими гражданами, с 2012 г., находится под сильным влиянием иностранных акционеров [18].

В современной России только формируются условия для появления отечественной цифровой элиты, способной обеспечить технологическое и политическое обновление страны в соответствии с вызовами глобально-информационного общества и конкурировать с транснациональными цифровыми элитами. В отличие от развитых западных стран, процесс становления в нашей стране цифрового общества находится в основном под контролем государства. В 2018 г. в России было реорганизовано Министерство цифрового развития, которое координирует деятельность всех субъектов государственной власти и общества в этом направлении. Выступая на Валдайском форуме в октябре 2020 г., Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин определил цифровую трансформацию как вообще базовое условие для прорывного развития страны [16].

В то же время в России начался эксперимент по передаче основных цифровых баз данных Сбер – одной из крупнейших российских государственных корпораций. В 2020 г. Сбер по конкурсу Минцифры РФ стал оператором единой цифровой платформы «Гостех», на которой будут представлены различные сервисы, такие как оформление аренды государственного имущества, постановка недвижимости на кадастровый учет, выдача цифрового полиса обязательного медицинского страхования [26].

Из-за угроз отключения РФ от системы международных расчетов SWIFT еще осенью 2019 г. появилась информация, что Россия, Китай и Индия ведут работу над созданием альтернативы межбанковской системе SWIFT для упрощения торговли со странами, в отношении которых действуют санкции США.

В начале 2021 г. заместитель министра иностранных дел РФ Александр Панкин не исключил создание в России альтернативной SWIFT платежной системы на новой технологической основе [4].

В начале апреля 2021 г. Роскомнадзор потребовал от Facebook снять ограничения с трансляции, которая посвящена 60-летию полета в космос первого космонавта Юрия Гагарина, назвав подобные действия американской социальной сети нарушением ключевых принципов свободного распространения информации, а также актом цензуры, который ограничивает доступ к материалам о достижениях России в космосе [22].

В апреле 2021 г. Федеральная антимонопольная служба возбудила дело в отношении Google, обвинив его в цензуре из-за ограничения доступа к контенту российских СМИ. В России принят закон о праве РКН блокировать иностранные интернет-площадки за проявление цензуры к контенту, значимому для России, или дискриминацию российских СМИ [31].

В январе 2021 г. правительство РФ утвердило перечень российских программ для предустановки на продаваемые в России смартфоны, компьютеры и умные телевизоры с 1 апреля 2021 года. Например, для планшетов и смартфонов с Android и iOS должны предустанавливаться в том числе «Яндекс.Браузер», поисковик «Яндекс», «Почта Mail.ru», «Новости Mail.ru», «Госуслуги» и другие [3]. «Ростех» начал работу по формированию консорциума разработчиков оборудования для сетей 5G, к участию в котором предполагается привлечь всех заинтересованных в этом российских разработчиков [23].

Таким образом, в процессе развития цифрового общества в России разворачивается борьба между международными IT-гигантами и российскими государственными корпорациями за контроль над его формированием, а сама российская цифровая элита может вырасти, прежде всего, из современных российских правящих элит.

Результаты. Проведенное исследование показало, что на современном этапе развития глобально-информационного общества в связи с огромным ростом значения цифровых технологий и превращением информации в ведущий фактор общественного развития ак-

тивно идет процесс формирования цифровых элит, контролируемый последними. Это осуществляется под воздействием перехода человечества в новую фазу своего развития – глобальное цифровое общество, в ходе которого происходит качественное изменение роли и функций правящих элит, транснациональных и национальных, усиление их цифровой составляющей.

Однако возможность практической реализации планов глобального цифрового управления вызывает много вопросов и ставит ряд проблем, которые еще нуждаются в дальнейшем исследовании. Во-первых, технологически установить глобальное цифровое управление будет чрезвычайно сложно, так как для этого необходимо создание глобальной, хорошо отлаженной и чрезвычайно дорогостоящей системы, которая будет постоянно подвергаться рискам серьезных сбоев в своей работе, что может иметь серьезные, даже катастрофические последствия. Смогут ли правящие элиты во всем мире пойти на эти колоссальные траты при отсутствии решения многих глобальных проблем? Подобный подход, безусловно, вызовет сильное противодействие во многих странах и способен только обострить социально-экономическую ситуацию в мире. Во-вторых, для реализации идеи глобального цифрового управления потребуется огромное количество энергии, производить которую в таких количествах современные гидроэлектростанции не в состоянии, да и стоимость этой энергии многократно возрастет для потребителей (предприятий и частных лиц), что будет большинству не по карману. Переход же на новые источники энергии, основанные, например, на нанотехнологиях, существующих сегодня во многом как экспериментальные, в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе является весьма сомнительным и во многом непонятным. Насколько реален такой переход во временной промежуток в 30–40 лет, как об этом пишут глобалисты, должен показать дальнейший научный анализ данной проблемы. И, наконец, насколько появление цифровой элиты, методы и способы ее управления будут отвечать интересам всего общества или хотя бы большинства членов мирового социума? Не установится ли власть глобальной узкой группы

цифровой элиты, интересы и деятельность которой во многом станут противоречить интересам основных общественных страт? В этом случае неизбежен не просто конфликт интересов, а создание такого социального устройства, при котором все предшествующие социальные гарантии и договоренности будут упразднены. В результате произойдет ломка мирового общественного порядка, что сделает возможным любые социальные конфликты, войны и разрушения, опасные для всего человечества.

Поэтому вопреки широко распространенному мнению о краткосрочном периоде данной глобальной цифровой трансформации этот переход займет значительный исторический период и встретит неоднозначное восприятие, в большей степени негативное среди широких кругов мировой общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агтали, Ж. Краткая история будущего / Ж. Агтали // Мир в ближайшие 50 лет. – СПб. : Питер, 2014. – 244 с.
2. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зюдерквист. – СПб. : Стокгольм. шк. экон., 2004. – 252 с.
3. «Ведомости»: российские программы для предустановки появятся на устройствах Apple. – 2021. – 18 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/10909671?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.05.2021). – Загл. с экрана.
4. В МИД РФ допустили создание альтернативы системе SWIFT. – 2021. – 5 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/45822979/?frommail=1> (дата обращения: 11.04.2021). – Загл. с экрана.
5. Добринская, Д. Цифровое общество в социологической перспективе / Д. Добринская // Вестник МГУ. Серия 18, Социология и политология. – 2020. – № 25 (4). – С. 175–192.
6. Доходы пяти крупнейших IT-компаний мира выросли до \$1,1 трлн на фоне пандемии. – 2021. – 7 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm> (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.
7. Знай своих миллиардеров. Российские IT гиганты, которых Вы, скорей всего, не замечали за «Яндексом» и «Mail.ru». – 2020. – 2 июля. – Элект-

рон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://life.ru/p/1331826> (дата обращения: 14.08.2020). – Загл. с экрана.

8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

9. Катасонов, В. Кто в Америке хозяин – президент или компании Силиконовой долины? / В. Катасонов. – 2020. – 7 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozjain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html> (дата обращения: 17.02.2021). – Загл. с экрана.

10. Кошельник, Д. От одного из первых индексных фондов до компании с активами в триллионы долларов / Д. Кошельник. – 2017. – 14 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story> (дата обращения: 01.02.2021). – Загл. с экрана.

11. Кочетков, А. П. Роль цифрового правительства в повышении эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в современной России / А. П. Кочетков // Politbook. – 2020. – № 2. – С. 6–24.

12. Кочетков, А. П. Транснациональные элиты в глобальном мире / А. П. Кочетков – М. : Аспект Пресс, 2020. – 208 с.

13. Кригер, Е. Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем / Е. Э. Кригер // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2018. – № 4 (14). – С. 29–39.

14. Крыштановская, О. В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху / О. В. Крыштановская // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 4–11. – DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11.

15. Макаров, В. Л. Перспективы цифровизации современного общества / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, М. А. Бурилина // Экономика и управление. – 2017. – № 11. – С. 4–7.

16. Михаил Мишустин принял участие в работе специальной сессии XVII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2020. – 20 окт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://government.ru/news/40649/> (дата обращения: 04.02.2021). – Загл. с экрана.

17. Морозов, М. Мир высоких технологий: Китай тратит деньги на изобретения, а Россия на что? / М. Морозов. – 2021. – 9 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/world/article/297807> (дата обращения: 24.05.2021). – Загл. с экрана.

18. Оппенгеймеры самые большие владельцы Yandex. – 2015. – 17 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html> (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

19. Почему Alphabet торгуется под двумя тикерами, и какой из них выбрать? – 2019. – 8 мая. –

Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ru.investing.com/analysis/article-200253846> (дата обращения: 12.05.2021). – Загл. с экрана.

20. 5 самых богатых IT-предпринимателей мира. – 2019. – 1 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/coffeeriu/5-samyh-bogatyh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2> (дата обращения: 05.03.2021). – Загл. с экрана.

21. Рейтинг электронного правительства ООН (EGDI). – 2020. – 20 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 12.07.2021). – Загл. с экрана.

22. Роскомнадзор требует от Facebook снять ограничения с трансляции про Юрия Гагарина. – 2021. – 10 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/4253742/> (дата обращения: 14.04.2021). – Загл. с экрана.

23. «Ростех» формирует консорциум производителей 5G. Госкорпорация планирует стать основным игроком российского рынка связи следующего поколения. – 2021. – 31 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/01/31/856100-rosteh-formiruet> (дата обращения: 12.05.2021). – Загл. с экрана.

24. Савельева, Т. Самые емкие цитаты Дэвида Рокфеллера о бизнесе, политике и об обществе / Т. Савельева. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pre-party.com.ua/con-tent/entry/samye-emkie-citaty-devida-rokfellera-o-biznese-politike-i-ob-obsesvte> (дата обращения: 07.02.2021). – Загл. с экрана.

25. Сангалова, И. Разбираем портфель гуру: 10 акций от Vanguard легендарного Джона Богла / И. Сангалова. – 2020. – 19 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f0da8939a79473d351c44b9> (дата обращения: 06.01.2021). – Загл. с экрана.

26. «Сбер» выиграл конкурс Минцифры по определению оператора «Гостеха». – 2020. – 8 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.02.2021). – Загл. с экрана.

27. Сибел, Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху: [16+] / Т. Сибел ; пер. с англ. Ю. Гиматовой ; предисл. Г. Грефа, президента, председателя правления Сбербанка России. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 253 с.

28. Славин, Б. На обочину истории. Цифровая эпоха требует смены элит / Б. Славин. – 2019. – 16 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/forbes.ru/nabochinu-istorii-cifrovaia-epoha-trebuetsmeny-elit-5c3f3b525f42c400a9ffea77> (дата обращения: 06.02.2021). – Загл. с экрана.

29. Тапскотт, Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Д. Тапскотт ; пер. с англ. И. Дубинского ; под ред. С. Писарева. – Киев : ITN Пресс ; М. : Рефл-бук, 1999. – 403 с.

30. Теневые хозяева Google, Microsoft, Facebook, Apple... Кому служат мировые IT-гиганты? – 26 августа 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://svsx.livejournal.com/1136663.html> (дата обращения: 06.05.2021). – Загл. с экрана.

31. ФАС возбудила дело против Google. – 2021. – 19 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/762066> (дата обращения: 08.05.2021). – Загл. с экрана.

32. Филимонов, В. П. Цифровое общество и конец истории / В. П. Филимонов. – М. : Благословение : Техинвест-3, 2019. – 95 с.

33. Цензура (контроль и анонимность) в интернете. Мировой опыт. – 2021. – 26 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 07.02.2021). – Загл. с экрана.

34. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / А. И. Агеев [и др.] // Экономические стратегии. – 2017. – № 1. – С. 114–125.

35. Чапурко, Т. М. Зарождение «цифровой элиты» в процессе модернизации России Государственное и муниципальное управление / Т. М. Чапурко, И. И. Волошин, Я. Я. Чапурко // Ученые записки. Научный журнал на тему: Экономика и бизнес, Политологические науки, Социологические науки, Право, История и археология. – 2018. – № 1. – С. 144–151.

36. Эксперты: Технологические компании-гиганты управляются из единого центра. – 2021. – 13 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/13/eksperty-tehnologicheskie-kompanii-giganty-upravlyayutsya-iz-edinogo-centra> (дата обращения: 07.06.2021). – Загл. с экрана.

37. Электронное правительство – база для сервисного государства. – 2019. – 17 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/202292589> (дата обращения: 15.04.2021). – Загл. с экрана.

38. Burnham, J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World / J. Burnham. – N. Y. : Day, Cop., 1941. – 285 p.

39. Concerns About Democracy in the Digital Age by Janna Anderson and Lee Rainie. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

40. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation / К. Mossberger, С. J. Tolbert. – Cambridge : The MIT Press, 2007. – 221 p.

41. Lind, M. The New Class War: Saving Democracy From The Managerial Elite / M. Lind. – [S. l.] : Penguin Random House LLC, 2020. – 224 p. – Electronic text data. – Mode of access: https://celz.ru/michael-lind/580462-the_new_class_war.html (date of access: 20.05.2021). – Title from screen.

42. Martin, W. J. The Information Society / W. J. Martin. – L. : Aslib-Association for Information Management, 1988. – 174 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://globalizm.ucoz.ru/index/bilderberg/0-32> (date of access: 18.01.2021). – Title from screen.

43. O’Neil, C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy / C. O’Neil. – N. Y. : Crown Publishing Group, 2016. – 272 p. – DOI: <https://doi.org/10.5860/crl.78.3.403>.

44. Schwab, K. COVID-19: The Great Reset / K. Schwab, Th. Malleret. – Geneva : Forum Publishing, 2020. – 212 p. – Electronic text data. – Mode of access: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

45. World’s Population Increasingly Urban with More than Half Living in Urban Areas. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.un.org/en/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects-2014.html> (date of access: 12.02.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Attali Zh. Kratkaya istoriya budushhego [A Brief History of the Future]. *Mir v blizhajshie 50 let* [The World in the Next 50 Years]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2014. 244 p.

2. Bard A., Zyuderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravyashhaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [The New Ruling Elite and Life After Capitalism]. Saint Petersburg, Stokgolmskaya shkola ekonomiki, 2004. 252 p.

3. «Vedomosti»: *rossijskie programmy dlya predustanovki poyavyatsya na ustrojstvah Apple* [“Vedomosti”: Russian Programs for Pre-Installation Will Appear on Apple Devices], 2021, March 18. URL: https://tass.ru/ekonomika/10909671?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 11 May 2021).

4. *V MID RF dopustili sozdanie alternativnykh sistem SWIFT* [The Russian Foreign Ministry Acknowledged the Creation of an Alternative to the SWIFT System], 2021, April 5. URL: https://tass.ru/ekonomika/10909671?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 11 May 2021).

5. Dobrinskaya D. Cifrovoe obshchestvo v sociologicheskoy perspective [Digital Society:

A Sociological Perspective]. *Vestnik MGU. Seriya 18, Sociologiya i politologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 18. Sociology and Political Science], 2020, no. 25 (4), pp. 175-192.

6. *Dokhody pyati krupneyshikh IT-kompaniy mira vyrosli do \$1,1 trln na fone pandemii* [Revenues of the World's Five Largest IT Companies Rose to \$1.1 Trillion amid the Pandemic], 2021, February 7. URL: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm> (accessed 15 May 2021).

7. *Znay svoikh milliarderov. Rossiyskie IT giganty, kotorykh Vy, skorey vsego, ne zamechali za «Yandexom» i «Mail.ru»* [Know Your Billionaires. Russian IT Giants that you Most Likely Did not Notice Behind “Yandex” and “Mail.ru”], 2020, July 2. URL: <https://life.ru/p/1331826> (accessed 14 August 2020).

8. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow, GU VShE, 2000. 608 p.

9. Katasonov V. *Kto v Amerike khozain – prezident ili kompanii Silikonovoy doliny?* [Who is the Boss in America – The President or the Silicon Valley Companies?], 2020, August 7. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html> (accessed 17 February 2021).

10. Koshel'nik D. *Ot odnogo iz pervykh indeksnykh fondov do kompanii s aktivami v trilliony dollarov* [From One of the First Index Funds to a Company with Trillions of Dollars in Assets], 2017, July 14. URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story> (accessed 1 February 2021).

11. Kochetkov A.P. *Rol' tsifrovogo pravitel'stva v povyshenii effektivnosti vzaimodeystviya vlasti i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii* [The Role of Digital Government in Improving the Efficiency of Interaction Between Government and Civil Society in Modern Russia]. *Politbook*, 2020, no. 2, pp. 6-24.

12. Kochetkov A.P. *Transnatsional'nye elity v global'nom mire* [Transnational Elites in the Global World]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2020. 208 p.

13. Kriger E.E. *Kharakteristiki tsifrovogo obshchestva i printsipy obrazovaniya v nem* [Characteristics of the Digital Society and the Principles of Education in It]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [Bulletin of the RSUH. Series “Psychology. Pedagogy. Education”], 2018, no. 4 (14), pp. 29-39.

14. Kry'shtanovskaya O.V. *Elita v setyakh: novye formy obratnoy svyazi v tsifrovuyu epokhu* [Elite in Social Networks: New Forms of Feedback in the Digital Age]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2019, vol. 2, no. 2, pp. 4-11. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11.

15. Makarov V.L., Bahtizin A.R., Burilina M.A. *Perspektivy tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva* [Prospects of Digitalization of Modern Society]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2017, no. 11, pp. 4-7.

16. *Mikhail Mishustin prinyal uchastie v rabote spetsial'noy sessii XVII Ezhegodnogo zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai»* [Mikhail Mishustin Took Part in the Special Session of the 17th Annual Meeting of the International Discussion Club “Valdai”], 2020, October 20. URL: <http://government.ru/news/40649/> (accessed 4 February 2021).

17. Morozov M. *Mir vysokikh tekhnologiy: Kitay tratit den'gi na izobreneniya, a Rossiya na chto?* [The World of High Technologies: China Spends Money on Inventions, and Russia on What?], 2021, May 9. URL: <https://svpressa.ru/world/article/297807> (accessed 24 May 2021).

18. *Oppengeymery samye bol'shie vladel'tsy Yandex* [The Oppenheims are the Biggest Owners of Yandex], 2015, May 17. URL: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html> (accessed 2 February 2021).

19. *Pochemu Alphabet torguetsya pod dvumya tikerami, i kakoy iz nikh vybrat'?* [Why Does Alphabet Trade Under Two Tickers, and Which One to Choose?], 2019, May 8. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200253846> (accessed 12 May 2021).

20. *5 samykh bogatykh IT-predprinimateley mira* [The 5 Richest IT Entrepreneurs in the World], 2019, 1 July. URL: <https://zen.yandex.ru/media/coffeepiu/5-samyh-bogatykh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2> (accessed 5 March 2021).

21. *Reyting elektronnoy pravitel'stva OON (EGDI)* [The UN E-Government Rating (EGDI)], 2020, July 20. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (accessed 12 July 2021).

22. *Roskomnadzor trebuet ot Facebook snyat' ogranicheniya s translyatsii pro Yuriya Gagarina* [Roskomnadzor Demands that Facebook Remove Restrictions from the Broadcast About Yuri Gagarin], 2021, April 10. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4253742> (accessed 14 April 2021).

23. *«Rostekh» formiruet konsortsium proizvoditeley 5G. Goskorporatsiya planiruet stat' osnovnym igrokom rossiyskogo rynka svyazi sleduyushchego pokoleniya* [Rostec is Forming a Consortium of 5G Manufacturers. The State Corporation Plans to Become a Major Player in the Russian Next-Generation Communications Market], 2021, January 31. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/01/31/856100-rosteh-formiruet> (accessed 12 May 2021).

24. Savel'eva T. *Samye emkie tsitaty Davida Rokfellera o biznese, politike i ob obshchestve* [The Most Capacious Quotes of David Rockefeller About Business, Politics and Society]. URL: <https://pre->

party.com.ua/con-tent/entry/samye-emkie-citaty-devida-rokfellera-o-biznese-politike-i-ob-obshestve (accessed 7 February 2021).

25. Sangalova I. *Razbiraem portfel' guru: 10 aktsiy ot Vanguard legendarnogo Dzhona Bogla* [We Analyze the Portfolio of the Guru: 10 Shares from Vanguard of the Legendary John Bogle], 2020, July 19. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f0da8939a79473d351c44> (accessed 6 January 2021).

26. «Sber» vyigral konkurs Mintsifry po opredeleniyu operatora «Gostekh» [“Sber” Won the Competition of the Ministry of Finance to Determine the Operator of “Gostekh”], 2020, December 8. URL: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 8 February 2021).

27. Sibel T. *Tsifrovaya transformatsiya. Kak vyzhit' i preuspet' v novuyu epokhu: (16+)* [Digital Transformation. How to Survive and Succeed in the New Era (16+)]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2021. 253 p.

28. Slavin B. *Na obochinu istorii. Tsifrovaya epokha trebuetsmeny elit* [On the Roadside of History. The Digital Age Requires a Change of Elites], 2019, January 16. URL: <https://zen.yandex.ru/media/forbes.ru/na-obochinu-istorii-cifrovaia-epoha-trebuetsmeny-ELIT-5c3f3b525f42c400a9ffea77> (accessed 6 February 2021).

29. Tapskott D. *Elektronno-tsifrovoye obshchestvo: Plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta* [Electronic and Digital Society: Pros and Cons of the Age of Network Intelligence]. Kiev, ITN Press Publ.; Moscow, Refl-buk Publ., 1999. 403 p.

30. *Tenevye khozyaeva Google, Microsoft, Facebook, Apple ... Komu sluzhat mirovye IT-giganty?* [The Shadow Masters of Google, Microsoft, Facebook, Apple ... Who Do the World's IT Giants Serve?], 2020, August 26. URL: <https://lsvsx.livejournal.com/1136663.html> (accessed 6 May 2021).

31. *FAS vobudila delo protiv Google* [FAS Filed a Case Against Google], 2021, April 19. URL: <https://www.interfax.ru/russia/762066> (accessed 8 May 2021).

32. Filimonov V.P. *Tsifrovoye obshchestvo i konets istorii* [Digital Society and the End of History]. Moscow, Blagoslovenie Publ., Texinvest-3 Publ., 2019. 95 p.

33. *Tsenzura (kontrol' i anonimnost') v internete. Mirovoj opyt* [Censorship (Control and Anonymity) on the Internet. World Experience], 2021, January 26. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (accessed 7 February 2021).

34. Ageev A.I., Aver'yanov M.A., Evtushenko S.N., Kochetova S.Yu. *Tsifrovoye obshchestvo: arkhitektura, printsipy, videnie* [Digital Society: Architecture, Principles, Vision]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2017, no 1, pp. 114-125.

35. Chapurko T.M., Voloshin I.I., Chapurko Ya.Ya. *Zarozhdenie «tsifrovoy elity» v protsesse modernizatsii Rossii Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [The Origin of the “Digital Elite” in the Process of Modernization of Russia. State and Municipal Management]. *Uchenye zapiski. Nauchnyy zhurnal na temu: Ekonomika i biznes, Politologicheskie nauki, Sotsiologicheskie nauki, Pravo, Istoriya i arkheologiya* [Scientific Notes. Scientific Journal on the Topic: Economics and Business, Political Science, Social Science, Law, History, and Archeology], 2018, no 1, pp. 144-151.

36. *Eksperty: Tekhnologicheskie kompanii-giganty upravlyayutsya iz edinogo tsentra* [Experts: Technology Giant Companies are Managed from a Single Center], 2021, January 13. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/01/13/eksperty-tehnologicheskie-kompanii-giganty-upravlyayutsya-iz-edinogo-centra> (accessed 7 June 2021).

37. *Elektronnoe pravitel'stvo – baza dlya servisnogo gosudarstva* [E-Government is the Basis for the Service State], 2019, January 17. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/202292589> (accessed 15 April 2021).

38. Burnham J. *The Managerial Revolution. What is Happening in the World*. New York, Day, Cop., 1941. 285 p.

39. *Concerns About Democracy in the Digital Age by Janna Anderson and Lee Rainie*. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age> (accessed 5 April 2021).

40. Mossberger K., Tolbert C.J. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, The MIT Press, 2007. 221 p.

41. Lind M. *The New Class War: Saving Democracy From The Managerial Elite*. S. l., Penguin Random House LLC, 2020. 224 p. URL: https://celz.ru/michael-lind/580462-the_new_class_war.html (accessed 20 May 2021).

42. Martin W.J. *The Information Society*. London, Aslib-Association for Information Management, 1988. 174 p. URL: <http://globalizm.ucoz.ru/index/bilderberg/0-32> (accessed 18 January 2021).

43. O'Neil C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York, Crown Publishing Group, 2016. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.5860/crl.78.3.403>.

44. Schwab K., Malleret Th. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva, Forum Publishing, 2020. 212 p. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (accessed 5 April 2021).

45. *World's Population Increasingly Urban with More than Half Living in Urban Areas*. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects-2014.html> (accessed 12 February 2020).

Information About the Author

Alexander P. Kochetkov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovsky, 27, Bld. 4, 119991 Moscow, Russian Federation, arkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

Информация об авторе

Александр Павлович Кочетков, доктор философских наук, профессор кафедры российской политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119991 г. Москва, Российская Федерация, arkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

UDC 323.22

LBC 66.3(2Poc)

Submitted: 14.12.2021

Accepted: 19.01.2022

PROTEST ACTIVITY OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONALIZATION OF DIGITAL POLICY¹

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey D. Gavrilov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to identifying and interpreting the reasons and forms of protest activity of representatives of the youth cohort in the context of the institutionalization of modern digital society and digital policy. The common and specific features of the protest activity of Russian and foreign youth in the context of the content and level of their digital culture are characterized. The attention is focused on the dominant trends in the transformation of the practices of protest behavior in online and offline formats, taking into account the restrictive measures caused by the spread of COVID-19. *Methods.* The work was prepared within the framework of political science discourse using modern scientific theories and concepts. The authors rely on the main provisions of the activity-activist approach (A. Giddens, V. Yadov), the concept of “traumatic changes” (P. Sztompka) and “network society” (M. Castells). At the same time, the characterization of digital transformations and innovations (society, politics, culture) is carried out in the context of the ideas of “digital counterculture” (C. Gere), domestic researchers analyzing the consumer behavior of youth in the digital environment (T. Beregovskaya, S. Grishaeva). The work uses theoretical and empirical methods for analyzing the results obtained by leading domestic and foreign research centers, as well as with the direct participation of the authors in the implementation of grant activities. *Results.* An attempt is made to conduct political science analysis of the modern approaches to understanding the phenomenon of youth protest activity, its dominant forms in the context of the institutionalization of digital policy and the transformation of value orientations in the new structure of “digital culture”. The relationship between the protest activity of representatives of domestic and foreign youth, the practices of their destructive/constructive protest behavior using digital technologies in order to legitimize/delegitimize the political regime is traced. Highlighted the real and potential resources of the authorities and administration, civil society institutions to minimize destructive factors that contribute to the strengthening of protest (civil, political, etc.) activity of various groups of young people in the context of the spread of the global pandemic. The results of theoretical and empirical studies that reveal the regional specifics of institutional forms of protest activity in modern Russia are interpreted. *Discussion.* The question of the forms and technologies of transformation of protest activity, taking into account the substantive characteristics of the digital culture of youth, its inclusion in the system for ensuring the stable and safe development of the Russian Federation, remains poorly studied. *Authors' contributions.* S.A. Pankratov developed the theoretical basis of the research and carried out the general scientific edition of the article. S.I. Morozov analyzed the dominant tendencies of youth protest activity. S.D. Gavrilov interpreted the results of theoretical and empirical studies characterizing the process of institutionalization of digital policy.

Key words: youth, protest activity, digital policy, digital culture, destabilization, political behavior, legitimacy.

Citation. Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D. Protest Activity of Modern Youth in the Context of Institutionalization of Digital Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 213-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ****Сергей Анатольевич Панкратов**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Дмитриевич Гаврилов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению и интерпретации причин и форм протестной активности представителей молодежной когорты в условиях институционализации современного цифрового общества и цифровой политики. Характеризуются общие и специфические черты протестной активности российской и зарубежной молодежи в контексте содержания и уровня их цифровой культуры. Авторы опираются на основные положения деятельностно-активистского подхода (Э. Гидденс, В.А. Ядов), концепции «травматических перемен» (П. Штомпка) и « сетевого общества» (М. Кастельс). При этом характеристика цифровых трансформаций и инноваций (общества, политики, культуры) осуществляется в контексте идей «цифровой контркультуры» (Ч. Гир). Предпринята попытка политологического анализа современных подходов к пониманию феномена протестной активности молодежи, ее доминирующих форм в условиях институционализации цифровой политики и трансформации ценностных ориентаций. Прослежена взаимосвязь между протестной активностью представителей отечественной и зарубежной молодежи, практиками их протестного поведения с использованием цифровых технологий с целью легитимации / делегитимации политического режима. Выделены реальные и потенциальные ресурсы органов власти и управления, институтов гражданского общества по минимизации деструктивных факторов, способствующих усилению протестной (гражданской, политической и др.) активности различных групп молодежи в контексте распространения глобальной пандемии. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретическую базу исследования и осуществил общее научное редактирование статьи. С.И. Морозов проанализировал доминирующие тенденции протестной активности молодежи. С.Д. Гаврилов интерпретировал результаты теоретических и эмпирических исследований, характеризующих процесс институционализации цифровой политики.

Ключевые слова: молодежь, протестная активность, цифровая политика, цифровая культура, дестабилизация, политическое поведение, легитимность.

Цитирование. Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 213–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

Введение. Одной из определяющих характеристик представителей современной молодежной когорты выступает активная жизнедеятельность в пространстве высоких технологий. Если 65 % россиян среднего и старшего возраста пользуются Интернетом в той или иной степени ежедневно, то молодежная аудитория включает 98 %, при том что в социальных сетях значительная часть молодежи, по опросам социологов, проводит более пяти часов, а четверть

«поколения Z» проверяет обновление каждые тридцать минут [12].

Глобальная онлайн-коммуникация не только претендует на статус инновационной технологии, во многих случаях определяющую доминирующие черты образа и стиля жизни «нового поколения», но и формирует киберпространство информационного противоборства социально-экономических, идентификационных, политических и других предпочтений и ориентаций [4]. При этом институцио-

нализируются ранее незнакомые акторы влияния – геймеры, видеоблогеры, киберспортсмены и т. д. (так называемые «звезды» Интернета), способные к постоянному и регулярному взаимодействию с молодежной аудиторией.

Цифровые технологии стали широко использоваться в качестве мобилизационного ресурса (в первую очередь среди молодежи) для организации и проведения протестных (а нередко дестабилизирующих) акций как в отдельных государствах, так и на региональных, международных площадках [5; 19; 25]. Подтверждением данного факта выступают практики организации протестов в странах Европейского союза против ограничительных мер, вводимых правительствами и направленных на минимизацию последствий распространения COVID-19; протестные события в Белоруссии, связанные с неоднозначным восприятием результатов выборов Президента республики; попытки государственных переворотов в Венесуэле, Кубе и др. [8; 27; 28; 33].

Внедрение цифровых технологий в различные сферы и уровни современной жизни (приватно-бытовую, политическую, экономическую, духовно-идеологическую, межгосударственную и др.) и возникающие в связи с этим реальные и потенциальные угрозы и риски поставили вопрос о необходимости разработки этических и правовых принципов формулирования и реализации цифровой (национальной / глобальной) политики. Признавая право каждого государства на самостоятельное регулирование коммуникационного взаимодействия в «киберсфере», как заявил в своем выступлении на заседании Совета безопасности РФ В.В. Путин, «важно сообща разработать и согласовать универсальные и справедливые для всех правила ответственного поведения государств в информационном пространстве с четкими и внятыми критериями допустимых и недопустимых действий и придать им юридически обязательный характер» [22].

Таким образом, в рамках политической науки актуализировалась потребность в осмыслении протестной активности молодежи, с одной стороны, в контексте формирования ее цифровой культуры, а, с другой стороны, тенденций институционализации цифровой по-

литики на национальном и межгосударственном уровнях.

Методы и материалы. В современном научном дискурсе продолжается дискуссия о сущности и базовых характеристиках цифровой культуры и цифровой политики. Авторы статьи в своем анализе цифровых трансформаций современного социума опираются на концепцию «цифровой контркультуры» Ч. Гира, в основе которой лежат принципы неомарксизма и постиндустриального (информационного) общества [10, с. 197]. Как подчеркивает Ч. Гир, «хотя интерактивные технологии родились в лабораториях “холодной войны”, способность воспринимать их как мирные и прогрессивные силы выношена в лоне контркультуры и авангардного мировоззрения с его идеями интермедиа, мультимедиа и перформанса» [7, с. 58].

При этом авторы методологически солидаризированы с позицией М. Кастельса, совершенно справедливо отмечающего, что в настоящее время именно Интернет «выступает базовой структурой гражданского общества, а социальные сети становятся драйвером социально-политических изменений в мире» [9, с. 14]. Интернет фактически занял позицию актора-посредника между индивидом – институтами государства и гражданского общества [34].

Важным аспектом при анализе специфических черт отечественной молодежи послужили выводы теоретических и эмпирических исследований отечественных ученых Т.А. Береговской и С.А. Гришаевой, анализирующих потребительское (акцент на экономическом) поведение молодежи в цифровой среде, вполне применимые и при политологическом анализе. Они исходят из того, что представители поколения современной молодежи «являются первыми, кто на 100 % “вырос в Интернете”, и их технологическое познание не имеет равных... Поколение Z в 2–3 раза чаще подвержено влиянию сетей, чем воздействию рекламных объявлений... Они ценят социальные медиа и то, что делают другие... Основная черта поколения Z – постоянное “общение” со смартфоном, который становится главным средством доступа в Интернет...» [1, с. 95].

В рамках данной статьи авторы анализируют феномены протеста и протестной ак-

тивности через основные положения деятельностно-активистского подхода в интерпретации Э. Гидденса, В.А. Ядова, акцентировавших внимание на том, что исторический процесс не имеет детерминированно-заданных векторов развития, а значительную роль играют деятельные субъекты [30]. При этом основой активности индивидуальных или коллективных субъектов выступает удовлетворение / неудовлетворение потребностей / интересов, являясь одним из показателей социально-психологической и институциональной напряженности. Важнейшей чертой изменений является наличие субъектов / агентов, «обладающих достаточным рефлексивным знанием для того, чтобы изменить свое положение в мире» [24, с. 39].

Характеристика практик протеста в современном мире осуществляется с использованием концепции травматических перемен П. Штомпки, «расширяющей деятельностно-активистскую теорию» [29]. Вместе с тем она позволяет операционализировать ценностные, культурные «травмы» поиска и борьбы за «демократические стандарты», с нашей точки зрения, во многом определяющие протестную активность «цифровой молодежи».

В статье использованы результаты эмпирических исследований, проведенных ведущими научными центрами, а также непосредственно авторами статьи в рамках реализации грантового проекта.

Анализ. Исследованием протеста как специфической формы социального взаимодействия занимаются представители различных гуманитарных и общественных наук: философии (формы поведения личности или группы, противопоставляющих себя социальной системе отношений); социологии (формы проявления социального недовольства); истории (в интерпретации смены социальных и политических систем) и др. В рамках политической науки, с нашей точки зрения, целесообразно понимать протест, как чаще всего публичное действие, «приводящее к конфликтной ситуации актора как представителя определенной социальной группы, интересы и ценности которой противоположны системе координат, в которой происходит действие» [18, с. 123].

Наибольший исследовательский интерес к протестной активности представителей мо-

лодежи проявился, по нашему мнению, первый раз в 60-е гг. XX в., что было обусловлено студенческими протестными «волнениями», институционализацией студенческих протестных движений, попытавшихся заявить о противоречиях и насущных проблемах «всего западного мира». Г. Маркузе отмечал, что именно представители молодежи вследствие восприимчивости и радикальности больше всего подходят под характеристики свободной и многомерной личности, способной на Великий Отказ (протест в самом широком смысле и масштабе). «Великий Отказ... обращен к личности, способной осознать свои ложные потребности, привитые репрессивной цивилизацией, и задуматься о степени мнимости и реальности своей свободы в современном мире» [15, с. 522].

Вторая «волна» возрастания количества научных исследований протестной активности молодежи приходится на период вступления в относительно самостоятельную жизненную фазу поколения Z (родившихся примерно с 1997 по 2012 г. и характеризующихся как «цифровой человек» и «цифровой гражданин» [26]). «Простота и скорость поиска единомышленников, с одной стороны, мобилизационные возможности Интернета и мобильных технологий – с другой, способствуют масштабному переносу гражданских и политических практик в онлайн-пространство, что позволяет наделять представителей цифрового поколения чертами “цифровых бунтарей”, выражающих свою политическую субъектность и возросший потенциал влияния на площадях городов по всему миру» [2, с. 7].

В этой связи следует акцентировать внимание, что в методологическом плане важнейшими характеристиками протестной активности выступают частота и осознанность участия в протестных акциях, их масштаб и тип, включенность в деятельность по вовлечению новых лиц, способность и готовность нести ответственность за совершаемые действия. При этом для идентификации «бунтарей» цифрового поколения значимыми индикаторами выступают характер и векторы поведения в онлайн-пространстве, содержание и направленность потребляемого и воспроизводимого интернет-контента, количественное доминирование онлайн-коммуникаций над оф-

лайн, что определяется ценностными убеждениями и личностными установками.

Как показывают результаты зарубежных и отечественных эмпирических исследований, чаще всего молодые онлайн-пользователи используют технологии Интернета: для обсуждения актуальной политической проблематики со сверстниками и в соответствующих сообществах; знакомства с ресурсами оппозиционных действующему режиму организаций и лидеров (политических партий, общественно-политических движений и т. д.); поиска информации на официальных порталах государственных и муниципальных органов власти [32]. Деятельностная составляющая протестной активности представителей поколения Z представлена гораздо скромнее, хотя наиболее активные молодые люди вовлечены в процессы: ведения блогов по различным социально-политическим аспектам жизнедеятельности; поиска и кооптирования «соратников» и единомышленников; созидательного увеличения ресурсной базы (материальной и организационной) [35].

Следовательно, несмотря на страновые особенности степени распространения, внедрения и использования цифровых технологий, характер ценностных приоритетов пользователей, интернет-пространство доминирующим образом выступает в качестве информационного и мобилизационного (координирующего) ресурса протестных настроений и акций. Наиболее распространенной практикой протестов является попытка сочетания возможностей онлайн-мобилизации сторонников с проведением самих акций в офлайн-формате. С одной стороны, это позволяет привлечь потенциальных единомышленников по протестному движению, с другой стороны, ограничивает численность реально проявляющих протестную активность молодежь, институционализируя протестное «ядро» целенаправленно и регулярно участвующих в акциях.

Векторы протестной активности молодежи имеют достаточно устойчивую направленность, определяемую как национальными, так и глобальными трендами. Ниже будут приведены несколько примеров, характеризующих наиболее типичные «кейсы» сочетания онлайн-мобилизации и офлайн-реализации протестов, где именно представители молодого

поколения выступили в роли основных организаторов и движущей силы.

В ноябре 2021 г. в 70 городах Польши прошли акции протеста против действующих законодательных норм, жестко регулирующих рамки прерывания беременности. Масштабные протесты были вызваны смертью в лечебном учреждении тридцатилетней женщины Изабеллы вследствие септического шока, спровоцированного выжидательной позицией медиков. Как отмечают эксперты, законодательство Польши является в этом вопросе одним из самых строгих на европейском континенте. Конституционный суд страны признал незаконным прерывание беременности даже при высокой вероятности пороков развития плода. Информационный сервис Medonet приводит мнение врачей-гинекологов, отмечающих, что «тяжело принимать адекватные меры для спасения пациенток под угрозой 25 лет тюрьмы». Активное протестное противостояние сторонников разрешения аборт и власти, поддерживаемой католической церковью, длится около 20 лет. При этом самой масштабной забастовкой в 114 городах, с участие более 98 000 поляков, получившей название «Черный понедельник», явилась акция против принятия парламентом в 2016 г. поправки, нацеленных на полный запрет абортов. Организаторы этой акции настроены на проведение мероприятий, целенаправленно повышающих уровень протестной активности полячек и в первую очередь представителей молодежи [23].

В феврале 2021 г. испанской полицией был арестован рэпер Пабло Асель (настоящее имя Пабло Ривадурья Дуро), что вызвало многочисленную серию протестных акций молодежи в каталонских городах. Мирные манифестации с требованием освобождения «кумира» практически всегда и везде очень быстро перерастали в столкновения с полицией, с применением силы как со стороны протестующих (нападение на полицейские участки, забрасывание стражей порядка камнями, бутылками, поджоги мусорных контейнеров и др.), так и правоохранительных органов (применение слезоточивого газа, резиновых пуль, избиение дубинками и т. д.). В своей музыкальной карьере (песнях) с 2005 г., в «Твиттере» Асель использовал политическую тема-

тику, идеи каталонского национализма, выражаясь негативно об испанской монархии, сравнивая ее с мафией, характеризуя испанское государство как фашистское. «Самая отвратительная вещь в монархии – это то, что миллионеры из-за бедствий других делают вид, что заботятся о людях». При этом он призвал испанцев участвовать в протестных акциях против расизма, пыток задержанных. «Демонстрации необходимы, но этого недостаточно, давайте поддержим тех, кто пошел дальше». Несмотря на то что в поддержку рэпера выступили многие популярные и известные деятели культуры Испании, а власти заявили о возможности пересмотра наказания за преступления, связанные со свободой слова, суд отказался от «всяких поблажек» [14].

Массовые акции протеста прошли летом 2021 г. во Франции против внедрения санитарных пропусков и введения «санитарной диктатуры», связанных с мерами по противодействию распространению COVID-19. Только в Париже приняло участие в протестных манифестациях более 11 000 человек, а по всей стране – свыше 170 000 французов. Протестующие бросали в полицию бутылки, металлические предметы, возводили баррикады, на что стражи порядка ответили применением слезоточивого газа, водометов, дубинок. На фоне протестов в Национальном собрании 199 сенаторов высказались за, 123 – против проекта закона о санитарных пропусках и обязательной вакцинации. Однако в Сенате, где большинство депутатов представляют оппозицию, законопроект претерпел существенные изменения в сторону смягчения многих положений [21].

Под лозунгом «Да здравствует демократия, долой ковид-диктатуру!» прошли массовые протесты в Германии, самые многочисленные в Берлине, где было только задержано полицией в конце июля 2021 г. около 600 человек. Идейным вдохновителем и организатором протестных акций выступило движение «Нестандартное мышление», финансируемое бизнесменом из Штутгарта М. Бальвег. «Ковид-диссиденты» принципиально отказывались надевать маски и соблюдать дистанцию, что спровоцировало применение полицией водометов, перцового спрея не только против непосредственных участников, но и многоты-

сячных «зевак» и сочувствующих. По словам представителя полиции Т. Каблицц, «операция сводилась к тому, чтобы свести к минимуму риски заражения и разогнать демонстрацию. В отдельных случаях нам приходилось применять физическое насилие» [13].

«Демократия – это не анархия», – заявила в экстренном обращении Президент Литвы Гитанаса Науседа по поводу подавление властями акции протеста перед парламентом в Вильнюсе против решения ввести паспорта возможностей, значительно ограничивающих права невакцинированных от коронавируса граждан. При этом ответа на вопрос официального представителя МИД России М. Захаровой не последовало: «Куда девается вся эта демократическая отдушка и либеральный флер у западных партнеров и их сателлитов, когда дело доходит до управления внутренней ситуацией и подавления протестов у себя дома?». Ведь еще недавно Президент Литвы яростно обвиняла российскую власть за «неправомерную» жестокость полиции в отношении участников несанкционированных митингов в Москве и других регионах РФ [11].

Наиболее явно онлайн-поведение определенной части российской молодежи проявилось в преддверии и во время митингов 23 января и 21 апреля 2021 года. Подготовка к январской протестной акции происходила стремительно (менее чем за одну неделю) и была связана с фактом ареста в аэропорту Москвы известного оппозиционного блогера А. Навального. Это обстоятельство во многом определило формы и технологии мобилизационной активности поколения Z и оппозиционных лидеров – сторонников блогера. В первую очередь упор был сделан на размещение большого количества видеороликов, доминирующее содержание которых можно разделить на две группы: выступления лидеров молодежного общественного мнения в поддержку А. Навального; критика действующего режима и олицетворяющего его политиков (например, про дворец в Геленджике, давление власти на активистов и желающих принять участие в митинге и др.).

Значительная часть материалов была размещена на доступных для пользователей YouTube-канале «Штаб» и YouTube-аккаунте телеканала «Дождь»², Telegram. Именно в этот

период наблюдалась существенная политизация TikTok с самой активной частью подростковой аудитории. В протестных акциях января – февраля 2021 г. использовались так называемые «развлекательные» технологии: челленджи, флешмобы, прогулки, TikTok-тренды.

Подготовка акций протеста в апреле 2021 г. проводилась достаточно длительное время и планомерно [31]. С 23 марта лица, намеревающиеся принять участие в протестах, могли зарегистрироваться с указанием геотэга на сайте акции. Фактически при мобилизации протестной активности молодежной интернет-аудитории была использована технология «климата мнений», заключающаяся в открытой демонстрации своей позиции и учета мнения «иных» при принятии окончательного решения о форме и стиле протестного поведения. При этом тематически новостная повестка протестов опиралась на распространение информации об ухудшающемся состоянии здоровья А. Навального, необходимости допуска к нему гражданских врачей, а также стремления властей объявить возглавляемую оппозиционером организацию экстремистской. Примечательно, что если зимой в интернет-пространстве активно звучали прямые призывы к участию в протестах от самого А. Навального и его ближайших сподвижников, то весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [16].

В ноябре – декабре 2021 г. Левада-Центр³ провел исследования протестных настроений россиян. Результаты показали, что количество российских граждан, ожидающих проведения протестных акций с экономическими требованиями, увеличилось до 30 % (против 21 % в августе 2021 г.), в то время как число лиц, готовых принять участие в экономических протестах, сократилось до 21 % (против 24 % в августе 2021 г.). Около 27 % россиян считают возможными протесты с политическими требованиями (сопоставимы с августом 2021 г.), при том, что с 19 до 17 % сократилось количество желающих принять участие в акциях протеста непосредственно. Против QR-кодов в акциях протеста готовы принять участие 25 % опрошенных, а 72 % не считают это приемлемым. При том что боль-

ше половины респондентов не поддерживает обязательность вакцинации от COVID-19, три четверти россиян отрицательно относятся к введению QR-кодов на общественном транспорте и 67 % – при посещении массовых мероприятий, общественных мест [20].

Масштабные эмпирические исследования протестной активности населения были проведены ВЦИОМ в конце 2011 – в первой половине 2012 г. и нашли отражение в материале «Протестное движение в России – взгляд социологов». Характеризуя обобщенный «портрет» участников протестных акций, отмечается, что значительная доля демонстрантов принадлежит к так называемому «креативному классу», а также офисным работникам и студенческой молодежи. Доминирующей мотивационной составляющей участия в протестах выступает потребность в самореализации. Вместе с тем значительное количество участвовавших в опросах отметили в качестве мотивов: «не устраивает ситуация в стране», «недовольство собственной жизнью». Руководитель ВЦИОМ В. Федоров подчеркнул, что 84 % респондентов принимали участие в протестных акциях неоднократно и лишь 16 % впервые. Абсолютное большинство участников данных протестов ни при каких условиях не будут вести переговоры с властными структурами и лишь 21 % готовы вступить в диалог с властью при условии изменения политического курса развития страны [17].

Результаты. Всплеск молодежных протестов происходит относительно регулярно и неоднократно. Представители молодежных когорт пытаются направить свою активность на искоренение «всех» недостатков и несправедливостей, присущих миру, в который они вступили, самым радикальным образом. При этом протестные движения отличаются разным уровнем конструктивности / деструктивности, согласованностью действий и готовностью идти на компромиссы.

Одной из отличительных черт современного протестного движения выступает острая реакция на межкультурный и межцивилизационный глобализм (проблемы миграции, трансформации культурного уклада в региональном и «местном» пространстве, дискомфорт в образе и стиле жизни, дискриминационная поляризация, в том числе на быто-

вом уровне, и т. д.), что способствует проявлению и воспроизводству экстремистских идей. Не следует недооценивать опасность и угрозы целенаправленных действий определенных международных кругов на сближение (слияние) деструктивных протестных настроений «левого, правого, националистического, религиозного» флангов.

Развитие цифровых технологий, их включенность в повседневные, в том числе политические практики, оказывает значительное влияние на протестную активность представителей молодежи в разных странах мира. Результаты теоретических и эмпирических исследований позволяют прийти к следующим выводам:

– на уровень и характер протестной активности молодежи влияет способность рефлексивного (критического) «потребления» политического контента из многочисленных информационных источников, содержащихся в интернет-пространстве. Целесообразно говорить о формировании навыков и компетенций медиаграмотности, базирующихся на безусловном праве получать достоверную информацию и возможности ее проверять. При этом медиаграмотность выступает лишь одним из структурных элементов современной цифровой культуры личности и общества [3];

– лидеры протестных движений активно используют технологии сетевой политической мобилизации через расширение онлайн-поддержки при помощи политизации информационных каналов. При этом цифровые технологии выступают в качестве интегрирующих факторов с расширяющимися манипулятивными возможностями и ресурсами оказания влияния на сознание и поведение молодежи;

– объективируется тенденция целенаправленного влияния онлайн-медиа на протестную активность молодежи, формирование протестной «повестки дня», где «профессиональное» освоение цифровыми ресурсами и глубина «включенности» в интернет-пространство выступают значимыми статусно-ролевыми индикаторами жизненного успеха представителей новой поколенческой когорты;

– цифровые технологии, с одной стороны, позволяют демонстративно персонализировать свои политические ценности и популяризировать одобряемые практики политичес-

кого поведения в онлайн- и офлайн-пространствах, с другой стороны, провоцируют глобальное «обезличивание» акторов протестного контента, используя несовершенство национального и международного законодательства по распространению экстремистских взглядов и призывов к действию в молодежной (подростковой и детской) среде;

– протестный потенциал представителей поколения Z в настоящее время не может быть квалифицирован как более высокий по сравнению с предшественниками, хотя и подпитывается мобилизационными ресурсами цифровых технологий и социальных медиа, не имевших место ранее. Вместе с тем переориентация приоритетов в реализации жизненных стратегий нынешней молодежи с «будущего» в «настоящее» влияет на обострение «конflikта» поколений, в том числе в иерархии ценностей свободы, равенства, стабильности, безопасности, прав человека и т. д.;

– институционализация цифровых взаимодействий между гражданами, гражданами и социальными группами (в том числе сетевыми сообществами), гражданами, общностями и институтами государства позволяет в значительной степени «маскировать» координирующий центр по формированию и воспроизводству протестных настроений и поведения в онлайн- и офлайн-пространствах. Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [6].

С нашей точки зрения, следует воспринять как объективную данность желание молодежи быть вовлеченными в решение как глобальных, так и национальных проблем, а также мотивационную позитивность их протестных настроений и активности в целом. Важнейшим шагом к минимизации воспроизводства протестной активности среди молодежи может выступить способность воспринимать иное мнение, идти на компромиссы, обладать эффективной мониторинговой системой по прогнозированию «точек» социально-политических напряженностей и конфлик-

тов, нацеленность институтов власти на постоянный молодежный запрос на перемены, в том числе в политико-правовой организации общества и государства. Реальное, а не показное функционирование социальных лифтов, связанных с молодежными проектами самовыражения и самореализации в любой сфере жизнедеятельности социума, включая властно-управленческую.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31705 «Протестная активность современной российской молодежи в условиях институционализации глобальной цифровой политики».

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31705 “Protest activity of modern Russian youth in the context of the institutionalization of global digital politics”.

² Средство массовой информации, признанное иностранным агентом в Российской Федерации.

³ Организация, включенная в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская, Т. А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой среде / Т. А. Береговская, С. А. Гришаева // Вестник университета. – 2020. – № 1. – С. 92–99.

2. Бродовская, Е. В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–18.

3. Быков, И. А. Значение медиаграмотности для политической коммуникации в России / И. А. Быков, М. В. Медведева // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, вып. 4. – С. 7–22.

4. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков – М. : Изд-во Моск. ун-та : Проспект, 2015. – 272 с.

5. Гаецкулов, Н. Г. Политический протест в цифровую эпоху: основные способы самоорганизации граждан / Н. Г. Гаецкулов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 7. – С. 27–30.

6. Гарбузняк, А. Ю. Онлайн-поведение пользователей новых медиа в преддверии массовых уличных протестов в России в январе и апреле

2021 года / А. Ю. Гарбузняк // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, вып. 4. – С. 37–45.

7. Гир, Ч. Цифровая контркультура / Ч. Гир // Гуманитарная информатика. – 2004. – № 1. – С. 50–71.

8. Грибовод, Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс : дис. ... канд. полит. наук / Грибовод Екатерина Григорьевна. – Екатеринбург, 2017. – 189 с.

9. Дринова, Е. М. Постинформационная эпоха: молодежные протесты в контексте глобальной цифровой культуры / Е. М. Дринова, С. И. Морозов, С. А. Панкратов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 9. – С. 13–17. – DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2021.9.1>.

10. Елькина, Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практика / Е. Е. Елькина // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – Вып. 2. – С. 195–203.

11. Ермолаева, Н. Маски сорваны / Н. Ермолаева // Российская газета. – 2021. – 12 авг.

12. Журенков, К. Люди Z / К. Журенков // Огонек. – 2017. – 16 окт. – С. 4.

13. Забродина, Е. Лечат кулаком / Е. Забродина // Российская газета. – 2021. – 3 авг.

14. Когалов, Ю. Все могут короли / Ю. Когалов // Российская газета. – 2021. – 19 февр.

15. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. – М. : АСТ, 2003. – 526 с.

16. Морозов, И. Л. Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции – опыт зарубежных стран и угроза для России / И. Л. Морозов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 3 (92). – С. 12–16.

17. Новиков, К. Портрет демонстранта / К. Новиков // Российская газета. – 2012. – 28 июня.

18. Панкратов, С. А. Тенденции и основные направления организации протестной активности в современном обществе / С. А. Панкратов, О. Ю. Гаранин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1 (13). – С. 123–125.

19. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков, И. В. Козлова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 12–35.

20. Пресс-выпуск Левада-Центра Протестные настроения от 10.12.2021. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/12/10/protestnye-nastroeniya-3/?utm_source=

mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (дата обращения: 12.12.2021). – Загл. с экрана.

21. Прокофьев, В. Французы бунтуют / В. Прокофьев // Российская газета. – 2021. – 26 июля.

22. Путин, В. В. Выступление на заседании Совета Безопасности 26.03.2021 г. / В. В. Путин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

23. Рокоссовская, А. Дело тела. Поляки вышли на улицы после смерти беременной женщины / А. Рокоссовская // Российская газета. – 2021. – 10 нояб.

24. Ситнова, И. В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» / И. В. Ситнова // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 37–42.

25. Титов, В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z / В. В. Титов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 139–158.

26. Фалалеев, М. А. Цифровой гражданин: феномен и основные подходы к определению / М. А. Фалалеев, Н. А. Ситдикова, Е. Е. Нечай // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 1. – С. 27–30.

27. Шестаков, Е. Медийный переворот / Е. Шестаков // Российская газета. – 2019. – 28 янв. – С. 1, 6.

28. Шестаков, Е. Обычный переворот. Как это делается / Е. Шестаков // Российская газета. – 2019. – 25 янв. – С. 1, 8.

29. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 6–17.

30. Ядов, В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? / В. А. Ядов // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 20–23.

31. Anderson, A. “Networked” Revolutions? ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes / A. Anderson // Political Research Quarterly. – 2021. – № 74 (4). – P. 1037–1051. – DOI: 10.1177/1065912920958071.

32. Beissinger, M. R. “Conventional” and “Virtual” Civil Societies in Autocratic Regimes / M. R. Beissinger // Comparative Politics. – 2017. – № 49 (3). – P. 351–371. – DOI: 10.5129/001041517820934267.

33. Breuer, A. Social media and protest mobilization: evidence from the Tunisian revolution / A. Breuer // Democratization. – 2015. – № 22 (4). – P. 764–792. – DOI: 10.1080/13510347.2014.885505.

34. Castells, M. Communication power / M. Castells. – Oxford; N. Y., 2009. – 571 p.

35. Enikolopov, R. Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia / R. Enikolopov,

A. Makarin, M. Petrova // Econometrica. – 2020. – № 88 (4). – P. 1479–1514. – DOI: 10.3982/ECTA14281.

REFERENCES

1. Beregovskaia T.A., Grishaeva S.A. Pokolenie Z: potrebitelskoe povedenie v tsifrovoi srede [Generation Z: Consumer Behavior in the Digital Environment]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2020, no. 1, pp. 92-99.

2. Brodovskaia E.V., Khuang T. Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaia mobilizatsiia i politicheskii protest rossiiskoi molodezhi [Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 5, pp. 3-18.

3. Bykov I.A., Medvedeva M.V. Znachenie mediagramotnosti dlia politicheskoi kommunikatsii v Rossii [The Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia]. *Zhurnal politicheskikh issledovani* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 7-22.

4. Volodenkov S.V. *Internet-kommunikatsii v globalnom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniia* [Internet Communications in the Global Space of Modern Political Management]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, Prospekt Publ., 2015. 272 p.

5. Gaetkulov N.G. Politicheskii protest v tsifrovuiu epokhu: osnovnye sposoby samoorganizatsii grazhdan [Political Protest in the Digital Age: The Main Ways of Self-Organization of Citizens]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 7, pp. 27-30.

6. Garbuzniak A.Iu. Onlain-povedenie polzovatelei novykh media v preddverii massovykh ulichnykh protestov v Rossii v ianvare i aprele 2021 goda [Online Behavior of New Media Users on the Eve of Massive Street Protests in Russia in January and April 2021]. *Zhurnal politicheskikh issledovani* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 37-45.

7. Gir Ch. Tsifrovaia kontrkultura [Digital Counterculture]. *Gumanitarnaia informatika* [Humanitarian Informatics], 2004, no. 1, pp. 50-71.

8. Gribovod E.G. *Mediatizatsiia politiki kak institutsionalno-kommunikativnyi protsess i informatsionno-strategicheskii resurs: dis. ... kand. polit. nauk* [Mediatization of Politics As an Institutional-Communicative Process and an Information-Strategic Resource. Cand. polit. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2017. 189 p.

9. Drinova E.M., Morozov S.I., Pankratov S.A. Postinformatsionnaia epokha: molodezhnye protesty

v kontekste globalnoi tsifrovoi kultury [Postinformational Era: Youth Protests in the Context of Global Digital Culture]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 9, pp. 13-17. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2021.9.1>.

10. Elkina E.E. Tsifrovaia kultura: poniatie, modeli i praktika [Digital Culture: Concept, Models and Practice]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kultura i tekhnologii budushchego* [Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future], 2018, iss. 2, pp. 195-203.

11. Ermolaeva N. Maski sorvany [Masks are Torn Off]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, August 12.

12. Zhurenkov K. Liudi Z [People Z]. *Ogonek*, 2017, October 16, p. 4.

13. Zabrodina E. Lechat kulakom. [Treating with a Fist]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, August 3.

14. Kogalov Iu. Vse mogu koroli [Kings Can Do Anything]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, February 19.

15. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiia. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p.

16. Morozov I.L. Ulichnyi protest kak tekhnologiia antigosudarstvennykh deistvii radikalnoi oppozitsii – opyt zarubezhnykh stran i ugroza dlia Rossii [Street Protest As a Technology of Anti-State Actions of the Radical Opposition – The Experience of Foreign Countries and the Threat to Russia]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 3 (92), pp. 12-16.

17. Novikov K. Portret demonstranta [Portrait of a Demonstrator]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, June 28.

18. Pankratov S.A., Garanin O.Iu. Tendentsii i osnovnye napravleniia organizatsii protestnoi aktivnosti v sovremennom obshchestve [Trends and Main Directions of Organizing Protest Activity in Modern Society]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2008, no. 1 (13), pp. 123-125.

19. Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V. «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v Internetе [“Reassembling a Meeting”: Internet in Protest and Protest on the Internet]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 1, pp. 12-35.

20. *Press-vypusk Levada-Tsentra Protestnye nastroiia ot 10.12.2021* [Press Release of the Levada Center Protest Moods of December 10, 2021].

URL: https://www.levada.ru/2021/12/10/protestnyenastroiia-3/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (accessed 12 December 2021).

21. Prokofev V. Frantsuzy buntuyut [The French are Rebellng]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, July 26.

22. Putin V.V. *Vystuplenie na zasedanii Soveta Bezopasnosti 26.03.2021 g.* [Vladimir Putin. Speech at a Meeting of the Security Council on March 26, 2021]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (accessed 12 April 2021).

23. Rokossovskaiia A. Delo tela. Poliaki vyshli na ulitsy posle smerti beremnoi zhenshchiny [The Case of the Body. Poles Took to the Streets After the Death of a Pregnant Woman]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, November 10.

24. Sitnova I.V. Aktivistsko-deiatelnostnaia metodologiia v modelirovanii protessa «institutsionalnykh izmenenii» [Activist-Activity Methodology in Modeling the Process of “Institutional Changes”]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2012, no. 7, pp. 37-42.

25. Titov V.V. Strategii sotsialnogo protesta molodezhi v Runete: sravnitelnyi analiz pokolenii Y i Z [Strategies of Social Protest of Youth in Runet: A Comparative Analysis of Generations Y and Z]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 3, pp. 139-158.

26. Falaleev M.A., Sitdikova N.A., Nechai E.E. Tsifrovoi grazhdanin: fenomen i osnovnye podkhody k opredeleniiu [Digital Citizen: Phenomenon and Main Approaches to Definition]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 1, pp. 27-30.

27. Shestakov E. Mediinyi perevorot [Media Coup]. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, January 28, pp. 1, 6.

28. Shestakov E. Obychnyi perevorot. Kak eto delaetsia [The Usual Coup. How It’s Done]. *Rossiiskaia gazeta*, 2019, January 25, pp. 1, 8.

29. Shtompka P. Sotsialnye izmeneniia kak trauma [Social Changes As Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2001, no. 2, pp. 6-17.

30. Iadov V.A. Kakie teoreticheskie podkhody polezny dlia ponimaniia i obieiasneniia sotsialnykh realii rossiiskogo obshchestva i Rossii? [What Theoretical Approaches are Useful for Understanding and Explaining the Social Realities of Russian Society and Russia?]. *Rossiiia reformiruiushchiasia: ezhegodnik* [Reforming Russia. Yearbook]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2010, iss. 9, pp. 20-23.

31. Anderson A. “Networked” Revolutions? ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes.

Political Research Quarterly, 2021, no. 74 (4), pp. 1037-1051. DOI: 10.1177/1065912920958071.

32. Beissinger M.R. "Conventional" and "Virtual" Civil Societies in Autocratic Regimes. *Comparative Politics*, 2017, no. 49 (3), pp. 351-371. DOI: 10.5129/001041517820934267.

33. Breuer A., Landman T., Farquhar D. Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the

Tunisian Revolution. *Democratization*, 2015, no. 22 (4), pp. 764-792. DOI: 10.1080/13510347.2014.885505.

34. Castells M. *Communication Power*. Oxford, New York, s. n., 2009. 571 p.

35. Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia. *Econometrica*, 2020, no. 88 (4), pp. 1479-1514. DOI: 10.3982/ECTA14281.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Sergey D. Gavrilov, Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Сергей Дмитриевич Гаврилов, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

UDC 323.2
LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 05.10.2021
Accepted: 19.01.2022

ONLINE AND OFFLINE PROTEST DISCOURSE IN MODERN RUSSIA¹

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the formation and spread of protest discourse in new practices of protest behavior. Online rallies, which appeared in 2020 in the public space of Russia, remained an unobtrusive practice, despite their potential applicability within the framework of a single logic of “competitive politics”. *Methods and materials.* The research methodology is based on the theory of “relative deprivation” (T. Garr), “competitive politics” (C. Tilly) and the theory of “network society” (M. Castells). As specific research methods, the author used a selective analysis of cases of protests in the period 2018–2021 (42 actions in 26 regions of the Russian Federation), as well as discourse analysis, which made it possible to determine the topic of protest actions. *Analysis.* The political discourse of protest is a communicative space for the construction of common symbols and identity of the movement. The formation of discourse takes place in the online space, which is due to the development and simplicity of communication between individuals. *Results.* On the basis of the analysis, some conclusions were drawn about the specifics of the formation of protest discourse in the online environment: 1. Discourse is formed in open online platforms, such as groups in VKontakte, Telegram chats or Internet forums; 2. Protest communities are engaged in information and mobilization functions regardless of the number of participants (at the same time, the effectiveness of audience engagement and, as a result, feedback will differ significantly); 3. The main topic of protest actions is represented by opportunistic problems of a civil nature, where there is an immanent opportunity for the transformation of discourse into a political (anti-political) one; 4. The most popular (the number of likes and comments) are posts in groups on social networks containing a direct call to participate in rallies, as well as short emotional slogans and memes.

Key words: virtual protests, online rallies, protest activity, protest discourse, political mobilization, protest moods.

Citation. Makarenko K.M. Online and Offline Protest Discourse in Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 225-235. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос),1

Дата поступления статьи: 05.10.2021
Дата принятия статьи: 19.01.2022

ПРОТЕСТНЫЙ ДИСКУРС ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-МИТИНГОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Макаренко К.М., 2022

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и распространения протестного дискурса в новых практиках протестного поведения. Онлайн-митинги, появившиеся в 2020 г. в публичном пространстве России, остались малозаметной практикой, несмотря на потенциальную применимость в рамках единой логики «соревновательной политики». Методологическую основу исследования составляют теории «относительной депривации» (Т. Гарра), «соревновательной политики» (Ч. Тилли) и теории «сетевое общество» (М. Кастельса). В качестве конкретных методов исследования использовались выборочный анализ кейсов протестов в период января 2018 г. – сентября 2021 г. (42 акции по 26 регионам Российской Федерации), а также дискурс-анализ, позволивший определить тематику протестных выступлений. Политический дискурс протеста представляет собой коммуникативное пространство конструирования единых символов и идентичности движения. Формирование дискурса происходит в онлайн-пространстве, что обусловлено развитостью и

простотой коммуникации между индивидами. На основе проведенного анализа были сделаны некоторые выводы о специфике формирования протестного дискурса в онлайн-среде: 1) дискурс формируется в открытых онлайн-площадках, таких как группы ВКонтакте, чаты в Telegram или интернет-форумы; 2) протестные сообщества занимаются информационной и мобилизационной функциями независимо от числа участников (при этом эффективности вовлеченности аудитории и, как следствие, обратной связи, будут существенно различаться); 3) основная тематика протестных акций представлена конъюнктурными проблемами гражданского характера, где существует имманентная возможность для трансформации дискурса в политический (анти-политический); 4) наибольшей популярностью (по количеству лайков и комментариев) обладают посты в группах в социальных сетях, содержащих прямой призыв к участию в митингах, а также краткие эмоциональные лозунги и мемы.

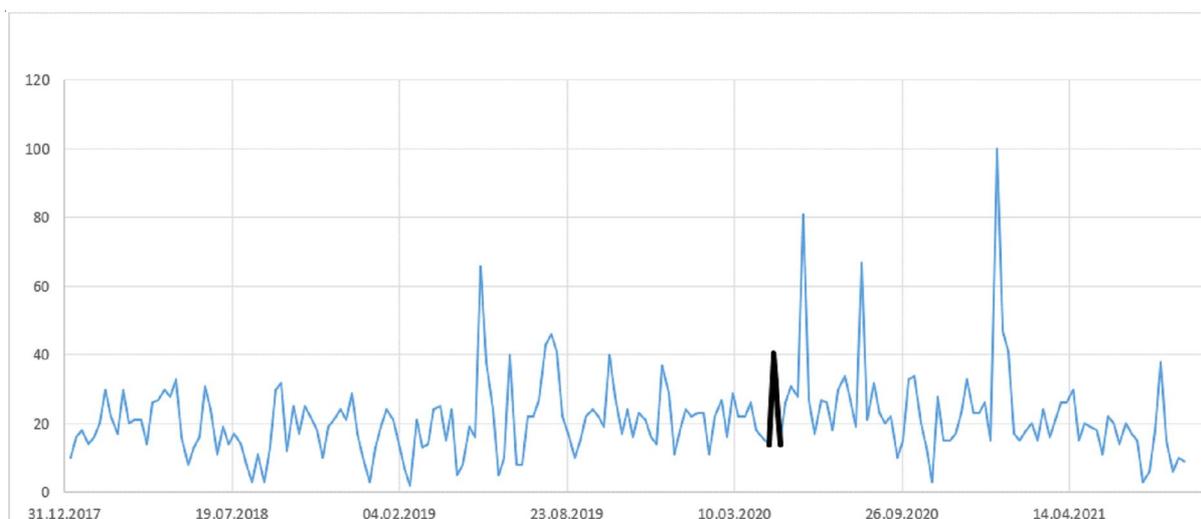
Ключевые слова: виртуальные протесты, онлайн-митинги, протестная активность, протестный дискурс, политическая мобилизация, протестные настроения.

Цитирование. Макаренко К. М. Протестный дискурс онлайн- и офлайн-митингов в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 225–235. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

Введение. Стабильность функционирования общества не исключает наличия имманентно присущих ему конфликтов, которые в силу определенно сложившихся обстоятельств выражаются в публичных массовых акциях. В современной России публичные протесты представляют собой крайне важное и массовое явление, во многом определяющее характер общественных взаимодействий и представляемое в качестве демаркационных линий на «до» и «после». Развитие Интернета, внедрение коммуникационных технологий является значимым фактором трансформации общественных (социальных и политических) институтов [1, с. 744–746]. Во многом «вынужденная» цифровизация, явившаяся следствием стихийного развития пандемии COVID-19, привела к динамичному изменению характера вза-

имодействий в обществе, в том числе усилило тренд на диффузию протеста между онлайн- и офлайн-средой. Как отмечают отечественные исследователи А.В. Соколов и Я.В. Барских, формирование различных гражданских инициатив в виртуальной среде может перерасти в организации и движения, реализующие свою деятельность в офлайне. Авторы фиксируют, что интеграция в гражданскую активность различных сетевых технологий является «эволюционным фактором ее институционализации» [22, с. 43].

Используя возможности сервиса «Google Trends», мы осуществили поисковый запрос по ключевому слову «протест», отфильтровав поиск по России с 01.01.2018 по 01.09.2021 г., и получили следующие результаты, отраженные на рисунке [18].

Результаты поискового запроса в Google Trends
Google Trends search results

Пики поисковых запросов совпадают с массовыми протестными акциями, так как любая публичная акция проходит стадию мобилизации и последующего обсуждения итогов и формирования новых стратегий. Оба этих этапа непосредственно связаны с информационной деятельностью, что и отражается в результатах поиска. Интерес вызывает один период с 19 апреля по 9 мая 2020 г. (пик отдельно выделен цветом). Именно в этот период произошли две акции онлайн-протеста, которые, вероятнее всего, повлияли на интерес пользователей к формированию поисковых запросов по ключевому слову «протест»:

1. 20 апреля 2020 г. прошли онлайн-митинги в приложении «Яндекс.Навигатор». Акции проводились на виртуальных картах городов, рядом с административными зданиями: у Кремля в Москве, у администрации края в Краснодаре, у правительства области в Ростове. Характер требований протестующих касался как вопросов, связанных с коронавирусом и введением режима ЧС, так и с общим негодованием из-за ситуации с экономикой и уровнем политического менеджмента в стране [6].

2. Онлайн-митинг «За жизнь» против поправок в Конституцию РФ, организованный кампанией «Нет!» в видео-хостинге YouTube. Протестная акция представляла собой виртуальный митинг с определенными ведущими и спикерами; общей темой выступлений; наличием требований, призывов, лозунгов; подготовкой и презентацией резолюции с требованиями к власти. Пиковое значение участников митинга составляло 4 700 человек – довольно низкий показатель с учетом заявленных спикеров (М. Светов, С. Гуриев) и анонса выступления музыканта Noize MC, при этом всего онлайн-митинг на 02.09.2021 г. был просмотрен 72 014 раз [15]. Новые формы публичного выражения недовольства становятся не только предметом обсуждения исследователей, но и интересом окружающих, что и способствуют возникновению информационных всплесков, и, как следствие, повышению уровня интереса к протестной активности в целом.

Методы и материалы. Для нас крайне важно отметить, что любая публичная протестная акция представляется в качестве, как

минимум, двух форм: непосредственного события, акцентирующего внимание на определенном вопросе или проблеме, и сообщения, направленного адресату, который может быть представлен как властью, так и разными частями социума. Рядом отечественных исследователей отмечается, что успешность публичной политической акции определяется возможностью «сделать политическое высказывание и быть услышанными» [16, с. 18].

Таким образом, для нас актуальны 2 исследовательских вопроса. Во-первых, являются ли онлайн-митинги самостоятельным политическим событием или они представляют собой лишь виртуальную копию офлайн-митингов? Во-вторых, едино ли коммуникативное (дискурсивное) пространство онлайн- и офлайн-митингов? Оптика исследования определяется использованием методологических принципов теории: 1) «относительной депривации» (Т. Гарра), позволяющей представить протест как результат роста в современном российском обществе противоречий между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями индивидов, тем самым обосновав протестную активность, выраженную как онлайн, так и офлайн, как естественную реакцию общества; 2) «соревновательной политики» (Ч. Тилли), позволяющей представить протестную активность как форму противостояния двух коллективных конкурирующих сторон: правительства и оппозиции, каждая из которых мобилизует доступную ресурсную базу для изменения устоявшихся «правил игры» в более выгодную для себя сторону; 3) «сетевого общества» (М. Кастельса), дающей возможность представить процесс политической мобилизации в современном обществе через призму возрастания роли коммуникативных технологий в процессе конструирования протеста.

Предлагаем ответить сначала на второй из заявленных вопросов, после чего в выводах сформировать ответ на первый. В связи с обозначенной логикой особую важность представляет изучение дискурса как коммуникативного пространства, на основе которого выстраивается идентичность членов движения, а также презентация целей и идеалов движения вовне. Мы солидарны с позицией А. Дука, определяющего дискурс как «соци-

альный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [8, с. 14]. То есть дискурс в рамках исследования определяется конструированием единых символов движения: некоторых общих черт и практик, характерных участникам (и сочувствующим) коллективных действий. Таким образом, дискурс представляется пространством демаркации на «своих» и «чужих» в разных формах коммуникативного взаимодействия, то есть в данной работе дискурс будет пониматься в традиции «общего языка».

Исследователями отмечается, что идеологизированный дискурс строится на основании единых принципов и с использованием единых инструментов. А.Б. Бушев выделяет «штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, языковые оценочные коннотации, неясность терминов, перенасыщенность (включаемую нами в семантико-синтаксическое явление сверхсатиации), определенные риторические приемы» как наиболее релевантные семантические конструкции, включенные и формирующие дискурс [5, с. 177–178].

В зарубежных исследованиях был поставлен вопрос о субъектах формирования дискурса в виртуальном сообществе. Так, повестка дня возникает под влиянием активных граждан (действующих как индивидуально, так и коллективно), при этом представители органов власти вынуждены встраиваться в заданную повестку [26]. Несмотря на то что власть выступает в роли «догоняющего» в процессе формирования повестки дня, нельзя игнорировать ресурсный потенциал коллективного государства, способного не только корректировать информационные потоки, но и вовсе ограничивать их распространение.

Дискурс-анализ позволяет зафиксировать состояние определенной (как правило, наиболее активной) части общества. В качестве дискурсивного анализа использовались инструменты изучения общественных проблем, то есть тех тем, которые выделяются организаторами протестных акций и самими протестующими как наиболее важные и требующие общественного внимания.

Анализ. Достижение общественно значимых задач непосредственно связано с коллективными действиями, направленными на концентрацию (мобилизацию) ресурсов, прежде всего социального капитала, который при этом, является основополагающим фактором «перерастания» форм гражданской активности от локальных к более массовым масштабам, вплоть до федерального [11, с. 54]. Одновременно с изменением масштабов проблемы происходит и трансформация дискурса, который становится более политизированным и ориентированным на определение конкретных виновных и/или на фиксацию неработоспособности системы.

Мобилизация и концентрация ресурсов для организации протеста через онлайн-среду стала повсеместно используемой практикой. Однако онлайн-протесты как новая форма гражданского (или политического) действия только недавно приобрела популярность в России. Онлайн-протесты не воспринимаются в качестве значимого события, способного трансформировать социально-политическое пространство и влиять на процесс принятия политических решений, но, с учетом возрастания личной «стоимости» участия в уличных протестных акциях, онлайн-формы остаются одной из немногих безопасных форм выражения публичного недовольства.

Появление Интернета, возможно, является важнейшим событием XX в., полностью изменившим все сферы человеческой жизни, начиная от экономики, заканчивая политикой и личной жизнью. Наибольшее влияние Интернет, в различных своих проявлениях, оказывает на характер межличностного взаимодействия. Доступ к Интернету уже вписан в пирамиду человеческих потребностей, однако, несмотря на существование стран, где доступом к Интернету обладают свыше 90 % населения, на карте мира наличествуют территории, где доступ к Интернету является показателем высокого социального достатка [25].

Влияние Интернета на различные сферы общественной жизни становится фокусом исследования ученых – представителей самых разнообразных наук, начиная от экономики, заканчивая социологией и политологией. В последние годы был опубликован ряд работ представителей общественных наук, фикс-

сирующих институционализацию практик сетевых форм взаимодействия в системе «власть – общество» [2; 7], а также долгосрочного тренда на «имплементацию сетевых практик в политическую реальность» [3, с. 15].

В современной России имеют место практики применения цифровых форм политического участия, такие как действующая на территории города Москвы платформа «Активный гражданин», позволяющая выстраивать диалог общества и власти посредством онлайн-обсуждения общественно-значимых задач благоустройства города. Однако стоит заметить, что, несмотря на безусловно положительный характер реализации функций местного самоуправления посредством платформы, подобный формат, по мнению исследователя О.В. Ерохиной, имеет мало шансов быть реализованным в других регионах РФ, что связано с «латентным сопротивлением элитных групп и недостаточностью технологической инфраструктуры» [9, с. 58]. Степень развития технологической инфраструктуры становится одним из важнейших факторов улучшения качества жизни граждан.

Онлайн-практики политического участия постепенно нашли свое отражение не только в платформах, позволяющих решать вопросы местного значения, не только в электронном голосовании (технологический аспект проведения которого со стороны части населения вызывает вопросы и недоверие), но и в протестной активности – как форме концентрированного публичного выражения недовольства политической системой или ее отдельными элементами. Вопросы влияния Интернета на участие людей в протестах становились предметом изучения представителей политических наук, при этом, апеллируя к разным примерам и цифрам, исследователи приходили к различным, иногда и диаметрально противоположным результатам. Обширный обзор разнородных публикаций представлен в статье О.Ю. Кольцовой и Э.А. Киркиж, параллельно с которым авторы провели собственное исследование, базирующееся на данных шестой волны проекта World Values Survey, и пришли к значимому выводу: получение новостей из онлайн(интернет)-источников оказывает «самостоятельное влияние на участие людей в мирных демонстрациях» [11, с. 101]. Однако

абсолютизировать фактор чтения новостей нельзя, сами авторы заявляют о том, что в разных странах получение информации из интернет-источников оказывает разную степень влияния на протестную активность. Коллектив авторов Р. Эниколопов, А. Макаркин, М. Петрова убедительно показали, как распространение социальных сетей (прежде всего ВКонтакте) в больших городах повлияли на рост интенсивности и массовости антиправительственных протестов 2011–2012 гг., отметив при этом, что ситуация могла бы кардинально измениться, если бы правительство ожидало столь масштабных акций [24].

Актуальным является вопрос определения того, чем же является Интернет в процессе политической протестной мобилизации: каналом коммуникации, площадкой коммуникации, виртуальным отображением реального пространства или совокупностью связей и элементов, обуславливающих формирование онлайн-сообществ? В этой связи интересной является интерпретация И.В. Ксенофоновой, отметившей «архивную» функцию Интернета [12, с. 115], что выражено в известной фразе «что попадает в Интернет там и остается». Различные кейсы, курьезы, высказывания и поступки, произошедшие многие годы назад могут актуализироваться в любой момент и стать поводом для мобилизации протестного электората. Целью существования протестных онлайн-сообществ является «распространение информации о протестных действиях и, соответственно, обеспечение максимальной мобилизации различными способами» [12, с. 116]. В соответствии с этим, модераторам групп и движений необходимо поддерживать протестный дискурс, зачастую «вспоминая» символические события для поддержания состояния неприятия к конкретным или обобщенным представителям власти.

Несмотря на то что средний возраст протеста по результатам митингов 2021 г. сдвинулся к 35–45 годам [19], в общественном сознании укоренен образ бунтующей молодежи, а зачастую и «школоты». В этой связи крайне интересный анализ стратегий протеста представителей поколений Y и Z в российском сегменте Интернета представлен в статье В.В. Титова. Автор, на основе исследования, с использованием количественных и

качественных методик, пришел к значимым выводам (мы выделим лишь некоторые):

1. Основной мотивацией и проблемно-объектной локализацией протеста для представителей обоих поколений являются системные проблемы: «социальная неопределенность, размытость карьерных и материальных перспектив, высокий уровень коррупции», и, как следствие, неэффективность власти, бюрократии и отсутствие социальной справедливости.

2. Объектом критики выступает обобщенное «государство», однако, если для представителей поколения Z объект представлен абстрактно, то для Y – «пространственно локализован и часто персонифицирован».

3. Отмечается существенное влияние «сетевого» юмора для высмеивания социальной действительности. Поколение Z отличается меньшей эмоциональной выразительностью при оценке текущего состояния дел в различных сферах жизни общества, но активным использованием юмора, а Y, в свою очередь, имеют большую эмоциональную вовлеченность, которая имеет свойство усиливаться, когда протест персонализирован и имеет локальный характер [23, с. 150–152].

Таким образом, молодежный протестный дискурс формируется в результате симбиоза мнений индивидов относительно ошибок и противоречий политической системы в целом и представителей власти как элементов, отражающих неработоспособность системы, а также политического юмора, высмеивающего сложившуюся ситуацию. Дискурсивное пространство современного отечественного протеста подвержено сильному влиянию мемов, как информационных единиц.

Поразительно точно в логике теории «относительной депривации» о смене поколений протеста высказался И. Смекалин «состав протестующих сменился от представителей среднего класса в сторону молодых людей с более низкими доходами и социально-экономическими претензиями. Приняв во внимание фактор силового воздействия на протестующих, это можно объяснить через следующую модель принятия решения. Издержки на коллективное действие увеличиваются из-за административного давления, и это приводит к тому, что представители среднего класса,

сравнивая издержки от невыполнения политических претензий и административного воздействия, выбирают не протестовать. С другой стороны, представители менее обеспеченных социальных слоев ощущают увеличение издержек на выражение претензий экономического характера, которые перевешивают ущерб от силового давления. Поэтому происходит деполитизация протеста за счет смены социальной категории: вместо той, что могла позволить себе протестовать, появляется та, которая не может позволить не протестовать» [20, с. 92]. Таким образом, формирование новых социальных групп, зачастую вынужденных обращаться к протестам как крайней форме коммуникации с представителями власти, подчеркивает противоречивый характер нарастания общественного недовольства. В условиях «соревновательной политики» каждая из сторон вырабатывает новые механизмы борьбы за изменение / сохранение действующих «правил игры».

Относительно новым механизмом публичного выражения мнений несогласных становятся онлайн-митинги. Виртуальные формы протеста стали предметом обсуждения отечественных политологов и политтехнологов, озаботившихся возможным влиянием подобных практик на публичное политическое пространство. В публикации 2018 г. исследовательская группа «Мониторинга актуального фольклора» зафиксировала факт «пересборки митинга» (изменение восприятия понятия «митинг» как акции, проводимой исключительно в публичном физическом пространстве. – К. М.), что явилось следствием ухода части протестных практик в виртуальное пространство и, как следствие, формирование новых типов протестов, которые признаются в качестве публичных акций протестов одной частью социума и отрицаются другой [16, с. 31]. Согласимся с позицией И.А. Бронникова, отметившего, что участвовавшие практики самоорганизации граждан в онлайн-сообществах (в том числе и посредством онлайн-митингов) являются фиксацией медленной трансформации «институционального каркаса», характеризующего наличие корреляции между потребляемой информацией и выраженным гражданским участием, «эффективность которого зачастую зависит от желания и возможности тратить

время и ресурсы на решение конкретной проблемы» [4, с. 279].

Относительно акций 2020 г. К. Калачев отметил, что «власть будет реагировать на онлайн-митинги, если количество их участников будет расти, если идеи этих митингов окажутся привлекательными для значительных групп населения, если будет риск перехода из онлайн в офлайн. Эти митинги могут быть как средством канализации протеста, выпуска пара, изоляции протестующих в онлайн-гетто, так и инструментом агитации и мобилизации, средством вовлечения в политику ранее аполитичных граждан, площадкой для продвижения идей, выходящих в офлайн через последующее участие протестующих и к ним примкнувших в выборных процедурах и голосованиях» [17]. Во многом реакция властей будет зависеть не столько от протестного дискурса, сколько от субъектного (организаторского) состава онлайн-протестов. Состав субъектов мобилизации протестов в России является довольно устойчивым [21, с. 185], при этом принципиального различия в организаторах протестных акций как в офлайн-, так и онлайн-среде не обнаружено. В обоих случаях абсолютное большинство акций в зависимости от тематики протеста проходят под протекторатом партийных структур (прежде всего КПРФ) и общественных организаций. В условиях ухудшения социально-экономических условий жизни людей, вызванных в том числе и пандемийными экономическими эффектами, высока вероятность роста мобилизационного потенциала представителей несистемной оппозиции (который заметно снизился в результате тюремного заключения А. Навального и признания сети Фондов Борьбы с коррупцией ² экстремистской организацией). В результате онлайн-протесты могут стать объектом пристального внимания со стороны органов власти как ячейки концентрации антивластного недовольства.

В результате увеличения «стоимости» участия в публичных акциях протеста будет увеличиваться доля онлайн-акций. В связи с этим политолог Дмитрий Юрьев отмечает: «Во-первых, онлайн-митинг не несет немедленного риска для здоровья и свободы участнику: винтить негде, сажать не за что. Во-вторых, массовый (а не только для своих) онлайн-митинг нельзя закрыть от широкого круга людей, нео-

бязательно из числа сектантов (Навального или еще какого-то претендента на вождизм)» [17]. Отметим, что в случае роста популярности онлайн-митингов среди оппозиционно настроенной части населения РФ как формы выражения протеста, особенно в случае вовлечения политической повестки, перед законодателем встанет вопрос создания запретительных барьеров для проведения подобных виртуальных форм протестного коллективного действия.

В рамках данной статьи онлайн-митинги интересуют автора в первую очередь не столько как самостоятельный феномен, а как вынужденный в условиях принятых ограничений, связанных с пандемией коронавируса, а также «ужесточения» антимитинговой политики, переходный этап к офлайн, то есть уличной протестной активности. В связи с этим, одна из задач исследования состояла в определении принципов формирования протестных настроений в онлайн-среде и дальнейшей их трансформации в публичный протест.

Результаты. Для реализации указанной задачи автором на основании выборочного анализа протестов января 2018 г. – сентября 2021 г. была сформирована база практик (42 акции протеста по 26 субъектам РФ) перехода от онлайн- к офлайн-формам протестной активности [14]. Хронологические рамки исследования обусловлены фиксируемым снижением уровня доверия населения РФ к основным политическим институтам, прекращением действия эффекта «Крымского консенсуса». Данный тезис может быть аргументирован рейтингом одобрения деятельности Владимира Путина по данным Левада-Центра [13] ³. Институциональный статус Президента, а также его политическая субъектность позволяют сделать вывод о снижении доверия к основным политическим (государственным) институтам исходя из рейтинга доверия Президента, который является источником легитимации для остальных институтов. Резкий рост рейтинга одобрения деятельности Президента в марте 2014 г. сменился скачкообразным падением рейтинга в 2018 году.

По итогам исследования кейсов были сформулированы следующие выводы:

1. В качестве онлайн-площадок для формирования и мобилизации сторонников используются социальные сети (прежде все-

го ВКонтакте, как самая массовая социальная сеть в России), мессенджеры (все больше используется Telegram), форумы (которые встречаются крайне редко).

2. Численность аудитории варьируется от микрогрупп численностью в несколько десятков человек до сообществ в несколько десятков тысяч подписчиков (например, «СТОП ГОК / Группа по проблеме Томинского ГОКа» – более 27 000 участников). Мобилизация велась через группы, функционирующие на протяжении длительного времени, которые успели набрать определенную аудиторию. При этом группы по типу «Ядрово. Задыхаемся!!!» создавались в период развития проблемы и быстро росли на волне общественного резонанса (на 01.09.2021 г. – 9 400 участников).

3. Тематика протестов связана в первую очередь с конъюнктурными протестами: 1) пенсионная реформа; 2) проблемы экологического характера / закрытие мусорных полигонов; 3) неудовлетворенность социальным обеспечением граждан; 4) снятие кандидатов с выборов в представительные органы власти / фиксация нарушения на прошедших выборах; 5) недовольство проведением политики оптимизации; 6) несогласие с политикой власти ввиду наличия идеологических разногласий. При этом политическая тематика протестов явно содержится лишь в протестах под номерами 4) и 6), что является свидетельством, прежде всего, гражданской основы протестов как попытки осуществления влияния на местные власти для решения локальной проблемы.

4. Наибольшей популярностью (набравшие наибольшее количество лайков и комментариев пользователей) пользуются посты, связанные с призывами участвовать в митингах (могут быть выражены как текстом, так и фотографией), а также короткие эмоциональные лозунги (например: ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ – ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!, опубликованное 25.01.2019 г. в группе фракции КПРФ в Курганской областной Думе), а также мемы, направленные на придание ситуации абсурдности и показывающие наличие социальной дифференциации в обществе [например: «Представьте, приходит депутат осенью в Думу, а ему говорят с тебя деньги за ремонт, столы, стулья, микрофон. Смешно правда? А родителям, ведущим детей в садик и школу не смешно» (текст на кар-

тинке с сохранением орфографии. – К. М.). Опубликовано в группе Коммунисты России Владимирская область (КПКР)].

Так, на основе проведенного исследования, можно сформулировать вывод о наличии единого дискурсивного пространства онлайн- и офлайн-протестов, что обусловлено, в первую очередь, спецификой развития центральных тематик протеста в онлайн- и последующей агрегацией их в офлайн-лозунги.

На данный момент онлайн-митинги не являются самостоятельной формой протеста, а их проведение базируется на соблюдении единых для офлайн-митингов требований. В этой связи онлайн-митинги не воспринимаются ни одной из сторон в качестве трендовой протестной активности. Однако мнение экспертов и исследователей оставляет пространство для формирования регулярных протестных практик в онлайн-сфере ввиду увеличения «стоимости» участия в офлайн-митингах. Трендом протестной активности онлайн-митинги не станут, по крайней мере, в ближайшей перспективе, что обусловлено, в первую очередь, ограниченными социальными и технологическими рамками онлайн-пространства. Проведение реального митинга всегда сопряжено со случайным участием людей, оказавшихся в месте концентрации протеста, в этой связи, реальный протест представляется более весомым из-за возможности вовлечения больших социальных ресурсов, в том числе и случайных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32222.

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-32222.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³ Организация, включенная в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 783 с.

2. Бродовская, Е. В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 3–18.
3. Бронников, И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах / И. А. Бронников // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7–18.
4. Бронников, И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций / И. А. Бронников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 269–285. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>.
5. Бушев, А. Б. Протестный дискурс: оптика исследования / А. Б. Бушев // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 170–182.
6. В России начались онлайн-митинги с требованием ввести ЧС. Они идут в Москве, Краснодаре и Ростове-на-Дону // Такие дела. – 2020. – 20 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2020/04/20/miting-onlayn/> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
7. Володенков, С. В. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы / С. В. Володенков, А. Б. Ромашкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 33–40.
8. Дука, А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России / А. В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 1. – С. 91–113.
9. Ерохина, О. В. Цифровые формы политического участия в России / О. В. Ерохина // Власть. – 2021. – Т. 29, № 6. – С. 54–59. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8678>.
10. Кольцова, О. Ю. Влияние интернета на участие в протестах / О. Ю. Кольцова, Э. А. Киркиж // Полития. – 2016. – № 1 (80). – С. 90–110.
11. Круглов, М. С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук / Круглов Максим Сергеевич. – М., 2015. – 170 с.
12. Ксенофонтова, И. В. Роль интернета в развитии протестного движения / И. В. Ксенофонтова // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–116.
13. Левада-Центр. Одобрение органов власти. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 11.01.2022). – Загл. с экрана.
14. Мониторинг данных социальных сетей – коммуникативных площадок мобилизации протеста в регионах РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/noc_multivariate_socio-political_space/proekt-rffi-i-eisi-21-011-32222.php (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.
15. Онлайн-митинг «За жизнь». Youtube. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gYDkz-tjn7E> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
16. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете / А.С. Архипова [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 12–35. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.
17. Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус // Фонтанка.ру. – 2020. – 29 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030/> (дата обращения: 07.06.2021). – Загл. с экрана.
18. Результаты поискового запроса «протест» // Google Trends. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2018-01-01%202021-09-01&geo=RU&q=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
19. Рожкова, Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян / Е. Рожкова // Коммерсантъ. – 2021. – 30 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 22.08.2021). – Загл. с экрана.
20. Смекалин, И. Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями / И. Смекалин // Вестник общественного мнения. – 2021. – № 1–2 (132). – С. 89–94.
21. Соколов, А. В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии : дис. ... д-ра полит. наук / Соколов Александр Владимирович. – М., 2018. – 445 с.
22. Соколов, А. В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А. В. Соколов, Я. В. Барских // Власть. – 2021. – № 6. – С. 42–47.
23. Титов, В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z / В. В. Титов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 139–158. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.
24. Enikolopov, R. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia / R. Enikolopov, A. Makarin, M. Petrova // Econometrica. – 2020. – Vol. 88, № 4. – P. 1479–1514.

25. Roser, Max. Internet / Max Roser, Hannah Ritchie, Esteban Ortiz-Ospina // OurWorldInData.org. – 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ourworldindata.org/internet> (date of access: 02.09.2021). – Title from screen.

26. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data / P. Barbera [et al.] // American Political Science Review. – 2019. – Vol. 113, № 4. – P. 883–901.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushcheye industrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming Industrial Society. Experience of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999. 783 p.

2. Brodovskaya Ye.V., Khuang T. Tsifrovoye pokoleniye: grazhdanskaya mobilizatsiya i politicheskiy protest rossiyskoy molodezhi [Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 2019, no. 5 (153), pp. 3-18.

3. Bronnikov I.A. Grazhdanskiy aktivizm v setevykh soobshchestvakh [Civic Activism in Network Communities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskiye nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 7-18.

4. Bronnikov I.A. Samoorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovyykh kommunikatsiy [Self-Organization of Citizens in the Age of Digital Communications.]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2020, vol. 13, no. 2, pp. 269-285. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>.

5. Bushev A.B. Protestnyy diskurs: optika issledovaniya [Protest Discourse: Research Optics]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of Theory and Practice of Journalism], 2015, vol. 4, no. 2, pp. 170-182.

6. V Rossii nachalis' onlayn-mitingi s trebovaniyem vvesti ChS. Oni idut v Moskve, Krasnodare i Rostove-na-Donu [Online Rallies Have Begun in Russia Demanding an Emergency Situation. They Take Place in Moscow, Krasnodar and Rostov-on-Don]. *Takiye dela*, 2020, April 20. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/04/20/miting-onlayn> (accessed 2 September 2021).

7. Volodenkov S.V., Romashkina A.B. Tekhnologii internet-kommunikatsii kak instrument vliyaniya na funktsionirovaniye sovremennykh institutov vlasti: aktual'nyye vyzovy [Internet Communication Technologies As a Tool for Influencing the Functioning of Modern Institutions of Power: Current Challenges].

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 33-40.

8. Duka A.V. Politicheskiy diskurs oppozitsii v sovremennoy Rossii [Political Discourse of the Opposition in Modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998, vol. 1, no. 1, pp. 91-113.

9. Yerokhina O. V. Tsifrovyye formy politicheskogo uchastiya v Rossii [Digital Forms of Political Participation in Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2021, vol. 29, no. 6, pp. 54-59. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8678>.

10. Kol'tsova O.Yu., Kirkizh E.A. Vliyaniye interneta na uchastiye v protestakh [The Influence of the Internet on Participation in Protests]. *Politia*, 2016, no. 1 (80), pp. 90-110.

11. Kruglov M.S. *Sovremennyye formy grazhdanskoy aktivnosti v politicheskom protsesse Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. polit. nauk* [Modern Forms of Civic Engagement in the Political Process of the Russian Federation. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, 2015. 170 p.

12. Ksenofontova I.V. Rol' interneta v razvitii protestnogo dvizheniya [The Role of the Internet in the Development of the Protest Movement]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 2012, no. 3 (109), pp. 114-116.

13. *Levada Tsenter. Odobreniye organov vlasti* [Levada Center. Government Approval]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed 11 January 2022).

14. *Monitoring dannykh sotsial'nykh setey – kommunikativnykh ploshchadok mobilizatsii protesta v regionakh RF* [Monitoring Data of Social Networks – Communication Platforms for Mobilizing Protests in the Regions of the Russian Federation]. URL: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/noc_multivariate_socio-political_space/proekt-rffi-i-eisi-21-011-32222.php (accessed 18 January 2022).

15. *Onlayn-miting «Za zhizn'»*. Youtube [Online Rally “For Life”. Youtube]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gYDkz-tjn7E> (accessed 2 September 2021).

16. Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V., Yugay Ye.F., Belyanin S.V., Gavrilova M.V. «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v Internetе [“Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 1, pp. 12-35. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

17. Protest ukhodit v onlayn. Neizbezhnoye podtolknul koronavirus [The Protest Goes Online. The Inevitable Pushed the Coronavirus]. *Fontanka.ru*, 2020, April 29. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030> (accessed 7 June 2021).

18. Rezul'taty poiskovogo zaprosa «protest» [Search Results for “Protest”]. *Google Trends*. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2018-01-01%202021-09-01&geo=RU&q=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82> (accessed 2 September 2021).

19. Rozhkova Ye. Daleko ne shkolota. Sotsiologi o portrete i motivatsii vyshedshikh na protestnyye aktsii rossiyan [Far from Being Schoolchildren. Sociologists on the Portrait and Motivation of Russians Who Took to the Protests]. *Kommersant*, 2021, January 30. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (accessed 22 August 2021).

20. Smekalin I. Faktory massovoy protestnoy aktivnosti v Rossii: mezhdru tsennostyami i vozmozhnostyami [Factors of Mass Protest Activity in Russia: Between Values and Opportunities]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 2021, no. 1-2 (132), pp. 89-94.

21. Sokolov A.V. *Setevoy politicheskiy protest v Rossii: subyekty, tendentsii i tekhnologii: dis. ... d-ra polit. nauk* [Network Political Protest in Russia:

Subjects, Trends, and Technologies. Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2018. 445 p.

22. Sokolov A.V., Barskikh Ya.V. Internet-aktivizm kak fenomen tsifroviziruyushcheysya grazhdanskoj aktivnosti [Internet Activism As a Phenomenon of Digitalizing Civic Activity]. *Vlast'* [The Authority], 2021, no. 6, pp. 42-47.

23. Titov V.V. Strategii sotsial'nogo protesta molodezhi v Runete: sravnitel'nyy analiz pokoleniy Y i Z [Strategies of Social Protest of Youth in Runet: A Comparative Analysis of Generations Y and Z]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 3, pp. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.

24. Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. *Econometrica*, 2020, vol. 88, no. 4, pp. 1479-1514.

25. Roser M., Ritchie H., Ortiz-Ospina E. Internet. *OurWorldInData.org*, 2015. URL: <https://ourworldindata.org/internet> (accessed 2 September 2021).

26. Barbera P., Casas A., Nagler J. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data. *American Political Science Review*, 2019, vol. 113, no. 4, pp. 883-901.

Information About the Author

Kirill M. Makarenko, Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Информация об авторе

Кирилл Михайлович Макаренко, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>

UDC 32.019.51
LBC 66.3(2Poc)

Submitted: 16.10.2021
Accepted: 21.01.2022

THE PRESENTATION OF FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY IN THE MEDIA: RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN STUDY¹

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the Russian Federation, the relevance of research on the demographic indicators and the effectiveness of public administration in their regulation. Demographic problems include a set of tasks that need to be solved to ensure the growth of fertility and life expectancy, reduce mortality, and regulate migration. This study discusses a part of demographic policy, namely the instruments of the state family and demographic policy aimed at “saving the people of Russia and developing human potential”, which, in accordance with the National Security Strategy of the Russian Federation, are the priority of the country’s national interest. The purpose of this work is to identify the context of communication between the government and society in the process of covering the demographic situation and public administration in the field of family and demographic policy by the Russian media. **Methods and Materials.** The research methodology is based on theories that reveal the relationship between political management and political communication (S. Ball-Rokeach and M. DeFleur, G. Lasswell, J. Habermas, G. Esping Andersen, S. Volodenkov, M. Grachev, A. Solovyov, etc.). The research method is content analysis of regional Russian media, the sample consists of 9011 articles. **Analysis.** In the process of content analysis, the following tools of public administration were evaluated: communication and the construction of a discourse on the implementation and results of family and demographic policy in the Russian media. Family and demographic policy are parts of social policy and can be quite effective (for example, the “One-child policy” of China), but the use of technologies to manipulate public opinion in the process of implementing family and demographic policy carries significant risks. **Results.** The content analysis revealed how family and demographic policy is covered in the media, which of the three communication purposes of the authorities and society (information, dialogue or manipulation) is the basic one. Content analysis allowed us to answer the question: are technologies of manipulation of public opinion used to increase the birth rate in the Russian Federation? It is revealed that these technologies are not used in the analyzed media, there is no persistent repetition of characteristic phrases. The data obtained in the process of content analysis made it possible to describe the communicative practices used in the studied media, to conclude whether the communicative practices correspond to the goals of political management in the field of family and demographic policy. **Authors’ contribution.** T. Rostovskaya built a theoretical scheme for the study of the context of communication between the government and society, carried out a guide for collecting material by regions of the Russian Federation. E. Vasilieva developed a research methodology, processed the data obtained. The co-authors jointly analyzed the data and interpreted the results.

Key words: political management, communication, demography, family and demographic policy, content analysis, mass media.

Citation. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. The Presentation of Family and Demographic Policy in the Media: Results of the All-Russian Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 236-248. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>

ОСВЕЩЕНИЕ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СМИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Тамара Керимовна Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Николаевна Васильева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В РФ растет актуальность исследования демографических показателей и эффективности государственного управления по их регулированию. Демографические проблемы включают комплекс задач, которые необходимо решить для обеспечения роста рождаемости и продолжительности жизни, снижения смертности, регуляции миграции. В данном исследовании рассматривается часть демографической политики, а именно обсуждаются инструменты государственной семейно-демографической политики, направленной на «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», которые в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, являются приоритетным национальным интересом страны [15]. Целью данной работы является выявление контекста коммуникации между властью и обществом в процессе освещения демографической ситуации и государственного управления в сфере семейно-демографической политики российскими СМИ. Методология исследования базируется на теориях, раскрывающих взаимосвязь политического управления и политической коммуникации (М. ДеФлер и С. Бол-Рокич, Г. Лассуэлл, Ю. Хабермас, Г. Эспинг-Андерсен, С.В. Володенков, М.Н. Грачев, А.И. Соловьев и др.). Метод исследования – контент-анализ региональных российских СМИ, выборка составила 9 011 статей. В процессе контент-анализа оценивались следующие инструменты государственного управления: коммуникация и построение дискурса о реализации и итогах семейно-демографической политики в российских СМИ. Семейно-демографическая политика является частью социальной политики и может быть достаточно эффективной (например, политика Китая «одна семья – один ребенок»), однако применение технологий манипуляции общественным мнением в процессе осуществления семейно-демографической политики несет в себе значительные риски. Контент-анализ позволил выявить, как освещена семейно-демографическая политика в СМИ, какая из трех целей коммуникации власти и общества (информирование, диалог или манипуляция) является базовой. Контент-анализ позволил ответить на вопрос: используются ли технологии манипуляции общественным мнением для повышения рождаемости в РФ? Выявлено, что данные технологии в анализируемых СМИ не используются, не фиксируется настойчивое повторение характерных словосочетаний. Данные, полученные в процессе контент-анализа, позволили описать коммуникативные практики, используемые в исследуемых СМИ, сделать вывод, соответствуют ли коммуникативные практики целям политического управления в сфере семейно-демографической политики. *Вклад авторов.* Т.К. Ростовская выстроила теоретическую схему исследования контекста коммуникации между властью и обществом, осуществила руководство по сбору материала по регионам РФ. Е.Н. Васильева разработала методику исследования, обработала полученные данные. Соавторы совместно провели анализ данных и интерпретировали полученные результаты.

Ключевые слова: политическое управление, коммуникация, демография, семейно-демографическая политика, контент-анализ, средства массовой информации.

Цитирование. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 236–248. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>

Введение. Негативные демографические изменения в РФ способствуют актуализации теоретических и практических исследований процессов постановки государствен-

ных целей и реализации политических решений, направленных на увеличение численности населения. Осуществляя семейно-демографическую политику, государственная власть

формирует политический дискурс, общественное мнение, коммуникативные практики общества и государственных институтов по вопросам демографии, рождаемости, мерам поддержки семьи и другим вопросам, входящим в данную сферу. В связи с этим важно уточнить содержание понятия «коммуникация» в контексте обеспечения взаимодействия государственной власти и общества по вопросам демографии.

Коммуникация осуществляется на межличностном и институциональном уровнях – отдельными индивидами (или объединенными в группы) и представителями власти. В современном мире площадки для осуществления коммуникации с властью разнообразны – совместные конференции, форумы, семинары, каналы продвижения законодательских инициатив, официальные аккаунты органов федеральной и региональной власти, а также органов местного самоуправления и их представителей и др., но когда речь идет о том, чтобы официальную позицию власти услышало как можно большее число граждан, то основными площадками являются средства массовой информации. СМИ предоставляют возможность высказаться как отдельным гражданам, так и, например, некоммерческим объединениям – партиям, социально-ориентированным некоммерческим организациям (далее – СО НКО) и др. Коммуникация – это обмен информацией, а целями коммуникации могут быть информирование, диалог, манипуляция общественным мнением.

Участники коммуникации могут выступать как субъектами, так и объектами воздействия. Органы федеральной и региональной власти, а также органы местного самоуправления посредством коммуникации формируют институциональные рамки реализации управленческих решений. Управленческие решения предваряет целеполагание, то есть формулировка государственной повестки. А.И. Соловьев предлагает рассматривать этот процесс с двух сторон: как ориентацию на формальные и нормативно-юридические приоритеты в разработке целей (приоритеты рациональных мотивов акторов, предполагающие доминирование норм и регламентов, устанавливающих рамки принятия решений); а также первенство экстраординарных мо-

тивов поведения и неформальной коммуникации, выстраивающих в государстве многочисленные цепочки уникальных человеческих связей [13]. Таким образом, необходимо эффективность целеполагания и государственного управления соотносить с практиками коммуникации (информирование, диалог, манипуляция общественным мнением), формирующимися в СМИ между гражданами, некоммерческими объединениями и властью в сфере семейно-демографической политики.

Методология и методы исследования. Методология исследования базируется на классических (М. ДеФлер и С. Бол-Рокич [25], Г. Лассуэлл [5], Ю. Хабермас [19], Г. Эспинг-Андерсен [20]) и современных российских теориях (С.В. Володенков [1], М.Н. Грачев [2], А.И. Соловьев [13]), раскрывающих взаимосвязь политического управления и политической коммуникации. Метод исследования – контент-анализ региональных российских СМИ. Цель исследования – выявление контекста коммуникации в процессе освещения демографической ситуации и предпринимаемых мер семейно-демографической политики российскими СМИ. Выборка строилась следующим образом: были исследованы данные ведущих информационных агентств, рассчитывающих рейтинг СМИ России и пользующихся доверием у экспертов: LiveInternet, «Медialogия», Brand Analytics (система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ).

Важно было не только рассчитать общий рейтинг медиаресурсов, но и выявить федеральные СМИ, наиболее представленные региональными самостоятельными изданиями. Для этого данные рейтингов были сопоставлены с данными экспертного опроса специалистов в сфере медиакommunikаций в следующих регионах: Волгоградская область (VLGR), Вологодская область (VLG), Ивановская область (IVAN), Москва (MSCW), Нижегородская область (NNVG), Республика Башкортостан (BASH), Республика Татарстан (TAT), Свердловская область (SVRD), Ставропольский край (STVR). Регионы были отобраны в соответствии с методологией, методикой исследовательского проекта, реализуемого под руководством Т.К. Ростовской [9]. В результате генеральную совокупность составили статьи, входящие в региональные выпуски

федеральных изданий – Российская газета (Неделя), Аргументы и факты (издания, выходящие еженедельно), Комсомольская правда (ежедневные новости), выложенные в сети Интернет в открытом доступе за период с 01.07.2020 по 30.06.2021 г. включительно.

В выборку целенаправленно отбиралась все статьи, раскрывающие исследуемую проблематику в соответствии с Кодировочным паспортом, не были отобраны статьи со статистической информацией о смертности и рождаемости без аналитики, а также статьи о криминальных ситуациях, связанных с семейным насилием. В итоге выборка составила 9 011 статьи из 103 868 статей, выложенных в Интернет к 01.07.2021 г. перечисленными изданиями за исследуемый период. Собранные материалы обработаны в специализированной программе для качественного и количественного анализа – QDA Miner.

Анализ. СМИ являются универсальной площадкой осуществления коммуникации власти с обществом. Можно утверждать, опираясь на концепции Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алманда, что политическая система стабильна, если управляема. В основе управляемости – общее смысловое поле власти и общества, формирующееся, когда население разделяет ценности, задачи и интересы власти. Именно СМИ, используя доступные им технологии массовой коммуникации, способны формировать модели восприятия политических событий, фактов, явлений и процессов. Стабильность политической системы зависит от того, разделяет ли большая часть граждан транслируемые властью смыслы, действует ли в соответствии с ними.

В сфере семейно-демографической политики можно выделить следующие смысловые категории: семья, показатели благополучия семьи, меры по улучшению демографической ситуации и материального благополучия семей и семейно-демографическая политика. Трансляция смыслов в сфере последней строится на выступлениях официальных представителей власти. Так, В.В. Путин на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом, как ключевые приоритеты устойчивого развития человеческого потенциала выделил: «Первое. У человека должна быть комфорт-

ная среда для жизни (жилье и доступная инфраструктура: транспортная, энергетическая, коммунальная). Второе. Человек должен быть уверен, что у него будет работа, которая даст устойчиво растущий доход и, соответственно, достойный уровень жизни. Третье. Человек должен быть уверен, что он получит качественную, эффективную медицинскую помощь, когда это требуется. Четвертое. Независимо от дохода семьи дети должны иметь возможность получить достойное образование и реализовать свой потенциал» [12].

В выступлении на Давосском форуме фиксируется уточнение смыслов, далее они трансформируются в нормативные документы и политические решения. Задачи демографического развития РФ, утвержденные в Постановлении Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» [6], прочитываются в системе нормативных документов, определяющих национальные, политические цели РФ. Так, Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [16] фиксирует целевые показатели, в том числе «обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации». Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [15] в качестве стратегических национальных приоритетов закрепляет несколько задач, в том числе «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и «информационную безопасность».

Достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала планируется обеспечивать путем «повышения рождаемости, формирования мотивации к многодетности». Для достижения политических целей необходима управляемая система, то есть граждане РФ должны разделять политические установки на детную, многодетную семью. Возникает вопрос: разработано множество политических технологий манипуляции общественным мнением в сфере электорального поведения, но возможно ли управление репродуктивным поведением граждан, повлияют ли политический дискурс, политическая

коммуникация на увеличение количества детей в семье?

О. Исупова [4] прослеживает этапы формирования представлений о сущности семейно-демографической политики, отмечая, что демографическая политика как набор процедур, специально созданных для того, чтобы влиять на рост и движение населения прямо и косвенно, в соответствии с заранее определенными целями, себя не оправдала, так как влиять на рождаемость без изменения качества жизни семей не эффективно, поэтому было введено понятие «семейная политика», целью которой является улучшение качества жизни семей. Одной из самых влиятельных концепцией, объясняющих зависимость социальной и семейной политики от трудовых отношений, политики занятости, а также финансового сектора, является подход Г. Эспин-Андерсена. Он пишет: «Возможно, семья претерпит революционные изменения, а государство всеобщего благополучия или система индустриальных отношений в то же время останутся поразительно стабильными» [20, с. 262], что ставит под сомнение идею управления в сфере семейно-демографической политики. Тем не менее практики осуществления управленческих решений, направленных на регулирование численности и структуры населения и исследования эффективности политических мер, ориентированных на регуляцию семейно-демографических процессов, являются актуальными и в зарубежных странах на протяжении длительного времени: Т. Баттнер, В. Лутц [23], Дж.М. Хоэм [24], П.Л. Тан, С.П. Морган, Э. Загхени [26], Г. Богнар [22], Ж. Бергсвик, А. Фауске [21] и др. Некоторые исследователи отмечают, что жесткую систему регуляции рождаемости в Китае можно было не вводить, рождаемость бы уменьшилась в соответствии с общемировыми тенденциями, а отказавшись от политики «одна семья – один ребенок», власть оказывается перед трудноразрешимой задачей повышения количества рождений. Ф. Сюй, исследуя семейно-демографическую политику РФ, делает вывод, что российская внешняя и внутренняя политика будет «способствовать эффективному обмену и дружескому развитию между правительствами и народами России и КНР [14, с. 30]. Ю. Хабермас [19] делая ак-

цент на коммуникативных действиях и соответствующих элементах политики (ценностях, нормах, обучающих действиях), теоретически обосновывает, что, обучая индивида действовать определенным образом, формируя основы социального и политического порядка, власть будет вынуждена работать с последствиями принятых управленческих решений.

Власть использует институциональные механизмы (нормативные документы, инфраструктуру и т. д.) и массовые коммуникации для достижения поставленных целей социальной и семейно-демографической политики. Таким образом, опираясь на классические и современные теории, исследователи доказывают тезис о том, что коммуникация является не только составной частью политической практики, но и базовым инструментом управления [2; 3; 7; 10; 17].

Т.В. Прокопенко, опираясь на постулат А. Грамши (достижение стратегических целей в изменении общественного строя возможно, если действовать не прямо, изменяя базис общества, а через воздействие с помощью интеллигенции на надстройку), соотносит теории коммуникации и теории информационного управления и делает вывод: изменить человеческое сознание гораздо проще, чем совершить в обществе революционные изменения [7]. Нельзя с этим согласиться, конечно, цифровая революция обеспечила доступность информации большому количеству людей, но в основу политической коммуникации по вопросам семейно-демографической политики заложены ценности первого порядка – материальное благополучие и безопасность, рисковать которыми и принимать положительное решение о рождении еще одного ребенка гражданам не просто. Только в стабильной системе можно осуществлять перемены в социальной сфере, улучшая качество жизни российских семей, детей и молодежи, позволяя им чувствовать уверенность в завтрашнем дне и развивая условия реализации демографического и экономического потенциала населения в интересах России [8].

В этой связи интересно сместить исследовательский фокус на сам контент, изучая конечный продукт: насколько объективно отражена семейно-демографическая политика в СМИ, какая из трех целей коммуникации (ин-

формирование, диалог или манипуляция) является базовой? Необходимо ответить на вопрос: освещают ли региональные СМИ проблемы демографии, вопросы реализации демографической политики? Какова частота упоминания исследуемых категорий, отнесенных к смысловому полю семейно-демографической политики? Контент-анализ позволит выявить скрытый смысл новостного дискурса [11], определить используются ли технологии манипуляции общественным мнением посредством выявления настойчивого повторения характерных словосочетаний.

М.В. Ильин и И.В. Фомин отмечают, что техника контент-анализа оказывается эффективной: «Через призму семиотики становится возможным изучение репертуара осмысленных политических действий (семантика), закономерностей построения связей между ними (синтактика), а также исследование их аксиологических, телеологических и психологических аспектов (прагматика). <...> С точки зрения семиотики исследуемые объекты рассматриваются не как полностью уникальные явления, а как воплощение некоторых абстрактных общих закономерностей» [18, с. 26].

Поэтому на первом этапе исследования были выделены смысловые категории и их индикаторы: категория «семья» (семья, многодетная семья, молодая семья, студенческая семья, малоимущая семья, неполная семья, родитель(-и), мама-мать, папа-отец, дети-ребенок, бабушка-дедушка, брак, развод-расторжение брака, чайлдфри), «показатели благополучия семьи» (семейные традиции, радость, счастье, любовь, взаимопонимание, благополучие), меры поддержки семьи (ипотека, детский сад, пособие по беременности, декретные выплаты, материнский капитал, пособия (выплаты на ребенка), семейно-демографическая политика (национальный проект «Демография», программа Молодая семья), безопасность, государственная поддержка, Путин, награждения семей, воспитание, школа), проблемы семьи (неблагополучие, насилие в семье, нуждаемость в жилье, очередь на землю (жилье), материальные трудности).

Квантификация текста производилась в QDA Miner с помощью функции «Text Retrieval», которая позволяет искать не только единичные слова, но связанные словосочетания и

привязывать единицы счета к соответствующим кодам и категориям. Например, в кодировочном паспорте «аборт» расшифровывался как прерывание беременности, использовались следующие символы – прерыв* and берем*, аборт* и т. д. К одному абзацу текста привязывались несколько кодов, что позволяет устанавливать смысловые корреляции, например, «ипотека» – речь в одной статье могла идти о льготной ипотеке, программе Молодая семья, молодой семье, жилище, проблемах при получении льготной ипотеки и т. д.

Категория «проблемы семьи» достаточно сложная для анализа, статьи о случаях, подлежащих уголовному или административному преследованию, не были включены в выборку (то есть на темы «мать бросила детей на сутки», «муж зарезал жену» и т. д.). Но при кодировании были выявлены случаи, когда статья частично посвящена проблемам семьи, обсуждается бюджет семьи, очереди на землю многодетных семей, трудности в получении ипотеки и т. д. Активно в СМИ обсуждаются меры социальной поддержки семей, а также связанные с ней явления, события и факторы – школьное образование детей, питание в школах, проблемы здравоохранения.

По итогам контент-анализа можно сделать следующие выводы. Семейно-демографическая политика РФ освещается в СМИ недостаточно интенсивно – лишь 8,7 % статей посвящены исследуемым вопросам. На основе 100 % публикаций, вошедших в выборку, сделан простой подсчет содержащихся в текстах единиц анализа, показавший, что наибольшая частота упоминаний в тексте приходится на следующие ключевые понятия – семья, школа, родители, дети (синонимы и разные формы слов сгруппированы). В таблице представлены доли частоты использования слов, входящих в категории «Семья» и «Семейно-демографическая политика», в региональном разрезе. Включенность в коммуникативное пространство всех выделенных для анализа слов самая высокая в Ставропольском крае, Москве и Республике Татарстан. Наименее обсуждаемые темы в большей части регионов – студенческая семья, молодая семья, расторжение брака, нематериальное стимулирование деторождения (награждение

Частота единиц счета, входящих в категории «Семья» и «Семейно-демографическая политика», %

Frequency of count units included in the categories “Family” and “Family and demographic policy”, %

	SVRD	NNVG	TAT	STVR	MSCW	VLGR	BASH	IVAN	VLG
Семья	20,4	35,0	15,0	25,7	17,4	15,4	18,0	23,6	26,7
Многодетная семья	3,6	4,7	5,1	5,3	3,4	4,4	4,7	3,1	8,5
Молодая семья	–	–	2,3	1,9	0,2	–	0,2	–	–
Студенческая семья	0,1	–	–	0,1	–	0,1	–	0,8	–
Малоимущая семья	0,6	1,6	0,5	1,5	0,4	1,0	1,2	–	1,2
Неполная семья	0,9	0,3	–	1,0	0,4	0,1	0,2	0,4	–
Родитель(-и)	13,6	12,9	18,7	8,2	14,3	17,6	18,0	14,0	13,3
Мать-Мама	13,6	9,8	6,5	10,4	8,7	16,4	13,0	4,7	3,6
Отец-Папа	4,4	6,9	0,9	2,5	4,9	4,7	7,6	0,8	1,2
Дети-Ребенок	11,1	9,8	13,6	7,5	19,7	17,1	20,1	14,7	13,9
Дедушка-Бабушка	4,6	3,8	1,9	4,1	2,5	2,5	1,2	0,4	1,8
Брак	0,6	0,6	6,1	6,4	2,6	0,8	1,2	–	1,2
Развод-Расторжение брака	–	–	0,9	0,5	0,2	0,2	–	–	–
Нацпроект Демография	0,5	1,6	1,4	1,7	1,2	1,6	0,7	0,8	1,2
Награждение семей	–	–	1,4	0,1	0,1	–	–	–	1,2
Молодая семья – программа	–	–	1,9	1,2	–	0,3	0,5	–	–
Безопасность	0,1	–	4,2	0,2	0,1	–	–	–	0,6
Государственная поддержка	1,2	0,9	0,9	3,1	2,6	1,5	2,1	3,1	2,4
Путин	5,9	0,6	2,8	2,8	6,7	0,6	0,2	1,9	1,2
Воспитание	1,6	1,9	1,9	1,2	1,4	2,5	2,1	1,2	4,8
Школа	17,1	9,5	14,0	14,4	13,2	13,1	8,8	30,6	17,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

семей) и безопасность. Наибольшее количество цитирований Президента РФ по вопросам семейно-демографической политики представлено в Москве и Свердловской области. Выявлено, что в ряде регионов некоторые вопросы обсуждаются активнее, например, в Ивановской области обсуждаются проблемы школы, в Республике Башкортостан – детей и родителей, в Москве – детей. Национальный проект «Демография» освещается во всех регионах односторонне, в основном СМИ привлекаются властью для отчета о выполнении показателя «Количество дополнительно созданных мест с целью обеспечения дошкольным образованием детей в возрасте до 3 лет нарастающим итогом».

На рисунке 1 представлена карта связанности единиц счета по категориям «семья», «меры поддержки семьи» и «семейно-демографическая политика», которая наглядно показывает разорванность контента о практиках семейного взаимодействия и мерах государственной поддержки семей в рамках семейно-демографической политики.

Наиболее близкая связь фиксируется между понятиями «многодетная семья» и «го-

сударственная поддержка», «пособия (выплаты) на ребенка». Конечно, нельзя не принять во внимание, что исследование прошло во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, именно этим фактом можно объяснить повышенное внимание СМИ к вопросам школьного образования, дистанционным формам обучения. Однако 50 % публикаций, касающихся вопросов школьного образования пришлось на обсуждение организации в школах питания.

На рисунке 2 представлена частота встречаемости единиц счета, слов, употребляемых в статьях о российских семьях. Можно утверждать, что исследуемые СМИ избегают оценочных суждений. Доля статей, позитивно характеризующих семьи очень мала – слово «счастье» встречается 199 раз, «радость» – 77 раз, взаимопонимание – 10 раз по всему массиву информации. В то же время нельзя утверждать, что негативные случаи семейного неблагополучия не освещаются. Мы целенаправленно не включали в выборку статьи о криминальных случаях семейного насилия, оставлении детей без присмотра и т. д.

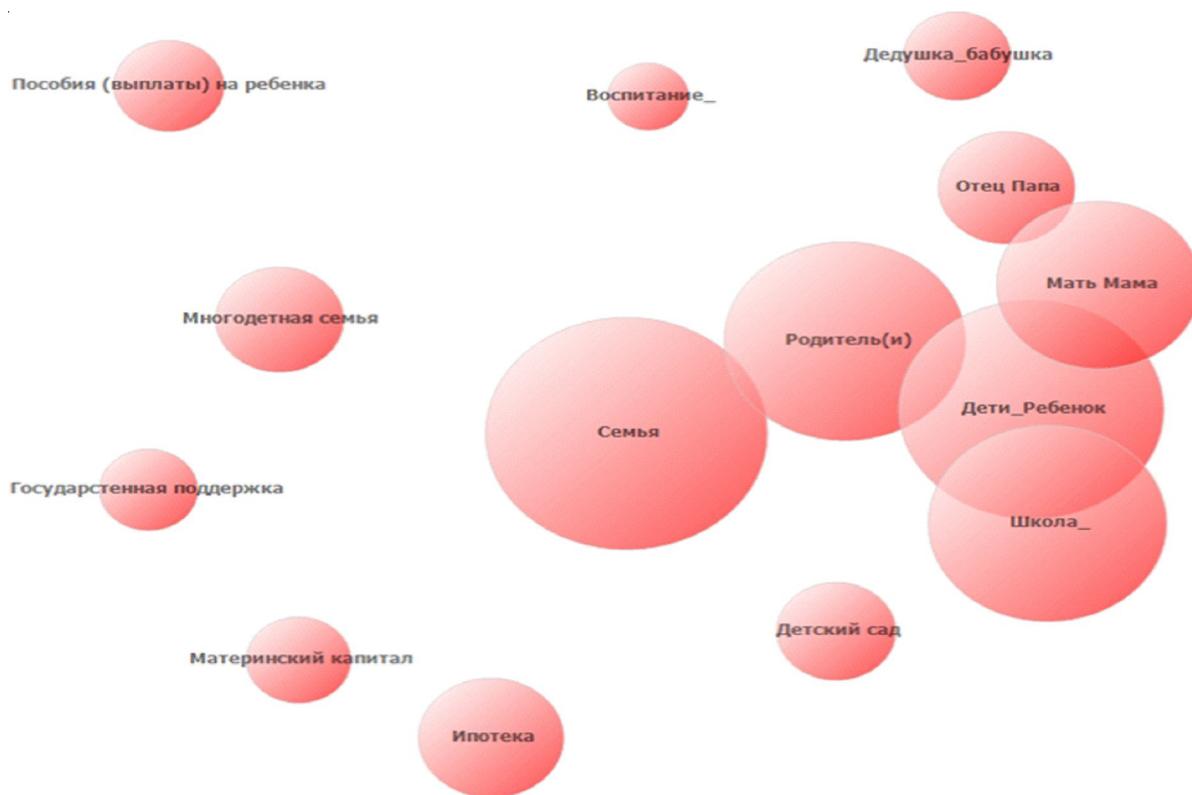

Рис. 1. Карта связанности единиц счета по категориям «Семья», «Меры поддержки семьи» и «Семейно-демографическая политика»

Fig. 1. Map of count units dependence in the categories “Family”, “Family support measures” and “Family and demographic policy”

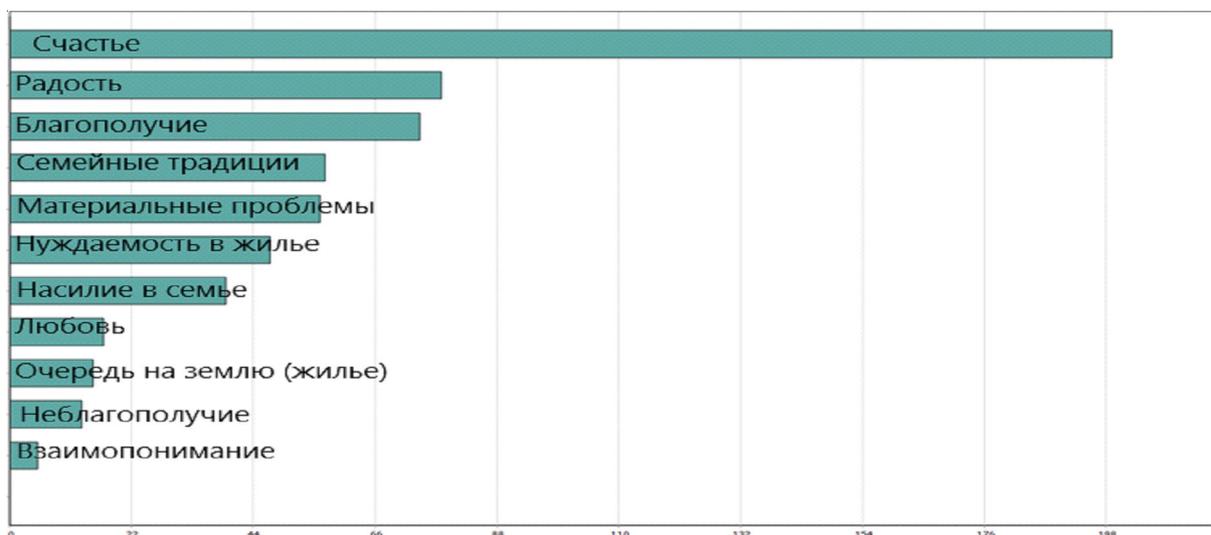

Рис. 2. Частота встречаемости единиц счета по категориям «Показатели благополучия семьи» и «Проблемы семьи»

Fig. 2. Frequency of occurrence of count units in the categories “Family well-being indicators” and “Family issues”

Доля таких публикаций традиционно велика, так как привлекает внимание читателей. Единица счета «насилие в семье» употреблялась в исследуемых случаях как обсуждение целесообразности декриминализации домашнего насилия. Можно констатировать, что в открытых для чтения версиях СМИ данные вопросы серьезно не обсуждаются.

Результаты. Анализ не дает оснований утверждать, что исследуемые СМИ формируют общественное мнение и способны на данном этапе содействовать увеличению рождаемости в регионах РФ. Политическое управление в отношении повышения мотивации к деторождению и многодетности сегодня через данные СМИ не реализуются. В поле коммуникации остаются вопросы об ипотеке, которые лежат на пересечении политических целей по реализации семейно-демографической политики и по поддержке строительной отрасли. В целом тексты не выстраиваются в диалог – отдельно поднимаются проблемы, например, о молодых семьях, которые не могут воспользоваться ипотекой (недостаточно финансовых средств, нет документов о нуждаемости в улучшении жилищных условий, в случаях, если молодые семьи претендуют на социальную выплату на приобретение жилья, сохранившуюся в некоторых регионах, и т. д.) без дальнейшего обсуждения вариантов их решения, отдельно публикуются новости о льготных программах ипотечного кредитования.

Наибольшая доля материалов в СМИ обращена к проблемам школьного образования, питания в школах, трудностям многодетных семей собрать ребенка к школе. Цитирования выступлений Президента РФ о семейных ценностях, традиционных ценностях, благополучной семье не стимулируют дальнейшего обсуждения данных вопросов. Однозначно позитивные новости, например, опыт благополучной многодетной семьи, награждение семей, рождение детей и др. практически не поднимаются. Выявлено, что в СМИ не обсуждаются идеи чайлдфри, что могло бы, с одной стороны, привлечь аудиторию и повысить спрос на издание, а с другой – стимулировать рост интереса к теме и расширение числа сторонников данных течений.

По итогам контент-анализа можно сделать следующие выводы. Семейно-демогра-

фическая политика РФ освещается в СМИ недостаточно интенсивно, целью публикации материалов в исследуемых СМИ является информирование о семейно-демографической политике, что не позволяет использовать в управлении социально-демографической политикой РФ потенциал СМИ в полной мере. Издания предоставляют коммуникативную площадку, освещая нормативные документы и послания Президента РФ, но далее диалога власти и общества не происходит. Не используются манипулятивные технологии – приемы убеждения, реклама семейных ценностей, тиражирование счастливых семейных историй и историй деторождения и т. д. Контекст публикаций – новости социально-демографической политики и интересные факты о семье, если есть инфоповод (инфоповодом становится и рождение сразу более двух детей).

В целом роль исследуемых изданий в освещении демографических вопросов мала, что может быть оценено и позитивно. Как отмечает И.С. Семененко: «Очевидно, что развитие не может быть устойчивым, если оно не носит ответственного характера – и в принятии, и в реализации решений, и в предвидении их последствий» [10], то есть манипуляции общественным мнением опасны для власти последствиями, так как уровень доверия населения к власти, а следовательно и управляемость, снижаются при несовпадении реальности и ожиданий. Например, увеличение количества многодетных семей под влиянием информации о связи роста благополучия семьи с ростом количества детей без эффективного государственного механизма поддержки семьи может привести к существенному снижению доходов на одного члена семьи и социальной депривации. Постановка вопроса об ответственном предоставлении информации в СМИ выводит на необходимость поиска новых парадигм освещения семейно-демографической политики, способствующих формированию диалога власти и общества, так как СМИ способны выступать реальной площадкой коммуникации, заявляя и о проблемах современной российской семьи, и об успешных практиках решения данных проблем (самостоятельно, при поддержке общественных организаций и/или власти). Манипулятивные технологии использовать не безопасно,

если властью не выработаны модели перераспределения доходов и растет социальное неравенство.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation project no. 20-18-00256 «Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володенков, С. В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления / С. В. Володенков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2017. – № 3. – С. 57–69.
2. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития : монография / М. Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
3. Гудошникова, О. Е. «Новые медиа» и СМИ как актуальные политические технологии в инфокоммуникационном пространстве / О. Е. Гудошникова // Youth World Politic. – 2015. – № 4. – С. 43–53.
4. Исупова, О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики / О. Г. Исупова // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 51–83.
5. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
6. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71480894/> (дата обращения: 01.08.2021). – Загл. с экрана.
7. Прокопенко, Т. В. Информационно-коммуникативная среда и политический процесс / Т. В. Прокопенко // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. – 2020. – № 7. – С. 78–86.
8. Ростовская, Т. К. Формирование социальной безопасности молодежи в контексте развития человеческого капитала / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 21. – С. 104–109.
9. Ростовская, Т. К. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, О. А. Золотарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 805–824.
10. Семененко, И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>.
11. Семенова, Т. И. Управление знанием в новом дискурсе: социокогнитивный взгляд / Т. И. Семенова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 122–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.11>.
12. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» // Официальный сайт Президента РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 01.08.2021). – Загл. с экрана.
13. Соловьев, А. И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127–146.
14. Сьюй, Ф. Векторы современной демографической политики / Ф. Сьюй // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 2 (2). – С. 23–32.
15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 07.10.2021). – Загл. с экрана.
16. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 01.08.2021). – Загл. с экрана.
17. Фирсова, Ю. А. Историография проблем «государства всеобщего благосостояния» и «европейской социальной модели» / Ю. А. Фирсова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 94–100.
18. Фомин, И. В. Зачем семиотика политологам? / И. В. Фомин, М. В. Ильин // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 12–29.
19. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Academia, 1995. – 252 с.
20. Эспинг-Андерсен, Г. Два общества, одна социология и никакой теории / Г. Эспинг-Андерсен // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 6, № 2. – С. 241–266.
21. Bergsvik, J. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental

Literature / J. Bergsvik, A. Fauske, R. K. Hart // *Population and Development Review*. – 2021. – № 47 (4). – P. 913–964. – DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12431>.

22. Bognar, G. Overpopulation and Procreative Liberty / G. Bognar // *Ethics, Policy & Environment*. – 2019. – № 22 (3). – P. 319–330. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21550085.2019.1652232>.

23. Buttner, T. Estimating Fertility Responses to Policy Measures in the German Democratic Republic / T. Buttner, W. Lutz // *Population & Development Review*. – 1990. – № 16 (3). – P. 539–555. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1972835>.

24. Hoem, J. M. Overview Chapter 8: The Impact of Public Policies on European Fertility / J. M. Hoem // *Demographic Research*. – 2008. – № 19 (10). – P. 249–260. – DOI: <https://doi.org/0.4054/DemRes.2008.19.10>.

25. Pearce, K. J. Dependency Theory / K. J. Pearce // *Encyclopedia of Communication Theory* / ed. by Stephen W. Littlejohn, Karen A. Foss. – 2009. – P. 979–980. – Electronic text data. – Mode of access: <https://teddykw2.files.wordpress.com/2013/10/encyclopedia-of-communication-theory.pdf> (date of access: 21.12.2021). – Title from screen.

26. Tan, P. L. Case for “Reverse One-Child” Policies in Japan and South Korea? Examining the Link Between Education Costs and Lowest-Low Fertility / P. L. Tan, S. P. Morgan, E. A. Zagheni // *Population Research and Policy Review*. – 2016. – № 35 (3). – P. 327–350. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-016-9390-4>.

REFERENCES

1. Volodenkov S.V. Tekhnologii manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem v internet-prostranstve kak instrument politicheskogo upravleniya [Technology Manipulation of Public Consciousness in the Internet Space As a Tool of Political Control]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2017, no. 3, pp. 57-69.

2. Grachev M.N. *Politicheskaya kommunikaciya: teoreticheskie koncepcii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Vectors of Development]. Moscow, Prometej Publ., 2004. 328 p.

3. Gudoshnikova O. «Novye media» i SMI kak aktual'nye politicheskie tekhnologii v infokommunikacionnom prostranstve [“New Media” and Media As Urgent Political Technologies in Info-Communicative Space]. *Youth World Politic*, 2015, no. 4, pp. 43-53.

4. Isupova O. Demograficheskaya i semejnaya politika v raznyh stranah: konceptual'nye podhody i praktiki [Population and Family Policy in Different Countries: Conceptual Approaches and Practices].

Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 51-83.

5. Lasswell G. Yazyk vlasti [Language of Politics]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2006, iss. 20, pp. 264-279.

6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2016 № 1532 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki”» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1532 Dated December 29, 2016 “On Approval of the State Program of the Russian Federation ‘Implementation of the State National Policy’”]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71480894> (accessed 1 August 2021).

7. Prokopenko T. Informacionno-kommunikativnaya sreda i politicheskij process [The Information and Communicative Environment and Political Process]. *Obozrevatel' – Observer*, 2020, no. 7, pp. 78-86.

8. Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Formirovanie social'noj bezopasnosti molodezhi v kontekste razvitiya chelovecheskogo kapitala [Formation of Social Security of the Youth in the Context of Human Capital Development]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2017, vol. 21, pp. 104-109.

9. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Ocenka social'nogo blagopoluchiya semej v rossijskih regionah: sociologicheskij analiz [Assessment of the Social Well-Being of Families in Russian Regions: A Sociological Analysis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2021, vol. 21, no. 4, pp. 805-824.

10. Semenenko I.S. Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no. 3, pp. 7-26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>.

11. Semenova T.I. Upravlenie znanijem v novostnom diskurse: sociokognitivnyj vzglyad [Knowledge Management in News Discourse: A Socio-Cognitive View]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 122-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.11>.

12. Sessiya onlajn-foruma «Davoskaya povestka dnya 2021» [Online Forum Session. “The Davos 2021”]. *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta RF* [Official Website of the President of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed 1 August 2021).

13. Solovyov A.I. Gosudarstvennye resheniya: konceptual'nyj prostor i tupiki teoretizacii [Government Decisions: The Conceptual Space and Dead Ends of

Theorization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2015, no. 3, pp. 127-146.

14. Xu F. Vektory sovremennoj demograficheskoy politiki [Vectors of Modern Russian Demographic Policy]. *Mir russkogovoryashchih stran* [World of Russian-Speaking Countries], 2019, no. 2 (2), pp. 23-32.

15. *Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 Dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 7 October 2021).

16. *Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 474 Dated July 21, 2020 "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed 1 August 2021).

17. Firsova Y.A. Istoriografiya problem «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya» i «evropejskoj social'noj modeli» [The Historiography of "Welfare State" and "European Social Model"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2014, no. 3 (29), pp. 94-100.

18. Fomin I., Ilyin M. Zachem semiotika politologam? [What Can Semiotics Contribute to Political Science?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 3, pp. 12-29.

19. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Morality, Society and Ethics]. Moscow, Academia Publ., 1995. 252 p.

20. Esping-Andersen G. Dva obshchestva, odna sotsiologiya i nikakoy teorii [Two Societies, One Sociology and No Theory]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2010, vol. 6, no. 2, pp. 241-266.

21. Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature. *Population and Development Review*, 2021, no. 47 (4), pp. 913-964. DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12431>.

22. Bognar G. Overpopulation and Procreative Liberty. *Ethics, Policy & Environment*, 2019, no. 22 (3), pp. 319-330. DOI: <https://doi.org/10.1080/21550085.2019.1652232>.

23. Buttner T., Lutz W. Estimating Fertility Responses to Policy Measures in the German Democratic Republic. *Population & Development Review*, 1990, no. 16 (3), pp. 539-555. DOI: <https://doi.org/10.2307/1972835>.

24. Hoem J.M. Overview Chapter 8: The Impact of Public Policies on European Fertility. *Demographic Research*, 2008, no. 19 (10), pp. 249-260. DOI: <https://doi.org/0.4054/DemRes.2008.19.10>.

25. Pearce K.J. Dependency Theory. *Encyclopedia of Communication Theory*, 2009, pp. 979-980. URL: <https://teddykw2.files.wordpress.com/2013/10/encyclopedia-of-communication-theory.pdf> (accessed 21 December 2021).

26. Tan P.L., Morgan S.P., Zagheni E.A. Case for "Reverse One-Child" Policies in Japan and South Korea? Examining the Link Between Education Costs and Lowest-Low Fertility. *Population Research and Policy Review*, 2016, no. 35 (3), pp. 327-350. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-016-9390-4>.

Information About the Authors

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Информация об авторах

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
 - ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
 - содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
 - бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.
-
-

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 2513 руб. 13 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 2513.13 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

